

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА



Анн и Серж
ГОЛОН



АНЖЕЛИКА В ЛЮБВИ

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

2



БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА



АНН И СЕРЖ
ГОЛОН

АНЖЕЛИКА В ЛЮБВИ

И (Фр)
Г-61

«ANGÉLIQUE ET SON AMOUR»

Составитель А. Саяпин
Художественное оформление А. Лоевский

Голон А. и С.

Г-61 «Анжелика в любви» / Перевод с французского. Составитель А. Саяпин. — Таллинн «Библиотека «Лооминг», 1990 — 288 с.: ил. / «Библиотека зарубежного криминалистического и приключенческого романа.» Выпуск 2 /.

Во втором выпуске серии «Библиотека зарубежного крим. и прикл. романа» Вашему вниманию, уважаемые читатели, предлагается один из наиболее увлекательных романов Анн и Серж Голон «Анжелика в любви», являющийся продолжением серии «Анжелика».

В нем Вы вместе с Анжеликой отправитесь в опасное плавание на пиратском корабле «Голдсборо», капитаном которого является гроза морей Рескатор.

Под воздействием чар Анжелики Рескатор все же снимает черную маску, с которой он не расставался даже во сне, и перед пораженной Анжеликой предстает...

Данный роман в переводе на русский язык предлагается вниманию читателей впервые.

ИБ 2239

Г 4703010100—046
M125(03)—90 без объявл.

ISBN 5-7979-0412-8

ISBN 5-7979-0415-2

© Перевод на русский язык «Библиотека «Лооминг» 1990

ПУТЕШЕСТВИЕ



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

АНЖЕЛИКА У ЛОЖА РАНЕНОГО БЕРНА

Подобно всем кораблям, занимавшимся перевозом грузов, «Голдсборо» не был приспособлен для перевозки пассажиров. Помещение под полубаком, предназначенное для экипажа, было достаточно просторным, но не больше. Поэтому эмигрантов разместили на нижней палубе прямо на закамуфлированной батарее.

Спустившись по небольшой лестнице, Анжелика вновь обрела своих друзей, разместившихся среди орудий. На палубе было еще светло, но внизу только розоватые блики из открытого бортового люка чуть рассеивали сгустившуюся тьму.

Дети и друзья Анжелики в горячем порыве окружили ее, едва она вошла.

— Госпожа Анжелика! Вас уже считали погибшей... утонувшей...

И тут же посыпались жалобы.

— Мы тут ничего не видим... Нас держат под замком, как пленников... Дети хотят спать и пить...

В полутьме Анжелика узнавала их только по голосам. Абигель перекрыла всех.

— Мэтр Берн требует ухода. Он опасно ранен.

— А где же он? — спросила Анжелика, упрекая себя за невнимательность.

Ее проводили к месту под открытым люком, где лежал раненый.

— Мы думали, что свежий воздух ему поможет, но он не приходит в себя.

Анжелика опустилась на колени перед пострадавшим. С трудом

она смогла рассмотреть его черты, и ее поразили его бледность и застывшее выражение страдания, сохранившееся даже в бессознательности. Он медленно и тяжело дышал.

«Его ранили, когда он защищал меня», — подумала она.

Нельзя было без волнения смотреть на него, богатейшего купца Ла-Рошели, лишенного сил, с обнаженной крепкой и мощной, заросшей, как у простого грузчика, грудью. Страдания уравнивают всех людей.

Товарищи Берна в силу своих возможностей помогли ему, разрезав черный, пропитанный кровью редингот, и сделав из рубашки повязки на раны.

Анжелика с трудом узнала его в таком необычном виде. Разница между мирным необычным негоциантом-гугенотом, сидящим за письменным столом над торговыми книгами в прекрасно обставленном магазине, и тем же человеком, но обнаженным и беспомощным, потрясла ее. К удивлению, у нее промелькнула шальная мысль, совсем уж неуместная в этой обстановке: «А ведь он мог бы быть моим любовником...»

Вдруг ей показалось, что он очень близкий и дорогой, и с возрастающей тревогой она нежно коснулась его рукой.

— После того как его принесли сюда, он разговаривал или хотя бы шевелился?

— Нет. Но его раны не показались нам опасными. Удар палаша задел плечо и грудь справа. Кровотечение было небольшим.

— Необходимо что-нибудь предпринять.

— Но что? — снова раздался пронзительный голос доктора Альбера Парри. — У меня нет ни слабительного, ни клизмы, ни аптекаря поблизости, чтобы послать к нему за травами.

— Вы могли бы, по крайней мере, прихватить с собой перевязочную сумку, мэтр Парри, — сказала Абигель с необычной для нее горячностью. — Неужели это трудно было сделать?

— Как... как вы можете обвинять меня в том, что я бросил инструменты, когда без объяснений меня извлекли из постели и притащили на этот корабль чуть ли не в одной рубашке и ночном колпаке, не дав даже толком глаза продрать. И вообще, в случае с Берном я немногого стою. Я же не хирург.

Лорье с умоляющим жестом припал к Анжелике.

— Неужели мой кузен должен умереть?

Со всех сторон к нему прикасались чьи-то руки, может быть Онорины или Северины, или Мартыля, или других матерей, тревожащихся об их будущем.

Лейтмотивом этой сцены был голос мадам Каррер, непрерывно повторяющий:

— Дети хотят пить!

К счастью, они не были очень голодны, так как булочник великодушно раздал свои припасы: хлеб и бриоши, которые он, в отличие от доктора, хладнокровно доставил на корабль, так что его бегство не заставило его краснеть.

— Если эти разбойники не принесут нам свет, я вышибу дверь,— вдруг завопил Маниголь из темноты. Словно в ответ на этот громовой вопрос в дверях появились матросы, освещенные светом трех больших фонарей, которые они повесили по углам и в центре батареи. Затем они вернулись к порогу и втащили большой чан, испускавший аппетитный запах, и ведро с молоком.

Это были два мальтища, которые уже однажды сопровождали Анжелику. Несмотря на их довольно дикий вид из-за смуглых лиц и горящих глаз, она поняла, что они хорошие люди... если только можно отнести членов пиратского экипажа к такой категории. Приглашающим жестом они показали на чан.

— А как нам прикажете есть? — возмущенно вскричала мадам Маниголь. — Или вы думаете, что мы будем лакать это, как свиньи из одного корыта? У нас нет ни единой тарелки.

Вспомнив о своем фаянсе, разбитом в песчаных дюнах, она истерически зарыдала.

— Ах, все это неважно, — сказала мадам Каррер, добрейшей души женщина, — как-нибудь обойдемся.

Но и сама она была в затруднительном положении, так как могла предложить только одну чашку, чудом попавшую в ее тощий узел.

Анжелика, со своей стороны, объяснила матросам создавшуюся ситуацию, используя запомнившиеся остатки средиземноморского жаргона. Они в замешательстве почесывали в затылках. Дело в том, что вопрос о мисках и вообще о посуде был для экипажа неразрешимой проблемой. Но все же, уходя, матросы пообещали уладить это дело. Сгрудившись вокруг чана, пассажиры пространно обсуждали его содержимое.

— Рагу из овощей...

— Во всяком случае еда свежая.

— Здесь незаметно ни сухарей, ни солонины — обычный стол морской еды.

— Все это они, конечно, награбили на берегу. Я слышал, как хрюкают свиньи и блеют козы в трюме под нами.

— Нет, они у нас их купили и заплатили звонкой монетой. С ними можно иметь дело.

— А кто это говорит? — спросил Маниголь, когда последние слова дошли до его слуха.

На свет выступили незнакомые фигуры: два длинноволосых, худых крестьянина и их жены, за которых цеплялось с поддюжины оборванных отпрысков.

— Но откуда вы здесь взялись?

— Мы гугеноты из деревушки Сен-Морис.

— И что вы тут делаете?

— Добрый господин, когда все побежали к берегу, и мы побежали. Все сажались на корабль, и мы тоже. Думаете, нам хотелось попасть в лапы королевских драгун? Они бы нас выдали за вас. Особенно за то, что мы торговали с пиратами.

она смогла рассмотреть его черты, и ее поразили его бледность и застывшее выражение страдания, сохранившееся даже в бессознательности. Он медленно и тяжело дышал.

«Его ранили, когда он защищал меня», — подумала она.

Нельзя было без волнения смотреть на него, богатейшего купца Ла-Рошели, лишенного сил, с обнаженной крепкой и мощной, заросшей, как у простого грузчика, грудью. Страдания уравнивают всех людей.

Товарищи Берна в силу своих возможностей помогли ему, разрезав черный, пропитанный кровью редингот, и сделав из рубашки повязки на раны.

Анжелика с трудом узнала его в таком необычном виде. Разница между мирным необычным негоциантом-гугенотом, сидящим за письменным столом над торговыми книгами в прекрасно обставленном магазине, и тем же человеком, но обнаженным и беспомощным, потрясла ее. К удивлению, у нее промелькнула шальная мысль, совсем уж неуместная в этой обстановке: «А ведь он мог бы быть моим любовником...»

Вдруг ей показалось, что он очень близкий и дорогой, и с возрастающей тревогой она нежно коснулась его рукой.

— После того как его принесли сюда, он разговаривал или хотя бы шевелился?

— Нет. Но его раны не показались нам опасными. Удар палаша задел плечо и грудь справа. Кровотечение было небольшим.

— Необходимо что-нибудь предпринять.

— Но что? — снова раздался пронзительный голос доктора Альбера Парри. — У меня нет ни слабительного, ни клизмы, ни аптекаря поблизости, чтобы послать к нему за травами.

— Вы могли бы, по крайней мере, прихватить с собой перевязочную сумку, мэтр Парри, — сказала Абигель с необычной для нее горячностью. — Неужели это трудно было сделать?

— Как... как вы можете обвинять меня в том, что я бросил инструменты, когда без объяснений меня извлекли из постели и притащили на этот корабль чуть ли не в одной рубашке и ночном колпаке, не дав даже толком глаза продрать. И вообще, в случае с Берном я немного стою. Я же не хирург.

Лорье с умоляющим жестом припал к Анжелике.

— Неужели мой кузен должен умереть?

Со всех сторон к нему прикасались чьи-то руки, может быть Онорины или Северины, или Мартьяля, или других матерей, тревожащихся об их будущем.

Лейтмотивом этой сцены был голос мадам Каррер, непрерывно повторяющий:

— Дети хотят пить!

К счастью, они не были очень голодны, так как булочник великодушно раздал свои припасы: хлеб и бриоши, которые он, в отличие от доктора, хладнокровно доставил на корабль, так что его бегство не заставило его краснеть.

— Если эти разбойники не принесут нам свет, я вышибу дверь, — вдруг завопил Маниголь из темноты. Словно в ответ на этот громовой вопрос в дверях появились матросы, освещенные светом трех больших фонарей, которые они повесили по углам и в центре батареи. Затем они вернулись к порогу и втащили большой чан, испускавший аппетитный запах, и ведро с молоком.

Это были два мальтийца, которые уже однажды сопровождали Анжелику. Несмотря на их довольно дикий вид из-за смуглых лиц и горящих глаз, она поняла, что они добрые люди... если только можно отнести членов пиратского экипажа к такой категории. Приглашающим жестом они показали на чан.

— А как нам прикажете есть? — возмущенно вскричала мадам Маниголь. — Или вы думаете, что мы будем лакать это, как свиньи из одного корыта? У нас нет ни единой тарелки.

Вспомнив о своем фаянсе, разбитом в песчаных дюнах, она истерически зарыдала.

— Ах, все это неважно, — сказала мадам Каррер, добрейшей души женщина, — как-нибудь обойдемся.

Но и сама она была в затруднительном положении, так как могла предложить только одну чашку, чудом попавшую в ее тощий узел.

Анжелика, со своей стороны, объяснила матросам создавшуюся ситуацию, используя запомнившиеся остатки средиземноморского жаргона. Они в замешательстве почесывали в затылках. Дело в том, что вопрос о мисках и вообще о посуде был для экипажа неразрешимой проблемой. Но все же, уходя, матросы пообещали уладить это дело. Сгрудившись вокруг чана, пассажиры пространно обсуждали его содержимое.

— Рагу из овощей...

— Во всяком случае еда свежая.

— Здесь незаметно ни сухарей, ни солонины — обычный стол морской еды.

— Все это они, конечно, награбили на берегу. Я слышал, как хрюкают свиньи и блеют козы в трюме под нами.

— Нет, они у нас их купили и заплатили звонкой монетой. С ними можно иметь дело.

— А кто это говорит? — спросил Маниголь, когда последние слова дошли до его слуха.

На свет выступили незнакомые фигуры: два длинноволосых, худых крестьянина и их жены, за которых цеплялось с полдюжины оборванных отпрысков.

— Но откуда вы здесь взялись?

— Мы гугеноты из деревушки Сен-Морис.

— И что вы тут делаете?

— Добрый господин, когда все побежали к берегу, и мы побежали. Все садились на корабль, и мы тоже. Думаете, нам хотелось попасть в лапы королевских драгун? Они бы нас выдали за вас. Особенно за то, что мы торговали с пиратами.

— Нас стало еще больше, — вскричал Маниголь разгневанно. — Еще бесполезные рты, требующие пищи.

— Но мой милейший, — сказала Анжелика, — я должна вам заметить, что пока эти хлопоты не возлагаются на вас, а благодаря этим крестьянам у нас есть ужин, приготовленный из их свинины.

— Но когда мы будем на островах...

Вмешался пастор Боккер:

— Крестьяне, которые умеют обрабатывать землю и ухаживать за животными, никогда не будут в тягость в колонии эмигрантов. Братья мои, добро пожаловать к нам!

Инцидент был исчерпан, и люди расступились, чтобы дать место беднякам.

Для каждого в этот первый вечер на неизвестном судне, увидевшем их к новой судьбе, было что-то нереальное. Еще вчера они засыпали в своих жилищах, а к этому времени они перестали тревожиться о своей участи, ибо путешествие избавило их от опасности. Принесли все в жертву, они надеялись на дело, которое принесет им новые богатства.

И вот теперь, когда они потеряли все свои привязанности, монотонное укачивание ночного океана заставило их забыть о своей индивидуальности, превратив в бесплотных душ на ладье Харона.

Женщины поочередно начали поить детей из единственной чашки мадам Каррер. Эта операция была не из легких, так как с наступлением ночи качка усилилась.

Анжелика снова опустилась на колени перед мэтром Берном. Взгляд, брошенный в сторону Онорины, успокоил ее: девочка одна из первых получила молоко, а сейчас тайком подцепила несколько кусков мяса из супа. Да, Онорина нигде не пропадет...

Состояние купца было главной заботой Анжелики. К ее беспокойству прибавились угрызения совести и чувство признательности.

«Это он принял на себя удар сабли, предназначенный мне или Онорине.»

Сейчас при свете фонарей она ясно видела восковую бледность его лица, и эта бледность и долгий обморок тревожили ее.

Когда двое матросов принесли дюжину мисок и роздали их пассажирам, Анжелика подвела одного из них к Берну и попросила помочь раненому. Матрос безучастно пожал плечами и процедил, глядя вверх:

— Мадонна! Среди нас тоже есть раненые, и как на любом пиратском корабле, их лечат двумя испытанными средствами: ромом и порохом, чтобы обеззаразить и прижечь раны. А в остальном надо положиться на деву Марию.

Анжелика вздохнула. Что же ей делать? Она перебрала в памяти все средства, которым она, будучи хозяйкой дома и матерью, обучилась, особенно позаимствованные у знахаря и испытанные на раненых во время мятежа в Пуату. Но у нее абсолютно ничего не было под рукой. Маленькие свертки с лекарственными травами

лежали на дне ее сундука в Ла-Рошели и не занимали ее мысли в момент бегства.

Ей показалось, что неуловимая дрожь пробежала по лицу Габриэля Берна, и она склонилась к нему, внимательно всматриваясь. Он шевельнулся, плотно сжатые губы полуоткрылись в жажде глотка воздуха.

«Неужели он умирает? — подумала она. Ледяная дрожь пробежала по ее телу. — Значит, их путешествие началось под недоброй звездой? Не останутся ли горячо любимые дети без защиты из-за ее ошибки? А сама она? Ведь она уже привыкла считать его своей опорой. В момент, когда заново ломались все оковы, мысль об утрате его была невыносимой. Только не он! Это был верный друг, и он любил ее».

Она приложила руку к его покрытой холодным потом груди. Страстное желание вернуть его к жизни, влить в него силу, вновь обретенную вместе со свободой, вложила она в этот жест.

Он вздрогнул. Несказанная нежность этой женской руки пронизала его тело и вернула из небытия. Он шевельнулся, и веки слегка приоткрылись. Анжелика жадно подстерегала его первый взгляд. Будет ли он взглядом умирающего или возвращающегося к жизни человека?

Она сразу успокоилась. Теперь, когда мэтр Берна открыл глаза и вновь обретал силы, все волнения казались уже позади. Несмотря на долгий обморок, его взгляд был глубоким и пронизательным. Несколько мгновений он был обращен к слабоосвещенному своду, затем упал на близкое лицо Анжелики.

В то же время она заметила, что раненый еще не овладел собой, ибо она никогда не видела у него такого пожирающего восторга во взгляде, даже в тот трагический день, когда они были зажаты в кольцо и он нес ее на руках.

В одно мгновение он открыл ей то, в чем сам, может быть, никогда не решился бы признаться. Жажда всего его естества к ней! Заключенный в твердый панцирь морали, целомудрия и подозрительности, неудержимый источник любви смог пробиться только в подобный момент, когда Берна был слаб и безразличен к окружающему.

— Госпожа Анжелика, — прошептал он.

— Я здесь.

«К счастью, — подумала она, — все заняты в другом месте и никто ничего не видел». Кроме, может быть, Абибель, которая, стоя на коленях, с отрешенным видом молилась.

Габриэль Берна потянулся ближе к Анжелике, но тотчас же застонал и веки снова сомкнулись.

— Он шевелился, — пробормотала Абибель.

— Он даже открывал глаза.

— Да, я видела.

Губы негоцианта снова слегка шевельнулись.

— Госпожа Анжелика... где мы?

— В море... Вы ранены...

Когда он опять закрыл глаза, это уже не вызывало страха у Анжелики. Как и тогда вечером в Ла-Рошели, когда он засиживался за книгами и она приносила то чашку бульона, то бокал теплого вина, укоряя его за то, что подрывает свое здоровье постоянным недосыпанием, Анжелика чувствовала ответственность за него.

Она ласково погладила его широкий лоб. Ей часто хотелось это сделать в Ла-Рошели, когда она видела за его показным спокойствием тревогу и удрученность. Сегодня она могла себе это позволить.

— Я здесь, мой дорогой друг... Не двигайтесь.

Под пальцами она почувствовала слипшиеся волосы и, отдернув руку, увидела на ней кровь. Значит, он был ранен еще и в голову! Это ранение и, конечно, удар, очевидно, и были причиной такого долгого беспмятства. Теперь при хорошем уходе и должном внимании он быстро выкарабкается.

Анжелика выпрямилась и тут ее поразила странная тишина, царившая в помещении. Дискуссия возле чана с супом была прервана и даже дети молчали. Бросив взгляд по сторонам, она почувствовала, как волна крови ударила ей в лицо: в ногах раненого стоял Рескатор. Как долго он здесь? Повсюду, где появлялся Рескатор, воцарялась тишина. Тишина враждебности или просто недоверчивости, вызываемая глухой черной маской на его лице.

И снова Анжелика спросила себя, кем он может быть в действительности. Она не могла объяснить то волнение, тот страх, которые она ощущала при его появлении.

Она не заметила, когда он вошел, а другие — тем более, так как в свете фонарей оцепеневшие лица протестантов выражали тревожное изумление. Видно было, что они посчитали хозяина корабля дьявольским видением. Рескатора сопровождала диковинная персона: высокий худой мужчина в белом платье и длинном плаще, украшенном вышивкой. Его лицо казалось высеченным из камня, а потом покрытым старой темной кожей. Завершал картину устрашающий нос, на котором сверкали стекла громадных очков в черепаховой оправе.

В конце дня, столь богатого впечатлениями, эта фигура казалась порождением кошмара. И сам Рескатор в неверном свете лампы усиливал беспокойство.

— Я привел вам моего арабского врача, — произнес он приглушенным голосом. Казалось, он обратился к выступившему вперед Маниголю. Но Анжелика почувствовала, что он говорит только для нее.

— Я так вам благодарна.

Альбер Парри заворчал:

— Арабский врач! Не хватало еще, чтобы...

— Вы можете ему довериться, — запротестовала Анжелика. —

Арабская медицина наука самая древняя в мире и самая совершенная.

— Благодарю вас, мадам,— ответил старик с неувимой иронией в адрес своего ларошельского коллеги. Говорил он по-французски очень чисто.

Он наклонился и проворными руками ошупал раны пациента. Тот зашевелился. Внезапно, когда этого меньше всего ожидали, мэтр Берн поднялся и сказал раздраженным голосом:

— Пусть меня оставят в покое! Я никогда не болел и не собираюсь этого делать и сегодня.

— Вы не больны, а ранены,— сказала Анжелика, нежно обняв его за плечи, чтобы поддержать.

Доктор обратился к Рескатору на арабском языке. Раны, сказал он, несмотря на глубину, не опасны. Только рана на голове от удара сабли потребует более долгого лечения. Но, очевидно, следствием этого удара будет только слабость, которая пройдет через несколько дней.

Анжелика наклонилась к мэтру Габриэлю, чтобы перевести ему приятную новость.

— Он говорит, что через несколько дней покоя вы будете на ногах.

Негоциант недоверчиво посмотрел на нее.

— Вы понимаете арабский?

— Разумеется, госпожа Анжелика знает арабский,— ответил Рескатор.— Неужели вы не слышали, что она в свое время была одной из самых знаменитых невольниц Средиземного моря?

Это развязное замечание произвело на Анжелику впечатление подлого удара в спину. Но она никак не отреагировала на него, потому что оно казалось настолько отвратительным, что она не была уверена, что правильно расслышала.

Не имея ничего другого под рукой, она укрыла мэтра Берна своим плащом.

— Сейчас доктор принесет лекарства, которые успокоят боль. И тогда вы заснете.

В ее спокойном голосе проскользнула дрожь затаенного гнева.

Рескатор был высокого роста. Он возвышался над подавшимися к нему в напряженной тишине людьми. Когда он повернул к ним лицо, закрытое черной кожаной маской, протестанты невольно отпрянули. С пренебрежением глянув на них, Рескатор устремил свой взор на белые чепчики женщин.

Сняв украшенную перьями шляпу, он приветствовал представительниц прекрасного пола с изысканной грацией.

— Сударыни, я пользуюсь случаем, чтобы сказать вам: Добро пожаловать на мой корабль! Я очень сожалею, что не в состоянии предоставить вам большего комфорта. Увы, мы вас не ждали. Надеюсь, что это путешествие не будет для вас слишком тяжким испытанием. А теперь позвольте пожелать вам спокойной ночи, сударыни.

Даже Сара Маниголь, в салоне которой собиралась вся ларошельская знать, не смогла выдать ни словечка в ответ на это светское обращение. Облик говорившего, странный тембр голоса придававший обычным словам оттенок не то угрозы, не то насмешки, ошеломил женщин. Они смотрели на него с каким-то ужасом.

И когда Рескатор, отдав еще несколько поклонов, направился в сопровождении доктора к выходу, какой-то мальчик, крича от страха, спрятался в юбках оцепеневшей матери.

Но тут Абигель, поборов робость, осмелилась заговорить сдавленным голосом.

— Мы благодарим вас, монсеньер, за добрые пожелания и еще больше благодарим за наше спасение. Отныне в этот день мы будем благословлять своих спасителей.

Рескатор обернулся. Сумерки, поглотившие было его, вновь вернули его необычную фигуру. Он подошел к побледневшей Абигель и, внимательно глядя на нее, положил руку ей на щеку и нежным, но уверенным движением повернул ее лицо к свету.

Он улыбнулся. В резком свете ближайшего фонаря он изучал ее чистое лицо, большие светлые, полные ума глаза, расширенные от волнения. Наконец он сказал:

— Жители Антильских островов с большой радостью воспользуются появлением подобных красавиц. Но сможет ли оценить Новый Свет то богатство чувств, которое вы ему принесете, душенька? Я надеюсь, что да. А в ожидании этого спите спокойно и перестаньте мучить себе сердце судьбой этого раненого.

Небрежным жестом он указал на мэтра Берна.

— Вы не испытаете боль по поводу его утраты, так как могу гарантировать, что он уже вне опасности.

Сказав это, он повернулся и вышел из помещения.

Дверь, ведущая на нижнюю палубу, закрылась под напором морского бриза, а свидетели этой сцены никак не могли прийти в себя.

— Мне кажется, — сказал наконец часовщик мрачным голосом, — что этот пират — сам сатана собственной персоной.

— А где вы, Абигель, набрались мужества, чтобы заговорить с ним? — послышался задыхающийся голос пастора Боккера. — Привлекать внимание человека подобного рода очень опасно, дочь моя!

— А этот намек, который он сделал о жителях островов, готовых воспользоваться... тьфу, какая непристойность! — сказал бумагопромышленник Марселло, поглядывая на свою дочь Бертиль в надежде, что она не поняла, о чем идет речь.

Абигель зажала ладонями горящие щеки. За всю ее жизнь благонаправленной девушки, не считавшей себя красавицей, ни один мужчина не позволял себе подобной вольности с ней.

— Мне... мне кажется, что мы должны быть благодарны ему, — запинаясь она. — Кто бы он ни был, он рисковал из-за нас и своим кораблем, и своим экипажем... и своей жизнью.

Взгляд ее скользнул по тому месту, где исчез Рескатор, и остановился на матре Берне.

— Но почему он сказал это? — вскричала она. — Почему он это сказал?

Она закрыла лицо руками и разразилась истерическими рыданиями. Полуслепая от слез, шатаясь от волнения, она раздвинула собравшихся вокруг нее, чтобы пойти и броситься в угол у пушечного лафета, где можно было в одиночестве проливать слезы.

Слезы всегда безмятежной Абигель послужили сигналом для остальных женщин. Их долго сдерживаемое напряжение прорвалось наружу.

И как часто бывает в подобных ситуациях, крик и слезы помогли смыть неприятные воспоминания о страхе, пережитом во время бегства и погрузки на корабль.

Молодая беременная женщина билась головой о перегородку, повторяя:

— Я хочу вернуться в Ла-Рошель... Мой ребенок умрет...

Ее муж безуспешно пытался успокоить ее. Тут решительно вмешался Маниголь, овладев всеобщим вниманием.

— А ну, женщины, немного потише! Дьявол он или нет, но он прав: мы измучены и нам надо спать. Перестаньте кричать! Предупреждаю, кто не перестанет, получит ведро холодной воды за пазуху, — добавил он добродушно.

Немедленно воцарилась полная тишина.

— А теперь помолимся, — сказал пастор Боккер, — ибо смертельно усталые мы до сих пор только жаловались, а не подумали возблагодарить всевышнего за спасение!

Глава 2

СПОР РЕСКАТОРА С АНЖЕЛИКОЙ

Анжелика воспользовалась всеобщим замешательством, чтобы выскочить наружу. Поднявшись по короткой лестнице, она остановилась у ближайших перил. Насыщенный соленой влагой холодный ветер пронизывал ее, но она не чувствовала этого. Возмущение и гнев достаточно ее согревали.

Висящие на мачтах фонари плохо рассеивали тьму, но ей удалось разглядеть позади препятствия, оказавшегося основанием грот-мачты, краснеющие витражи каюты Рескатора. Она направилась к ним уверенным шагом, почувствовав, что уроки хождения по зыбкой палубе, полученные ею на Средиземном море, не забыты.

По дороге она столкнулась с кем-то и едва не вскрикнула от ужаса, когда на ее запястье сомкнулся горячий капкан. Сообразив, что это мужская рука, она стала яростно вырываться, но только оцарапалась о бриллианты перстня.

— Куда вы так бежите, госпожа Анжелика? — спросила темнота голосом Рескатора. — И почему вы так решительно отбиваетесь?

Это было просто невыносимо обращаться к всегда закрытому маской лицу. Но в этом мраке она не могла его разглядеть, а когда подняла голову на голос, ей показалось, что с ней говорит сама ночь.

— Так куда вы направлялись? Для меня будет неслыханной удачей узнать, что вы шли на полуют в надежде найти меня.

— Вот именно! — взорвалась она. — Потому что хотела предупредить вас, что не допущу ваших намеков на мое прошлое перед моими сотоварищами. Я запрещаю вам рассказывать им о том, что я была рабыней на Средиземном море и что вы купили меня на Крите, и о том, что я была наложницей в гареме Мулей Измаила... Как вы посмели заикнуться об этом! Это же отсутствие элементарной учтивости по отношению к женщине.

— Одни женщины вдохновляют на учтивость, а другие нет.

— Ах, так вы продолжаете меня оскорблять. Вы грубиян!.. Вы вульгарный пират! — Все презрение вложила она в эти слова.

Попытка освободиться не привела ни к чему, так как теперь он держал ее за оба запястья. Руки у Рескатора были теплые, и это тепло растекалось по ее дрожащему в ознобе телу. После вспышки возмущения наступила реакция и сейчас подобный контакт приносил ей удовлетворение. Но она не хотела даже себе признаться в этом. По-прежнему Рескатор был ей отвратителен, и она жаждала его смерти.

— Вы не допустите... вы не позволите... — повторял он зло. — Слово чести, вы потеряли голову, маленькая мегера! Вы забыли, что я — единственный хозяин на борту и что в моей власти приказывать вас повесить или выбросить в море, или отдать на забаву моим головорезам, если я посчитаю ваши прелести достойными их. Без сомнения, вы хотели разговаривать таким же тоном с моим добрым другом д'Экренвиллем? Неужели та дрессировка, которой он вас подвергал, так и не излечила вас от мании величия?

Воспоминание о д'Экренвилле воскресило в ее памяти картины прошлого. Душа Анжелики витала среди пережитых приключений. Именно на «Голдсборо» в присутствии Рескатора она тогда почувствовала, как в ней бурлит неукротимая жажда жизни и любви.

«О, хотя бы он меня отпустил, — умоляла она про себя, — иначе я стану его рабой, его вещью. Он лишает меня сил сопротивляться. Почему бы это?»

— Вы, наверное, все еще считаете, что находитесь при дворе Короля-Солнце, мадам дю Плесси де Бельер, и потому держитесь так нахально? Будьте осторожней, ваш царственный возлюбленный тут не поможет.

Внезапно смягчившись, она уступила, проявив искренность, сдобренную изрядной долей кокетства.

— Монсеньер Рескатор, простите мои опрометчивые слова. Я сошла с ума. Но уважение моих спутников, это действительно моя единственная поддержка. Что вы выиграете, поссорив меня с моими друзьями?

— Вы считаете свое прошлое настолько позорным, что вас приводит в дрожь одна мысль о том, что они могут о нем узнать?

Она ответила, но смысл слов, слетевших с ее губ, не доходил до ее сознания.

— Когда половина жизни пройдена и много пережито, любое существо, достойное имени человека, находит в своей памяти какие-нибудь постыдные мелочи и, естественно, желает их скрыть.

«Ну вот,— подумала она,— и снова я чувствую удивительную близость к этому человеку. Почему?»

— Вам надо понять,— продолжала она, словно говорила с другом,— что мышление этих гугенотов очень далеко от нашего. Они так отличаются от людей, подобных вам или членам вашего экипажа. Вы страшно шокировали бедную Абигель, разговаривая с ней так фамильярно!..

И вдруг произошло то, чего она бессознательно желала. Он привлек ее к себе и сжал в железных объятиях. При этом он заставил сделать ее несколько шагов, и она уперлась в перила. Набежавшая волна щедро оросила ее лицо брызгами.

— Действительно? Такое уж отличие между нами и гугенотами? О каких различиях может быть речь, моя дорогая? Оглянитесь вокруг нас...

Новый сноп брызг из-под корпуса корабля окатил Анжелику и, испуганная темной бездной, над которой он вынудил ее наклониться, она нервно схватилась за его бархатный камзол.

— Нет,— продолжал он,— мы не отличаемся друг от друга. Мы только горстка людей, попавшая на одном корабле в лоно океана.

Произносившие эти слова губы казались ей опасно близкими к ее. Пока он не касался ее, она еще могла постоять за себя. Но теперь она теряла самообладание, чувствуя себя в его власти. Мысль о том, что он использовал магическую силу, чтобы покорить ее и увлечь в невозможное положение, вызвала в ней сопротивление.

«Если мы останемся вместе этой ночью,— подумала она,— мы совсем сойдем с ума и сгорим, так и не увидев конца путешествия».

И она отвернулась так ловко, что губы пирата слегка коснулись ее виска. Она почувствовала только прикосновение жесткой кожаной маски и, вырвавшись из этих гнетущих объятий, бросилась прочь.

Вслед раздался его иронический голос:

— Почему вы бежите? Я как раз намеревался пригласить вас

отужинать со мной. Если любите изысканный стол, вы могли бы усладить свой вкус, так как повар у меня превосходный.

— Как вы смеете предлагать мне подобное? Слушая вас, можно подумать, что находишься где-то у Пале-Рояле. Я же должна делить участь моих друзей. Кроме того, мэтр Берн ранен...

— Мэтр Берн? Это тот раненый, над которым вы склонялись с такой нежной заботой?

— Это мой лучший друг. То, что он сделал для меня и моего ребенка...

— Ну, ладно, будь по-вашему, я согласен, что долги надо платить, но вы делаете ошибку, предпочитая сырой трюм уютной каюте, потому что кажется мерзлячкой. Кстати, что вы сделали с плащом, который позаимствовали у меня прошлой ночью?

— Не знаю...— сказала Анжелика, чувствуя себя пойманной с поличным. Она провела рукой по лбу, пытаясь вспомнить. Очевидно, она о нем забыла, накидывая другой плащ, поданный Абибель.— Я... я, кажется, оставила его дома.

И внезапно ей представился ларошельский дом с потухшим камином. Она ясно увидела красивую мебель, покрытые ковром лестницы, внимательно смотрящие портреты корсаров и купцов.

Тоска по этому приюту, где она была только служанкой, вот и все, что она увезла из Старого Света. Перед покоем этой картины потускнели лампы Версаля, жестокость битв, в которых она принимала участие. Но еще раньше ее покинули видения, связанные с Монтелу. Монтелу сменил Дени и там родились дети. Тогда пришел их черед подстергать в коридорах старуху с вытянутыми руками и представлять себе в благородной нищете сказочное детство.

Давно уже Анжелика не принадлежала ни Монтелу, ни Пуату.

И в то время, когда она шла на нижнюю палубу, ее сопровождало воспоминание о мэтре Габриэле, уничтожившем последние головни в очаге своего дома перед тем, как взять Лорье за руку и уйти.

В этот вечер перед глазами изгнанников вставали их уютные протестантские жилища в Ла-Рошели, ныне бездушные, несмотря на мягкий свет неба Ониса, струившийся на их фасады. Мертвые глаза закрытых окон ждут, и только трепет пальм во дворцах и сирени у стен напоминают о жизни.

В трюме было мрачно и холодно. Две лампы потушили, чтобы уставшие дети могли спокойно уснуть. Отовсюду доносилось шushingанье, чье-то бормотание.

Анжелика подошла к кругу света, в котором Маниголь и пастор дежурили около раненого. Тот выглядел отдохнувшим и умиротворенным. Он спал. Мужчины вкратце сообщили ей о том, что арабский врач снова приходил, но на этот раз с помощником. Они сделали мэтру Берну перевязку и дали выпить какую-то очень благотворно подействовавшую микстуру.

Анжелика не настаивала на своем участии в дежурстве. Она чувствовала необходимость отдохнуть. «Завтра будет день, завтра и разберусь», — подумала она. Но сначала нужно было найти Онорину. На пути ее остановила чья-то рука. Северина показала на спящих братьев.

— Я сама их усыпила, — сказала она гордо. Она укутала обоих плащами, а под ноги постелила неизвестно где добытой соломы. Северина стала настоящей женщиной. Легко уязвимая в повседневной жизни, она не побоялась взять на себя в это тяжелое время все дела. Анжелика обняла ее, как настоящую подругу.

— Дорогая, мы так и не смогли побыть вместе с тех пор, как я искала тебя в Сен-Мартен-де-Ре.

— Ах, у всех важных особ голова пошла кругом, — вздохнула девушка, — но теперь, госпожа Анжелика, мы можем наконец успокоиться. Во всяком случае, я так думаю, да и Мартьяль тоже. Мы навсегда избавились и от монастыря, и от иезуитов.

Она добавила живо, как бы укоряя себя за легкомыслие:

— Правда, отец был ранен, но это кажется мне менее опасным, чем если бы он попал в тюрьму и мы были навсегда разлучены с ним... И этот доктор в длинном платье сказал, что с завтрашнего дня он начнет выздоравливать. Госпожа Анжелика, я пыталась уложить Онорину, но она говорит, что не будет спать, пока не найдется ее шкатулка с драгоценностями.

В материнском сознании многое преломляется весьма своеобразно. Из всех бедствий, обрушившихся на нее за последние часы, утрата ларца с драгоценностями Онорины показалась Анжелике самым тяжелым последствием и самым непоправимым горем. Она совершенно была этим подавлена. Ее дочурка стояла, спрятавшись за пушкой, насторожившись, как испуганный котенок.

— Я хочу мою шкатулку с драгоценностями.

Анжелика колебалась: применить ли метод убеждения или активного вмешательства, когда вдруг заметила рядом с Онориной поникшую фигуру.

— Абигель?... Это вы? Но почему?..

Подавленная Абигель, всегда такая строгая и осмотрительная, смутила ее.

— Что с вами случилось? Вы страдаете?

— О, мне так стыдно, — ответила девушка приглушенным голосом.

— Почему?

Абигель не была ни дурочкой, ни недотрогой. Не могла же она мучиться только из-за того, что Рескатор слегка коснулся ее щеки?

Анжелика заставила ее выпрямиться и смотреть ей в лицо.

— Так в чем дело?

— Но эти сказанные им слова — это же ужасно!

— Какие слова? — Анжелика пыталась вспомнить ту сцену. Если манера обращения Рескатора с Абигель показалась ей дерз-

кой и неуместной, то это была его обычная манера, сказанные слова ее не поразили.

— Вы ничего не поняли? — прошептала девушка.

— Действительно.

Волнение помолодило ее и стало заметно, как она хороша с разгоряченными щеками и истомленными веками. И надо же было этому проклятому Рескатору с первого взгляда разглядеть ее. Анжелика подумала, что только что она сама была в его объятиях, и это ничуть ее не испугало. Он обращался вольно со всеми окружающими, особенно с женщинами, как будто был их владыкой.

Но мятежный дух Анжелики протестовал.

— Абигель, не придавайте большого значения поступкам хозяина этого судна. Вам не знакомы повадки людей этого сорта, а среди всех авантюристов, которых я знала, он более... более...

Она не могла найти подходящего слова.

— Нет, это невозможно, — пришла она к выводу. — Но при неизбежной опасности, которой мы подвергаемся, только человек вне закона может помочь в нашей тяжелой доле. Надо принимать его и его людей такими, какими они есть, и стараться не вызывать их враждебность к себе. Когда я путешествовала по Средиземному морю, — зачем это отрицать, раз он сам так неучтиво сообщил об этом, — я встретила с ним только раз, но знала, что его известность была громадной. Этот пират без стыда и совести, но я не верю, что и без чести.

— О! Он уже внушает мне страха, — прошептала Абигель, покачивая головой. Ее волнение успокоилось, и она взглянула на Анжелику прежним, полным ума взглядом. — Подумать только, сколько тайн скрывают в себе существа, с которыми мы сталкиваемся каждый день! — сказала она задумчиво. — Приоткрыв вуаль, которую вы ревниво опустили на свое прошлое, вы стали одновременно и дальше и ближе ко мне. Сможем ли мы еще понимать друг друга, Анжелика?

— Я верю в это, дорогая моя Абигель. Если хотите, мы навсегда останемся друзьями.

— Я хочу этого всей душой. Там, куда мы плывем, мы будем окружены невзгодами и не сможем выжить, если злоба и мелочность будут в нас сильнее высоких чувств.

Она неожиданно выразила почти ту же мысль, что и Рескатор. «Мы только люди, попавшие на один корабль... со своими страстями, ошибками и надеждами...»

— Это так удивительно, Анжелика, — тихо продолжала Абигель, — вдруг увидев жизнь совсем в другом измерении. И я буду вспоминать этот день до самой смерти. Не только из-за опасности, которой мы избежали, но главным образом из-за того, что стало для меня подлинным откровением. Может быть, мне и следовало его познать, чтобы приготовиться к существованию, которое ждет нас за океаном. Я глубоко верю в то, что, попав на этот корабль, мы получили благословение свыше...

Глаза ее блеснули, и Анжелика уже не узнавала под этой страстной внешностью неприметную безропотную ларошельку.

— Потому что я убеждена, что тот, кого вы называете человеком вне закона, может читать во взгляде тайны, скрытые в самых глубинах сердца. Он обладает таинственной силой.

— На Средиземном море его называли Чародеем,— прошептала Анжелика.

Признание Абигель доставило ей какое-то непонятное удовольствие. Покачивание корабля слегка опьянило Анжелику, и она охотно осталась бы на всю ночь с Абигель, беседуя с ней о своем прошлом и о Рескаторе, но материнские заботы отвлекли ее.

— А что мне делать с Онориной? Она не хочет ложиться спать без своей драгоценной шкатулки,— вздохнула Анжелика, указывая на надутую малышку, недовольно поглядывавшую на нее.

— О, это непростительно с моей стороны,— воскликнула Абигель, вставая.

Теперь она уже окончательно овладела собой. Порывшись в своем багаже, она повернулась к ним, держа в руках маленький деревянный ларец, вырезанный Мартьялем для Онорины.

— Боже! Абигель! — всплеснув руками, вскричала Анжелика. — Вы подумали и об этом! Вы ангел! Онорина, твои ракушки!

Потом все было просто.

Покой, вернувшийся в сердце Онорины, передался и матери. Анжелика развернула кое-что из захваченной одежды. Ее юбки и кофты были достаточны для постели маленькой девочки. Она прилестилась возле нее на лафете, но было холодно и сон не приходил. Тогда она прислонилась к лафету и попыталась навести порядок в мыслях.

Что принесет завтрашний день? Ее руки еще ощущали железную хватку Рескатора. Подумав об этом, она почувствовала слабость. Воспоминание о тех мгновениях, когда он прижимал ее к себе, показалось ей восхитительным и одновременно мучительным. Потому что под бархатным комзолом, в который впилась ее рука, вместо живой мужской груди она ощутила твердое покрытие. Кольчуга или стальной нагрудник? Его сердце было заковано в железо. Впрочем, было ли вообще у такого человека сердце?

Не уготовано ли судьбой стать любовницей этого человека?.. Нет! К тому же, отныне она не способна быть любовницей кого бы то ни было. Так что же? Он обольстил и загипнотизировал ее волшебными чарами, как... кто же, однако, некогда внушал ей подобные чувства, в которых смешивались влечение и недоверие? И о нем тоже говорили, что он обладает магической силой и заманивает женщин в...

Ударивший в лицо свет фонаря, заставил ее зажмуриться.

— Ага, вот и вы!

Чья-то большая лохматая голова наклонилась к ней. Это был Никола Перро, человек в меховой шапке.

— Хозяин велел отнести это для вас и гамак для ребенка.

«Этим» оказалась теплая ткань, тяжеловесная, но мягкая, подобная тем, что ткнут погонщики верблюдов в Аравийской пустыне. Умелыми руками Никола Перро закрепил гамак и перенес в него Онорину. Девочка и не шелохнулась.

— Теперь будет лучше и не так сыро. Но всем так не сделаешь. Не предусмотрено перевозить такой груз...

— Поблагодарите от моего имени монсеньера Рескатора.

Он подмигнул с понимающим видом и удалился, покачиваясь.

Со всех сторон доносилось похрапывание. Единственный фонарь освещал то место, где лежал раненый. Но и там все казалось спокойным. Анжелика закуталась в пышное покрывало.

Утром ее компаньоны не преминули заметить, что она стала объектом исключительного внимания. Неужели Рескатор не мог прислать покрывало поскромнее? Нет, он сделал это нарочно. Его так забавляло ставить людей в неловкое положение, будить в них изумление, зависть, низменные и неистовые инстинкты. При общей нужде это покрывало было оскорблением для остальных.

Но, может быть, у него просто не было другого? Рескатор окружал себя дорогими вещами. Он не смог бы сделать простой подарок. Это было бы недостойно его. Благородство было у него в крови...

«У него нет шпаги, он носит саблю, но он дворянин, могу в этом присягнуть. Когда недавно он раскланивался перед дамами, это не было ни комедией, ни притворством. Даже в том, как он здоровается, чувствуется благородство. И я никогда не встречала человека, который носил бы плащ так, как он...»

Она пыталась найти подходящее сравнение, но мысли разбегались. Был в ее памяти человек, походивший на Рескатора...

«Он похож на кого-то, кого я знала. И, возможно, поэтому он кажется мне иногда таким близким, и я оказываю ему знаки внимания так, как будто он один из моих старых друзей. Эта непринужденность, это естественная манера показывать свое превосходство над другими и насмехаться над ними... Это так мне знакомо... И к тому же... ТОТ тоже носил маску...»

Ее сердце лихорадочно забилося. Внезапно ее стало бросать то в жар, то в холод. Она села и поднесла руку к горлу, как бы желая отогнать душивший ее необъяснимый ужас.

«Он носил маску... Но иногда он снимал ее и тогда...»

Она едва не закричала. Неожиданно сработал какой-то таинственный механизм памяти.

Она вспомнила!

Затем ее охватил приступ нервного смеха.

«Ну вот, наконец-то. Теперь я знаю, на кого он похож... он похож на Жоффрея де Пейрака, моего первого мужа... Вот что заставляло меня понапрасну напрягать память».

Но необычное волнение продолжало кипеть в ней. Многоцветные вспышки проносились в ее мозгу, подобно выстрелам в ту ночь на Крите.

«Он похож на него!.. Он прячет лицо под маской... и он царствовал на Средиземноморье. А что если его... ОН!»

Прилив удушья сдавил ей грудь. Казалось, сердце сейчас разорвется от безмолвного крика муки и радости.

«ОН... и я его не узнала!»

Внезапно она вновь обрела дыхание. Надежда и разочарование смешались в ней.

Она попыталась представить себе того, кто среди волшебных тулузских декораций приближался к молодой супруге. Давно забытые воспоминания... Черты его лица почти стерлись в памяти, зато она хорошо видела его густые черные волосы. Тогда она была приятно удивлена, узнав, что это не парик. И, наконец, она помнила так испугавшую ее тогда прихрамывающую походку того, кого называли Великий Хромой.

«Какая я дура! Как могла хоть на мгновение поверить в это?»

Она признала, что некоторое внешнее сходство привело ее в заблуждение и воспламенило воображение. Особенно черты характера язвительного и непринужденного. Но у Рескатора голова напоминала хищную птицу и казалась совсем маленькой над пышным испанским воротником. И походка у него была своеобразная, плечи мощные...

«Мой муж был хромым. И к этой напасти он так приноровился, что о ней забывали. Его блестящий ум очаровывал и в нем не было злости, как в этом авантюристе...»

Анжелика заметила, что вся в поту, как после приступа лихорадки. Натягивая на себя покрывало, она ласково его погладила.

«Но как я смею их сравнивать?! Жоффрей де Пейрак был самым знатным из тулузцев, великий сеньор, почти король. Рескатор же, хотя самодовольно разрешает именовать себя монсеньером, по сути дела просто авантюрист, живущий грабежом и незаконной торговлей. Сегодня он утопает в роскоши, завтра — беднее ничего, преследуемый, как висельник. Эти пираты всегда воображают, что могут удержать свое богатство. Но удача так же быстро уходит, как и приходит...»

Ей вспомнился маркиз д'Экрenville перед его пылающим кораблем.

«Игроки, попадающие по собственной глупости в опасные ситуации, не считаются при этом с человеческой жизнью. Жоффрей де Пейрак был, наоборот, эпикурейцем. Он презирал насилие. Существование подобного Рескатора покоится на трупах. Его руки запятнаны кровью».

Она подумала о Канторе, о галерах, тонувших под пушками пиратов. Ей собственными глазами пришлось увидеть транспортное судно королевской эскадры, исчезающее в водовороте вместе с несчастными, находившимися на его борту, в то время, как судно Рескатора носилось вокруг них, как гриф.

«И тем не менее меня влечет к этому человеку, и это влечение лишает меня покоя».

Надо было посмотреть фактам в лицо. Анжелика пыталась устроиться поудобнее на жестком ложе. Она никак не могла заснуть. Хорошо, что она попросила о помощи именно этого человека. И она отдалась в его руки с полным доверием, теряя остатки благоразумия.

Что он хотел ей сказать, заметив, что «долги надо платить», не рассчитывает ли он заставить ее заплатить за оказанную теперь услугу и за злую шутку, сыгранную тогда на Крите?

«Вот в чем он резко отличается от моего первого мужа. Он не представляет себе безвозмездной услуги, признака подлинной благородности. А Жоффрей де Пейрак был подлинным рыцарем».

Она с трудом заставила себя произнести это имя, так давно поселившееся в ее сердце.

Жоффрей де Пейрак!

Так долго запрещала она себе воскрешать его образ? Как давно потеряла надежду на встречу с ним в этом мире?

После его исчезновения она безропотно переносила все невзгоды. Но вот по охватившему ее волнению она поняла, что ее мечты все же живы.

Жизнь не смогла сгладить в памяти те времена, когда она познала сказочное счастье. Но много ли сейчас в ней общего с той, кто был маленькой графиней де Пейрак?

«Тогда я еще не знала ничего. Тем не менее я была абсолютно уверена, что знаю все. Я находила вполне естественным, что он любил меня».

Вызванная из прошлого картина их супружеской пары заставила ее улыбнуться. Это была действительно уже только картина и она могла теперь созерцать ее без особой грусти, словно портрет двух незнакомых людей.

Блеск их богатства, изысканное общество, место, занимаемое в королевстве владыкой Аквитании, — каким все это было далеким от таинственного, полного эмигрантов и пиратов корабля, плывущего к неведомым берегам.

Пятнадцать лет пролетело с тех пор!

Королевство теперь далеко, и король уже никогда не встретит Анжелику дю Плесси де Бельер, экстрафинку де Пейрак. А он, король, так же крепко стоял на ногах, всегда окруженный своими марионетками, в самом сердце величественной сверкающей реки, именуемой Версаль.

Да, это была она той разодетой в золото женщиной — фавориткой Двора страны-завоевательницы, заставившей трепетать многие народы мира.

Но с каждым ударом волн, уносивших корабль в океан, версальский вираж терял свою силу. Он застывал, и в его искаженном облике появилась мишурность театральной декорации.

«Только теперь я живу реальной жизнью, — подумала она, — только теперь я стала сама собой... или, по крайней мере, стою на

пороге этого. Ибо я всегда страдала, даже при Дворе, чувствуя, что иду неправильной дорогой».

Она почувствовала необходимость подняться, чтобы взглянуть в едва освещенный пролет, где спали измученные горем и усталостью люди.

«Неужели я пережила все это только для того, чтобы однажды оказаться среди неизвестных людей, на неизвестном корабле, плывущем к неизвестной цели! Не надо ли также забыть и Жоффрея де Пейрака? Оставить его в прошлом?»

Боль сожаления о том, что могла бы принести им обоим любовь, пронизала ее, как удар кинжала. Не погубили бы они ее, как многие известные ей супружеские пары? Прошли бы они благополучно через все водовороты жизни? Самый легкий ответ: «Я мало его знала».

Впервые она призналась себе, что Жоффрей де Пейрак, хотя она и была его женой, не был с ней полностью откровенным. Короткие годы совместной жизни с человеком, который был на 12 лет старше, значило гораздо больше, чем поиски более глубокого взаимопонимания, не оставляли ей времени попытаться уравнять свои нравственные силы с Жоффреем де Пейраком, с его незыблемым характером, полным безудержной фантазии.

Она смогла познать самое себя только в выпавших на ее долю жестоких битвах, которые она должна была вести в одиночестве.

Одиночество стало ее уделом.

Хотя она и была дважды замужем, хотя и была матерью, игре обстоятельств было угодно сделать ее судьбой одиночество. И никогда не было рядом плеча, к которому можно было бы прижаться с закрытыми глазами, мечтая: «Не все ли равно? Веди меня! Ведь я твоя жена, и то, чего хочешь ты, хочу и я!»

Одиночество толкало ее на поступки, требовавшие отдачи всех физических и духовных сил. И она замечала, как слабела при этом, ибо поступала наперекор женской природе.

Дойдя в своих размышлениях до этого пункта, Анжелика почувствовала прилив сил. Что это она нынче вечером разжаловалась на одиночество? Ничто до сих пор не доказывало, что она создана для покорности.

Согласится ли она теперь на роль опекаемой? В конце концов, она знала намного лучше большинства людей, что ей нужно делать. И сама мысль о брачных узах вызывала у нее раздражение.

Мэтр Берн не замедлит просить ее руки. Правда, он ранен, а это позволит выиграть время. Но если он любит ее, то предложит стать его супругой, а что ответит она? И «да» и «нет» казались ей одинаково невозможными, так как ее пугали брачные обязательства, но в то же время этот друг был ей необходим. Ей необходимо было чувствовать себя любимой.

«Вот, — подумала она, — узы, вызывающие вздохи. Такова любовь. Может ли она существовать без оков?»

Последняя мысль заставила ее вздрогнуть.

«Но ведь это ложь! Я ненавижу любовь. Я не хочу любви!»

Дальнейший путь казался ей ясным. Она останется одинокой. Ведь это и есть ее судьба: тоскующая вдова, верная до последнего смертного часа прошлой любви. Жизнь ее не будет омрачена волнениями и страстями. Она осчастливит свое дорогое дитя — Оно-рину. Ей некогда будет скучать на островах, где она будет устраивать их новую жизнь. Она будет дружить со всеми, особенно с детьми и, таким образом, не изменит своей судьбе женщины дарящей и творящей.

Что касается Рескатора... Она не может не считаться с ним. На какое-то время ей удалось изгнать его образ, но он неотвязно возвращался. Он был слишком близок.

Он не был убит, как она долгое время думала. Его теперешнее присутствие излучало такую жизненную силу, что, как бы не пыталась Анжелика бороться с расставленными им ловушками, самые опасные, возможно, были в ней самой. К счастью, теперь она знала, почему ее сердце и воображение так воспламенялись. Неуловимое сходство в поведении и манерах с тем, кого она так любила, постепенно увлекло ее обманчивым миражем. Но она не позволит хозяину «Голдсборо» сделать ее своей игрушкой.

Постепенно сон овладел ею.

«Никакого сходства,— повторила она, засыпая,— кроме... пожалуй?»

Она присмотрится внимательней к Рескатору, когда будет следующий раз в его присутствии. И не ошибка была тому виной ее, что из-за этого сходства и ее воспоминаний она все-таки чувствовала, что немного... влюблена в него.

Глава 3

БЕРН ДЕЛАЕТ ПРЕДЛОЖЕНИЕ АНЖЕЛИКЕ

На следующий день Габриэль Берн предложил ей руку и сердце.

Он полностью пришел в сознание и уже казался выздоравливающим. Держа перевязанную правую руку на подушке из соломы, которую добыли Абигель и Северина в соседнем трюме, где находился скот, мэтр Берн принял обычный вид, цвет лица был нормальный, глаза спокойные. Он не скрывал, что умирает от голода.

Когда пришло время завтрака, мавр, камердинер Рескатора, принес раненому маленький котелок с превосходным рагу, сдобренным тонкими пряностями, а также флягу старого вина и два кунжутных хлебца.

Появление громадного араба произвело в трюме сенсацию. Он выглядел добрым малым и, улыбаясь, показывал белые крепкие зубы.

Анжелика расставила принесенную еду перед раненым.

— Вам оказывают знаки внимания, как важной персоне.

Негоциант проворчал что-то и, когда Анжелика приготовилась его кормить, вознегодовал.

— За кого вы меня принимаете?! Ведь я не младенец!

— Вы еще очень слабы.

— Слаб? — он пожал плечами, и это вызвало у него на лице гримасу боли.

Анжелика рассмеялась. Ей всегда нравилась его спокойная сила. Она вызвала у окружающих ощущение покоя и безопасности. Даже его дородность гармонировала с внушающей доверие внешностью. Он был не из той породы людей, похожих не то на подушку, не то на надутую жабу.

Совсем молодым он начал полнеть, но не в ущерб физической силе, и теперь его дородность дополняла характер сангвиника. Выглядел он старше своих лет и, благодаря этому, быстро завоевал доверие своих клиентов и коллег. Отсюда и непритворное уважение, которое продолжали ему оказывать.

Анжелика снисходительно поглядывала, как он жадно поглощал рагу.

— Если бы вы не были гугенотом, мэтр Берн, из вас вышел бы тонкий гурман.

— Я мог бы и еще кем-нибудь стать, — возразил он, бросив на нее загадочный взгляд. — У человека, кроме лица, есть еще и изнанка.

И добавил, не решаясь поднести новую ложку ко рту:

— Я понимаю, что вы хотите сказать, но должен признаться, что сегодня у меня волчий аппетит.

— Ну и кушайте на здоровье! Я просто вас подразнила, — сказала она нежно. — В память о тех днях, когда вы ворчали на меня за слишком изысканный стол и что я введу ваших детей в грех чревоугодия.

— Вот это честно, — сказал он с улыбкой. — Отныне мы, увь, далеки от всего этого.

Пастор Боккер собирал свою паству. Тут пришел боцман с приятной новостью: пассажиры могут выйти на верхнюю палубу для кратковременной прогулки. Погода стоит хорошая, и в это время они не помешают маневрам корабля.

Анжелика осталась одна с мэтром Берном. Она хотела воспользоваться моментом, чтобы выразить ему свою признательность.

— Я не смогла вас еще поблагодарить, мэтр Берн, а ведь в этот раз я многим обязана вам. Спасая мою жизнь, вы были ранены.

Он поднял глаза и пристально посмотрел на нее. Анжелика невольно опустила веки. Его взгляд, обычно бесстрастный и хо-

лодный, сейчас был так же красноречив, как и вчера вечером, когда, очнувшись, он видел только ее.

— Как же я мог не спасти вас. Ведь в вас вся моя жизнь...— И предупреждая ее протестующий жест, продолжал: — Госпожа Анжелика, согласны ли вы стать моей женой?

Анжелика смутилась. Итак, этот момент наступил, но он не поверг ее в панику, а даже принес ей некоторое удовлетворение. Мэтр Габриэль любил ее до такой степени, что желал сделать ее своей подругой перед богом, несмотря на все то, что он знал... или не знал о ее прошлом. Для человека с его моральными устоями это было свидетельством настоящей любви.

Но она чувствовала себя неспособной дать откровенный ответ. Сложив руки, она растерянно перебирала пальцами.

Испытывая мучительное волнение, Габриэль Берн не спускал глаз с ее чистого профиля. Эта женщина стояла на коленях перед ним и казалась такой слабой. Она покусывала губы, и он догадывался, как учащенно бьется ее сердце. Ее грудь судорожно вздымалась. Наконец она ответила:

— Вы оказали мне большую честь своим предложением, мэтр Берн, но... такая женщина, как я, недостойна вас.

Он нахмурил брови, челюсти сжались, и он едва удержался, чтобы не вспылить. Ему потребовалось какое-то время, чтобы овладеть собой, и когда, удивленная его молчанием, она посмела взглянуть на него, то увидела, что он побелел от ярости.

— Мне противно слышать ваши лицемерные слова! Это я недостойн вас. Я убежден, что вы принадлежите совсем к другому обществу, чем мое... Да, сударыня, я знаю, что в ваших глазах я только простой торговец.

Он увидел в ее глазах такой страх перед тем, что он отгадал ее мысли, что не выдержал и взял ее за руку.

— Госпожа Анжелика, я ваш верный друг. Я не знаю, что могло разлучить вас с вашими близкими и какая драма довела вас до той нищеты, в которой я вас нашел. Но зато знаю, что они отреклись от вас и выгнали, как волки выгоняют из стаи нарушителей их законов. Вы нашли у нас пристанище и были счастливы.

— Конечно, там я была счастлива,— промолвила она тихо.

Он продолжал держать ее за руку. Желая освободиться, она наклонилась к нему так, что щеки их слегка соприкоснулись, заставив его вздрогнуть.

— В Ла-Рошели я не осмелился поговорить с вами,— продолжал он приглушенным голосом,— из-за той громадной разницы, которую я ощущал между нами. Но сегодня лишения уравнили нас... Мы направляемся в Новый Свет. И вы будете нуждаться в покровительстве, не правда ли?

Она несколько раз утвердительно кивнула. Так просто было ответить: «Да, я согласна» и отдаться скромной участи, вкус которой был ей уже знаком.

— Я люблю ваших детей и рада служить вам, мэтр Берн, но...

— Но?..

— Роль супруги предполагает определенные обязанности. Он испытующе посмотрел на нее. Анжелика ощутила дрожь его пальцев, по-прежнему удерживающих ее руку.

— Неужели вы их страшитесь? — ласково спросил он и в голосе прозвучало удивление. — Возможно, мое лицо вызывает у вас антипатию?

— Ах, дело вовсе не в этом, — искренне запротестовала она.

Охваченная внезапным порывом, она начала беспорядочный рассказ о трагических событиях, о которых еще никому не говорила: охваченный огнем замок, пронзенные пиками люди, сквернословие драгунов, насилующих ее, в то время, как убивали ее сына.

По мере того, как она говорила, появилось чувство облегчения. Ужасные картины потеряли свою остроту, и она заметила, что может вспоминать их без содрогания.

Единственной раной, к которой она не могла прикоснуться без боли, было воспоминание о Шарле-Анри, навеки уснувшем на ее руках. Слезы катились по ее щекам.

Мэтр Берн слушал ее с напряженным лицом, затем надолго задумался. Его разум безжалостно отгонял картину прекрасного оскверненного тела, ибо он решил никогда не обращаться к прошлому той, кого, не зная ее прошлого имени, называли госпожой Анжеликой. Он хотел обращаться только к той, которая была перед ним и которую он любил.

И он сказал решительно:

— Мне кажется, вы в какой-то мере внушили себе, что из-за прежней драмы не можете начать новую жизнь, жизнь разумной женщины в объятиях любящего супруга, готового делить с вами горе и радость. Если бы вы были невинной девушкой, когда все это произошло, то это стало бы тяжелым преступлением. Но вы были женщиной и время прошло. Давным-давно ваше сердце и тело забыли перенесенные страдания. Женщины обладают такой же способностью к возрождению, как луна, как времена года. Теперь вы совсем другая. Зачем же, замыкаясь в своем мрачном прошлом, вы портите себе жизнь, вы, чья красота так безупречна.

Анжелика с удивлением слушала его. Этот, не лишенный проницательности, грубый здравый смысл ободрил ее. Почему и в самом деле не использовать те жизненные силы ей, которые она чувствовала возродившимися в своем теле? Почему бы не смыть нечистые воспоминания? И снова пройти через всегда загадочные испытания любви...

— Вы, без сомнения, правы, я должна была вымести из своей памяти воспоминания об этих событиях и, возможно, сделала бы это, если бы они не были связаны со смертью моего сына. Этого я не могу забыть.

— А никто и не заставляет вас. Однако вы начинаете новую жизнь. И я сделаю все, чтобы рассеять ваши опасения. Смею утверждать, что только любовь принесет вам полное возрождение.

Не хочу обвинить вас в кокетстве, но в вас есть что-то вызывающее любовь. Этот призыв исходит от вас.

— Неужели вы хотите обвинить меня в том, что я пыталась соблазнить вас?! — возмущенно воскликнула Анжелика.

— Нет, но вы доставили мне достаточно неприятных минут, — грустно ответил он.

Не выдержав его настойчивого взгляда, она вновь опустила глаза. Как бы ни пыталась она это отрицать, но он не был неприятен, несмотря на все недостатки непримиримого пуританина.

— В Ла-Рошели, под сенью моей кровли, мне уже казалось, что вы принадлежите мне. Здесь же, по-моему, взгляды всех мужчин с воодушевлением следят за вами.

— Не приписывайте мне слишком большую власть.

— Эту власть я достаточно почувствовал, чтобы оценить ее могущество. Кем же все-таки был для вас Рескатор? Любовником? Это бросается в глаза...

Внезапно он грубо сжал ее руку и Анжелике пришлось приложить немалые усилия, чтобы противостоять этой хватке. Она огрызнулась:

— Не был он им!

— Вы лжете! Когда вы находитесь в его присутствии, даже неискушенный человек не может не заметить связывающих вас уз.

— Клянусь, что он никогда не был моим любовником!

— Кем же он тогда был?

— Может быть, хуже, чем любовником! Хозяином, купившим меня за большие деньги, из рук которого я ускользнула прежде, чем он смог мною воспользоваться. Теперь, когда узнала его, я нахожусь перед ним в довольно двусмысленном положении и, должна признаться, немного побаиваюсь.

— Тем не менее, он пытался вас обольстить. Это ясно видно!

— Знаете, мэтр Берн, я думаю, что мы нечаянно открыли новое препятствие нашей свадьбе, — улыбка осветила ее лицо.

— Какое еще?

— Наши характеры. У нас было время, чтобы хорошо узнать друг друга. Вы, Берн, человек властный. Я подчинялась вам, как служанка, но не знаю, смогу ли быть столь же терпеливой, став вашей женой. Я привыкла сама управлять своей жизнью.

— Откровенность за откровенность. Вам тоже палец в рот не клади, но в вас я вижу смысл моей жизни. Это стало мне ясно после долгих размышлений, когда я переборол боязнь быть поработленным вами. Вы смотрите на жизнь с вольностью, непривычной для нас, гугенотов. Мы погрязли в грехах. Мы чувствуем, как они преследуют нас на каждом шагу. Женщина пугает нас... Я открылся в своих сомнениях пастору Боккеру.

— И что он ответил?

— Он сказал: «Будьте смиренным к самому себе. Признайте ваши желания, к тому же естественные, и освятите их таинством

брака, чтобы они возвысили вас, а не развратили». Я последовал его совету. Вам подвластно позволить мне претворить его в жизнь.

Он привстал и, обнимая ее за талию, привлек к себе.

— Мэтр Берн, но вы же ранены!

— Вы знаете прекрасно, что ваша красота способна воскресить и мертвого.

Вчера вечером другая рука обнимала ее с такой же жадной обладания. Может быть, мэтр Берн говорил правду, что она только и ждет мужской ласки, чтобы вновь почувствовать себя женщиной. Однако, когда он хотел склониться к ее губам, она удержала его непроизвольным движением.

— Нет, — прошептала она, — прошу вас, дайте мне еще подумать.

Челюсти торговца судорожно сжались. Он с трудом овладел собой. Это удалось ему ценой таких усилий, что лицо стало мертвенно бледным. Он буквально рухнул на соломенное ложе. Отведя глаза от Анжелики, он с каким-то странным выражением уставился на маленький котелок, который принес мавр Рескатора. Неожиданно он схватил его и яростно швырнул прямо против себя под стену.

Глава 4

АНЖЕЛИКА ПРОВОДИТ НОЧЬ У РЕСКАТОРА

Около восьми дней прошло с тех пор, как «Голдсборо» покинул Ла-Рошель и взял курс на запад.

Анжелика посчитала их на пальцах. Уже прошло больше недели, а она еще не дала ответа мэтру Берну.

Но ничего не произошло.

А что, собственно, могло произойти? Ее не покидало нетерпеливое чувство ожидания какого-то важного события.

Разве уже недостаточно было того, что они довольно сносно устроились в столь ненадежных условиях. Но они пошли на это по доброй воле. «Жалобы мадам Маниголь прекратились, так как производят впечатление не большее, — непочтительно сказал мэтр Марселло, — чем молитвы папистов».

Детям нравилась морская жизнь, и отсутствие комфорта их не беспокоило. Пасторы проводили религиозные чтения. Если была возможность, вечернее чтение Библии проходило на палубе на глазах странного экипажа.

— Мы должны показать этим людям без стыда и совести идеал, который живет в нас и которым мы должны сохранить в себе неприкосновенным, — говорил пастор Боккер.

Привыкнув читать в душах, почтенный старец без слов чувствовал нависшую над его маленькой общиной внутреннюю опасность.

Во время последних молитв Анжелика сидела немного в стороне с Онориной на руках. Слова священной книги пришли ей на память:

«Есть время для всего сущего под небесами... время убивать и время исцелять... время ненавидеть и время любить...»

Но когда оно вернется, время любить?

Итак, ничего не произошло. А Анжелика ждала чего-то. Рескатора она больше не видела. Убедившись, что она не может доверять ни ему, ни себе самой, она должна была бы только радоваться его отсутствию. На самом же деле оно вызывало в ней странную тревогу.

От пассажиров, выходивших в назначенное время прогуляться по палубе, стало известно, что они видели на кормовой рубке силуэт хозяина в развевающемся на ветру плаще. Но он не вмешивался более в их дела и, как казалось, в управление экипажем также.

Этим ведал капитан Язон, отдававший с высоты полукота приказы через медный рупор. Превосходный моряк, молчаливый и малообщительный, он не очень интересовался гугенотами, но Анжелика вынуждена была по поручению своих компаньонов ежедневно посредничать с ним, выясняя различные житейские мелочи. Где можно постирать? Какой водой? В какое время можно выходить на палубу, чтобы не мешать маневрам?

Зато Никола Перро, человек в меховой шапке, производил гораздо более приятное впечатление. Было похоже, что он не имел определенного занятия на корабле. Его часто видели слоняющимся с неизменной трубкой в зубах. Иногда он надолго уединялся в каюте с Рескатором.

На пятый день плавания в трюме раздались дружные вопли пассажиров, когда повара принесли, как дополнение к кускам солонины, какую-то странную, кислую, вызывающую тошноту бурду и стали требовать, чтобы все ее ели. Маниголь отверг пищу, которая показалась ему подозрительной.

Продолжением этой истории было появление боцмана, кричавшего, что они должны сожрать «зуэркраут», иначе их свяжут по рукам и ногам и он силой загонит им ее в глотку.

Боцман выглядел как настоящий гном, непостижимой национальности, разговаривающий на невероятной смеси английского, французского и голландского, и понять его было почти невозможно.

Анжелика не раз делилась своими огорчениями с бравым Никола Перро. Он ободрял ее и советовал следовать указаниям боцмана, которые, впрочем, были повторением распоряжений самого Рескатора.

— Нас слишком много для взятого с собой продовольствия. Надо было бы установить жесткие рационы. Остается совсем немного мяса: две свиньи, одна корова и коза. Их берегут на случай болезни. И начальник решил вскрыть эту бочку капусты,

которую мы везде возим с собой. Он утверждает, что с ее помощью можно полностью избавиться от болезней. Надо объяснить вашим людям, что они должны есть ее понемногу каждый день. Это уже относится к морским правилам, а тех, кто откажется, посадят за решетку. И тогда они рискуют, что их будут потчевать капустой, как гусей.

Когда на другой день появился боцман с лицом цвета вареной ветчины и стал своим единственным голубым глазом наблюдать за поглощавшими свой рацион пассажирами, они встретили его мирно.

Сидя на лафете, Анжелика уговаривала Онорину и других малышей, собравшихся возле нее, съесть хоть капельку капусты.

— Ну-ка, птички, раскройте ваши клювики, — уговаривала она их.

Она всегда чувствовала себя немного виноватой и ответственной, когда раздавались голоса, осуждавшие «Голдсборо», его хозяина и экипаж. Бог свидетель, однако, что ей не из чего было выбирать. Она не могла не ответить:

— Ба! Уж не думаете ли вы, что архиепископ из Ноз устроил бы менее забавный спектакль, чем этот корабль? Скажите спасибо богу и за это.

— В самом деле, это повод для размышления, — взявшись за подбородок, сокрушенно сказал пастор Беккер. — Если мы погрязнем во взаимных дрязгах, сможем ли мы удержать в себе человечность и объединиться в один союз?

— С висельниками такого рода это мне кажется не особенно возможным, — забрюзжал Маниголь. — Глядя на них, можно легко заметить следы оков на ногах.

Анжелика не решалась вмешаться, потому что в глубине души разделяла его мнение. Вполне вероятно, что бывший пират Средиземного моря набрал наиболее верных людей из числа беглых каторжников.

— Скажите, горбун, — спросил Легаль, — зачем вы приходите досаждать нам с этой немецкой капустой? Мы должны находиться на широте Азоров, где в это время года вдоволь апельсинов и всякой живности!

Тот глянул на него искоса и пожал плечами.

— Он не понял, — заметил Маниголь.

— Он прекрасно понял, но не хочет отвечать, — процедил Легаль, провояжая глазами коренастую фигуру, выходящую из трюма вслед за матросом, который уносил пустую посуду.

На следующий день, прогуливаясь на полубаке, Анжелика заметила Легалья, занятого таинственным вычислением, для которых он использовал часы и буссоль. При ее приближении он вздрогнул и спрятал эти предметы под куртку из промасленного холста.

— Вы не доверяете мне? — спросила Анжелика. — Но ведь я совершенно не разбираюсь в том, что вы, как заговорщик, делаете с часами и буссолью.

— Нет, госпожа Анжелика, просто подумал, что это подошел

кто-то из матросов. Вы ходите так же бесшумно, как и они.— Он понизил голос.— Там вот один молодец сторожит на марсе и посматривает на меня, но с высоты грот-мачты это не страшно. Он не сможет разобрать мои маневры. А все остальные, кроме рулевого, обедают. Море сегодня спокойное, корабль идет как по маслу. И я решил использовать это, чтобы попытаться, наконец, определиться.

— Мы находимся недалеко от Азоров?

Он бросил на нее насмешливый взгляд.

— Как бы не так!.. Не знаю, заметили ли вы, как прошлым вечером горбун не захотел ответить, когда я спросил его об Азорах. Они находятся точно на пути, если плыть к островам Америки. Но плыть, как мы это делаем, прямо на запад — это уже довольно странный путь, чтобы попасть на большие Антиллы или другие острова тропической зоны!

Анжелика спросила, как он смог установить это без таблиц долготы и таких точных инструментов, как секстант и хронометр.

— Я просто проследил, как бьют склянки в полдень. У хозяина действительно хорошие инструменты! Когда звонят, я уверен, что это правильно. Я сверяюсь с моими часами, которые показывают еще ларошельское время. С помощью этого, моей буссоли и положения солнца, когда оно в зените и на закате, я пришел к убеждению, что мы следуем северной дорогой, дорогой ловцов трески и китобоев. Присмотритесь, море стало выглядеть совсем иначе...

Море, безусловно, отличалось от Средиземного, но ведь это был уже океан, и она слышала много рассказов бывалых моряков о бурях и штормах, в которые они попадали недалеко от Гасконского залива.

— Обратите внимание на этот молочный цвет, — настаивал бретонец. — А вы не заметили, какое перламутровое небо утром? Это небо Севера! К тому же этот туман! Он густ, как снег. Мы идем опасным путем к краю бурь. Рыбаки никогда не плавают здесь в эту пору года. Вот где мы очутились! Помилуй нас бог!

Голос Легалья опустился до мрачного многозначительного шепота. Анжелика с недоумением оглянулась: никакого тумана не было видно, только белое небо, окаймленное тонкой красноватой полоской горизонта сливалось на северо-востоке с морем.

— Стало быть, туман и буря будут завтра... или ночью, — угромо продолжал Легаль. Для бывалого моряка он слишком поддавался чувству одиночества в этом пустынном море, где после отплытия они не встретили еще ни одного судна. Хотя бы парус мелькнул в поле зрения!

Пассажиров утомляло это однообразие, а Анжелике доставляло радость. Горький опыт научил ее бояться неосторожных встреч на море. Она совершенно не страдала морской болезнью, как большинство ее компаньонов, особенно вначале.

Теперь они не покидали своего помещения из-за холода. Уже два дня, как матросы начали приносить им наполненные раскален-

ными углями горшки с отверстиями по бокам и сверху. Этих своеобразных жаровен или примитивных печек хватало, чтобы поддерживать тепло и относительную сухость в трюме. Надо было не быть ларошелем, чтобы не заинтересоваться этой своеобразной системой отопления на борту корабля.

— В сущности это намного безопасней, чем открытая жаровня. Интересно, откуда они могут брать эти забавные горшки?

Анжелика вдруг вспомнила слова Никола Перро: «Когда мы будем в зоне льдов, вам принесут огонь».

— Но разве не могут быть льды на широте Азорских островов? — воскликнула Анжелика.

Чей-то приближающийся голос насмешливо спросил:

— А где вы видите льды, госпожа Анжелика?

К ней подошел Маниголь в сопровождении мэтра Берна и торговца бумагой Марселло. Трое гугенотов были закутаны в плащи, шляпы надвинуты на глаза. Все широкоплечие, их легко было перепутать.

— Я с вами согласен — холодновато, но ведь зима не за горами и равноденственные бури сильно охлаждают эти места.

— Однако эти места имеют довольно странный вид, — пробурчал Легаль.

— А ты что, боишься бури?

— Я всего боюсь! — И он добавил с ужасом: — Смотрите... Да смотрите же! Ведь это конец света.

Сильное волнение неожиданно утихло. Но под этим внешне спокойным обликом океан казался покрытым пятнами, играющими, как в кипящем котле. Тут багрово-красное солнце пробилось сквозь белый занавес, испуская лучи света расплавленной меди. Исчезающее дневное светило внезапно показалось громадным. Оно быстро спряталось за горизонт и почти тотчас на короткий миг все залило зеленым светом. И стало темно.

— Море Мрака, — вздохнул Легаль, — старое море древних викингов.

— Мы просто присутствуем при красивом заходе солнца, — сказал Марселло. — Что в этом необычного?

Анжелика почувствовала, что сама постигает суть этих ненормальных явлений. Темнота, вначале стусившаяся настолько, что они не могли различать друг друга, рассеялась, уступая место сумеречной полутьме. Все неожиданно вновь стало видно, даже горизонт, только они очутились в безжизненном мире, лишенном красок и тепла.

— Это то, что называют полярной ночью, — сказал Легаль.

— Полярной?! Что за глупость! — воскликнул Маниголь.

В настороженной тишине его смех прозвучал как кошунство. Он сам это почувствовал и сконфуженно замолчал. Чтобы обрести равновесие, он принялся рассматривать обвисшие паруса.

— Что они дела... — он запнулся. — Как привидения на этом корабле-призраке?

Несколько матросов появились внезапно, словно они только и ждали этого восклицания. Марсовые взобрались по вантам и начали перемещать реи. Они бесшумно делали привычную работу, и эти движущиеся тени еще больше сгущали необычную атмосферу.

«Именно в этот вечер или в эту ночь что-то должно произойти», — подумала Анжелика, прижав руку к груди, будто не хватало дыхания.

С полуюта доносился голос капитана Язона, отдававшего распоряжения на английском языке. Маниголь с облегчением вздохнул.

— Кстати, мы только что говорили об Азорах, Легаль. Ты разбираешься в навигационных делах больше, чем я. Можешь ты сказать, когда мы зайдем в ближайший порт? Я горю желанием узнать, получили ли там мои португальские корреспонденты переводы из фондов Берега Пряностей.

Он похлопал по карманам своей просторной куртки.

— Когда у меня снова появятся деньги, я смогу, наконец, смотреть прямо в лицо этому заносчивому предводителю пиратов. Пока что он обращается с нами как с бедняками. Мы должны чуть ли не руки ему целовать! Ничего, подождем до Карибов. Там посмотрим, кто сильнее.

— На Карибах хозяйничают флибустьеры, — сказал Берн, чуть пошевелив губами.

— Да нет же, дорогой. Работоторговцы! Поверьте, я буду там на своем месте. И когда открою собственное дело, то рассчитываю добиться монополии на торговле рабами. Какой доход дает судно, которое перевозит только табак и сахар в Европу, а на обратном пути не набирает в Африке полный трюм негров? Но этот корабль, на котором мы находимся, не невольничье судно. Он иначе снаряжен, а кроме того, пробираясь по трюмам в поисках дороги, я нашел вот это.

Он раскрыл руку, чтобы показать две золотые монеты с изображением солнца.

— Это следы сокровищ инков! Такие же привозят иногда испанцы. Я обратил внимание, что в других трюмах полным-полно любопытных приспособлений для глубоких погружений, специальных «кошек», лестниц и еще черт знает чего. А место для торгового груза, наоборот, слишком мизерно для порядочного торгового судна.

— Итак, что же вы предполагаете?

— Ничего... Могу только утверждать, что этот пират живет разбоем. Каким образом — это его дело. Я предпочитаю оказаться впереди возможного конкурента. Подумаешь! Эти люди действительно храбрецы, но почти не разбираются в торговых делах. Им не суждено господствовать на морях. Это мы, профессиональные торговцы, постепенно вытесняем их. Вот почему мне было бы довольно приятно побеседовать с ним с глазу на глаз. Он мог бы пригласить меня к ужину...

— Говорят, что его апартаменты на корме поражают роскошью и забиты драгоценностями,— высказался торговец бумагой.

Они ждали, какое мнение выскажет Анжелика, но она, как и всякий раз, когда речь заходила о Рескаторе, ощущала волнение и не могла сказать ни слова. Мэтр Берн напрасно пытался поймать ее взгляд.

Почему же вместо того, чтобы сгуститься, темнота, наоборот, почти рассеялась? Можно было подумать, что взошла новая заря. Цвет воды вновь изменился. Чернильно-черная, она издала казалась разрезанной пополам зоной зеленовато-белого цвета. Когда «Голдсборо» попал в эту зону, его корпус задрожал, как бока у лошади при приближении опасности. С полуюта донеслись слова какой-то команды. Берн случайно разобрал, что сверху горланит по-английски матрос-наблюдатель на Марселе.

— Плавающий лед по правому борту!

Все одновременно повернулись в ту сторону. Гигантская прозрачная масса вздымалась около корабля. Вооруженные баграми и связками такелажа, матросы немедленно установили ограждение с правого борта, чтобы попытаться избежать губительного для борта столкновения с ледяной горой.

К счастью, корабль, ведомый рукой хозяина, вышел на простор, не коснувшись опасного препятствия. Онемевшие от изумления и страха пассажиры, не веря глазам, четко различали на поверхности айсберга три черные точки, которые тяжело отделились от него, начали увеличиваться и превратились, приблизившись к кораблю, в диковинных созданий, покрытых белыми пятнами.

— Ангелы! — закричал Легаль, задыхаясь.

— Это смерти!

Габриэлю Берну хладнокровие не изменило. Он обнял Анжелику за плечи, но она даже не заметила этого. При этом он добавил наставительным тоном:

— Альбатросы, Легаль... просто полярные альбатросы.

Три гигантских птицы продолжали следовать за кораблем, то описывая широкие круги, то опускаясь на темную воду.

— Предвестники несчастья,— сказал Легаль.— Нас настигнет буря и мы погибнем.

Внезапно Маниголь разразился проклятиями.

— Неужели я сошел с ума?! Или сплю? Разве сейчас день? А, может быть, ночь? Какой осел утверждал, что мы находимся на широте Азоров? Мы же следуем совсем другим путем...

— Именно об этом я и говорил, господин Маниголь.

— Но ты слишком поздно сказал это, болван!

Легаль обозлился.

— А что бы это изменило? Ведь хозяин на борту не вы, господин Маниголь.

— Ну, это еще будет видно!

Ночь вновь опустилась на них, и все умолкло. Странная заря погасла. Тотчас же на корабле зажглись фонари. Анжелика и оклу-

жавшие ее четверо мужчин стояли на полубаке около одного из них. В его лучах показалось лицо арабского доктора Абд-эль-Мехтара, пожелтевшее от холода, хотя он и был закутан почти до очков. Он несколько раз низко поклонился Анжелике.

— Хозяин просит вас пожаловать к нему. Он желает, чтобы вы провели с ним ночь.

Смысл этой фразы, сказанной вежливым тоном французской скороговоркой, был предельно ясен. Кровь бросилась Анжелике в лицо, щеки запылали. Только она открыла рот, чтобы отклонить предложение, считая его оскорбительным, как ее опередил Берн.

— Грязная вонючка! — воскликнул он дрожащим от ярости голосом. — Уже не воображаете ли вы, передавая подобную гнусность, что находитесь на... на базаре в Алжире, черт возьми?!

Он занес руку. Это движение разбредило рану и ему пришлось остановиться, с трудом удерживая крик боли, вынуждая Анжелику выступить посредницей.

— Вы с ума сошли! Таким тоном не разговаривают с эфенди.

— Эфенди или нет, а он вас оскорбил. Вы не можете не признать, госпожа Анжелика, что вас принимают за женщину... женщину, которая...

— Не думают ли эти люди, что они имеют право посягать на наших жен и дочерей? — вмешался торговец бумагой.

— Успокойтесь, — умоляла Анжелика. — Прежде всего дело не стоит выведенного яйца, я одна к нему причастна. Его превосходительство великий доктор Абд-эль-Мехтар всего только передал мне приглашение, которое под другими небесами, на Средиземном море, например, сочли бы за высокую честь.

— Ужасно, — сказал Маниголь, беспомощно оглядываясь вокруг. — Все кончено, мы попали в руки варваров, ни больше ни меньше. Часть экипажа состоит из этих подонков и готов держать пари, что в жилах хозяина течет кровь неверных, хотя он и прикидывается испанцем.

— Нет, нет, — горячо запротестовала Анжелика, — могу ручаться, что он не исповедует ислам. Мы находимся на христианском корабле.

— Христианском?

— Ха-ха-ха! Вот это да! Христианский корабль!

— Госпожа Анжелика, вы теряете здравый смысл. Впрочем, есть от чего.

Закутавшись в шерстяное одеяние, арабский лекарь невозмутимо ждал. Его достоинство и проницательный ум, читавшийся в его глазах, напомнили Анжелике Османа Ферради, и она почувствовала некоторую жалость, видя, как он дрожит от холода.

— Благородный эфенди, извините мою нерешительность и примите благодарность за ваше сообщение. Я отклоняю просьбу, которую вы передали, как неприемлемую для женщины моей веры, но готова следовать за вами для того, чтобы самой передать ответ вашему хозяину.

— Хозяин этого корабля не является моим хозяином, — мягко ответил старик. — Это просто мой друг. Я спас его от смерти, затем он оказал мне такую же услугу, и теперь нас связывает духовная близость.

— Надеюсь, вы не собираетесь принять это наглое предложение, — вмешался Берн.

Анжелика успокаивающе прикоснулась к руке торговца.

— Предоставьте мне самой объясниться с этим человеком. Раз уж он назначил время, пусть будет так. Поистине я не знаю, ни чего он хочет, ни каковы его намерения.

— По-моему, это уж слишком, — проворчал ларошелец.

— Напрасно вы так. С человеком столь своеобразным...

— Вы говорите о нем с такой непринужденностью, словно давным-давно знакомы с ним.

— Я и в самом деле достаточно знаю его, чтобы не бояться того, чего боитесь вы. — На ее губах появилась легкая, чуть задорная улыбка. — Поверьте мне, мэтр Берн, я сумею защитить себя. Мне приходилось встречаться и с более грозными противниками, чем он.

— Я не столько боюсь насилия с его стороны, — сказал Берн вполголоса, — сколько слабости вашего сердца.

Анжелика ничего не ответила. Они обменялись последними словами в темноте, так как матрос с фонарем, сопровождавший доктора, а с ними и мужчины, сопровождавшие Анжелику и Берна, уже ушли. У люка, ведущего на нижнюю палубу, все собрались снова.

— Если вы отправляетесь к нему, я буду вас сопровождать, — заявил Берн.

— А я не согласна с этим, — с раздражением ответила Анжелика. — Вы понапрасну пробудите его гнев.

— Госпожа Анжелика права, — вмешался Маниголь. — Она уже не раз доказывала, что умеет дать отпор. И я сторонник, чтобы госпожа Анжелика пошла объясниться с этим субъектом. Он взял нас с собой, хорошо! Но вдруг он становится неуловимым, после чего мы оказываемся в полярных водах. Что это, собственно, должно значить?

— Судя по форме, в которой была передана его просьба, не приходится сомневаться, что монсеньер Рескатор отнюдь не собирается беседовать с госпожой Анжеликой о широте и долготе.

— Она сможет заставить его это сделать, — убежденно сказал Маниголь. — Вспомните-ка, как она прикрутила Бардаю. Какого дьявола! Берн! Ну, чего ты боишься этого верзилу, единственное средство обольщения которого — его кожаная маска? Я не думаю, что это так уж привлекательно для женщин, а?

— Я боюсь того, что под маской, — пробурчал Берн. Ему не оставалось ничего другого, как попытаться силой помешать Анжелике подчиниться Рескатору. Но вспоминая, как она сомневалась, стать ли ей его женой, ее боязнь потерять независимость, и воз-

можность поступать по-своему, он заставил себя проявить либерализм и поборол враждебную подозрительность.

— Идите же! Но если через час не вернетесь — я вмешаюсь!

Мысли Анжелики были так же хаотичны, как и море, когда она поднималась по ступенькам кормовой надстройки. Ее чувства смешались, и она не могла разделить их: гнев, боязнь, радость, надежда и мимолетный ужас, свинцовым грузом давивший ей на плечи.

Что-то, безусловно, произойдет! И это будет что-то ужасное, подавляющее, после чего она уже не сможет оправиться.

Она думала, что ее ввели в салон Рескатора, но когда позади захлопнулась дверь, она оказалась в тесной застекленной каюте, освещенной висящей лампой в двойной оправе, удерживающей ее в равновесии.

В каюте никого не было. Судя по окнам, подобным тем, которые были на всем юте, она должна была сообщаться с капитанской каютой. Под покрывавшей стены драпировкой Анжелика обнаружила дверь. Она повернула ручку, желая проникнуть внутрь, но дверь не поддавалась.

Пожав плечами, со смесью раздражения и фатализма, Анжелика вернулась и расположилась на диване, тянувшемся почти вокруг всей каюты. Чем больше размышляла, тем больше убеждалась, что эта каюта была местом отдыха Рескатора. Он должен здесь скрываться, и наверное был здесь, когда в вечер отъезда она пришла в себя на восточном диване, ощущая тяжесть следившего за ней невидимого взгляда.

Заставлять ее прийти этим вечером в ту же самую каюту было уж слишком бесцеремонно. Но она выведет его на чистую воду! Она ждала, понемногу теряя терпение. Затем, решив, что это становится невыносимым, и он просто издевается над ней, она встала, чтобы уйти.

Для нее было неприятным сюрпризом обнаружить, что дверь, через которую ее привели сюда, тоже была заперта. Она принялась бить по деревянным панелям, взывая о помощи. Ее голос заглушался свистом ветра и грохотом моря. С наступлением ночи волнение значительно усилилось.

Не начинается ли предсказанная Легалем буря?

Она подумала о возможности столкновения с гигантскими ледяными глыбами, и холодок страха пробежал по спине. Опираясь на переборку, она добралась до слабо освещенного кормовым сигнальным фонарем окна. Толстое стекло непрерывно заливало набегающими волнами. Все-таки в момент неуволимого затишья Анжелике удалось выглянуть наружу, и она заметила совсем близко покачивающуюся над водой белую птицу, которая, казалось, пронзила ее убийственным взглядом.

Потрясенная, она откинулась назад.

«Может быть, это душа утопленника? Столько кораблей пошло ко дну в этих местах... Но почему меня заперли?»

Сильный толчок отбросил ее от переборки и, после тщетных

попыток за что-нибудь ухватиться она снова очутилась на диване. Он был покрыт белым мехом внушительной величины. Анжелика машинально погрузила в него застывшие руки. Рассказывают, что на севере водятся белые, как снег, медведи. Очевидно, это покрывало было выкроено из такой шкуры.

Куда же нас везут?

Над ее головой танцевало оригинальное приспособление у лампы, которое вызывало у нее раздражение, так как находившийся внутри резервуар с маслом оставался неподвижным. Лампа и сама по себе была занятной вещью, причем из золота. Анжелика никогда не встречала подобной. Исполненная в виде шара, она была покрыта перекрещивающимся орнаментом, грани которого излучали желтый свет. К счастью, буря как будто не усиливалась. Время от времени до Анжелики доносились звуки перекликающихся голосов. Вначале она не могла сообразить, откуда они доносятся: один был глухой, другой сильный и низкий, и временами можно было разобрать отдельные слова. Срывающийся голос приказывал:

— Отдать все паруса! Поднять фок и бизань!.. Штурвал так держать!..

Это был голос капитана Язона, передающего, без сомнения, указания Рескатора.

Думая, что они находятся в соседней комнате, Анжелика вновь начала барабанить в дверь, ведущую туда. Но вскоре сообразила, что они прямо над ней на палубе, в капитанской рубке.

Плохая погода требовала внимания обоих капитанов. И экипаж должен был быть в боевой готовности. Зачем же Рескатор вызвал ее на свидание, когда прекрасно знал, что управление кораблем потребует его присутствия?

«Я надеюсь, что Абигель или Северина займутся Онориной... Впрочем, мэтр Берн обещал прийти и устроить скандал, если через час не вернусь к ним», — успокаивала она себя.

Но прошло уже гораздо больше часа, как она была здесь. Время шло, но никто не показывался, чтобы освободить ее. Она прилегла, а затем завернулась в меховое покрывало. Вскоре забылась беспокойным сном, в котором скользила на дне океана мимо великолепных дворцов и слышала журчание двух голосов, смешивающихся с шумом бури и наводящих на мысль о скорбных минутах жизни.

Когда проснулась, свет ламп показался ей значительно слабее. Уже рассвело. Она поднялась на своем ложе.

«Что я тут делаю? Ведь это недопустимо!»

Пока никого не было. Слегка побаливала голова, волосы были спутаны. Анжелика нашла чепчик, снятым перед тем, как лечь. Ни за что на свете не хотела она предстать перед Рескатором в таком виде: неопрятном и беспомощном. Возможно, именно этого он и добивался. Его уловки были непредвиденными, его намерения, особенно касающиеся ее, трудно было предугадать.

Она поспешила подняться, чтобы привести в порядок свой туалет, и огляделась в поисках зеркала. Оно оказалось на стене.

Массивная золотая оправа обрамляла его. Это бесценное сокровище излучало какое-то дьявольское сияние. Анжелика поздравила себя с тем, что не заметила его ночью.

В том состоянии духа, в котором она находилась тогда, зеркало привело бы ее в ужас. Этот устремленный на нее круглый глаз бездонной глубины, казалось, околдовал ее. Оправа представляла собой ряд переплетенных радугами солнечных дисков.

Наклонясь ближе к зеркалу, Анжелика увидела в нем зеленоглазую сирену с бледными губами и растрепанной прической. Она поспешила уничтожить этот образ, собрав растрепанные волосы и уложив плотно под чепчик. Затем покусала губы, чтобы вернуть им немного краски, и постаралась сделать менее растерянное выражение лица. Несмотря на это, она продолжала рассматривать себя с недоверием. Это зеркало отличалось от других.

Непонятная игра красновато-коричневых и золотистых теней мягко окружала ее лицо таинственным ореолом. И даже скромный чепчик не мог ее убедить, что в том загадочном, волнующем кумире она видит самое себя.

«Действительно ли я такая или это зеркало волшебное?»

Она еще держала его в руке, когда отворилась дверь.

Анжелика невольно спрятала зеркало в складках юбки, упрекая себя за то, что не вернула его на место естественным движением. В конце концов женщина всегда имеет право смотреться в зеркало...

Глава 5

«Я ЗАКЛЕЙМЕНА КОРОЛЕВСКОЙ ЛИЛИЕЙ»

Отворилась именно та дверь, которая вела в соседний салон. На пороге стоял Рескатор, придерживая рукой отодвинутую драпировку.

Анжелика выпрямилась во весь рост и обратилась к нему ледяным тоном:

— Могу ли я узнать, сударь, почему меня тут задержали?..

Он прервал ее, делая приглашающий жест.

— Прошу вас.

Его голос был еще глуше, чем обычно, и он непрерывно кашлял. Чувствовалось, что он сильно устал. Что-то изменилось в нем, что сделало его менее похожим на... на «андалузского мавра», как сказал Маниголь. Он действительно не был похож на испанца. Анжелика уже не сомневалась, что перед ней чистокровный француз. Но тем не менее это не делало его более доступным. Его маска была усыпана брызгами воды, но одежду успел сменить на сухую.

Войдя в салон, Анжелика увидела брошенные как попало плащ, короткие штаны и сапоги, в которых он стоял лицом к лицу с бурей.

Она не смогла удержаться от замечания:

— Вы испортите ваши прекрасные ковры.

— Что за важность...— Он зевнул, потягиваясь.— Ба! Как должно быть неприятно для мужчины иметь под боком домашнюю хозяйку. Как это люди женятся?

Он тяжело упал в кресло перед столом, ножки которого были наглухо прикреплены к планширу. Из-за сильной качки множество предметов на нем валялось в беспорядке. Анжелика подавила в себе желание убрать на столе. Предыдущая реакция Рескатора ясно показала ей, что он в дурном настроении и что каждый ее жест послужит предлогом для ее унижения. Он до сих пор не предложил ей сесть. Вытянув перед ней длинные ноги, он, казалось, что-то обдумывал.

— Какая баталия! — сказал он, наконец.— Море, льды, а посредине наша ореховая скорлупа. Слава богу, что не разразилась буря.

— Не разразилась,— повторила Анжелика,— но мне море показалось очень бурным.

— Всего-навсего взволнованным. И из-за этого не стоит быть особенно бдительным.

— Где мы находимся?

Он пренебрег вопросом и протянул руку к Анжелике.

— Дайте мне зеркало, которое вы держите. Я был уверен, что оно вам понравится.

Он повертел его в руках.

— Еще один след сокровищ инков. Порой я спрашиваю себя, не была ли реальностью сказка о Новумбаго? Великий город индейцев с хрустальными башнями, со стенами, покрытыми золотыми листами и инкрустированными драгоценными камнями...

Он говорил сам с собой.

— Инки не знали стекла. Отражение в этом зеркале достигнуто путем амальгамирования золота ртутью. Вот почему оно придает лицам, которые в нем отражаются, пышность золота и мимолетность ртути. Женщина открывается в нем тем, чем является в действительности: восхитительным и скоротечным сном. Зеркало это — редчайшая вещь. Оно вам нравится? Хотите его иметь?

— Нет, благодарю вас,— холодно ответила Анжелика.

— А драгоценности вы любите?

Он поставил на стол железный ларец и поднял тяжелую крышку.

— Полюбуйтесь...

Он достал позолоченный фермуар, на котором заиграли радужно-молочными отсветами великолепные жемчужины. Показав ей украшение со всех сторон, он положил его на стол и вынул другое, на этот раз ожерелье, в котором жемчужины были более золотистые, но все одинаковой величины и чистоты, и настолько многочисленные, что казались чудом, как они удерживаются вместе.

Можно было бы раз десять обвить ими шею и остаток свисал бы до колен.

Анжелика в замешательстве смотрела на эти чудеса. Их появление оскорбляло ее скромное платье из бумазеи, ее черный суконный корсаж, зашнурованный на рубашке из сурового полотна. Вдруг она почувствовала себя неловко в этой простой одежде.

«Жемчуга? Я носила не менее прекрасные, когда была при дворе короля, — подумала она. — Нет, не такие прекрасные».

Неожиданно замешательство покинуло ее.

«Обладание такими прекрасными вещами приносило много радости, но это было также и тяжким бременем. Теперь я свободна».

— Хотите, чтобы я преподнес вам одно из этих колье?

— Мне?.. Но что мне с ним делать на островах, куда мы направляемся?

— Вы могли бы продать его скорее, чем себя.

Она вздрогнула и почувствовала, как запылали ее щеки. Она никогда не встречала мужчину, исключая Дегре, который обращался бы с ней с такой невыносимой наглостью, смешанной с изысканным вниманием.

Загадочные кошачьи зрачки напряженно наблюдали за ней. Внезапно он вздохнул.

— Нет... вы неотразимы.

— Если уж я столь неотразима, — быстро возразила Анжелика, — почему вы заставляете меня стоять перед вами и не предложите сесть? Вас злит, что я не польстилась на эти украшения? И почему, наконец, вы держите меня в плену всю эту ночь?

— Этой ночью мы были в смертельной опасности. Мне никогда не приходилось видеть, чтобы льды доходили до этих широт, где обычно свирепствуют равноденственные бури. Я сам был захвачен врасплох в моих предположениях и вынужден был вступить в бой сразу с двумя опасными соперниками, чей союз обычно бывает непреодолим: буря и льды и вдобавок еще ночь. К счастью, как я уже говорил, внезапная перемена ветра, казавшаяся чудом, несколько уредила волнение на море. Это дало нам возможность отдать все силы борьбе со льдами, и к рассвету опасность миновала. Но вчера вечером мы готовились к катастрофе. И тогда я позвал вас...

— Но почему? — повторила Анжелика, так и не поняв, в чем дело.

— Потому что было много шансов за то, что мы пойдем ко дну, и я хотел, чтобы вы были со мной в час смерти.

Анжелика замерла, глядя на него с изумлением. Она не могла представить, что он говорит серьезно. Конечно, это была очередная мрачная шутка.

Прежде всего она проспала эту грозную, удивительную ночь, не подозревая, что опасность может быть такой близкой. И затем, как он может говорить, что хотел быть с ней в час смерти, когда

обращается с ней с нескрываемым оскорбительным пренебрежением. Она сказала:

— Вы издеваетесь, монсеньер? Почему вы смеетесь надо мной?

— Я не смеюсь над вами и сейчас объясню, почему.

Анжелика овладела собой.

— В таком случае, если опасность была столь серьезной, как вы говорите, знайте, что я желала бы в такой момент быть вместе с моей дочуркой и моими друзьями.

— И особенно с мэтром Габриэлем Берном?

— Конечно,— подтвердила она,— с Габриэлем Берном и его детьми, которых люблю, как своих. Перестаньте же смотреть на меня, как на свою собственность и распоряжаться мною.

— Однако мы должны урегулировать некоторые долговые обязательства, и я вам сказал об этом заранее.

— Возможно,— сказала Анжелика, возмущаясь все больше и больше,— но я попрошу вас, когда в будущем надумаете пригласить меня, делать это в менее оскорбительных выражениях.

— Каких выражениях?

Она повторила то, что сказал ей доктор-араб: «Рескатор желает, чтобы она провела ночь в его каюте».

— Но он точно повторил мои слова. В моих апартаментах вы находились бы в двух шагах от полукюта и в случае фатальной ситуации...— Он прервал сам себя, и сардоническая улыбка появилась на его губах.— Вы, очевидно, надеялись на другой смысл этого приглашения?

— Надеялась? Нет,— сказала Анжелика сурово, платя ему той же монетой.— Опасалась? Да, я не желала бы ни за что на свете принимать знаки внимания от человека, столь непорядочного, человека, который...

— Не бойтесь ничего. Не хочу скрывать от вас, что ваше новое обличье вызвало у меня глубокое разочарование.

— Слава богу!

— Что касается меня, то готов присягнуть, что подобное перевоплощение не обошлось без помощи дьявола. Какая катастрофа! Я хранил память о соблазнительной одалиске с волосами, излучающими солнечный свет, а теперь нахожу женщину в чепчике, мать семьи в мантии аббатисы... Сознайтесь, что есть чему удивиться даже закоренелому пирату вроде меня, который всякого нагладелся.

— И глубоко огорченному, что тот товар спутал его карты, монсеньер. Надо было лучше его хранить, пока он был в цене...

— Ну, довольно! А тогда в датистане на Крите, вы выглядели такой смиренной с опущенными плечами...

Анжелика вновь пережила мгновение позора, когда ее нагота, выставленная на обозрение, воспламеняла взоры мужчин.

«И все-таки мне было в жизни еще хуже».

Внезапная тяжесть прозвучала в его голосе.

— О! Вы были так прекрасны, мадам дю Плесси, с пышными волосами, заменявшими вам одежду, с глазами загнанной пантеры и спиной, исполосованной моим добрым другом д'Экренвиллем... В том облике вы выглядели бесконечно лучше, чем в вашем новом мещанском чванстве... А если добавить еще венчавший вас ореол любовницы короля Франции, вам вообще цены не было... Бесспорно!

Он вывел ее из себя тем, что упомянул тот титул, которым ее увенчала клевета придворных и, особенно, когда дал понять, что тогда она была намного очаровательней, чем теперь. Какой грубиян! Ярость охватила ее.

— Ах, вам не хватает моей заклеянной спины? Ну, хорошо, смотрите! Смотрите же, что сделали слуги короля с так называемой возлюбленной Его Величества!

Она стала обрывать шнуры с корсажа. Раскрыв его и спустив рубашку, она обнажила плечо.

— Смотрите,— повторила она.— Они заклеили меня королевской лилией!

Корсар поднялся и подошел к ней. С видом ученого, открывавшего редкий объект, он внимательно изучил след раскаленного железа.

— Действительно... А гугеноты знали, что укрывают у себя висельницу?

Анжелика уже жалела о своем необдуманном поступке. Рескавтор небрежно поглаживал пальцем маленький затвердевший шрам. Это легкое прикосновение дрожью расходилось по ее телу. Она попыталась привести в порядок одежду, но он помешал, сжав твердыми негибкими пальцами ее плечо.

— Так знали они об этом?

— Только один знает.

— Подобным образом во французском королевстве клеймят лишь проституток и преступников.

Она могла бы сказать ему, что точно так же клеймят и протестанток и что она была принята за одну из них. Но ее все больше охватывало паническое состояние. То, хорошо знакомое ей состояние, когда она чувствовала себя бессильной в руках мужчины, жаждущего только с ней удовлетворить свое желание.

— Ах, не все ли равно,— сказала она, пытаясь освободиться.— Думайте обо мне все, что вам угодно, только отпустите меня.

Но он, как и в тот вечер, так плотно прижал ее к себе, что она не могла ни поднять голову к суровой маске, нависшей над ней, ни повернуться. Одна рука стальным обручем удерживала ее, другая, скользя по шее, стала опускаться к прикрытой рубашкой груди.

— Вы хорошо прячете свои сокровища,— прошептал он.

Годы прошли с тех пор, как мужчина осмеливался ласкать ее так дерзко. Она вся напряглась под властной ладонью, спокойно убеждающейся в том, что ее прелести не потеряли своего очарования.

Рука Рескатора делалась все настойчивее, она знала свою власть. Анжелика не могла пошевелиться и едва дышала. Она переживала странные мгновения. Горячие токи пробегали по ее телу, и в то же время ей казалось, что она умирает.

Однако ее внутреннее сопротивление оказалось сильнее. Ей удалось произнести:

— Отпустите меня!

Судя по тому, как он откинул назад голову, ее слова сильно задели его.

— Неужели я внушаю вам такой ужас? — спросил он, отпуская ее.

Анжелика попятилась к стене и оперлась о нее. Изучающим взглядом он смотрел на нее, и она догадалась о его замешательстве. Она вела себя все еще без должного чувства, столь привычного ее существу.

«Ты уже никогда не станешь настоящей женщиной, — шептал ей полный разочарования внутренний голос. Но она немедленно ответила: — В объятиях этого пирата?.. О нет, никогда! Он достаточно засвидетельствовал мне свое презрение. Понукать и ласкать — эта формула обеспечивала ему успех у женщин Востока, но только не у меня. Если я запуталась в его сетях, он способен будет превратить меня в несчастное существо, погрязшее в разврате... Я уже достаточно пострадала от своих ошибок и без него».

Но как ни странно, неудовлетворение осталось.

«Один он, возможно, смог бы...»

Что с ней только что произошло? Была ли эта знакомая дрожь под крадучивыми пальцами пробуждением ее чувства, искушением ее одиночества? С ним она навсегда забудет страх. Она была в этом уверена, а между тем в ее глазах он мог прочесть непреодолимый ужас. Он ведь не знал, что этот ужас относится не к нему.

И теперь она не смела поднять на него глаза.

Как человек рассудительный, Рескатор по-философски отнесся к своей неудаче.

— Слово чести, вы пугливой девственницы. Кто бы мог подумать? — Он оперся о стол и скрестил руки на груди. — Берегитесь! Ваш отказ чреват последствиями. Что вы скажете о нашей сделке?

— Какой сделке?

— Я ясно понял, когда вы пришли ко мне в Ла-Рошели, что в обмен за погрузку на корабль ваших друзей вы вернете мне невольницу, которую я не смог по полному праву использовать в свое удовольствие.

Анжелика почувствовала себя в положении купца, который пытается обойти статью договора.

Когда она бежала под дождем, одержимая единственной мыслью вырвать всех преследуемых королем с этой проклятой земли, она знала, что, придя с этим к Рескатору, она пожертвует собой. Тогда ей все казалось простым и легким. Единственная вещь, имевшая

значение, была возможность бегства. Теперь он дал понять, что пришла пора платить долг.

— Но... вы же сказали, что я вам не нравлюсь,— начала она с надеждой в голосе.

Ее слова вызвали у Рескатора приступ веселья.

— Плутни и недобросовестность женщин никогда не были вескими аргументами, даже если они неожиданны,— сказал он между двумя взрывами хриплого смеха, который показался ей ужасным.— Моя дорогая, здесь я хозяин! Я могу позволить себе изменить мнение даже в случае с вами. У вас достаточно обольстительности, когда вы входите в раж, и ваша импульсивность имеет свою прелесть. Признаюсь, что у меня только что появилось желание содрать с вас чепчик и грубую шерсть и подальше обнажить то, что вы так любезно показывали мне недавно.

— Нет! — возразила Анжелика, плотнее укутываясь в накидку.

— Нет? — Он приблизился к ней с притворным безразличием. Его поступь была тяжела и неумолима. Несмотря на изящную внешность, которая отличала подлинного идадьго, это был человек, выкованный из стали. Иногда это забывалось. Он умел развлекать, забавлять... Вдруг проявлялась эта непреклонная сила, и тогда он внушал страх.

Сейчас Анжелика знала, что вся ее физическая и нравственная сила ей ничем не поможет.

— Не делайте этого,— сказала она поспешно,— это невозможно! Вы, почитающий законы ислама, вспомните, что они запрещают обладание женщиной, которая имеет живого мужа. Я связала судьбу с одним из моих компаньонов. Мы поженимся... через несколько дней — прямо здесь, на корабле.

Она говорила, сама не зная что. Надо было на скорую руку воздвигнуть барьер между ними. Против ожиданий, ее признание как будто достигло цели.

Пират заколебался.

— Один из ваших компаньонов, говорите? Раненый?

— Д... да...

— Тот, который знает?

— Что знает?

— Что вас заклемили королевской лилией.

— Да, это он.

— Черт побери! Хотя он и кальвинист, смелости ему не занимать! Спутаться с б... вашего пошиба!

Кровь бросилась ей в лицо, хотя она была готова к тому, что он примет ее сообщение с издевкой. И все-таки было видно, что он задет.

«Это оттого, что я упомянула о законах ислама, которые должны быть ему дороги», — сказала она себе.

Словно прочитав ее мысли, он с яростью обрушился на нее.

— Я больше не связан уважением законов ислама, равно как и законов христианских стран, которым следуете вы.

— Безбожник,— испуганно вскрикнула Анжелика,— разве не вы недавно говорили, что мы были спасены от бури милостью божьей?

— Тот бог, которому я приношу благодарность, имеет только отдаленное сходство с богом, причастным к несправедливости и бесчеловечности вашего мира... Зло — вот единственное, на чем держится прогнивший Старый Свет.

Эти резкие слова не были похожи на его обычный стиль. «Все-таки я его задела»,— повторила она. Она была ошеломлена этим, как Давид, с помощью простой пращи, неожиданно победивший Голиафа.

Рескатор грузно опустился на стул, взял из ларца тяжелое жемчужное кольцо и стал рассеянно пропускать его между пальцами.

— Вы давно его знаете?

— Кого именно?

— Вашего будущего супруга.— В его голосе вновь послышались саркастические нотки.

— Да... уже давно.

— Несколько лет?

— Несколько лет,— ответила она, воскресив в памяти того протестанта на коне, который милосердно помог ей на дороге в Шератон, когда она искала цыган, похитивших ее маленького Кантора.

— Это отец вашей дочери?

— Нет.

— Даже не отец!

Смех Рескатора прозвучал как оскорбление.

— Вы знакомы с ним несколько лет, но это ничуть не помешало вам завести ребенка от рыжеволосого любовника.

Она совершенно не поняла, что он хотел этим сказать. «Какой рыжеволосый любовник?» Затем кровь бросилась ей в лицо, и она с трудом взяла себя в руки. Ее глаза метали молнии.

— Вы не имеете права говорить со мной таким тоном. Вы совершенно не знаете моей жизни. Ни обстоятельств, при которых я познакомилась с мэтром Берном, ни откуда взялась моя дочь. По какому праву вы допрашиваете меня, как... как полицейская ищущая?!

— У меня есть на вас все права.

Он сказал это бесстрастно, мрачным тоном, который, однако, казался более опасным, чем угроза. «У меня есть на вас все права».

В этих словах была неотвратимость. И она не могла пренебречь ими, ибо вновь ощутила его превосходство.

«Но я все равно ускользну от него. Мэтр Берн защитит меня!»

Анжелика огляделась вокруг со странным ощущением, что все это происходит вне времени и пространства.

ЗАГАДОЧНЫЕ СЛОВА РЕСКАТОРА

Бледный свет родившегося дня не в достоянии был полностью пробиться сквозь толстые стекла. Комната купалась в переливах светотени, придававших их беседе то таинственный, то зловещий оттенок. Теперь, когда Рескатор был вдали от нее, Анжелика нашла, что он похож на мрачный призрак с единственным светлым пятном: руками, бесцельно перебирающими сверкающую нить жемчужного колье.

Именно сейчас она сообразила, почему сегодня он казался ей каким-то другим.

Он сбрил бороду. И это вызывало ощущение, будто перед ней кто-то другой. С ее сердцем творилось то же, что и в тот вечер, когда она готова была поверить в невероятное. И она опять почувствовала безотчетный страх перед этим человеком, которого она не понимала и который обладал таинственной властью над нею.

Из-за этого человека она перенесет неопишуемые страдания...

Она посмотрела на дверь загадочным взглядом.

— Теперь отпустите меня, — едва вымолвила она.

Очевидно он не услышал ее, затем поднял голову.

— Анжелика... — Его приглушенный голос был эхом другого голоса. — Как вы далеки... Никогда больше я не смогу приблизиться к вам.

Она замерла, широко раскрыв глаза. Почему он говорит с ней таким грустным тоном? Внезапно она почувствовала себя опустошенной. Ноги словно налились свинцом. Она хотела броситься к двери, чтобы избавиться от колдовских цепей, которыми он опутывал ее, но не могла сделать этого.

— Прошу вас, пожалуйста, отпустите меня, — еще раз прошептала она.

— Все-таки надо разрядить нелепую ситуацию. Именно поэтому я и хотел поговорить с вами утром. Затем наши речи ввели нас в заблуждение. Отныне ситуация стала еще более нелепой.

— Я не понимаю вас... Я вообще ничего не понимаю из того, что вы говорите.

— И еще рассказывают о женской интуиции, о зове сердца. Что же мне известно?... Как минимум, можно констатировать, что теперь вы ободраны до нитки. Приступим к делу. Мадам дю Плесси, когда вы прибыли на Крит, одни считали, что вас привели туда торговые дела, другие — встреча с любовником. Третьи утверждали, что вы разыскиваете одного из своих мужей. Какая из этих версий правильна?

— Почему вы спрашиваете об этом?

— О, ответьте! — сказал он с нетерпением. — Вы смертельно

напуганы, согласен, но все же надо держать голову выше. Почему вы боитесь отвечать на мои вопросы?

— Я и сама не знаю.

— Ответ недостойн вашего обычного хладнокровия и свидетельствует скорее о том, что вы начали догадываться, к чему я клоню... Мадам дю Плесси, тот муж, которого вы разыскивали, вы нашли его?

Не в силах произнести ни звука она отрицательно покачала головой.

— Нет?.. А между тем я, Рескатор, знавший всех и все на Средиземном море, берусь утверждать, что он находился в непосредственной близости от вас.

Анжелика почувствовала, как ее тело превращается в зыбкое облако. Она закричала, почти теряя сознание:

— Нет, нет, это неправда!.. Это невозможно! Если бы он был около меня, я узнала бы его среди тысяч!

— Ну что ж, вас это вводит в заблуждение? Тогда смотрите!..

Глава 7

НЕВЕРОЯТНОЕ ОТКРЫТИЕ

Рескатор поднес руку к затылку. Прежде чем Анжелика поняла смысл этого движения, кожаная маска оказалась на коленях пирата, и он повернул к ней непокрытое лицо.

С криком ужаса она закрыла глаза руками. Она вспомнила, как на Средиземном море рассказывали о замаскированном пирате с отрубленным носом. И страх оказаться перед лицом, подобным смерти, невольно заставил ее сделать это.

— Да вы что?

Она услышала, как он встал и идет к ней.

— Рескатор без маски далеко не красавец? Я согласен с вами. Но тем не менее... Неужели вам так трудно переносить правду, что вы не можете посмотреть ей в лицо?

Пальцы Анжелики медленно скользнули по щекам. В двух шагах от нее стоял незнакомый мужчина, однако она его знала. Она вздохнула с облегчением: по крайней мере нос у него был на месте.

Его мрачный пронизывающий взгляд из-под густых бровей был так же выразителен, как и сверкающий недавно за прорезями маски. Черты лица были резкими, на правой щеке виднелись следы старых шрамов. Эти отметины невольно волновали, но устрашающего в нем ничего не было.

Когда заговорил, это был все тот же голос Рескатора.

— Не смотрите на меня такими глазами! Ведь я не призрак... Подойдите ближе к свету. Вглядитесь, это невозможно, чтобы вы меня не узнали...

Он нетерпеливо подвел ее к окну, и она покорно подчинилась все с тем же непонимающим взглядом.

— Посмотрите на меня внимательно... Неужели эти шрамы не будят в вас никаких воспоминаний? Неужели ваша память так же иссушена, как и сердце?

— Почему, — прошептала она, — почему вы сейчас сказали, что на Крите... Он был рядом со мной...

Тревожные огоньки зажглись в черных глазах, следивших за ее лицом. Он резко встряхнул Анжелику.

— Проснитесь! Не делайте вид, что вам все непонятно. На Крите я был рядом с вами. На мне была маска — это правда. Вы не узнали меня, а я не имел времени открыть вам свое подлинное лицо. Но сейчас вы что, ослепли... или сошли с ума?

«Да, я сошла с ума...» — подумала Анжелика. Перед ней находился человек, с помощью каких-то дьявольских сил осмелившийся принять облик Жоффрея де Пейрака.

Это так любимое лицо, долго сохранявшееся в памяти, неизгладимо в глубине ее сердца, умерло в ней и сгладилось в памяти, ибо у нее никогда не было портрета, который напоминал бы о нем.

Теперь произошло обратное. Он воплотился перед нею с непостижимой точностью. Тонкий, благородный нос, сильные, насмешливые губы, четко выступающие под бледной кожей крепкие скулы и такие родные линии шрамов, по которым она некогда нежно проводила пальцами.

— Вы не имеете права делать это, — сказала она безжизненным голосом. — Вы не имеете права походить на него, чтобы лучше обмануть меня.

— Перестаньте бредить. Почему вы отказываетесь признать своего первого мужа?

Она вела борьбу с опасным миражем.

— Нет, нет, вы — это не... он. Он... у него были волосы... огромная черная шевелюра, обрамляющая лицо.

— Мои волосы? Уже давно я лишился этого неудобного украшения. Оно не к лицу пленителю моря.

— Но он... он был хромой! — воскликнула она вне себя. — Можно обрезать волосы, можно одеть маску на лицо, но нельзя сделать, чтобы укороченная нога стала длиннее.

— Но я встретил хирурга, сотворившего со мной это чудо. Хирурга в алой ливрее... с которым вам тоже пришлось познакомиться.

И поскольку она молчала, не понимая в чем дело, он бросил:

— Палача!

Он начал кружить по комнате, разговаривая сам с собой.

— Мэтр Обэн, палач, исполнитель приговора в Париже. Ах, что за искусный человек, чтобы вымотать у вас нервы, превратить мускулы в тряпки и привести вас в соответствующие нормы, установ-

ленные королем. Моя врожденная хромота произошла из-за атрофии сухожилия под коленом. После трех сеансов на дыбе на этом месте была только зияющая рана и моя немощная нога кончила тем, что догнала свою соседку. Было бы, конечно, ложью сказать, что я преобразился мгновенно. Этим обязан главным образом Абд-эль-Мехтару, завершившему так хорошо начатое произведение искусства. И я узнал, что теперь, с небольшим утолщением внизу сапога, моя походка почти не отличается от нормальной. Это непередаваемо приятное ощущение: после 30-ти лет хромоты уверенно почувствовать землю под ногами. Я охотно прыгаю, много гуляю. Я смог дать полную свободу склонностям болезненного мальчугана, а затем отталкивающего мужчины. Тем более, что морская профессия предрасполагает к этому.

Казалось, он говорил сам с собой, но его острый взгляд не отрывался от покрытого восковой бледностью лица молодой женщины. Было похоже, что она по-прежнему ничего не слышит и не понимает. Он подумал, что это состояние шока превосходит его худшие предположения.

Наконец губы Анжелики дрогнули.

— Его голос! Как вы можете претендовать. У него был несравненный голос. Его-то я помню хорошо! Но где же его голос? Золотой голос королевства?

— Мертв!

Горечь в голосе, бросившем эти слова, придавала ему еще большую нестройность. Нет, никогда не сможет Анжелика сочетать то лицо с этим голосом. Рескатор остановился перед ней и произнес с необычной нежностью:

— Вы помните? На Крите? Я сказал вам, что когда-то сорвал голос, вызывая к кому-то слишком далекому: к богу... Но взамен он даровал мне то, о чем я просил: жизнь. Это случилось на паперти Нотр-Дам. Я был уверен, что на этот раз мой последний час пришел. И воззвал к богу. Я кричал очень громко, хотя был уже совершенно без сил. И это сорвало мой голос навсегда.

Сомнения внезапно покинули ее. Он воскресил перед ней те ужасные и незабываемые картины, которые принадлежали только им. Прошло 15 лет с тех пор, как он, осужденный на смерть, в одной рубашке, с веревкой на шее был приведен на паперть Нотр-Дам для публичного покаяния.

Тот несчастный осужденный, доведенный до крайней степени истощения, поддерживаемый палачом и священником, был одним из звеньев той невероятной цепи, которая соединяла блестящего тулузского сеньора с морским авантюристом, стоявшим ныне перед ней.

— Но тогда,— начала она с невыразимым изумлением,— вы... вы являетесь моим мужем?

— Я был им... Буду ли я теперь? Мне кажется, что это не столь уж важно.— И когда он едва заметно насмешливо улыбнулся, Анжелика окончательно узнала его.

«Он жив! — эти слова она часто повторяла про себя, и сейчас они вновь в ее сердце вместе с нотками зловещего разочарования. Не было ослепительного света радости, о которой она мечтала годами. — Он жив... но и мертв также: человек, который любил меня... который пел и не может больше петь. Эту любовь и это пение ничто уже не воскресит... Никогда!»

Грудь ее так болела, будто сердце действительно разрывалось. Она попыталась глубоко вздохнуть, но безуспешно. Черная бездна поглощала ее и она погружалась в нее, унося в бессознательность мучительное ощущение, что к ней пришло что-то грозное и вместе с тем прекрасное.

Глава 8

АНЖЕЛИКА ТЕРЯЕТ СОЗНАНИЕ

Когда Анжелика пришла в себя, ощущение непоправимой катастрофы и неопишемого счастья наполняло все ее существо: волны ледящего холода перемежались с благотворным телом, мрак бездны сменился ослепительным светом.

Она открыла глаза.

Счастье было рядом в образе мужчины, стоявшего у ее изголовья, в чертах лица, от которого она больше не отрекалась.

Закаленное, резко очерченное, ставшее более правильным из-за сгладившихся с годами шрамов, с паутиной времени, появляющейся у мужчин в расцвете сил и лет, это было бесспорно лицо Жоффрея де Пейрака. Самым же приятным было то, что он не улыбался.

Он равнодушно смотрел на нее с выражением такой отрешенности, что, казалось, теперь уже он не узнает ее. Все-таки затуманенную голову Анжелики не покидала мысль о том, что чудо, о котором она столько мечтала, свершилось и ее тянуло к нему.

Он остановил ее предостерегающим жестом.

— Прошу вас, сударыня, не считайте себя обязанной к проявлению страсти, возможно, существовавшей когда-то, я этого не отрицаю, но уже давно угасшей в наших сердцах.

Анжелика замерла, словно пораженная ударом. Мгновения текли. И в наступившей тишине она ясно услышала доносившийся снаружи свист ветра в вантах и парусах, словно душераздирающие стоны, отдающие эхом в ее сердце.

Когда он говорил последние слова, у него был такой же недоступный вид, как некогда у великого тулузского сеньора. Одежда морского разбойника не могла скрыть от нее, что это был ОН.

Смертельная бледность покрывала ее лицо.

Он открыл дверцу шкафчика в глубине салона и что-то в нем перебирал. Со спины это был Рескатор и на мгновение ей почудилось, что все это только дурной сон. Но когда он повернулся, немолчаливый рок явил ей в слабом свете полярного дня забытое лицо.

Он протянул ей бокал.

— Выпейте этой настойки.

Она сделала отрицательный жест.

— Выпейте,— настаивал он грубым, хриплым голосом.

Чтобы покончить с этим и больше не слушать его, она залпом выпила содержимое бокала.

— Теперь вы чувствуете себя лучше? Почему вам сделалось дурно?

Анжелика поперхнулась питьем, закашлялась и никак не могла отдышаться. Его вопросы привели ее немного в себя.

— Как почему? Узнать, что человек, которого оплакивала столько лет, стоит перед моими глазами живой, и вы еще хотите, чтобы я...

На этот раз ее остановила его улыбка. Эта улыбка открыла блеск по-прежнему великолепных зубов. Это была действительно она — улыбка последнего трубадура, только с оттенком грусти и разочарования.

— Пятнадцать лет, сударыня! Лучше подумайте об этом. Попытка самообольщения будет недостойной и глупой комедией. Отныне у нас с вами все разное: воспоминания, страсть...

Вот она правда, которой она боялась посмотреть в лицо, поразившая ее, как острый и холодный кинжал.

Она нашла его, но он не любит больше. Всю жизнь она представляла его в мечтах, протягивающим ей руки. Эти мечты, она в этом убедилась сегодня, оказались пустыми, как и большинство женских фантазий.

«Пятнадцать лет, сударыня! Подумайте об этом!» Он познал другую любовь и, наверно, не одну. А может быть, он женился на другой? На женщине, которую страстно полюбил, гораздо сильнее, чем когда-то любил ее?

На висках выступила холодная испарина, и она почувствовала, что готова вновь потерять сознание.

— Почему вы открылись мне именно сегодня?

Он приглушенно засмеялся.

— Ведь я вам уже сказал почему: чтобы покончить с этой нелепой ситуацией. Я ждал, что вы узнаете меня, пока не убедился в том, что вы тихо и окончательно похоронили меня, ибо ни малейшей тени сомнения не омрачало ваше лицо. Вы расточали любезности вашему раненому и его детям, и, право слово, никакой муж не мог бы иметь лучшей возможности инкогнито следить за неблагоприятными поступками ветреной супруги в этой сомнительной комедии. Я должен был ждать, пока вы придете просить меня, как хозяина, капитана и единственного законодателя на корабле,

сочетать вас с этим торгашом? Это было бы довольно сомнительное удовольствие, не правда ли, мадам де Пейрак?

Она разразилась хриплым смехом, который она не могла больше выносить.

— Замолчите! — закричала она, зажимая пальцами уши. — Все это нестерпимо.

— Не я вам это говорил. Это был крик моего сердца.

Он продолжал иронизировать. Для него было пустяком то, что опустошало ее подобно урагану. Ведь после Крита он знал о ее существовании, и эта встреча не вызвала в нем особого волнения. Когда не любят, на вещи смотрят просто.

Двусмысленность и драматичность создавшейся ситуации тоже забавляли его. И это тоже было знакомо ей. Разве не смеялся он в зале трибунала, когда его приговаривали к смерти?

— Мне кажется, я схожу с ума, — простонала она, ломая руки.

— Нет! — Вид у него был абсолютно равнодушным. — Вы не сойдете с ума из-за такого пустяка. Полноте, вы же сами других сводили... Женщина, которая дала отпор Мулей Измаилу... И единственная женщина-христианка, которой удалось бежать из гарема и из королевства Марокко. Правда, в этом вам помогал один доблестный компаньон, этот легендарный король рабов... как его звали? Ах, да — Колен Патюрель...

И он повторил, пристально глядя на нее:

— Колен Патюрель.

Это имя, произнесенное каким-то странным тоном, проникло сквозь туман, в котором пребывало сознание Анжелики.

— Почему вы вдруг заговорили о Колене Патюреле?

— Чтобы немного освежить вашу память.

Его мрачный сверкающий взгляд пронзил ее. Под его непреодолимой силой Анжелика некоторое время не могла шевельнуться, как зачарованная змеей птица. И только одна мысль кипела в ее мозгу: «Итак, он знает, что Колен Патюрель любил меня... и что я любила его».

Страх обуял ее и ей стало невмогуту. Вся жизнь представилась ей чередой непоправимых ошибок, за которые придется дорого расплачиваться.

«И я познала другие увлечения, но это не надо брать в расчет», — хотелось ей кричать в великолепной женской непоследовательности.

Как объяснить ему это? Любые слова были бессильны. Сама жизнь каменной тяжестью опустила ее хрупкие плечи. Совсем подавленная, она уронила голову и закрыла лицо руками.

— Вы прекрасно видите, моя дорогая, что возражения ни к чему, — журчал его приглушенный, но чужой голос, — я повторяю, что не собираюсь разыгрывать одну из трагикомедий, до которых вы, женщины, так падки. Я предпочитаю во многом относиться к вам, как и к самому себе, без предвзятости. И чтобы окончательно вас успокоить, даже скажу, что ваше волнение мне件нятно. Когда

готовятся вступить в законный брак с новым избранником сердца, не особенно приятно увидеть внезапно появившегося совсем забытого супруга, который, на ваш взгляд, пытается, как при торговой сделке, получить расчет. Он же об этом и не помышляет, успокойтесь, пожалуйста. Разве я говорил, что помешаю вашим планам... если они настолько завладели вами?

Подобная демонстрация снисходительности была самым худшим оскорблением, которое она могла ожидать. То, что он считал возможным ее брак с другим, значило более, чем ясно, насколько она безразлична ему. Он превратился в закоренелого беспардонного грешника. Это непостижимо! Кто-то из них определенно лишился рассудка!

Слушая оскорбительные слова, Анжелика переменяла униженную позу. Она выпрямилась и бросила на него надменный взгляд, машинально протягивая руку, на которой она когда-то носила обручальное кольцо.

— Сударь, для меня ваши слова лишены смысла. Пятнадцать лет могли пройти, но раз вы живы, не приходится сомневаться, что я остаюсь вашей супругой перед богом, если не перед людьми.

Мимолетное волнение пробежало по лицу Рескатора. Под обликом женщины, которую он отказывался признать своей женой, снова появилась юная девушка из благородного рода. Но затем подаренный ею до боли острый образ был вытеснен знатной дамой, в которую она превратилась... в Версале. «Самая прекрасная из дам, — говорили ему, — больше королева, чем сама королева».

Мысленно он сбросил с нее эти тяжелые грубые одеяния и представил ее в полном великолепии, с белоснежной спиной под огнями люстр, с плечами, гордо несущими тяжесть драгоценностей, в то время как она выпрямляется таким же гибким и непокорным движением. И это было невыносимо.

Он встал, как бы вопреки желанию, оставаться бесстрастным он не мог, напряжение этой сцены заставило дрожать все фибры его души. Но лицо его было таким же суровым и непроницаемым, когда после долгого молчания обратился к Анжелике.

— Это верно. Вы в самом деле единственная женщина, когда-либо бывшая моей женой. Но вы, конечно, и не подумали подражать мне и, насколько мне известно, довольно скоро нашли заместителя.

— Я была уверена, что вас нет в живых.

— Плесси-Бельер, — продолжал он медленно, как бы собираясь с мыслями. — Я никогда не жаловался на плохую память и сейчас припоминаю, как вы рассказывали об этом маленьком кузене, слывшем красавцем, в которого вы тогда были чуточку влюблены. Какая превосходная возможность: неожиданно избавиться от навязанного отцом неудачного и к тому же колченогого мужа и осуществить долго хранимую в тайне мечту.

Анжелика с мольбой приложила руки ко рту.

— Неужели это все, что осталось от того чувства, которое я вам посвятила? — сказала она горестно.

— Вы были очень молоды... На какое-то время я расположил вас к себе. И вскоре понял, что более очаровательной супруги мне не найти. Но мне тогда и в голову не приходило сомневаться в вашей верности. Впрочем, оставим это... Мне кажется бесполезным анализировать прошлое. Так же, как и пытаться его воскресить. Однако, как вы успели заметить, вы все еще являетесь моей женой и я имею право задать вам несколько вопросов, касающихся не только вас...

Его черные брови снова нахмурились, затеняя глаза, бывавшие почти золотистыми, когда их озаряла радость или лукавство. Но гнев или подозрение делали их мрачными и пронизывающими.

Мало-помалу Анжелика распознавала за ними тот прежний чарующий взгляд. «Ах, это он! Это действительно он», — думала она, изнемогая от сделанного открытия и не зная, принесет ли оно радость или отчаяние.

— Что вы сделали с моими сыновьями? Где они?

— Ваши сыновья?

— Мне кажется, я выразился достаточно ясно. Да, мои сыновья. И ваши! Конечно, те, чьим отцом я являюсь. Старший — Флоримон, родившийся в Тулузе во Дворце Веселой Науки. Младший — Кантор, его я не видел, но узнал о его существовании. Где они? Где вы бросили их? Не знаю, почему, но мне казалось, что отыщу их среди этих преследуемых людей. Мать, спасающая своих сыновей от злой участи, вот та роль, за которую я был бы вам признателен. Но среди погрузившихся мальчиков нет ни одного из моих. Впрочем, вы не кажетесь перегруженной заботами и о своей дочери. Так где же они? Почему вы не взяли их с собой? На кого вы их оставили? Кто заботится о них?

Глава 9

ОБМАНЧИВОЕ СРАВНЕНИЕ

Легче было бы подвергнуться распытию, чем отвечать. Какими словами объяснить отсутствие двух мальчуганов, исчезнувших навсегда. Только ради них переносила она невзгоды и страдания. Как она хотела вырвать их из нищеты и восстановить в законных правах. В мечтах она видела их сильными, красивыми, обеспеченными, блестящими... Но ей не суждено увидеть их взрослыми. Они потеряны навсегда. С трудом она ответила:

— Флоримон уехал давно... Тогда ему было 13 лет. Я так и не узнала, что с ним произошло. Кантор... погиб девятилетним. — Ее ровный, без модуляций голос казался безучастным.

— Я ждал вашего ответа. И сомневался в нем. Чего я вам никогда не прощу, — сказал Рескатор, яростно сжимая челюсти, — это равнодушие к судьбе моих сыновей. Они напоминали о том периоде, который вы желали бы забыть. Вы попросту их бросили. Вы гнали за наслаждениями, любовными утехами. И теперь без волнения признаетесь, что о единственном, кто еще возможно жив, вы ничего не знаете. Я мог бы вам многое простить, но это — нет. Никогда!

Анжелика замерла, как пораженная громом, затем бросилась к нему, дрожащая, смертельно бледная. Из всех предъявленных ей обвинений это было самое отвратительное, самое несправедливое. Он упрекал ее за то, что она забыла его — и это было неправдой, за то, что она изменила ему — и это было частичной правдой, за то, что она никогда не любила его — и это было чудовишно.

Но она не могла вынести обвинения в том, что она — плохая мать, ибо за своих сыновей всегда готова была отдать последнюю каплю крови. Может быть, она не была очень ласковой матерью и домоседкой, но в ее сердце всегда жили Флоримон и Кантор... и он.

Он, который посмел сегодня бросить ей в лицо такой упрек, в то время, как долгие годы сам блуждал по морям, ничуть не заботясь ни о ней, ни о детях.

Разве он избавил их от нищеты, в которую ввергло невинных его падение? Разве она виновата в том, что Флоримон всегда был ребенком без имени и титула, бесправней любого нищего? Она расскажет, при каких обстоятельствах погиб Кантор. Это случилось по его вине! Потому что французская галера, на которой находился юный паж герцога де Вивонна, была потоплена пиратским бригом Рескатора.

Она задыхалась от возмущения и страданий. Но только собралась заговорить, как неожиданная волна резко качнула корабль. Ей пришлось ухватиться за стол. Этой короткой передышки хватило Анжелике, чтобы удержаться от непоправимых слов. Имеет ли она право объявить отцу, что он виноват в гибели своего ребенка? Разве недостаточно судьба покарала Жоффрея де Пейрака? Его хотели казнить, у него отняли все достояние, его изгнали, превратив в странника, лишив всех прав, кроме тех, которые он смог заново завоевать своей шпагой. Можно ли негодовать из-за того, что он в конце концов превратился в совершенно другого человека, выкованного неумолимым законом тех, кто должен убивать, чтобы не быть убитым?

Суровая действительность порождала другие требования. Кому бы принесла она пользу в этом хаосе, раскрыв вдобавок ко всему, что он погубил их ребенка?

Нет, она никогда не скажет ему этого! Но она откроет ему немного то, о чем он, видимо, не мог знать. Ее слезы, ужас молодой неопытной женщины, брошенной в пучину нищеты и одиночества. Она не расскажет, как погиб Кантор, но как родился — обязатель-

но: вечером у костра на Гревской площади, и как она была несчастна, толкая по обледененным парижским улицам тачку, из которой выглядывали посиневшие от холода маленькие личики ее сыновей.

Возможно, тогда он поймет. Он осудил ее, но только потому, что не знал, что ей пришлось пережить. Неужели он останется бесчувственным, когда узнает все? Смогут ли слова раздуть искры, может быть, еще тлевшие в пепле сердца? Сердца, так же опустошенного, как и ее.

Но она оставалась способной любить. В таком случае она упадет к его ногам и будет умолять его. Она выскажет ему все, что собралось у нее на сердце. Что она всегда любила его. Что без него жила только ожиданием, с постоянным чувством неудовлетворения. Не она ли против воли короля бросилась, как безумная, на поиски его, что подвергло ее бесчисленным опасностям?

Но тут заметила, что Рескатор отвернулся от нее. Он с удивлением следил за дверью салона, которая тихо-тихо приоткрывалась. В этом было что-то необычное. Ведь мавр был превосходным сторожем. Кто мог позволить себе войти без разрешения в апартаменты грозного владыки? Ветер или туман?

Из двери потянуло ледяным холодом, образовавшим в теплом воздухе причудливые шлейфы тумана. Из-за этой неосязаемой завесы появилось крохотное видение: сатиновый чепчик цвета зеленого яблока над огненными волосами и два блестящих глаза. Позади него выглядывало пожелтевшее от холода, закутанное лицо берберийца-часового.

— Почему ты позволил ей войти? — спросил Рескатор по-арабски.

— Ребенок искал мать.

Онорина бросилась к Анжелике.

— Мама, где ты была? Мама, иди ко мне!

Анжелике стало не по себе. Она смотрела, как одурманенная, на поднятое к ней круглое личико, на черные пронзительные глаза. Чужой облик дочери так ее поразил, что на какое-то мгновение чувства, которые она испытывала прежде, охватили ее: ужас перед этим существом, против ее воли появившимся на свет, отказ считать ее своей, отречение от собственной крови, смешавшейся в этом ребенке с нечистым источником, возмущение против всего, что было, и жгучий стыд.

— Мама, всю ночь тебя не было!.. Мама!

Ребенок настойчиво повторял это имя, которое обычно употреблял редко.

— Мама... Мама!..

Онорина была тут. Она была символом всего непростительного, печатью, поставленной на дверях потерянного рая, как тогда королевские печати на дверях Дворца Науки обозначали навсегда конец мира, эпохи, счастья...

Картины прошлого проходили перед глазами Анжелики. Вздыхнув, она взяла Онорину за руку.

Жофfrey де Пейрак разглядывал девочку, прикидывая ее возраст: три года, четыре? Значит, это не дочь маршала дю Плесси. Чья же тогда? По иронической, презрительной полуулыбке она прочла его мысли. Случайный любовник? «Рыжеволосый красавец».

И такое приписывают маркизе дю Плесси, возлюбленной короля Франции, вдове графа де Пейрака!.. И к тому же, она никогда не сможет сказать ему правду. Сознаться в таком позоре труднее, чем показать постыдную омерзительную язву. Она навсегда сохранит его в себе вместе с неизгладимыми шрамами на ее теле и в ее сердце, с ожогами на ногах, вылеченными Коленом, со смертью малютки Шарля-Анри...

Онорина, рожденная от неизвестного насильника, и ей суждено расплачиваться за все объятия, в которые вольно или невольно попадала Анжелика.

Филипп, поцелуй короля, примитивная и пылкая страсть бедного нормандца — князя рабов, полицейский Дегре, расточавший ей веселые и непристойные наслаждения, и более утонченные, которые она испробовала с герцогом де Вивонном... Ах! Еще она забыла Ракоцкого и многих других...

Какие долгие годы протекли... и умерли для него и для нее. Но они не могут изгладиться из памяти.

Граф произвольно поглаживал себя по подбородку. Ему явно недоставало недавно пожертвованной бороды.

— Признайтесь, моя дорогая, что мы в затруднительном положении.

Как он мог по-прежнему иронизировать, когда она еле удерживалась на ногах от боли в сердце!

— При всем желании прояснить его, я констатирую, что оно стало еще более неясным... Все нас разделяет.

— Идем, мама! — повторяла Онорина, теребя мать за юбку.

— Вы, конечно, не придаете большого значения той близости, которая несколько часов назад отвлекла ваши мысли, целиком занятые другим...

— Идем, мама!

— Да замолчи ты!.. — Анжелика чувствовала, что голова готова разорваться.

— Что касается меня... то я старый морской орел, привыкший к одиночеству. За исключением кратких супружеских лет, которые прожил тогда в вашем очаровательном обществе, женщины всегда играли в моей жизни только эпизодические роли. Узнав это, вы будете, возможно, польщены. Но это породило склонности, которые отнюдь не располагают меня вновь очутиться в шкуре примерного мужа. Этот корабль не так уж велик, мои апартаменты тесноваты... Я хочу кое-что вам предложить. Соберем свои жетоны на время путешествия и будем считать, что партия закончилась вничью.

— Вничью?

— Будем жить на своих прежних местах. Вы, госпожа Анжелика, останетесь среди ваших компаньонов, а я останусь у себя.

Итак, он отрекается от нее, отвергает ее. Откровенно говоря, он не знал, как с ней поступить. И он решил отправить ее назад к тем, с кем она сблизилась за последние месяцы.

— А вы хотя бы попросили меня забыть те разоблачения, которыми меня удостоили,— в ее голосе звучал сарказм.

— Забыть их? Нет. Но в любом случае не предавать огласке.

— Идем, мама,— повторяла Онорина, продолжая тянуть ее к дверям.

— Чем больше размышляю об этом, тем больше убеждаюсь, что вашим друзьям совершенно незачем знать о том, что вы были моей женой. Они еще вообразят, что вы моя сообщница.

— Ваша сообщница? Но в чем?

Вместо ответа он наморщил лоб и погрузился в размышления.

— Вернитесь к ним и ничего не говорите. Это бесполезно. К тому же, вас могут принять за сумасшедшую. Эта история об исчезнувшем и вновь найденном муже, который увозит вас на своем корабле в то время, как сами вы не можете его узнать, может, согласитесь, показаться подозрительной.

Он повернулся к столу, чтобы взять кожаную маску, надежное укрытие лица от соленых брызг и людского любопытства.

— Не говорите ничего. Не давайте им повода к подозрениям. Тем более, что это не те люди, которые могут внушить мне доверие.

Анжелика была уже у дверей.

— Хотя в этом наше мнение совпадает,— процедила она сквозь зубы. Обернувшись, она пожирала его глазами.

Он уже был в маске. Это помогло ей разобраться в том, что он пытался ей втолковать. Перед ней стояли два человека совершенно разных: Жоффрей де Пейрак и Рескатор. Изгнанный великий сензор и пенитель моря, отвергший старые привязанности, чтобы сделать своим достоянием суровое настоящее. Как ни странно, но сейчас он показался ей более близким. Ей легко было обращаться к нему только как к Рескатору.

— Мои друзья беспокоятся, монсеньер Рескатор, не понимая, куда вы их завезли. Ведь это довольно необычно, встретить льды на широте Африки, где мы должны быть.

Он подошел к испещренному странными знаками глобусу из черного мрамора. Протянув к нему руку, он провел пальцем по инкрустированным золотом линиям. После долгого молчания он равнодушно ответил:

— Скажите им, что Северная дорога тоже ведет к Островам.

ЖОФФРЕЙ ДЕ ПЕЙРАК РАЗМЫШЛЯЕТ

Граф Жоффрей де Пейрак, сиречь Рескатор, проскользнул в люк и стремительно спустился по крутой лестнице, ведущей в самое чрево корабля. Следуя за белым бурнусом мавра, освещавшего дорогу фонарем, он пробиравался по узкому лабиринту проходов.

Легкое покачивание настила под ногами укрепляло возникшее в нем ощущение покоя: опасность миновала. Несмотря на то что они шли в сплошном тумане, тревожном и холодном, оседавшим тонким слоем инея на такелаже и палубах, он знал, что все будет хорошо. «Голдсборо» шел с легкостью судна, которому ничего не угрожает.

Ведь Рескатору был знаком в нем каждый скрип, любой шорох от кили до верхушек мачты, все, что составляло могучее тело корабля, предназначенного для полярных морей, построенного по его собственным чертежам в Бостоне, где находились главные верфи Северной Америки.

Продвигаясь вперед, он касался руками влажного дерева не столько в поисках опоры, сколько для того, чтобы сохранить контакт с непобедимым телом любимого корабля.

Между тем, выдержанная прошлой ночью ожесточенная борьба с враждебным морем и льдами не оставила в его душе обычного удовлетворения, но зато вместо радости победы наполнила его ощущением приобретенного богатства, которое никто не смог бы у него отнять.

Затем ему пришлось выдержать другую бурю и, хотя он и защитился от нее, она произвела в нем опустошение. Можно ли было вообразить себе подобный фарс, где гнусность так беспардонно препиралась бы с ним? Пока он воздержался назвать это словом «драма».

Он всегда старался дать каждому событию точное определение. С женщинами, как правило, происходят истории, больше отдающие фарсом, чем драмой. Даже если речь идет о его собственной жене, он не мог удержаться от смеха, вспоминая макет почти классической комедии: забытый на пятнадцать лет супруг, дающий кров на борту своего корабля и оставшийся неузнанным, и голубка, собирающаяся с его благословения свить гнездышко с новым избранником. Известно, что судьба не скупится на расходы для забавных представлений. Но тут она перешла границы. Должен ли он благословлять ее за это?

Ни он, ни она не желали возврата к прошлому. Тогда почему он завел разговор сегодня утром? Раз уже она не смогла узнать его, не проще ли было оставить ее с этим затхлым протестантом?

Как яркий свет ослепляет в темноте, так неожиданно мелькнувшая мысль пронзила его мозг.

«Глупец! Для чего тебе нужны сто жизней, бесчестная игра со смертью, если ты всегда прятал от себя настоящую правду! Сознайся, что ты не можешь сделать это потому, что ты не вынесешь!»

Мрачным взглядом, в котором вспыхивали искорки гнева, он огляделся вокруг. Несколько изурнованных людей спало в гамаках и на грубых кушетках, пристроенных возле пушечных лафетов, но орудийные люки были открыты, ибо вторая батарея плохо вентилировалась. Жоффрей де Пейрак распорядился поместить здесь часть экипажа, чтобы предоставить лучшее помещение пассажирам.

Время от времени спящих обрызгивало волной и слышалось недовольное ворчание.

Это место было недалеко от ватерлинии. Ясно слышался плеск и бормотание волн. Невольно хотелось приласкать их, как большое укрощенное животное.

Он подошел к одному из люков. Свет проникающего в него дня был окрашен сине-зелеными отблесками моря. Жоффрей де Пейрак обычно внимательно относился к нуждам экипажа, но сейчас ему было не до того.

По длинным бледно-зеленым валам пробегали причудливые токи и зеркальные блики, своей игрой произвольно воскрешавшие в его памяти глаза, от очарования которых он так хотел избавиться.

«Нет, не могу этого вынести! — подумал он снова. — Если бы она хоть стала мне безразличной. А ведь это далеко не так!»

Его собственное желание не могло упростить грядущие события. Трезвый взгляд не всегда дает возможность найти лучшее решение. Он мог сказать себе, что в возрасте, когда мужчина достигает второй вершины в жизни, он обладает достаточным спокойствием, чтобы не бояться подобных внутренних конфликтов. Дороги ненависти, отчаяния, зависти всегда казались ему слишком бесплодными, чтобы он находил удовлетворение следовать ими. Ему удавалось избегать их вместе с ревностью до того дня, когда один вестник сообщил ему, что «вдова» мадам де Пейрак вновь счастливо сочеталась браком с очень красивым и очень распутным маркизом дю Плесси де Бельер. Он довольно легко пережил крушение своих иллюзий. По крайней мере так ему казалось.

Рана, без сомнений, была более глубокой. Все, что выпало на его долю, он претерпевал ради единственной женщины, которой больше не существовало и которая уже не могла возродиться.

Дойдя в своих размышлениях до этого пункта, он подумал, глядя на море, о глазах бездонной зелени и в приступе внезапной ярости захлопнул крышку люка.

Стоявший позади него мавр Абдулла приготовился потушить фонарь.

— Нет, мы спустимся вниз. — И он последовал за рабом в новый

темный колодец, открытый тут же в полу батареи. Это занятие стало для него слишком привычным, чтобы отвлечь от навязчивых мыслей.

Вся его воля уже не в состоянии была избавить его от наваждения — Анжелики. Впрочем, и на дно трюма он отправился частично из-за нее.

Раздражение, злоба, замешательство — он не знал, что в нем преобладало. Но только не равнодушие, увы! Как будто чувства, которые смогла внушить ему женщина, потерявшая за пятнадцать лет право называться его женой и изменявшая ему при всяком удобном случае, были уже достаточно полноценными, чтобы воскресить желание!

Почему она решилась на этот неожиданный для него необычный жест, срывая свой корсаж, чтобы показать клеймо на плече?

Его тогда не так поразил вид позорного знака, как красота поистине королевской спины. Он, требовательный эстет, знающий толк в женской красоте, был ею ослеплен.

Тогда у нее еще не было такой совершенной линии спины, потому что она едва освободилась от хрупких форм девичества. Ей было только семнадцать лет, когда он женился на ней. Теперь он вспоминал, что лаская юное, невинное тело, он иногда мечтал о той красоте, которую сформирует в Анжелике жизнь, материнство, великосветские почести... И вот оказывается, что другие довели ее до полного совершенства.

В момент, когда он меньше всего этого ожидал, Анжелика полностью завладела им. Ее торс, освобожденный от бесцветной бесформенной одежды, оказался неотразимым, подобным статуям, воздвигнутым на островах Средиземноморья богиням плодородия.

Сияние белой, как молоко, кожи внезапно возникшей в печальном съете северной зари, движение сильных плеч, полных и вместе с тем исполненных нежности и чистоты, гладкие и крепкие руки, легкая складка на свободном от волос затылке, придающая ему какую-то невинную прелесть, — все это пленило его с первого взгляда, и он приблизился к ней, пронзенный ошеломляющим ощущением, что она стала гораздо прекраснее, чем когда-то, и что она должна принадлежать ему!

Но как она сопротивлялась! Как защищалась! Можно поверить, что дело кончилось бы эпилептическим припадком, попытайся он зайти слишком далеко. Что же все-таки было в нем такого, что внушало ей страх? Его маска? Спрятанное под ним лицо? Или ощущение чего-то неприятного, таившегося в нем и чего он сам не мог заметить?

Единственное, в чем он убедился, это то, что она не пыталась его увлечь. Ее желания были откровенно другими.

— Пошли, пошли, — говорил он нетерпеливо мавру. — Я же сказал тебе, что спустимся до самого низа, в трюм для арестантов. «Они заклеили ее королевской лилией, — подумал он. — За какое преступление? За проституцию? До чего же она докатилась! И по-

чему?.. Какие обстоятельства вынудили ее попасть под влияние гугенотов? Кающаяся грешница?.. Пожалуй, это на нее похоже.»

Он сомневался, что легко получит ответ на свои вопросы, и вызываемые ими образы тем более волновали его.

«Заклейменная королевской лилией. Мне знакомо логово, холодный ужас тех мест, где фабрикуют страдания и гнусности. Ужас перед жаровней, где раскаляются диковинные орудия. Для женщины это страшное испытание! Как она его перенесла? Но почему? Или король, ее любовник, лишил ее покровительства?»

Они дошли до самого низа. Здесь, во мраке, не слышался даже шум моря. Тяжелое чувство одиночества охватывало среди тонких деревянных переборок. Сырость буквально пронизывала. Жоффрей де Пейраку вспомнились сочащиеся влагой своды камеры пыток в Бастилии и Шателе. То, что ему удалось выбраться оттуда живым, было достаточным, чтобы успокоиться навсегда.

Но Анжелика?! Он отказывался представить себе ее в этих ужасных местах. Ее бросили на колени? С нее сорвали сорочку! Она отчаянно кричала и выла от боли?

Он оперся о поперечный брус, и араб, думая, что он хочет проверить содержимое открывшегося в проходе отсека, высоко поднял фонарь. В его свете показались груды окованных железными обручами сундуков, а также прочно принайтованные блестящие предметы, форму которых трудно было сразу определить.

Затем неожиданно стали просматриваться резьба и завитки, украшавшие диваны, столы, вазы, всевозможную дорогую утварь — все из чистого золота, а кое-что и из платины. Пламя плясало, оживляя царское величие благородных металлов, которым не могли повредить ни сырость, ни соль.

— Ты созерцаешь свои сокровища, господин? — раздался портанный голос мавра.

— Да,— ответил де Пейрак, ничего не видя перед глазами.

Он направился дальше и вдруг, когда в конце узкого прохода зацепился за тяжелую медную дверь, его охватило раздражение.

— Да тут еще это бесполезное золото!

Торгаши в Испании напрасно ждут его прибытия. Из-за ларошельцев ему пришлось изменить курс, не закончив плавания, которое должно было стать его последним плаванием с золотом, и довести до благополучного конца переговоры о будущих торговых соглашениях. И все это ради женщины, на которую он даже не мог предъявить свои права. Никто и никогда не заставлял его совершать подобные промахи в делах. Но гугеноты заплатят! Они дорого заплатят! И в конце концов все закончится благополучно.

ЖОФФРЕЙ ДЕ ПЕЙРАК И БЕРН

Он бесшумно открыл пальцем глазок, закрывавший за решечное отверстие, и наклонился, чтобы посмотреть на арестованного.

Тот сидел прямо на полу перед фонарем, испускавшим тусклый свет и жалкие крохи тепла. Его скованные цепями руки лежали на коленях и вся поза выражала терпение. Жоффрей де Пейрак не доверял ему. То, что

Анжелика, некогда такая взыскательная, оказалась способной полюбить этого тупого, холодного гугенота, приводило его в ярость. Какого дьявола католичка такого высокого происхождения, как Анжелика, могла делать с этим угрюмым коммерсантом?

После чудесного избавления от опасностей Ислама, куда ее бог знает зачем занесло, разве она не продолжила свои подвиги при Дворе? Когда он думал о ней, она представлялась ему, как живая: царственная осанка под сеньями Версаля — и зачастую он признавался себе, что она создана для этого блеска. Неужели уже тогда, когда он повез ее на свадьбу Людовика XIV, маленькая карьеристка, которая училась у него уму-разуму, рассчитывала возвыситься до трона короля? Она уже тогда была самой прекрасной, самой нарядной, но могли ли он похвастаться, что это юное сердце навсегда у него в плену? Кому известно, каким женщины представляют себе счастье? Для одной предел желаний — жемчужное ожерелье, для другой — милостивый взгляд короля, для третьих — единственная любовь, для следующих — домашние радости...

Но Анжелика? Он никогда не догадывался, что скрывается за гладким лбом женщины-ребенка, когда рассматривал ее, спящую рядом, утомленную и удовлетворенную первыми забавами любви.

Только слишком поздно он узнал, что она добилась своей цели в Версале, и он сказал тогда себе: «Это справедливо. В сущности, она была создана для этого!» Разве не ее сразу же нарекли самой прекрасной невольницей Средиземного моря?

К нему подошел со связкой ключей в руке мальтиец, охранявший трюм. По знаку хозяина он открыл окованную медью дверь. Рескатор вошел в темницу. Габриэль Берн поднял на него глаза. Несмотря на бледность, его взгляд оставался ясным и твердым.

Некоторое время они молча осматривали друг друга. Лароше-лец не торопился просить объяснений по поводу бесчеловечного обращения, которому его подвергли. Если уж этот черный замаскированный человек снизошел до визита к нему, то не для того, чтобы сделать несколько замечаний или пригрозить. Другая причина воздвигала между ними непреодолимую преграду — женщина!

Берн с напряженным вниманием рассматривал одеяние своего тюремщика. Он мог оценить его с точностью до одного луидора. Все материалы были высокого качества, даже маска была шедевром искусства ремесленника: жесткая и тонкая одновременно.

Что произошло этой ночью между пиратом-краснобаем, привыкшим предлагать себя женщинам точно так же, как драгоценности или перья, и госпожой Анжеликой, лишенной всего несчастной изгнанницей?

Только от одной мысли об этом мэтр Берн сжал кулаки и легкий румянец окрасил его лицо. Рескатор нагнулся к нему, коснулся рукой сплошь залитой кровью куртки торговца и сказал:

— Ваши раны снова открылись, мэтр, и вы находитесь здесь, на дне трюма. Из самой элементарной осторожности вам следовало хотя бы этой ночью соблюдать установленный на борту порядок. Когда корабль в опасности, неперменной обязанностью пассажиров является не вызывать никаких инцидентов и ни в коем случае не мешать маневрам, подвергая опасности всех.

Эта тирада не смутила ларошельца.

— Вы знаете, почему я вынужден был так поступить. Вы незаконно задержали у себя одну из наших женщин, которую мы имели наглость, как... как какую-то рабыню заставить прийти к себе. И по какому праву?

— Я мог бы ответить: по праву владыки.

И Рескатор продемонстрировал самую сардоническую из улыбок.

— ...По праву хозяина добычи!

— Но мы же доверились вам.

— Нет.

Человек в черном взял табурет и уселся в нескольких шагах от заключенного. Красноватый свет фонаря особенно подчеркнул их различие: один — тяжеловесный, словно высеченный из гранитной глыбы, другой — укрытый непроницаемой броней. Когда Рескатор сажился, Берн заметил, как отбрасывая плащ назад, тот как бы невзначай положил руку уверенным, полным естественного изящества жестом на серебряную рукоять длинного пистолета.

«Он дворянин, — мелькнуло у него в голове. — Нет, он бандит, но, без сомнения, человек высокого ранга. Куда мне с ним тягаться!»

— Нет! — повторил Рескатор. — Вы не доверились мне. Вы не были со мной знакомы, вы не заключали со мной никакого договора, хотя бы на словах. Вы примчались к моему кораблю, чтобы спасти свою жизнь, и я впустил вас. Вот и все. Но не думайте, что я отказываюсь от долга гостеприимства. Вы имеете лучшее помещение и питание, чем мой экипаж, и никто из ваших жен и дочерей не может пожаловаться, что к ним пристают или не дают покоя.

— Но госпожа Анжелика...

— Она даже не гугенотка. Я хорошо ее знаю еще до того, как

она принялась цитировать Библию: Я не считаю ее одной из ваших женщин.

— Но она скоро будет моей женой! И на этом основании я должен ее защищать. Вчера вечером я пообещал, если она не вернется через час, вырвать ее из ваших лап.

Он наклонился вперед и от этого движения зазвенели скрывающие его руки и ноги цепи.

— Почему дверь на нижнюю палубу была заперта?

— Чтобы не лишать вас удовольствия высадить ее ударом, как вы и сделали, мэтр Берн.

Ларошелец почувствовал, что теряет терпение. Он сильно страдал от ран, но испытание, которому подвергались его ум и сердце, было еще горше. Последние часы он находился в полубреду.

— Я женюсь на ней,— сказал он твердо.— Что за важность, если она не разделяет наших верований? Мы не так нетерпеливы, как вы, католики. Я знаю ее как женщину преданную, мужественную, достойную уважения. Я не знаю, монсеньер, кем она была для вас и при каких обстоятельствах вы с ней познакомились, но знаю, что она жила в моем доме и делала все для моих близких, а этого мне достаточно.

Его охватила тоска о прошлых днях, когда присутствие скромной и проворной служанки совершенно, помимо его сознания, малопомалу озарило их жизнь.

Он очень был бы изумлен, узнав, что пробудил в собеседнике чувства, очень похожие на испытываемые им самим: ревность и сожаление.

«Итак, этот торговец подметил в ней такую черточку, о которой я и не знал,— подумал Жоффрей де Пейрак.— И именно он должен был сообщить мне, что она существует для других и потеряна мной много лет назад».

— Вы давно с ней знакомы?

— Нет, не больше года.

Жоффрей де Пейрак подумал, что Анжелика солгала ему в этом пункте. А для какой цели?

— Как вы познакомились, что побудило ее поступить к вам служанкой?

— Это мое дело,— ответил Берн с досадой,— и вас это не касается.

— Вы любите ее?

Гугенот оставался безмолвным. Вопрос заставил его коснуться запретной области. Он был им шокирован, как форменным бесстыдством. Насмешливая улыбка противника усугубляла его замешательство.

— Ах, как трудно для кальвиниста произнести слово «любовь». Оно может ободрать вам губы.

— Сударь, мы должны говорить о любви только к богу единому. Вот почему я не произношу это слово. Наши земные привязанности его недостойны. Один бог царит в глубине наших сердец...

— А женщина царит у вас под брюхом,— грубо оборвал его де Пейрак.— За что мы и таскаем ее на своем горбу всю жизнь. И против этого мы не можем ничего поделать, ни вы, ни я, мэтр Берн... ни кальвинист, ни католик.

Он встал, нетерпеливо оттолкнул табурет и, нагнувшись к гугеноту, гневно сказал:

— Нет, вы ее не любите. Люди вашей породы не любят женщин. Они принимают их услуги и удовлетворяют с ними свои желания, а это не одно и то же. Вы хотите обладать этой женщиной и потому собираетесь на ней жениться, чтобы ваша совесть была чиста.

Габриэль Берн побагровел. Он с трудом пытался сохранить независимый вид.

— Люди моей породы не привыкли слушать нравоучения от какого-то пирата, бандита, жалкого грабителя.

— Да что вы знаете об этом? Будь я пиратом, мои советы были бы необязательны для человека, собирающегося вступить в брак с женщиной, достойной королей. Вы сами хотите ее хорошо рассмотреть, мэтр Берн?

Последнему удалось встать на колени. Он оперся о стенку и бросил на Жоффрея взгляд, в котором горел огонь безумия.

Его разум помутился.

— Я пытаюсь забыть первый вечер, когда увидел ее с распущенными по плечам волосами... на лестнице. Я не хотел оскорблять ее в моем доме, я постился, я молил всевышнего. Но часто я вынужден был вставать, побуждаемый искушением, и, зная о том, что она находится под моей кровлей, я не мог даже спокойно отдыхать.

Он тяжело дышал, согнувшись почти вдвое не столько от физических страданий, сколько от унижения, вызванного его признаниями, и Пейрак смотрел на него с невольным изумлением.

«Купец, купец, ты не так уж далеко ушел от меня,— думал он.— Я так же вставал в те времена, когда эта дикая козочка держала меня в ежовых рукавицах и не подпускала к себе. Конечно, я не молил бога и не постился, но печально рассматривал в зеркале свое малоблагообразное лицо, считая себя глупцом».

— Да, это трудно вынести,— Рескатор говорил тихо, словно обращаясь к самому себе.— Обнажить свое одиночество и слабость перед лицом изначальных стихий: Моря, Уединения, Женщины. Когда приходит час встретиться с ними лицом к лицу, не знаешь, что надо делать. Но разве можно отказаться от борьбы? Невозможно.

Берн снова распростерся на соломенной подстилке. Он задышался, и струйки пота стекали по вискам. Произнесенные слова звучали так непривычно для его слуха, что он сомневался в реальности этой сцены.

— Вы кощунствуете, говоря так об этих вещах,— сказал Берн,

немного отдышавшись. — Как это женщина может быть приравнена к стихии или сущности ее.

— Однако это так. И отрицать власть женщины так же опасно, как и преувеличивать ее. Море тоже прекрасно, но вы рискуете погибнуть, пренебрегая его могуществом, и вы все равно погибнете, если не успеете его обуздать. Видите ли, мэтр Берн, перед женщиной я всегда склоняюсь, независимо от того, молода она или стара, красавица или дурнушка.

— Вы смеетесь надо мной.

— Я доверяю вам свои секреты оболыщения, вы их используете, господин гугенот?

— Вы злоупотребляете своим положением, чтобы унижить и оскорбить меня, — взорвался Берн, задыхаясь от негодования. — Вы презираете меня, потому что вы есть или были высокородным сеньором, тогда как я всего лишь простой мещанин.

— Вы заблуждаетесь. Вы должны были заметить, что я говорю с вами на равных, просто как мужчина с мужчиной. И я давно привык оценивать людей только по их человеческим достоинствам. Между нами единственная разница: я знаю, каково быть лишенным куска хлеба, вообще всего на свете, кроме слабого огонька жизни, готового вот-вот погаснуть. Вы же этого еще не познали. Но познаете, без сомнения. Что же касается оскорбления, то именно вы были слишком фамильярны по отношению ко мне: бандит, грабитель...

— Ладно, я признаю, — сказал Берн, тяжело вздыхая. — Но в данный момент сила в ваших руках и я в вашей власти. И что вы намерены сделать со мной?

— Вы не легкий соперник, мэтр Берн, и не будь я уверен в себе, то попросту убрал бы вас с дороги. Но оставлять все шансы на своей стороне никогда не было в моих правилах. Я игрок и люблю держать пари. Должен признаться, что порой это обходится мне очень дорого. Тем не менее предлагаю и на этот раз бросить жребий. Мы будем еще несколько недель в пути. Я вас освобожу. Условимся, что к концу путешествия мы предоставим госпоже Анжелике право самой выбрать одного из нас. И если она предпочтет вас, я уступлю ее. Отчего такая недовольная гримаса? Похоже, вы не уверены в победе.

— Начиная с Евы, женщин всегда привлекает зло.

— Что-то вы не особенно уважаете свою избранницу. Неужели вы считаете не стоящим внимания то оружие, которым располагаете для ее завоевания: молитвы, воздержание... что там еще... прелесть добропорядочной жизни, которую вы ей обеспечите со своей стороны... Даже в этих чужих землях, куда мы направляемся, респектабельность в цене. Это как раз и может быть слабым местом госпожи Анжелики.

Рескатор говорил насмешливым тоном, и протестант испытывал невыносимые муки. Сарказм Рескатора заставил его заглянуть в глубину собственного сердца, и он испугался обнаружить там рань-

ше времени сомнение. Ибо теперь он сомневался в самом себе, в Анжелике, в верности тех достоинств, которыми наделил ее, чтобы нейтрализовать дьявольскую силу того, кто бросил ему перчатку.

— Вы-то считаете все это слишком ничтожным, чтобы увлечь женщину,— заметил он с горечью.

— Возможно... Но вы не так уж обездолены, как вам это кажется, мэтр Берн, потому что у вас есть другое оружие.

— Какое же? — спросил пленник с вызывающей сочувствие тоской.

Рескатор оглядел его. Он подумал, что и на этот раз становится на путь излишнего усложнения начатой игры, столь много значившей для него. Но разве смог бы он узнать, что представляет собой в действительности Анжелика, ее мысли и чаяния, лишив соперника возможности бороться на равных.

Улыбаясь, он наклонился к нему.

— Мэтр Берн, знайте же, что раненый мужчина, который нашел в себе силы вышибить дверь, чтобы вырвать любимую из рук подлого совратителя, и затем брошенный в темницу сохранил еще достаточно... скажем, темперамента, чтобы брыкаться подобно бешеному быку при одном ее упоминании, на мой взгляд, является человеком, обладающим лучшими козырями в игре с женским непостоянством. Сила плоти — вот главный козырь нашей власти над женщинами... Вы мужчина, Берн, полноценный самец и поэтому я не уступлю вам за здорово живешь право сыграть свою партию.

— Замолчите! — зарычал вне себя ларошелец. Негодование подняло его на ноги и он загремел цепями в тщетной надежде разорвать их. — Вы не знаете слов: «Всякая плоть, как трава, и вся ее слава, как полевой цветок. Засыхает трава — и цветок опадает, когда ветер всевышнего подует вниз...»

— Возможно... Но, признайте, пока этот ветер не дует вниз, цветок кажется еще более желанным.

— Будь я папистом, — сказал Берн, теряя терпение, — я бы перекрестился, потому что вы одержимы дьяволом.

Тяжелая дверь закрылась. Он слышал удаляющиеся шаги своего палача и затихающие отзвуки голосов, говоривших по-арабски. Несколько мгновений он стоял в оцепенении, затем пошатнулся и тяжело упал на пол. Его не покидало ощущение, что за последние дни он преодолел порог того, что называют смертью. Он вступал в иную жизнь, в которой прежним ценностям не было более места.

Как же ему быть в таком случае?

СТРАДАНИЯ АНЖЕЛИКИ

Анжелика добралась до нижней палубы, где располагались протестанты. Она оказалась сидящей в углу около закрытой бронзовой пушки, где она расположила свои немногочисленные пожитки, не понимая, как перешла палубу с Онориной за руку, опускаясь по крутым лестницам, как в тумане огибая препятствия, связки канатов, всевозможные бочки, чаны, занятых уборкой матросов. Из всего этого она не увидела ничего.

Сидя теперь в углу, она еще меньше понимала, что тут делает.

— Госпожа Анжелика! Госпожа Анжелика! Где же вы были? — Хитрое личико Лорье склонилось над ней. Северина обняла ее за плечи худенькой ручкой.

— Расскажите нам.

Дети окружили ее. Все они были закутаны в какие-то лохмотья, куски юбок. Бледные лица и покрасневшие носы детей без слов говорили об их состоянии. По привычке она протянула к ним руки и приласкала.

— Бедные, вы замерзли?

— Нет, нет, — бойко зашебетали они.

Малыш Геден Каррер объяснил:

— Горбун, этот морской карлик, сказал, что сегодня можно сделать теплей, только если зажечь корабль, потому что недалеко до полюса, но скоро поплывут ближе к югу.

Она слушала их, но ничего не понимала.

Взрослые держались в стороне и изредка посматривали на нее: один с отвращением, другие с жалостью. Что значило ее долгое отсутствие ночью? Ее растерянный вид подтверждал, увы, самые ужасные подозрения и обвинения, с которыми вчера вечером Габриэль Берн выступал против хозяина корабля.

«Этот бандит полагает, что имеет все права на нас, на наших женщин... Братья мои, теперь мы знаем точно — мы на пути к Островам».

И когда Анжелика не вернулась, он хотел направиться на поиски ее. Легко представить его ярость, когда обнаружил, что дверь заперта снаружи на засов. Тогда, несмотря на свои раны, он попытался проломить створку толстой деревянной двери, а затем с помощью колотушки ему удалось повредить засов. Видя, что его не уговонишь, Маниголь сильным ударом завершил начатое. Ледяной ветер ворвался внутрь, и женщины заметались, не зная, как укрыть детей.

Неожиданно появился боцман, изрыгающий невероятные проклятия, и, крепко удерживаемый тремя матросами, Берн исчез во мраке.

С тех пор его не было видно.

Затем пришли два плотника, с невозмутимым видом починили дверь и снова заперли ее. Корабль сильно качало. Женщины и дети инстинктивно чувствовали, что ночь грозит опасностью. Они прижались друг к другу и держались смирно, мужчины же долго обсуждали, как себя вести, если с мэтром Берном или его служанкой что-нибудь случится.

Заметив, что Анжелика ведет себя с детьми как обычно, Абигель и юная булочница, очень любившая ее, решились обратиться к ней.

— Что он вам сделал? — прошептала Абигель.

— Что он мне сделал? — повторила Анжелика. — Но кто это — ОН?

— Рескатор...

Это имя что-то взорвало в мозгу Анжелики, и она с гримасой боли приложила ладони к вискам.

— Он?.. Но ему нечего было со мной делать. Почему вы спрашиваете об этом.

Бедные девушки в замешательстве онемели. Анжелика даже не попыталась понять причину их растерянности. Одна единственная мысль не шла у нее из головы: «Я нашла его, а он не признал меня. Он не признал меня своей, — поправилась она. — Тогда для чего были все грезы, все вздохи, все надежды... С сегодняшнего дня я стала вдовой».

Дрожь прошла по ее телу. К ней подошел подталкиваемый женой Маниголь.

— Госпожа Анжелика, надо поговорить. Где Габриэль Берн?

Посмотрев на него непонимающим взглядом, она запротестовала:

— Я ничего не знаю об этом!

Маниголь рассказал о ночном инциденте, вызванном долгим отсутствием Анжелики.

— Наверно этот пират выбросил Берна за борт, — раздался голос адвоката Каррера.

— Вы с ума сошли!

Постепенно она начала воспринимать реальность происходящего.

Итак, в то время, как она спала у Рескатора, Берн учинил скандал, чтобы прийти ей на помощь. Рескатор должен был знать об этом. Почему же он не сказал ей ни слова? Хотя, правда, им о стольком надо было поговорить.

— Послушайте, бесполезно возмущаться и пугать детей невероятными предположениями. Если это правда, что мэтр Берн вызвал гнев капитана или команды этой ночью, когда каждый маневр требовал исключительного внимания, то я полагаю, что он должен быть заперт в каком-нибудь закутке. Но ни в коем случае речь не может идти о покушении на его жизнь. Я готова поручиться за это.

— Увы, у таких темных личностей расправа бывает коротка,— мрачно пробурчал адвокат.— И вы тут ничего не поделаете.

— Тупица! — крикнула Анжелика, чувствуя непреодолимое желание влить ему пощечину. Эта вспышка привела ее в себя и, оглядевшись вокруг, она убедилась, что, несмотря ни на что, жизнь шла своим чередом.

В тусклой полутьме трюма, где все люди были закутаны из-за холода, проступали необыкновенно будничные лица ее спутников. Они были полностью погружены в свои повседневные заботы. Трудно было предположить, что их могла бы взволновать разыгравшаяся с ней драма.

— В конце концов, госпожа Анжелика,— продолжал Маниголь,— если вы считаете, что неблагоприятные действия этих пиратов не заслуживают порицания, тем лучше для вас. Но мы очень озабочены судьбой Берна. И мы хотим надеяться, что вы не останетесь в стороне.

— Я пойду справиться о нем,— сказала она, вставая.

— Останься, мама, останься,— заплакала Онорина, испугавшись, что снова надолго останется одна.

Ведя ее за руку, Анжелика вышла. На палубе она сразу наткнулась на Никола Перро, сидевшего на связке канатов с трубкой в зубах, в то время как его индеец, скрестив ноги, заплетал свои черные волосы, наклоняя в сторону голову, как девушка за туалетом.

— Трудная ночь,— со сведущим видом сказал канадец.

Анжелика с удивлением подумала, что же он может, собственно, знать. Но затем сообразила, что он имел в виду только трудные часы, проведенные в борьбе с бурей и льдами. Ведь положение было очень напряженным для всего экипажа.

— Это правда, что мы были на волосок от гибели?

— Только благодаря богу мы ее избежали и до сих пор живы,— сказал он, перекрестившись.— Это проклятые места. Хоть бы поскорее увидеть мой родной Гудзон.

Она спросила, не мог бы он справиться об одном из пассажиров, исчезнувшем этой бурной ночью.

— Я слышал, что его заковали в цепи за неповиновение. Монсеньер Рескатор как раз сейчас допрашивает его внизу.

Итак, она могла сообщить остальным, что их друг не был выброшен за борт. Появились повара с неизбежной кислой капустой, кусками солонины и лакомством для детей: засахаренными дольками лимонов и апельсинов. Пассажиры с шумом располагались поудобнее. Принятие пищи и послеполуденная прогулка являлись их единственным развлечением.

Онорина быстро разделалась с порцией и теперь жадно поглядывала на миску, стоявшую на коленях Анжелики.

— Мама, ты не будешь есть?

— Не называй меня неправильно мамой,— раздраженно сказала Анжелика.— Раньше ты этого не делала.

До ее слуха долетали обрывки разговора.

— Вы утверждаете, Легаль, что мы не попадем на острова Зеленого Мыса?

— Я гарантирую вам это, патрон. Мы находимся на севере. Далеко на севере.

— А куда мы попадем, следуя этим курсом?

— В края, где промышляют треску и бьют китов.

— Ура! Мы увидим китов,— закричал один из малышей, хлопая в ладоши.

— А где может быть место высадки?

— Кто знает? Где-нибудь в Ньюфаундленде или Новой Франции.

— В Новой Франции? — воскликнула жена булочника. — Но тогда мы угодим прямо в лапы папистов. — Она принялась причитать. — Теперь ясно, что этот бандит решил нас продать.

— Замолчите, дура!

Мадам Маниголь решительно вмешалась:

— Если бы у вас было хоть на грош здравого смысла, вы сообразили бы, что этому, как вы говорите, бандиту незачем было рисковать своим кораблем у стен Ла-Рошели, где он потерял один якорь, только для того, чтобы продать вас с другой стороны океана.

Анжелика с удивлением посмотрела на мадам Маниголь, которая восседала с величественным видом на перевернутом баке. Это седалище, возможно, было не очень удобно для такой пышной особы, но тем не менее она с аппетитом ела серебряной ложкой из великолепной миски.

«Как все-таки ей удалось спрятать это под своими юбками во время посадки», — машинально подумала Анжелика.

Маниголь не удержался и с раздражением принялся поучать жену.

— Вы меня просто удивляете, Сара. Будто дело только в том, что хозяин этого корабля польстил вашим... вашим причудам, дав возможность сохранить эту миску. Я привык видеть вас более строгой в суждениях.

— Мои рассуждения разумнее ваших. Я не хочу сказать, что человек, чье положение легко распознать и чья благовоспитанность подсказывает ему, кому оказывать знаки внимания, должен вызывать доверие, но я считаю, что он не может быть подлецом.

И она добавила с невинным видом:

— А что думает о нем госпожа Анжелика?

— О ком вы говорите? — переспросила та, чувствуя себя не в состоянии что-либо ответить.

— Да о НЕМ же! — закричали все женщины разом. — О хозяине «Голдсборо»... замаскированном пирате... о Рескаторе. Госпожа Анжелика, вы ведь были с ним знакомы, скажите же нам, что он собой представляет?

Анжелика в растерянности смотрела на них. Казалось неправ-

доподобным, что именно ей задают подобный вопрос. В тишине прозвучал голосок Онорины:

— А я хочу палку. Я хочу сильно побить черного целовека.

Маниголь пожал плечами, призывая стены в свидетели женской глупости.

— Вопрос заключается не в том, кто он, а в том, куда нас везет. Вы можете нам это сказать, госпожа Анжелика?

— Еще сегодня утром он утверждал, что мы направляемся на Острова. Северная дорога ведет туда так же, как и южная.

— Хотелось бы верить. А что думаешь об этом ты, Легаль?

— Право, это вполне возможно. Этим путем редко пользуются, но, спускаясь по побережью Америки, так или иначе очутишься у Антильских островов. Возможно, наш капитан предпочитает этот путь другому, более оживленному.

Тут приковылял горбун и жестами показал, что все могут идти на прогулку. Нескольким женщин остались, чтобы произвести уборку. Анжелика вновь погрузилась в свои мысли.

— Почему ты спишь, мама? — спросила Онорина, увидев, что она спрятала лицо в ладонях.

— Ах, оставь меня в покое!

Мало-помалу оцепенение покидало Анжелику. Но ощущение потрясающего удара оставалось. И горькая правда все больше заполняла ее сознание. Все произошло не так, как мечталось, но все же произошло. Ее так долго оплакиваемый муж не был более далеким фантомом в недоступной части света, а находился в нескольких шагах от нее. Когда она о нем думала, то мысленно говорила ОН. Она никак не могла решиться называть его Жоффреем, настолько он отличался от того, кого она некогда так называла. Но он уже не был больше Рескатором, таинственным чужеземцем, который так ее интриговал.

Этот человек больше не любил ее! «Но что же мне делать, если он больше меня не любит? Если он сомневается в моей любви? Могу ли я попрекнуть его теми годами, когда для меня не было места в его жизни? Ведь ни он и ни я не хотели этой разлуки. Тогда почему бы не попытаться навсегда забыть о нем? Но мужчина всегда рассуждает по-другому, этого нельзя забывать. По той или иной причине из-за Филиппа или из-за короля, но он больше не любит меня... и самое худшее то, что он абсолютно равнодушен ко мне».

Страшное беспокойство охватило ее. «Может быть, я постарела? Я действительно должна была внезапно постареть за эти последние недели, со всеми изнуряющими заботами, предшествовавшими нашему отъезду из Ла-Рошели». Она осмотрела свои огрубевшие с потрескавшейся кожей руки, руки настоящей служанки. Великому эпикурейцу было от чего ужаснуться.

Анжелика никогда не придавала чрезмерного значения своей красоте. Конечно, она ухаживала за ней и старалась ее сохранить, как и подобает женщине со вкусом, но ее никогда не охваты-

вала боязнь потерять свою прелесть. Это божий дар, которым она была награждена с детства, должен был, казалось, оставаться с ней до конца жизни. Впервые она внезапно почувствовала его недолговечность. Ей нужно было успокоиться.

— Абигель, — обратилась она к подруге, — у вас есть зеркало?

Да, зеркало у Абигель было. Мудрая дева, для которой приличия и хорошо одетый чепчик были добродетелями, запаслась этим аксессуаром, забытым многими более кокетливыми женщинами.

Она подала его Анжелике, которая стала жадно в него вглядываться.

«Я хорошо знаю, что у меня есть несколько седых волос, но он не мог их увидеть под чепчиком... за исключением первого вечера, когда я появилась на «Голдсборо», но тогда голова у меня была мокрая и седину нельзя было различить».

Она провела пальцем по лбу. Разве ее лицо постарело? Нет. Щеки, правда, потеряли округлость, но темный цвет кожи, придававший ей величественный вид, разве не был одной из достопримечательностей ее лица, вызываемого восхищение в Версале и зависть мадам де Монтеспан?

Однако, как знать, что может подумать о ней мужчина, который сравнивал ее с хранящимся в памяти девическим обликом.

«Я столько пережила сегодня... Сама жизнь невольно наложила на меня свой отпечаток.»

— Мама, найди мне палку, — потребовала Онорина, — человек в черном это бука... я хочу убить его, — продолжала бубнить Онорина.

В дверях показался, окруженный пассажирами, мэтр Берн. Двое матросов, на которых он опирался, довели его до постели. Он выглядел слабым, но не подавленным. Скорее возбужденным. Его глаза метали молнии.

— Этот человек — сам дьявол! — объявил он окружающим, когда матросы удалились. — Он обращался со мной возмутительным образом. Он меня пытал...

— Пытал? Ранено? Какой подлец!

Возмущенные восклицания неслись отовсюду.

— Вы говорите о Рескаторе? — спросила мадам Маниголь.

— А кого же я еще могу иметь в виду? — Берн был вне себя. — В жизни не имел дела со столь гнусной особой, Я был там, закованный по рукам и ногам, а он пришел, чтобы стегать меня, вертеть на жаровне...

— Он действительно пытал вас? — спросила Анжелика, проскользнувшая к нему с расширенными от ужаса глазами. Одна мысль, что Жоффрей мог превратиться в человека, способного на подобную жестокость, приводила ее в отчаяние. — Он действительно пытал вас?

— Нравственно, морально, хочу я сказать. Ах! Да не стойте у меня перед глазами, вы!

— У него снова лихорадка,— прошептала Абигель.— Надо сделать перевязку.

— Но мне сделали перевязку. Приходил старый варвар-доктор со снадобьями. Затем меня освободили и подняли наверх... Никто не сумел бы лучше вылечить тело и так растоптать душу. Нет, не прикасайтесь ко мне.— Он закрыл глаза, чтобы не видеть Анжелику.— Оставьте меня в покое. Я хочу спать.

Друзья Берна отошли. Анжелика осталась у его изголовья. Она чувствовала себя ответственной за его тяжелое состояние.

Сначала ее отсутствие толкнуло его на опасные действия. Незатянувшиеся раны вновь начали кровоточить, а он должен был провести долгие часы в спертый атмосфере на самом дне трюма, где Рескатор — ее муж — окончательно его доконал.

О чем они могли говорить эти так не похожие друг на друга мужчины? Берна не заслужил такого жестокого обращения, подумала она в порыве внезапной нежности. Ведь он радушно ее встретил, был ее другом и советчиком. Это был человек справедливый и прямой, обладавший большой нравственной силой. Это из-за нее, Анжелики, строгое достоинство, за которым он сдерживал естественные чувства, было прорвано, как плотина разбушевавшимся морем. Из-за нее он пошел на убийство.

Воскрешая в памяти недавнее прошлое, она не заметила, что Берна снова открыл глаза. Он смотрел на нее, как на волшебное видение, пораженный тем, как она смогла за такое короткое время полностью овладеть всеми его помыслами. До такой степени, что стала безразлична к собственной судьбе. Теперь он хотел только одного: вырвать Анжелику из-под дьявольского влияния ДРУГОГО.

Все его естество было заполнено ею. Отныне его свободное существование, лишенное всего, чем было до сих пор, заполнено: его торговли, любви к своему городу, защиты его веры,— испуганно открывало дорогу любви плотской. Внутренний голос твердил ему: «Это только кажется трудным... Склониться над женщиной... Поставить на ней печать своей плоти...» Кровь стучала в висках. «А может быть, только это даст мне избавление и привяжет ее ко мне?»

Он горел в лихорадочном возбуждении, вызванном словами Рескатора. Ему хотелось увлечь Анжелику в какой-нибудь темный угол и силой овладеть ею, не столько из-за любви, сколько из мести за ту власть, которую она над ним приобрела.

— Вы посмотрели вдруг на меня, как на врага,— прошептала Анжелика.— В чем дело? Что он мог такого сказать, чтобы вы так изменились, мэтр Берна?

Ларошельский купец глубоко вздохнул.

— Это правда, я сам себя не узнаю, госпожа Анжелика. Нам надо обвенчаться... и поскорее...

Прежде чем она успела ответить, он позвал Боккера.

— Пастор, идите сюда! Слушайте меня. Надо освятить наш союз... и немедленно.

— А не мог бы ты потерпеть, мой мальчик, по крайней мере до тех пор, пока немного поправишься,— попытался успокоить его старый священник.

— Нет, я не успокоюсь, пока дело не будет сделано.

— Где бы мы ни были, церемония должна быть законной. Я могу благословить вас именем всевышнего, но только капитан один является представителем мирской власти. Надо просить его разрешения произвести запись в корабельном журнале и получить свидетельство об этом.

— Он даст это разрешение,— прорычал Берн.— Он дал мне понять, что не будет противиться нашему союзу.

— Это невозможно! — закричала Анжелика.— Как можно хоть на секунду поверить в этот маскарад? Тут действительно есть из-за чего потерять рассудок! Он прекрасно знает, что я не могу выйти замуж за вас... Я не могу и не хочу.

И она удалилась, боясь, что у нее начнется истерика.

— Маскарад,— с горечью произнес Берн.— Вы хорошо видите, пастор, как далеко она зашла. И еще говорят, что мы не добыча этого презренного чародея и пирата. Мы в его власти на этой ореховой скорлупе. Для него существует только море... и одиночество. Я никогда не питал ни к кому ненависти, даже к нашим преследователям. Разве я не был до сего дня праведным человеком, пастор? А теперь я в этом больше не уверен...

Глава 13

ОНОРИНА БРОСАЕТСЯ В МОРЕ

Она проснулась как после тяжелой болезни. С чувством беспокойства и вместе с тем облегчения. Ей снилось, что он сжимал ее в объятиях на берегу моря, смеясь и крича: «Наконец вы со мной! Навсегда желанная женщина!» Она некоторое время оставалась неподвижной, слушая, как в ней затихает эхо этого сна. А если это был не просто сон, а отражение действительности?

Она напряженно пыталась воскресить мимолетное видение. Когда он обнимал ее, ясно было, что желанной была она, его жена. Так же и на Крите, когда его внимательные глаза из-под маски старались ее ободрить, именно ее он защищал. Ее он пришел вырвать из когтей страшных торговцев женщинами, ибо знал, что это была ОНА.

«Но в то время я была еще красавицей!» — мелькнула у нее мысль.

Да, а на побережье у Ла-Рошели? С тех пор прошла одна неделя, а кажется, мир переменялся, особенно между рассветом этого дня, когда он снял маску, и наступающим вечером.

Анжелика проспала только несколько часов. Открытая вдали дверь казалась четырехугольником раскаленной меди. Пассажиры собрались на палубе для вечерней молитвы. Она поднялась, чувствуя во всем теле ломоту.

«Я не должна с этим соглашаться! Нам надо поговорить».

Она разгладила убогое платье и долго рассматривала темную шероховатую материю. Несмотря на успокаивающее воспоминание о пригрезившихся объятиях, ее не покидал страх. Слишком много неведомого было в человеке, с которым она хотела сблизиться.

Она боялась его.

«Он так изменился! Стыдно сказать, но... я предпочла бы видеть его по-прежнему хромым. Тогда бы я его сразу узнала на Крите и лишила возможности упрекать меня в отсутствии инстинкта и сердца. Как будто это было так легко с его маской. Я женщина, а не ищейка королевской полиции... как Сорбона».

Она нервно рассмеялась над этим нелепым сравнением. Затем ее снова охватила печаль. Из всех упреков, сделанных им в ее адрес, вопросы о сыновьях были самыми болезненными.

«Мое сердце ежедневно кровоточит из-за их потери, а он смеет обвинять меня в равнодушии! Как же плохо он знал меня...»

Мигрень ее усилилась, и каждый нерв был натянут, как струна. Тут ей в голову пришла идея, заставившая ее вздрогнуть: «А что он, собственно, делал на подступах к Ла-Рошели? Мог ли он знать, что я нахожусь там? Только ли случай привел его в эту бухточку?»

Затем она решила, что необходимо увидеть его и поговорить. «Даже если и окажусь навязчивой, нельзя оставить все так, как есть, иначе я сойду с ума».

Она прошла между вещами и остановилась перед мэтром Берном. Тот продолжал спать. Его вид вызвал у нее двойственное чувство. Она ничего не имела бы против, если бы он вообще не существовал, и в то же время желала того же Жоффрею де Пейраку, истязавшему человека, единственным грехом которого было только то, что он был ее другом и хотел на ней жениться.

«Если бы я не рассчитывала только на де Пейрака, все эти годы, когда он исчез...» Он должен узнать, что ей пришлось вынести и что если она стала женой Филиппа, если поднялась до Двора, это была большая игра, имевшая целью спасти ее сыновей от жалкой участи. Она пойдет к нему, она пойдет и выскажет все, что накопилось в сердце.

Тени уже сгущались на главной палубе. Плотная группа протестантов в темных одеждах была едва различима. Слышалось бормотание вечерних молитв. Но наверху, на экспланате, все

стекла которой горели рубиновым огнем, Анжелика, подняв глаза, увидела ЕГО, и сердце ее учащенно забилось. В своей маске, озаренной последними лучами солнца, он выглядел таким загадочным, но это был он, и безумная радость, которой она не испытывала утром, внезапно наполнила Анжелику, сметая все сомнения.

Она бросилась к ближайшей лестнице и стала стремительно подниматься, не обращая внимания на брызги. На этот раз ее не остановят ни насмешливые взгляды, ни ледяные слова. И пусть он только ее выслушает!

Но когда поднялась на экспланаду, все ее намерения рухнули при виде открывшегося зрелища. Радость улетучилась и остался только страх.

Там была Онорина, внезапно возникшая, как и сегодня утром. Совсем крохотная у ног Рескатора, она подняла к нему круглое, задорно сморщенное личико, одновременно с усилием засовывая кулачки в карманы передника. Анжелика вынуждена была схватиться за перила, чтобы не упасть назад.

— Что ты тут делаешь? — спросила она беззвучным голосом.

Заметив ее, Рескатор обернулся.

— Вы пришли вовремя. Я как раз размышлял над смущающей наследственностью этой юной особы. Представьте себе, она украла у меня тысячи на две ливров драгоценностей.

— Украла? — повторила ошеломленная Анжелика.

— Войдя к себе, я застал ее опорожняющей ларец, который я открыл для вас сегодня утром. Пойманная на горячем, очаровательная барышня отнюдь не раскаялась и дала мне без обиняков понять, что не собирается вернуть мне добро.

К сожалению, измученная переживаниями Анжелика не способна была легко отнестись к происходящему. Сознывая, как унижена Онорина, она бросилась к ребенку, чтобы отобрать ее добычу. Ей удалось раздвинуть маленькие пальчики и извлечь два бриллианта, изумруд и сапфир.

— Ты гадкая злюка! — кричала Онорина. Взбешенная перенесенным поражением, она отступала, глядя на обоих с яростью, комичной для такого крохотного существа. — Ты злюка! Вот я тебя как стукну! Я так тебя стукну, что ты улетишь в Ла-Рошель... А потом будешь идти пешком... аж сюда...

Рескатор разразился хриплым смехом. Нервы Анжелики не выдержали, и она с лету закатаила дочери пощечину. Разинув рот, Онорина посмотрела на нее и тут же разразилась пронзительным ревом. Вне себя она завертелась волчком и вдруг бросилась к лестнице, ведущей в коридор, и, как гном, понеслась по узкой закраине, оглашая воздух криком. Высокая волна положила корабль на левый борт и девочку облило водой.

— Задержите ее! — вскрикнула Анжелика, чувствуя себя парализованной, как в кошмарном сне.

Онорина продолжала бежать. Добравшись до конца прохода,

она стала взбираться на большую грудку снастей. С ее вершины перед ней открылось свободное пространство. Корабль еще раз качнуло, и зрители, замершие от стремительности этой сцены, с ужасом увидели падающую за борт малютку.

Безумному крику Анжелики и возгласам эмигрантов ответили голоса членов экипажа. Один матрос стрелой пролетел в воду. Двое других бросились к принаитованному на палубе баркасу, чтобы спустить с него шлюпку. Стоявшие рядом Легаль и рыбак Жорис пришли к ним на помощь. Корабль повернулся другим бортом. В мгновение ока перила левого борта запестрели взволнованными лицами. Капитан Язон скомандовал в рупор отойти всем собравшимся у борта, чтобы не мешать спуску шлюпки.

Анжелика ничего не видела и не слышала. Она вслепую подбежала к перилам и только чья-то мощная рука помешала ей упасть в море. Перед ее глазами плясало туманное фиолетовое пространство в зеленых и белых бликах. Наконец она разглядела выплывший темный взъерошенный шар, перед которым маячил маленький зеленый шарик. Темным шаром оказалась голова нырнувшего матроса, зеленым — чепчик Онорины.

— Он держит ее, — раздался голос Рескатора. — Теперь остается ждать, пока подойдет шлюпка.

Анжелика продолжала отчаянно отбиваться, но его железная рука удерживала ее. Под скрип блоков шлюпка поднялась и, покачиваясь, остановилась перед спуском. В этот момент раздался крик:

— Альбатросы!

Словно возникшие из пены волн, две гигантские птицы взлетели над головами матроса и ребенка и закрыли их белыми крыльями. Острые клювы были готовы растерзать эту легкую добычу.

Анжелика кричала, как безумная. Раздался мушкетный выстрел. Это Рескатор схватил оружие мавра Абдуллы, стоявшего рядом. Качка не помешала ему точно прицелиться и поразить одну из птиц, которая, истекая кровью, распласталась на волнах. Другой выстрел сделал Никола Перро из поданного ему индейцем мушкета. Второй альбатрос отчаянно забил крыльями, пытаясь улететь, но рана была смертельная.

Державший Онорину матрос смог теперь свободно плыть в сторону шлюпки. Немного спустя Анжелика получила маленький, промокший, чихающий, задыхающийся пакет.

Она чуть не задушила ее в объятиях. В эти ужасные минуты, которые показались ей вечностью, она проклинала себя за то, что довела дитя до такого приступа гнева. Девочка была невиновна. Взрослые, увлеченные своими дурацкими конфликтами, оставили ее забытой и покинутой. И она отомстила за это, как смогла. Все страхи и угрызения совести Анжелики вызвали в ней порыв злобы против того, чье безжалостное отношение к ней заставило ее, мать, довести ребенка до отчаяния.

— Это по вашей вине, — закричала она, повернув к нему иска-

женное гневом лицо, — из-за того, что вы чуть не довели меня до безумия вашими злыми словами, я могла потерять дочь. Я ненавижу вас, ненавижу того, кто прячется под этой маской! Если он превратился в подобного человека, уж лучше бы он умер.

И она убежала, чтобы укрыться, как раненое животное, в своем углу около пушки, где она раздела Онорину. Судя по тому, как девочка брыкалась, жизнь ее была вне опасности, но она могла застудиться в ледяной воде. Эмигранты окружили их. Предлагались всевозможные рецепты, увы, неосуществимые из-за отсутствия таких средств, как пиявки или горчичники.

Доктор Альбер Парри вызвался сделать кровопускание. Увидев приближающееся лезвие ножа, Онорина испустила дикий вопль.

— Оставьте ее. Она и так уже достаточно переволновалась, — сказала Анжелика. Она удовлетворилась тем, что взяла немного рома, который ежедневно выдавался мужчинам, чтобы растереть маленькое холодное тельце. Затем закутала ее в теплое покрывало. С порозовевшими щеками и сверкающими глазенками сухая Онорина воспользовалась этой передышкой, чтобы неудержимо извергнуть добрую порцию соленой воды.

— Какая ты противная, — не удержалась Анжелика. Внезапно ее раздражение исчезло. Нет, она не позволит свести ее с ума. Ни Жоффрей де Пейраку, ни Габриэль Берну, ни этой чертовке не удастся заставить ее потерять здравый смысл. Ее муж воскрес, однако больше не любит ее. Ну и что ж? То, что она смогла перенести такое потрясение из-за дочери, подтверждало крепость ее нервов.

В полном спокойствии она принялась снова обтирать Онорину. Покрывало было уже непригодным. Старая Ревекка предложила ей что-то вроде меховой шубы, очень уютной.

— Это хозяин корабля дал мне ее, чтобы согреть мои старые кости, но эту ночь я как-нибудь перебыюсь.

Анжелика осталась одна, склонившись над ребенком, чье розовое тельце утопало в теплом меху. Анжелика заметила, что она уже может улыбаться. Поведение дочери, способной в припадке иступления броситься в воду, наполнило ее одновременно и страхом, и восхищением.

— Зачем ты это сделала?

— Я хотела убежать с этого грязного корабля, — ответила Онорина охрипшим голосом, — я не хочу оставаться здесь. Я хочу на берег. Здесь ты очень злая.

Анжелика прекрасно понимала, что девочка права. Она вспомнила о ее появлении сегодня утром в каюте, где они с мужем обменивались оскорблениями.

Онорина сама отправилась на поиски ее, и это ни у кого не вызвало ни малейшего беспокойства. На корабле, прошедшем через ночную бурю, она могла двадцать раз сломать ногу в открытом люке или даже упасть в море. И никто бы никогда не узнал, что случилось с маленькой девочкой.

А потом, позже, Анжелика снова погрузилась в мучительный водоворот своих мыслей, не проявила интереса к дочери. Она немного рассчитывала на других: Абигель, Северину, жен протестантов... Но у тех голова тоже шла кругом. Сам воздух «Годдсборо» оказывал разлагающее действие. И после первой недели плавания ни один из них не мог сказать, что его душа осталась неизменной.

Чистые чувства, проявляемые вначале, были забыты. Сознательно или бессознательно, но они показывали своим поведением, что Онорина и особенно Анжелика не принадлежат к их миру.

«У тебя есть только я!»

Анжелика чувствовала себя виноватой в том, что позволила задеть себя так глубоко. Ей надо было сразу вспомнить, что после Ньельского аббатства самое худшее осталось позади нее. Что бы ни случилось, горе или радость, разве она не знает, что безвыходных положений не бывает? Но тогда откуда это дурацкое смятие животного, которое бьется головой о стены?

«Нет, я не позволю им свести меня с ума.» Она склонилась к дочери и погладила по головке.

— Я больше не буду злой, но ты, Онорина, не воруй больше! Ты прекрасно знаешь, что, отправившись взять те драгоценности, ты делала что-то очень нехорошее.

— Я хотела положить их в мою шкатулку с драгоценностями, — сказала девочка, считая это достаточным оправданием.

Между тем появился Никола Перро и опустился на колени перед ними. Его сопровождал индеец с большой чашкой горячего молока для пострадавшей.

— Честь имею узнать, как чувствует девочка с горячей головой, — сказал канадец. — Именно такое имя не преминули бы ей дать среди вигвамов ирокезов. Я должен также дать ей выпить этот напиток, который должен ее успокоить, если она не сделала этого сама. И в самом деле, для дурного характера нет ничего лучше холодной воды. Что вы об этом думаете, сударыня? Будете еще нырять?

— Нет, нет! Это очень холодно и все такое соленое...

Внимание, оказываемое ей бородачом в меховой шапке, привело Онорину в восхищение. Ее надутая физиономия, так удручавшая мать, тотчас изменила выражение. Она послушно выпила принесенное молоко.

— Я хотела бы повидать Неочищенного Каштана.

— Неочищенного Каштана?

— Это потому, что его щека колется, а мне нравится тереться об него, — с восторгом сказала Онорина. — Он держал меня на руках на лестнице... и потом в воде.

— Она имеет в виду сицилийца Термини, матроса, который выудил ее из воды, — сказал Никола Перро.

Он добавил, что тому пришлось сделать перевязку, так как

один из ненасытных альбатросов клюнул его в висок. Еще чуть-чуть и он мог бы остаться без глаза.

— А вы, сударыня Онорина, можете хвастаться, что в вашем распоряжении есть два превосходных стрелка. Ваш покорный слуга, считающийся одним из лучших среди канадских трапперов, и монсеньер Рескатор.

Анжелике удалось унять дрожь, пробежавшую по ее телу только от одного этого имени. Ведь она поклялась сдерживать свои эмоции. Онорина больше не спрашивала о Неочищенном Капитане. Глаза у нее стали слипаться, и вскоре она погрузилась в глубокий сон. Канадец с индейцем потихоньку ушли. Анжелика еще долго смотрела на спящую дочь. Три года!

Как можно требовать чего-то для себя, когда наши дети начинают жить? Боль не покидала ее сердце. Много дней понадобится, чтобы осознать то, что было одновременно и ее счастьем и горем. За чудесным открытием последовало такое разочарование. Однако, когда, поживаясь от холода, она прилегла около ребенка и сон начал окутывать ее, после этого необычного и ужасного дня осталось только впечатление надежды.

«Мы в равной мере далеки и близки. Мы не можем убежать друг от друга. Корабль, влекущий нас через океан, заставляет нас оставаться вместе. Так что, кто знает?..»

Перед тем как заснуть, она успела подумать: «Он хотел умереть рядом со мной. Почему?»

Глава 14

ПЕРЕД КАРТОЙ БУДУЩЕГО АМЕРИКИ

— Я полагаю, что мы сойдемся, — сказал Жоффри де Пейрак, перебирая одну за другой пергаментные карты. Он собрал их в стопку и положил сверху четыре тяжелых камня, отливающих тусклым смолистым блеском. — Путешествие, об участии в котором вы просили меня, принесет свои плоды, дорогой Перро, потому что, даже и не высаживаясь, вы нашли командитиеста (кладчик «Товарищества по вере»), которого хотели искать в Европе. Этот камень среброносного свинца, найденный вами в верховьях Миссисипи, даст гарантию достаточного обогащения при измельчении и простой промывке, и стоит того, чтобы я стал вашим компаньоном и финансировал все это предприятие. Вы сами не обладаете ни необходимым капиталом, ни знаниями, чтобы эксплуатировать месторождение. Как вы говорили, вы приносите мне ваши открытия, а я даю вам золото, необходи-

мое для извлечения дохода из них. Позже, после проверки на месте, мы договоримся о деталях нашего соглашения.

Благодушное лицо стоявшего против него Никола Перро излучало удовлетворение.

— По правде говоря, господин граф, когда я попросил вас взять меня на борт, зная, что вы направляетесь в Европу, у меня была подобная мыслишка, ибо ваша репутация большого ученого, особенно в рудных делах, широко известна в нашей стране. И нынче я знаю, что вы не только дадите мне необходимые средства, но и ваши бесценные знания, так что теперь у меня все изменится. Ибо я рожден, как вы знаете, на берегах Святого Лаврентия и образование, которое там получают, очень далеко от европейского.

Жоффрей де Пейрак бросил на него дружеский взгляд.

— Не стройте больших иллюзий относительно духовного богатства Старого Света, мой мальчик. Я знаю, чего оно стоит, а стоит оно не больше облезлого хвоста вашего койота. Леса гуронов и ирокезов полны моими друзьями. Для меня дикари — это европейские деспоты и их рабские дворы.

Очевидно, эти слова не убедили канадца, сделавшего недовольную гримасу. Откровенно говоря, его тешила мысль познакомиться с Парижем, где он уже видел себя разгуливающим в меховой шапке и сапогах из тюленьей кожи, между позолоченными каретами. Но судьба решила иначе, и, будучи реалистом по природе, он сказал себе, что все делается к лучшему.

— Итак, вы не слишком на меня в претензии,— продолжал граф, всегда умеющий уловить мысль собеседника,— за плохую шутку, совершенно неожиданно сыгранную с вами. Я и сам был захвачен врасплох обстоятельствами... столь непредвиденными. Мое пребывание в Испании было, вопреки моим планам, очень непродолжительным, а мой отъезд, равно как и прибытие в окрестности Ла-Рошели, не были предусмотрены заранее. В крайнем случае вы могли бы высадиться тогда...

— Берег показался мне не особенно гостеприимным. Да и вас не хотелось оставлять в тяжелых обстоятельствах. Раз уж вы заинтересовались моими замыслами, я не жалею, что возвращаюсь, так и не ступив на землю предков. Может быть так, что там никто и не заинтересовался бы моими далекими землями, а меня легко могли обобрать до последнего эку.

Никола Перро почувствовал, что его собеседник замкнулся в себе и его мысли далеко отсюда.

И в самом деле, в заунывном пении псалмов, доносившемся с ветром и как будто приспособившемся к непрерывному ритму волн, было что-то разрывающее душу и навевающее грусть и беспокойство, «Когда их с детства накачивают таким пением, неудивительно, что они становятся не такими, как все»,— подумал Перро, который все-таки был добропорядочным католиком.

Он порылся в карманах, отыскивая трубку. Затем, смущенный

молчанием графа, он продолжал, но уже без прежнего задора.

— Чудную компанию вы подобрали, монсеньер. Я никак к ним не привыкну. Да и присутствие этих женщин и девушек раздражает команду. Они уже были недовольны тем, что сорвался обещанный заход в Испанию и что они возвращаются, так и не получив возможности сбыть свою добычу.

Канадец опять вздохнул, так как было похоже, что Жоффрей де Пейрак не слышал его, как вдруг тот вперил в него пронизывающий взгляд.

— Итак, вы предупреждаете меня об опасности, Перро?

— Не совсем так. Я не могу ручаться. Но когда проведешь жизнь в одиночестве в лесах, начинаешь понимать толк в разных вещах, вы знаете..

— Да, знаю.

— Говоря начистоту, господин граф, я никогда не понимал, как вы могли ладить с бостонскими квакерами и в то же время дружить с людьми, так же отличающимися от них, как я от вас. По моему разумению на земле есть две породы людей: такие, как они, и не такие, как они. Когда уживаются с одними, с другими не уживаются... Вы представляете исключение из этого правила, почему?

— Бостонские квакеры способней других в своих ремеслах. Я поручил им построить корабль и уплатил назначенную сумму. Если что и может вызвать удивление в этой сделке, то только то, что они оказали доверие мне, явившемуся с Востока на старой шебеке, потрепанной бурями и стычками с пиратами. Я не могу забыть, как скромный квакер, плимутский обыватель, привез ко мне моего сына, не поколебавшись совершить ради этого многодневное путешествие. А он не был мне ничем обязан.

Граф поднялся и дружески потрепал канадца за бороду.

— Поверьте мне, Перро, чтобы создать Новый Свет, необходимы все. Бородачи, вроде вас, вольные и неуживчивые, праведники... — Он кивнул в сторону невидимого сборища псалмопевцов. — Эти не англичане. С англичанами всегда все ясно. Они действуют, внедряются в любом месте. Мы, французы, другие, мы одержимы манией всегда рассуждать: поехать было бы хорошо, но в то же время хочется остаться. Отказываются повиноваться королю, но считают себя его верными слугами... Не легко найти в них надежных союзников. Они не соглашались участвовать в деле, негодном богу. И в то же время готовы расшибить себе лбы ради вящей славы господней! Для них золото — мерило их значительности... но они предпочитают говорить об этом вполголоса.

С видимым нетерпением Жоффрей де Пейрак ходил взад-вперед. Спокойствие, с которым он недавно склонялся над картой, покинуло его, едва на палубе раздались тоскливые голоса протестантов.

Добряк-канадец чувствовал, что в настоящий момент внимание хозяина отвлечено от него и сосредоточено на сообществе мало-

привлекательных личностей, которыми он сам, однако, загромодил свой корабль.

Граф размышлял о них с таким же напряжением, как недавно о перспективах добычи серебра, открытых перед ним траппером.

Тот же, задетый невниманием к своей особе, встал и отключился.

Глава 15

ГРАФ ДЕ ПЕЙРАК ВСПОМИНАЕТ ПРОШЛОЕ

Жоффрей де Пейрак не удерживал его. Протяжное пение псалмов, поразительно соответствовало ритму моря и его торжественности. Он должен был признаться себе, что его привлекают эти песнопения, в которых слышится эхо далекого, другого мира, отличавшегося от его собственного, замкнутого и труднодоступного, и поэтому, как и все загадочное в природе, вызывающего его любопытство.

Благодаря им, на корабле появилась Анжелика, которая была его женой, ставшая неузнаваемой в его глазах, так как он не мог более разгадать ни ее мыслей, ни сердца.

Влюблена ли она в Берна? Эта мысль часто приходила ему в голову, и всякий раз он с удивлением ощущал приступ черной ярости. Стараясь сохранить свою невозмутимость, он сравнивал ту, прежнюю, с вновь обретенной. Стоит ли удивляться перемене в женщине, которая была покинута и на долгие годы лишена любви? Остается только утешать себя мыслью, что дело идет об одной из его прежних любовниц. Но тогда почему это нетерпение и желание вникнуть во все, что касается ее?

Когда в мертвенно-бледном воздухе утра или ясных холодных сумерках раздавалось пение гугенотов, он с трудом удерживался, чтобы тотчас не броситься к перилам мостика, возвышающегося над палубой, в надежде увидеть ее среди них.

И на этот раз, намереваясь выйти, он одел маску, но затем передумал. А для чего себя мучить? Да, он увидит ее. Что же дальше? Она будет сидеть немного в стороне с девочкой на коленях, немного склонив голову в чисто патрицианском изяществе. Затем, незаметно для других, повернется к мостику, словно надеясь — или боясь — увидеть его.

Он снова подошел к столу и взял один из кусков руды. В то время как прикидывал его вес на руке, спокойствие мало-помалу вернулось к нему.

Вновь найдено дело. А это уже много! Перспектива на годы,

новая работа в девственной стране, где его задачей будет покорение природы, исследование имеющихся там сокровищ и установление возможности их использования в крупном масштабе.

Перед трибуналом, созданным, чтобы судить его и где он мог видеть склонявшиеся к нему глупость, невежество, зависть, лицемерие, Жоффрей де Пейрак, слушая смертный приговор, обрекавший его на сожжение как колдуна, был в особенности поражен логическим завершением драмы, которую его размышления мало-помалу раскрыли ему.

Он вник во все ее детали за долгие часы, проведенные в тюрьме. И если он хотел жить неистовой силой воли, несмотря на искалеченное пытками тело, это было не столько от страха смерти, сколько от возмущения видеть конец своей деятельности, быть по ошибке брошенным на дорогу без выхода, когда еще не все возможности были использованы.

Его крик на паперти Нотр-Дам просил не о милосердии, он требовал справедливости. Он обращался не к богу, чьи заветы часто нарушал, но к тому, кто есть сам Разум и само Знание. «Ты не вправе оставить меня, ибо я не изменил тебе...» Тем не менее, в тот момент он был уверен, что умрет. Обнаружив себя живым на крутом берегу Сены, вдали от орущей черни, он был так изумлен, что не мог объяснить это ничем, как чудом.

Потом? Эту партию было трудно сыграть, но она не оставила ему дурных воспоминаний. Нырнуть в ледяную воду в то время, как охранявшие его мушкетеры храпели, подплыть к спрятанной в камышах лодке, отвязать ее и вверить себя воле течения. Тут он на некоторое время потерял сознание, а когда оно вернулось, содрал с себя рубаху смертника и одел крестьянское тряпье, найденное в лодке.

Затем он потащился к Парижу по обледелой дороге, измученный, умирающий от голода, так как не посмел попросить еды.

Его хромая нога стала вытворять в это время странные фокусы. Временами она против его воли поворачивалась и заплеталась около другой, как у паяца. Он смастерил примитивные костыли из вытащенных из какой-то изгороди палок. Каждый раз, начиная идти, он испытывал невыносимую боль и, пока сделал первое лье, с трудом удержался от крика.

Затем мало-помалу боль притупилась, и он смог идти даже довольно быстро. Пищей ему служили замерзшие яблоки, попадавшие в канавы, оброненная кем-то репа. Монахи, у которых он попросил убежище, отнеслись к нему с состраданием, но им взбрело в голову отвести его в соседний лепрозорий, откуда ему лишь с большим трудом удалось улизнуть. Он снова поковылял, пугая изредка встречающихся крестьян окровавленными лохмотьями и скрывавшим лицо платком.

В один из дней, когда уже не мог сделать больше ни шагу, он набрался смелости осмотреть проклятую ногу. Он увидел в зияющей под коленом ране нечто вроде двух растрепанных волокон, по-

хожих на китовый ус, прикосновение к которым вызвало такую боль, что он едва не потерял сознание. В отчаянии он решился с помощью найденного на дороге обломка ножа обрезать эти тягостные отростки, которые были ничем иным, как сухожилиями. После этой «операции» нога потеряла всякую чувствительность. Он окончательно потерял возможность управлять ею, но идти стало значительно легче.

Наконец он увидел колокольни Парижа. Следуя намеченному плану, Жоффрей де Пейрак обогнул город. Когда добрался до Венсенской часовни, его охватило чувство триумфа.

Укрытое в лесу скромное святилище, единственное среди прочего роскошного добра графа Тулузского избежало королевских печатей. «Ты еще принадлежишь мне, ты мне послужишь», — шептал он, поглаживая камни стен.

И действительно, эта маленькая часовня хорошо ему послужила. Все, что он тогда тайно приготовил щедро оплаченными руками, действовало безотказно: подземный ход в Париж, колодец, через который он смог пробраться в самое сердце своего покинутого жилища, отеля де Ботрей.

Тайник, где он из предосторожности спрятал часть своего золота и драгоценностей, был не тронут. Шкатулка на его груди напоминала о том, что еще один этап возвращения из преисподней пройден. Обладая богатством, он больше не чувствовал себя обезоруженным. За один алмаз он легко достанет повозку, за два золотых — лошадь... Полный кошелёк привлечет на его сторону тех, кто вчера отвергал его, и он сможет бежать, навсегда покинуть королевство.

Но одновременно он чувствовал, что смерть еще держит его в своих объятиях. Никогда, ни раньше, ни позже, он не чувствовал ее так близко, как в это время, когда остался среди осколков бывшего величия, слушая с тоской замирающие удары сердца. Он знал, что никакая сила воли не заставит его снова воспользоваться колодцем. Может быть, попросить помощи у старого Паскалу, который следил за домом? Но слабоумный старик, увидев его, решит, очевидно, что это привидение, и убежит. Возможно, он уже исполнил соседей. Где же тогда искать руку, готовую оказать помощь?

Память воскресила ту худую руку, которая поддержала его по пути на казнь, руку маленького священника-лазариста, направленного к нему исповедником.

Бывают существа, которых не купишь ни за камни, ни за золото. Эта истина не вызывала сомнений у великого тулузского сеньора. Бывают существа, несущие в себе частицу божественного огня. Маленький лазарист был одним из них. Ибо должно же быть на земле убежище для отверженных.

Собрав последние силы, он вышел из отеля дю Ботрей через дверь оранжереи и чуть позже звонил у дверей расположенного неподалеку монастыря.

Он приготовил для отца Антуана шутовую фразу в стиле церковников: «Отец, ниспошли мне помощь, ибо всевышний не хочет моей смерти, а она уже хватает меня за пятки». Но от волнения он не смог вымолвить ни слова.

Только через несколько дней заметил, что стал немым.

Жоффрей де Пейрак покачал головой и улыбнулся, чувствуя под ногами зыбкий планшир «Голдсборо».

«Уж этот отец Антуан! Мой лучший друг, пожалуй. Самый преданный, самый бескорыстный».

Он, Пейрак, владевший одним из самых больших состояний королевства Франции, находился столько недель под защитой этих хрупких рук, выглядывавших из рукавов потертой сутаны. Отец Антуан не только укрыл его и ухаживал, ему же пришла в голову гениальная идея отправить Пейрака с транспортом католиков, который священник должен был сопровождать в Марсель. Пейрак занял место каторжника, полицейского «стукача», убитого своими сокамерниками. Отец Антуан, с недавних пор назначенный исповедником несчастных галерников, организовал подмену. Жоффрей де Пейрак, брошенный на солому тюремного фургона, не боялся, что будет предан товарищами по несчастью, ибо те были рады, что дешево отделались. Тупая и грубая стража не задавала вопросов висельникам, которых охраняла. Между тем, отец Антуан спрятал в своем багаже среди церковной утвари и шкатулку с драгоценностями графа.

Добрый малый!

В Марселе он встретил Куасси-Ба, преданного черного невольника, также осужденного на галеры. Его привел к беспомощному хозяину опять-таки священник. Их побег было не так уж трудно организовать, так как наполовину парализованный Жоффрей де Пейрак был признан теми, кто укомплектовывал экипажи галер, «непригодным» и при первом выходе в море оставлен в покое.

Укрывшись со своим рабом в восточных кварталах большого приморского города, свободный, но все еще в опасности, пока он находился на французской земле, он долго искал случая сесть на уходящее судно. Он не хотел этого делать, не заручившись новыми документами и протекциями, которые позволили бы ему без риска находиться среди берберийцев.

Так, например, он отправил послание великому святому Муфтию Абд-эль-Мехтару, арабскому ученому, с которым долго вел корреспонденцию, обсуждая новые открытия в области химии. Вопреки всем опасениям, послание нашло святого мусульманина на его вилле в Феце. В ответе сквозила ясность возвышенного ума, для которого единственными границами, разобщающими людей, были те, которые отделяют глупость от разума, невежество от знания.

Однажды безлунной ночью великан Куасси-Ба, неся на плечах своего немоющего хозяина, скользил среди скал маленькой бухты

в окрестностях Сен-Тропеза. Берберийцы в белых бурнусах, с опущенными покрывалами уже ждали их там. Это место было в некотором роде привычным для них, так как они охотно посещали его в поисках прекрасных жительниц Прованса, отличавшихся бледной кожей и агатовыми глазами.

Путешествие прошло без помех. Новая эра открылась для человека, спасенного от костра. Его дружба с Абд-эль-Мехтар, его исцеление в искусных руках последнего, его знакомство с Мулей Измаилом, который после того, как посылал его добывать золото в Судане, возложил на него посольскую миссию при дворе великого султана, организацию торговли серебром, в результате чего его имя стало одним из известнейших среди корсаров Средиземного моря.

Каждый новый день приносил его жадному уму возбуждающие, увлекательные испытания, массу новых знакомств. Нет, он не скорбел о прошлом. Ни в неудачах, ни в поражениях. Все, что ему пришлось вытерпеть, казалось теперь занимательным и достойным смерти и воскресения того неизвестного, в которого он отныне превратился. Человек высокой пробы чувствует себя непринужденно в любом приключении, даже катастрофе.

Сердце его огрубело. Ведь мало есть вещей, от которых человеческое сердце не может оправиться.

Только у женщин оно более ранимое, хотя они и смело принимают на себя тяжелые удары судьбы. Странные существа эти женщины, уязвимые и жестокие одновременно. Жестокие, когда они лгут, и еще более, когда они бывают искренними, как Анжелика вчера, когда бросила ему в лицо: «Я ненавижу вас. Лучше бы вы умерли!..»

Глава 16

НАВАЖДЕНИЕ ЛЮБВИ

Виной всему была рыжеволосая девочка. Удивительная маленькая особа, чертами лица и улыбкой она напоминала мать. Ее рот, правда, был несколько великоват и не столь безупречен, но так похож в своей выразительности, что несмотря на разный цвет волос и ее черные глаза — маленькие и широко расставленные, в то время как у матери они были громадными и кристально чистыми — не приходилось сомневаться, что она была дочерью Анжелики.

Зачатой чужой плотью в ее чреве! В объятиях мужчины, которого Анжелика заполучила в дрожащие от любовной истомы руки, с лицом обольстительным и изнемогающим, с каким она безотчетно открылась перед ним в первый вечер на «Голдсборо».

Спрятавшись за драпировкой, он видел ее просыпающейся и склоняющейся над ребенком. Его терзали тогда муки ревности, ибо в свете умирающего дня он нашел ее еще более прекрасной, чем мог себе представить, и ему казалось, что она, вглядываясь в личико спящей девочки, ищет желанные черты неведомого ему любовника. И его вдруг словно парализовало при мысли о том, какая преграда их разделяет.

Он слышал, как она шепчет ребенку нежные и страстные слова. Никогда она не вела себя так с Флоримоном, его сыном.

Итак, не показавшись, он удалился.

С мостика, куда он вышел, вновь одев маску и взяв секстант, Жоффрей де Пейрак сразу заметил, что протестанты, закончив песнопение, покинули палубу. Он ощутил при этом облегчение, смешанное с разочарованием. Затем, закутавшись в плащ, он стал подниматься на палубу, чтобы определить местонахождение судна, но его остановило поведение мавра Абдуллы. Слуга, привыкший за 10 лет угадывать каждое желание и движение хозяина, на этот раз не замечал его присутствия.

Опершись на деревянные перила у застекленных дверей капитанской каюты, он устремил перед собой взгляд громадных черных глаз. Несмотря на его кажущееся безразличие, Жоффрей де Пейрак, привыкший распознавать внутреннее состояние представителей этого племени, понял, что того терзает невероятное волнение. Он напоминал затаившегося перед прыжком зверя, и только толстые сиреневые губы на темно-золотистом лице чуть вздрагивали.

Заметив, что хозяин наблюдает за ним, он, не подавая вида, опустил глаза, расслабился и почти тотчас вновь обрел невозмутимый вид, присущий ему с юношеских лет, когда прошел суровую дрессировку на службе у султана Мулей Измаила. Один из самых красивых и ловких стрелков охраны короля Марокко, он был подарен великому магу Джеффу-эль-Халмуду.

С тех пор он сопровождал его всюду. Он готовил ему много раз в день кофе, спал у его дверей или на полу в ногах его постели. Он всегда следовал в двух шагах за ним с заряженным мушкетом...

— Я провожу тебя, мой господин. — Но он чувствовал себя неловко, так как по опыту знал, что взгляд Джеффа-эль-Халмуда (дьявола) обладал способностью читать его мысли.

И именно в том направлении, куда он сам только что смотрел, устремил взгляд его хозяин. Заметит ли граф то, что видел он и что, несмотря на холод, обдало его тропической жарой.

— У тебя такой вид, словно увидел смерть. Что с тобой, Абдулла?

— Здесь или там, не все ли равно, — мрачно забормотал мавр. — Нет бога, кроме аллаха, и Магомет пророк его... — И вытащив из-под бурнуса маленький мешочек, наполненный белым веществом, он взял щепотку содержимого и помазал им себе лоб и щеки. Рескатор наблюдал за ним.

— Откуда такая меланхолия, старина, и к чему этот маскарад? Зубы мавра сверкнули в ослепительной улыбке.

— О господин, ты слишком добр, обращаясь со мной, как с равным. Сохрани меня аллах от твоего гнева, и если мне суждена смерть, молю его даровать мне милость, принять ее от твоей руки.

И Абдулла с просветленным лицом обнял ноги обожаемого хозяина. Но вместо того, чтобы подняться вверх, Рескатор спустился на несколько маршей и пошел по коридору, ведущему к полубаку. Абдулла трепетал всем существом. Снова хозяин разгадал его. Он следовал за ним, чувствуя, как борются в нем нетерпение и страх перед неизбежным.

Потому что он знал, что смерть близка...

Глава 17

АНЖЕЛИКА ИЗВИНЯЕТСЯ

На полубаке женщины занимались стиркой. Их белые чепчики были похожи на стаю чаек на взморье. Когда Рескатор приблизился к ним, он начал раздавать поклоны мадам Маниголь, мадам Марселло, тетушке Анне, старой учительнице математики, нежной Абигель, залившейся румянцем, девушкам, которые не решались взглянуть на него и приняли строгий вид.

Затем он подошел к грот-мачте и начал манипулировать секстантом. Вскоре почувствовал, что ОНА находится позади. Он резко обернулся.

Анжелика стояла бледная от переживаемого напряжения.

— Вчера я бросила вам в лицо страшные слова. Я была до смерти перепугана из-за моего ребенка и совершенно не владела собой. Я хочу извиниться за это.

Поклонившись, он ответил:

— Я благодарю вас за учтивый поступок, хотя настоящей необходимости в нем не нахожу. Чувство долга побудило вас к нему, однако он не смог сгладить впечатление от ваших слов, достоинство которых, без сомнения, заключается в том, что они искренни. Поверьте, что я правильно вас понял.

Она бросила на него загадочный взгляд, в котором смешалась боль и гнев.

— Вы так ничего и не поняли, — вздохнула она, опустив веки.

«Прежде она так не скромничала, — подумал он. — В ее взгляде всегда проглядывала дерзость, даже когда цепенела от страха. Была ли это игра ресниц, надо признаться, довольно трогательная, светское лицемерие или проявление гугенотской скромности?»

Одно я, по крайней мере, вновь нашел в ней. Она по-прежнему излучает силу и здоровье, как солнце в летний день, и, клянусь честью, руки ее прекрасны.»

Под его пронзительным взглядом Анжелика умирала тысячью смертей. Слова протеста были готовы сорваться с ее губ, но время и место не позволяли их произнести. Прачки с любопытством глядели на них, так же как и матросы, привыкшие не спускать глаз с хозяина, когда он появляется на палубе.

С самого утра она неоднократно хотела встретиться с ним, чтобы поговорить. Ее удерживало смешанное чувство гордости и боязни. Эта боязнь буквально парализовала ее перед ним, и она сконфуженно поглаживала порозовевшие от солнца руки.

— С ребенком все в порядке?

Она ответила утвердительно и решила, что ей лучше вернуться к своему чану.

Вот так! Такова жизнь. Надо стирать белье. Может быть, он поймет, видя это, что ей гораздо чаще приходилось заниматься тяжелой работой, чем танцами при Дворе.

Он дал ей понять, что они стали чужими друг другу. Вполне возможно, что в один прекрасный день они станут врагами. Ей стали ненавистны его снисходительное равнодушие и желание уязвить ее. Раз уж им суждено было встретиться на этой земле, нет никаких сомнений, что она сумеет поставить его на место и докажет, что она не из тех женщин, которые цепляются за того, кто их бросает.

К счастью, говорила она себе, энергично стирая белье, они находятся на одном судне и не смогут избегать друг друга. Ее теперешнее положение принесло страдание и счастье, потому что несмотря ни на что, он был здесь, живой и невредимый. Видеть его, говорить с ним — это уже было чудом. Так и другие чудеса могут произойти.

Поднимая глаза, она видела сзади его крепкие плечи, обтянутые бархатом камзола, схваченную кожаным ремнем талию, отделанную серебряной насечкой рукоять пистолета, выглядывавшую из висевшей на боку кобуры.

Это был ОН.

Ах, какая мука видеть его так близко и чувствовать таким далеким! «И все-таки на этом сердце я спала, в этих руках стала женщиной. На Крите, зная, кто я, он держал меня за плечи и разговаривал с чарующей нежностью. Но на Крите я была иной. Разве виновата в том, что со мной сделала жизнь? Что со мной сделал король? Тот самый король, в сожительстве с которым он меня обвиняет и из-за этого относится ко мне с пренебрежением и отвергает меня. А в то время, как я сражалась против короля, он заключал других женщин в объятия. Его репутация на Средиземном море мне известна. Я не занимала больше места в его воспоминаниях. А теперь я ему мешаю. Он предпочел бы узнать... о моей смерти в пустыне от укуса змеи. Но я вовсе не хотела

умирать! Не меньше, чем он. Следовательно, мы похожи друг на друга. И мы были мужем и женой. И оставались ими в радости и горе, даже в разлуке. Невозможно, чтобы это исчезло бесследно. И если мы живы, то и любовь наша должна воскреснуть».

Ее горящие глаза были устремлены к нему. Каждый его жест волновал до такой степени ее чувственность, что она вся дрожала.

— Вы так трете, что и без мыла появилась пена, — пробурчала Марцелла Каррер.

Но Анжелика не слышала ее. Она смотрела, как он поднимает секстант, поворачивает замаскированное лицо к горизонту, разговаривает с боцманом. Вот он повернулся, подошел и обратился к Абигель, находящейся слишком далеко, чтобы Анжелика могла разобрать, о чем они говорят. К тому же, ветер дул в их сторону.

Он пристально смотрел в глаза девушки, и щеки ее порозовели от необычного для нее мужского внимания. «Если он тронет ее, я взвою», — подумала Анжелика.

Рескатор взял за руку Абигель, и Анжелика вздрогнула, будто это она ощутила прикосновение его пальцев. Он увлек Абигель на нос корабля и показал ей на что-то вдаль — громадная волна в белых барашках, поглотившая солнечные лучи, и еще льдины, о которых уже забыли из-за внезапного милосердия погоды.

Потом, непринужденно облокотившись, с застывшей на видневшихся из-под маски губах обворожительной улыбкой, он стал внимательно слушать собеседницу.

Анжелика представила, как Абигель мало-помалу успокоилась, и повернутая вначале в трепет знаками внимания такой устрашающей особы, поддалась обаянию его остроумия. Ободренная вниманием, увлеченная, побуждаемая обнаружить все лучшее в себе, она воодушевилась и врожденная прелесть, скрытая строгим воспитанием, расцвела на ее милом личике. После простой беседы с ним она сохранит память о пережитом миге познания того, чего не знали ее компаньоны.

Так соблазнитель неминуче находит путь к женским сердцам.

«Но только не к моему, — бесилась Анжелика. — Самое меньшее, что можно сказать, это то, что он не утруждает себя попытками понравиться мне».

Так же неумолимо, как он умел соблазнять, он умел и ранить.

«Чего он хочет добиться, покушаясь на моих глазах на Абигель? Вызвать у меня ревность? Доказать мне свое равнодушие? Дать мне понять, что мы свободны и вольны поступать по своему желанию? Но почему Абигель?»

— Не бейте так сильно валиком, — снова подала голос Каррер, бережно наполняя чан водой. — Вы истреплете белье. А мы не так скоро получим перемену.

«Неужели он предполагал, что в ней сильны грубые корыстные побуждения, и это даст ему возможность отомстить ей за себя? Она жила при Дворе, этом гадючьем гнезде. Она не дала вовлечь себя в ловушки ядовитых интриг. И теперь она не поддастся,

хотя и была задета за живое, ибо он был ее вечной любовью. Нет, она не будет докучать ему, если он не желает ее. Тем более она не покажет, каким испытанием он подвергает ее, даже не подозревая этого. Мужчину силой не удержишь, а пытаться пробудить в нем угрызения совести, чтобы этим вернуть любовь, слишком уж мелко и пошло. Какую пользу принесет попытка разжалобить его тем, что только из-за него она дошла до таких глубин падения? В то же время, разве не должен был он сам защитить свою жизнь? И она не знает, в каких ужасных условиях... Только ему ведомо все, что он перенес. Если она действительно его любила, она не будет усугублять его прошлые страдания».

Итак, решив не сходить с ума, Анжелика проводила время, укрощая в себе наиболее навязчивые идеи. Она постановила, что ни упадок души, ни мятеж ни к чему не приведут, а надежда только на спокойствие и терпение.

И она прониклась дружескими чувствами, даже полюбила, как живое существо, этот старый «Голдсборо», который не позволял им ускользнуть друг от друга. Поскрипывающий кораблик соединял их и ограждал от непоправимых поступков.

Ей захотелось, чтобы путешествие продолжалось вечно...

Рескатор простился с Абигель и покинул палубу.

Мадам Каррер подтолкнула Анжелику локтем и, наклонившись к ней, зашептала:

— Когда мне было лет шестнадцать, я начала мечтать о таком вот пирате, который похитил бы меня и отвез за моря на сказочные острова.

— Вы? — спросила ошеломленная Анжелика.

Жена адвоката весело подмигнула. Она напоминала деятельного, нескладного черного муравья. Ее высокий чепчик, характерный для провинции Ангумау, накрахмаленный до совершенства, казалось, грозил сокрушить ее хрупкое тело, породившее тем не менее одиннадцать детей. Ее глаза лукаво сверкнули за стеклами очков, и она подтвердила:

— Да, я. Что поделаешь, я всегда была фантазеркой. Несколько раз видела такого пирата во сне. А когда увидела его здесь, в двух шагах от меня, это произвело такое впечатление! Посмотрите на богатство его одежды. А эта маска... Меня просто в дрожь бросает.

— Мои красавицы, я открою вам, откуда он, — сказала Маниголь голосом, предвещавшим важные разоблачения. — И не в обиду госпоже Анжелике сказать, я задаю себе вопрос: не знаю ли я о нем больше, чем она.

— Это удивило бы меня, — процедила Анжелика сквозь зубы.

— Ну, ладно! Так что вы знаете? — От приблизившихся женщин посыпались вопросы. — Он испанец? Турок?

— Ничего подобного. Он наш земляк, — торжествующе бросила сплетница.

— Наш земляк? Из Ла-Рошели?

— Разве я сказала из Ла-Рошели.— Маниголь пожала широкими тугими плечами.— Я сказала, наш земляк, это значит — мой земляк.

— Из Ангулема? — с недоверием воскликнули ларошельцы.
— Может быть, не совсем точно, немного южнее... из Тулузы,— добавила она нехотя,— но все равно он настоящий сеньор из Аквитании, гасконец,— бормотала она с блестящими от гордости черными глазами.

Анжелика почувствовала спазмы в горле. Она готова была расцеловать толстуху, но сдержалась, говоря себе, что нелепо быть такой чувствительной к вещам, которые больше не стоят того.

— Как я это узнала? — продолжала жена арматора.— По манере обращения, мои милочки. Он однажды обратился ко мне, проходя мимо по палубе: «Госпожа Маниголь, у вас чудный ангулемский акцент!» Так говорят местные...

Мадам Марселло, жена торговца бумагой, удовлетворив любопытство, не склонна была проявлять особый энтузиазм.

— Чего он вам не сказал, моя душенька, это почему носит маску, почему не любит встреч и почему он уже много лет путешествует вдали от дома.

— Многие не хотят оставаться дома. Любовь к приключениям выбирает им дорогу.

— Любовь к грабежу, это да.

Она искоса посмотрела на Анжелику. Упорство, с которым она отказывалась сообщить им что-либо о «Голдсборо» и его хозяине, с каждым днем вызывало у них большие подозрения. Посаженные силой на корабль без флага и явной цели, они считали, что имеют право на разъяснения.

Анжелика сохранила непроницаемый вид, как будто ничего не слышала. Дамы закончили тем, что удалились, чтобы развесить на веревках плоды своего тяжелого труда. Надо было использовать последние часы этого великолепного солнца, пока его не сменит холод северной ночи.

— О, как тепло! — вскричала юная Марселло, снимая корсаж. Затем сбросила чепчик и распустила белокурые волосы.

— Это потому, что мы на краю света, солнце находится совсем близко и так сильно греет! Можно просто поджариться!

Она пронзительно захохотала. Ее блузка с короткими рукавами позволяла разглядеть прелестные груди, высокие и остроконечные. Сидевшая в нескольких шагах, погруженная в мысли, Анжелика подняла глаза на девушку. «Я выглядела так же, когда мне было 17 лет»,— подумала она.

Одна из подруг Бертиль Марселло сразу последовала ее примеру, сбросив корсаж и шерстяную кофточку. Она не могла похвастаться красотой дочери Марселло, но была пухленькой и уже вполне сформировавшейся женщиной. Ее сорочка с большим выкатом соскальзывала с груди.

— Мне холодно,— кричала она,— ой, холод меня жалит, а солнышко ласкает. Как это приятно!

Остальные девушки тоже смеялись, но несколько принужденно, скрывая за смехом смущение и зависть.

Анжелика прочла во взгляде Северины просьбу о помощи. Маленькая Берн была в высшей степени шокирована неуместным поведением старших подруг. Как бы в знак протеста она плотней закуталась в черную накидку.

Анжелике было ясно, что происходящее выходит за рамки допустимого. Повернувшись, она заметила мавра.

Опершись на мушкет, Абдулла смотрел на девушек с выражением достаточно красноречивым для всякого искушенного человека. Впрочем, не только его привлекла столь очаровательная картина. Темнокожие матросы начали скользить по вантам и приближаться, сохраняя притворно-равнодушный вид. Пронзительный свисток горбуна вернул их на свои места. Карлик бросил на женщин полный ненависти взгляд и ушел, плюнув в их сторону.

Торжествующий Абдулла остался на месте. Его лицо африканского идола неизменно поворачивалось к плоду его желаний — белокурой девственнице, уже несколько дней возбуждавшей у него вождение, которому он не мог дать выхода из-за долгого пребывания в море.

Анжелика сообразила, что она единственная взрослая среди этих юных ветреных птичек, и решила действовать.

— Вы должны немедленно одеться, Бертиль,— сказала она сухо,— и вы тоже, Рашель. Это безумие, посметь так раздеться на палубе.

— Но ведь тепло,— закричала Бертиль, наивно вытаращив голубые глаза.— Мы до этого достаточно намерзлились, почему не воспользоваться случаем?

— Речь идет не об этом. Вы привлекаете внимание мужчин.

— Мужчин? Но каких мужчин? — запротестовала девушка пронзительным голосом.— Ах, да,— продолжала она, будто впервые заметила Абдулла.— О, это неважно...— Она взорвалась серебристым смехом.— Я знаю, что он восхищается мною. Он приходит каждый вечер, когда мы собираемся на палубе, и всякий раз по возможности подходит ко мне. Он дарит мне маленькие презенты: ожерелье из бус, серебряную монетку... И это мне нравится.

— Вы ошибаетесь. Он принимает вас за ту, кем в самом деле являетесь, иными словами...

Она остановилась, чтобы не смущать Северину и других более молодых девушек. Они были еще так наивны, эти проказницы!

— Оденьтесь, Бертиль,— настаивала Анжелика.— Поверьте мне, если бы у вас было больше опыта, вы бы поняли смысл этого восхищения, которое вам льстит, и вы бы покраснели за свое поведение.

Бертиль не стала ждать, пока приобретет опыт, и покраснела до корней волос. Ее миловидное лицо исказилось от обиды, и она сказала со злобной гримасой:

— Вы говорите так, потому что ревнуете. Потому что это на меня он смотрит, а не на вас. На этот раз вы не самая красивая... Госпожа Анжелика, скоро ею буду я, я буду самой красивой даже в глазах других мужчин, которые восхищаются вами сегодня. Вот, смотрите, как я послушалась ваших советов.

Неуловимым движением она повернулась к Абдулле и в яркой улыбке открыла жемчужные зубы.

Мавр затрепетал всем естеством. Глаза засверкали, а губы лихорадочной дрожью ответили на ее улыбку.

— Ах, какая дурочка! — раздраженно воскликнула Анжелика. — Бертиль, прекратите немедленно ваши фокусы, иначе расскажу об этом вашему отцу.

Угроза подействовала. Мэтр Марселло не любил шутить в вопросах благопристойности и был очень щепетилен во всем, что имело отношение к его единственной дочери.

С недовольным видом она одела корсаж. Рашель сделала это сразу же после слов Анжелики, так как она, как и вся молодежь их маленькой общины, питала глубокое уважение к служанке мэтра. Неожиданная дерзость Бертиль по отношению к ней показалась девушкам кошунством. Но Бертиль, уже долго носившая в душе зависть, не хотела признать себя побежденной.

— О, я знаю, откуда эта ваша злоба, — снова начала она. — Хозяин корабля не удостоил вас даже взглядом. Однако всем известно, что вы проводите ночи в его каюте. Но сегодня он предпочел Абигель...

Она нервно рассмеялась.

— Не скажешь, что у него изысканный вкус! Эта засушенная селедка! Что он нашел в ней?

Две или три ее подружки буквально подавились от смеха. Анжелика тяжело вздохнула.

— Бедные мои дети, глупость ваша превосходит всякое воображение. Вы ничего не понимаете в том, что происходит вокруг вас, а начинаете о нем рассуждать. Знайте же, раз уж вы сами не способны об этом судить, что Абигель — женщина красивая и привлекательная. Когда она распустит волосы, они почти достают до колен. Ни у кого из вас никогда не будет таких красивых волос. И к тому же у нее прекрасное сердце и нежная душа, в то время как ваша глупость сможет оттолкнуть привлеченных вашей молодостью влюбленных.

Уязвленные болтуны умолкли, Бертиль медленно оделась, поглядывая на мавра, по-прежнему стоявшего на том же месте: темная статуя в развевающемся по ветру бурнуса.

Анжелика бросила ему по-арабски:

— Что ты тут делаешь. Проваливай отсюда, твое место у ног хозяина.

Он вздрогнул, словно пробуженный ото сна, и с удивлением посмотрел на женщину, заговорившую на его языке. Затем страх исказил его лицо, и он ответил, как ребенок, пойманный на плохом:

— Мой хозяин еще здесь. Я жду, чтобы сопровождать его.

Анжелика только теперь заметила, что Рескатор стоял у мостика с Легалем и тремя его друзьями, беседуя.

— Ну, хорошо, тогда уйдем мы. Дети, за мной!

И она ушла, увлекая за собой девушек.

— Негр,— шептала испуганная Северина.

— Госпожа Анжелика, вы заметили? Он так смотрел на Бертиль, словно хотел съесть ее живьем.

Глава 18

ЧУДО СТАРОГО АБД-ЭЛЬ-МЕХТАРА

Четверо протестантов обратились к Рескатору, когда он спускался по трапу с полубака. Случай был редкий. Со времени отплытия из Ла-Рошели никто из гугенотов не пытался подойти к нему и заговорить.

Бродяги моря без рода и племени, без стыда и совести, от которых, кроме того, зависела их, праведников, жизнь, вызывали у них только антипатию.

Кроме разговора с Габриэлем Берном, он не имел ни одного контакта с ними, и с каждым днем росло недоверие и увеличивались напряженность, делавшие их мало-помалу врагами.

Поэтому, когда Легаль со своими компаньонами остановили Рескатора, он был настороже. Они стояли перед ним с круглыми шляпами, прижатыми к животам, их короткие волосы были тщательно подстрижены. Несмотря на все перенесенные ими невзгоды, они не выглядели оборванцами, чего нельзя было сказать об экипаже. И хотя он вручил своим людям пару ножниц и бритву с превосходными лезвиями, синева их подбородков и взлохмаченные волосы ничуть не изменились.

Эти мысли вызвали на его губах улыбку, но четверо гугенотов сохраняли каменные лица. В их взглядах нельзя было прочесть ни дружелюбия, ни равнодушия, ни ненависти.

— Монсеньер,— сказал Легаль,— время тянется долго, а мы бездействуем. Мы пришли просить вас оказать нам милость и принять нас в вашу команду. Вы видели меня в деле как лоцмана, когда мы проходили по проливам. Раньше я плавал десять лет. Я был хорошим марсовым. Могу быть вам полезным так же, как и мои товарищи. Мы заменим ваших раненых людей.

Он представил друзей. Бреаж, судовой плотник, Шаррон, его

компаньон по рыбной ловле, в прошлом тоже марсовый, Марангуэн, его зять, немой как рыба, но не глухой, в прошлом был юнгой на торговом корабле.

— Море нам хорошо знакомо и у нас просто руки чешутся заняться зачалкой и накладыванием заплат на реях.

Жоффрей де Пейрак не забыл, как тот вел «Голдсборо» трудным путем по бретонским проливам, и это именно Легаль протянул первую нить, которая поможет наладить отношения между кораблем и протестантами.

Однако он долго колебался, прежде чем вызвать боцмана и ознакомить его с предложением новобранцев. Безобразный горбун, далекий от того, чтобы разделять сомнения своего хозяина, был, наоборот, очень доволен.

Его рот исказился заменяющей улыбку гримасой, открывшей попорченные ударом саблей зубы. Он подтвердил, что людей не хватает. Пятеро раненых в Ла-Рошели нанесли ему последний удар. Трудно сказать, как ему удастся управиться с таким небольшим количеством людей, ведь и в Испании должны были высадиться несколько человек. Отсюда и его плохое настроение, которое проявляется вовсе не по его вине.

— Ну, хорошо, вы приняты, — сказал Рескатор четверке ларошельцев. — Вам английский язык знаком?

Они знали его в достаточной степени, чтобы понимать приказы горбуна. Оставив их в распоряжении Эриксона, Рескатор вернулся на мостик.

Опершись на позолоченные перила, он не мог оторваться от прорезающих темноту лучиков света, пробивавшихся из-под двери, за которой расположились протестанты.

Ангелика жила внизу рядом с этими существами, вызывавшими у него такую неприязнь. Была ли она заодно с ними и против него? Или наоборот, одинока, как и он между двух миров?

Глубокая темнота окутала корабль. Зажглись факелы и сигнальные огни. Стоя на коленях перед глиняным горшком, Абдулла с осторожностью первобытного стража вечного огня раздувал краснеющие угольки.

Лды больше не угрожали, ничто не предвещало бури. Но душу Жоффрея де Пейрака томило беспокойство. Первый раз за его морскую жизнь он не чувствовал единения с кораблем. Какая-то граница пролегла между ними. И его люди чуяли неладное, потому что ощущали беспокойство хозяина. А он не был больше в состоянии успокоить их.

Ответственность за жизнь всех этих людей легла тяжелым грузом на его плечи, а он чувствовал себя усталым. Ему знакомы были жизненные перекрестки, время, когда завершался один этап и надо было брать новое направление, начиная все с начала. Но в глубине души он знал, что не всегда это было возрождением. Он двигался в одиночестве по намеченному пути и мало-помалу перед ним открывались новые перспективы. Но каждый раз он

должен был, как змея старую кожу, менять прежний образ жизни, оставляя осколки былых привязанностей и увлечений.

На этот раз надо было вернуть Абдуллу в его пустыню, так как тот не переносил воздуха северных лесов. Язон отвезет его к золотым берегам Средиземного моря вместе с Абд-эль-Мехтаром. Абдулла, его бдительный страж, много раз спасал ему жизнь. Исполнение всех желаний хозяина было для него священным ритуалом.

«Найду ли я подобного могикана, который бы приготовил мне кофе? Конечно, нет! Но приходится отпускать тебя, старина, иначе будет плохо».

Подумав об Абд-эль-Мехтаре, он представил его себе в специально обставленной каюте на корме. Его истощенное суровым режимом хрупкое тело было укутано мехами, он, без сомнения, неутомимо писал. В его 70 лет жажда знаний до такой степени овладела им, что он буквально умолял своего друга де Пейрака, когда тот покидал Средиземное море, взять его с собой, чтобы исследовать Новый Свет.

Абд-эль-Мехтар был слишком образован, чтобы нравиться такому фанатику, как его суверен Мулей Измаил.

Жоффрей де Пейрак знал об этом и охотно удовлетворил просьбу старика, возможно спасая ему в той ситуации жизнь.

Абд-эль-Мехтар дал ему убежище в роскошном медресе, принадлежащем тогда ему, князю науки и святому, глубоко почитаемому всем в Феце.

Жоффрей де Пейрак прибыл в Сале на носилках. Он вновь увидел себя распростертым у ног своего арабского друга, еще не осознавшим, что рискованная эпопея закончена, и он, христианин, проклятый неверным, находится в самом сердце таинственного Магреба. Хворый, павший духом из-за невыносимых физических страданий и тягот путешествия, имея для продажи только верного негра Куасси-Ба, который сам был напуган, очутившись среди своих.

Итак, это был добрый Абд-эль-Мехтар, его друг. Несколько лет назад они встретились в Испании. Он сразу узнал хрупкую фигуру арабского доктора и оголенный лоб над большими круглыми стальными очками, придававшими ему вид забавной совы.

— Я не могу поверить, что нахожусь перед вами, да еще в Феце,— сказал Жоффрей де Пейрак слабым голосом. Несмотря на все усилия, он не мог говорить громче.— Я думал, что мы встретимся на берегу, тайно. Разве королевство Марокко потеряло репутацию неприкосновенного или ваша власть превосходит власть султанов, для которых христианин должен быть или рабом или мертвецом? Воздаваемые мне почести убедили меня, что я еще не являюсь ни тем, ни другим. Эта иллюзия будет иметь продолжение?

— Мы надеемся на это, мой дорогой друг. Ваше положение действительно исключительное, так как вы находитесь под таким

покровительством, которого мне удалось частично добиться в связи с вашей ученостью. Но чтобы не обмануться в питаемых вами надеждах, вам прежде всего необходимо выздороветь. Ваше исцеление является моей обязанностью. Должен добавить, что это вопрос жизни и смерти не только для вас, но и для меня, ибо за неудачу я могу поплатиться головой.

На его попытки узнать что-либо о таинственных грозных покровителях старый ученый ответил, что он должен полностью выздороветь, чтобы получить право на дальнейшие объяснения.

В настоящий момент его, Пейрака, заданием было вылечиться, и он посвятил себя этому. Он мужественно переносил все процедуры, режим и упражнения, являющиеся предметом забот его неутраченного друга.

Абд-эль-Мехтар склонился над его ранами, лицо его, сначала хмурое, понемногу прояснилось перед их малопривлекательным видом.

— Хвала аллаху! — воскликнул он. — Ваша самая тяжелая рана на левой ноге осталась открытой.

— Она в таком состоянии уже не первый месяц.

— Хвала аллаху за это, — повторил он. — Я не только гарантирую вам выздоровление, но и предвижу, что благодаря этому вы избавитесь от недуга, стеснявшего вас все молодые годы.

И он объяснил ему, что европейские медики борются только с видимостью болезни, что они любую рану пытаются по возможности быстрее заживить с поверхности. Им все равно, что происходит за этой хрупкой пленкой. Однако арабская медицина говорит, что чем глубже рана, тем больше надо задерживать и замедлять выздоровление.

Весьма довольный своим дебютом, Абд-эль-Мехтар сообщил еще, что отсутствие хирургического вмешательства дало свои плоды: разорванные и истерзанные волокна уже восстановились. Затем, благодарение небу, он избавился от ужасного риска гангрены, а он, Мехтар, только завершит труд, так хорошо начатый мэтром Обеном, палачом короля Франции, и так счастливо продолженный при многократной попытке бегства.

Абд-эль-Мехтар отделявал свое творение с тщательностью арабских ювелиров. Он говорил:

— Скоро вашей походке будут завидовать самые спесивые гранды Испании!

Доведенный до изнеможения, Жоффрей де Пейрак удовлетворялся бы и меньшим. Он настолько свыкся со своей хромотой, что не возражал против ее возвращения вместе с привычной жизненной силой и подвижностью всех членов, только по возможности скорей. Без них он превращался буквально в развалину, и силы таяли с каждым днем.

Чтобы убедить его покориться всем новым процедурам, необходимым для окончательного результата, Абд-эль-Мехтар рисовал ему картины его будущих походов под маской неиз-

вестного среди его врагов. Когда он снова ступит на землю французского королевства, кто сможет узнать в человеке с нормальной походкой того, кого называли «Великий лангедокский хромой»?

Эта мысль пришлась по душе раненому, и в дальнейшем он оказался таким же упорным, как и его целитель. Несмотря на бальзамы и болеутоляющие средства, ему пришлось вынести долгие муки, двигать раненую ногу, заставлять ее делать упражнения, в то время как на ней не было живого места. Часами плавать в бассейне, чтобы сохранить необходимую гибкость, обязательно оставляя при этом рану открытой. Когда его единственным желанием было заснуть, врач заставлял его снова пересказывать обстоятельства побега. Врач и его средства были неумолимы.

Сколько же этих дней прошло в былом спокойствии магрибского жилища? Даже сегодня он не мог этого сказать. Недели? Месяцы? Год? Время приостановило свое движение.

Никакой шум не проникал за ограду дворца, где только бесшумно скользили вышколенные слуги. Казалось, что окружающий мир исчез. Недавнее прошлое с мраком и холодом тюрем, смрадом Парижа или каторги одевалось вуалью в сознании французского дворянина, пока не стало казаться какой-то причудливой фантазмагорией, рожденной в его болезненных кошмарах. До боли острой действительностью были только темно-синее небо в вырезах патио и аромат роз.

Жизнь продолжалась.

Глава 19

ГРАФ ДЕ ПЕЙРАК НА СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ

Пришла пора, когда Абд-эль-Мехтар назвал ему, наконец, покровителей, чья власть позволила христианину остаться в самом сердце ислама, в избранном кругу, где ему не угрожала ни малейшая опасность. Эти откровения дали ему понять, что ученый считает партию выигранной и его полное выздоровление — вопросом нескольких дней.

Арабский медик начал рассказывать о войнах и восстаниях, заливших кровью королевство Марокко. Граф с превеликим удивлением узнал, что даже в Феце периодически были массовые резни. В сущности, ему достаточно было лишь немного приподняться над стенами замка, чтобы увидеть виселицы и кресты, которые почти никогда не пустовали, а только меняли своих «клиентов». Эти конвульсии были вызваны агонией царствования

Мулей Арши, у которого его брат Мулей Измаил вырвал власть с жадностью голодного грифа.

Мулей Измаил и был тем повелителем. Он пожелал воспользоваться услугами знаменитого христианского ученого. Он, или скорее тот, кто его представляет и руководит действиями молодого претендента с детских лет — его министр, евнух Осман Ферради.

Упивавшийся преимуществами тогда еще неустойчивой власти, Осман Ферради был негром, рожденным рабом у марокканских арабов, умный и хитрый, он знал, что его расовая принадлежность будет постоянной помехой, если не покажет себя незамеченным.

Он добился осуществления различных начинаний с проворством и точностью паука, ткущего паутину, который то подтягивает одну нить, то бросает ее и завязывает другую, пока не задушит свою жертву.

Чернокожий министр осторожно следил за всеми интригами князьков и народа, состоявшего из арабов, берберийцев и мавров, которые не ведали о бережливости и благоразумии, презирали торговлю, истощали себя в войнах и мотовстве, тогда как евнух обладал умом проницательным и разбирающимся в коммерции и более сложных экономических комбинациях.

Победы Измаила отдали в руки нового султана сказочные территории побережья Нигера, где рабы царицы Савской некогда добывали золото. Власть нового владыки распространялась отныне до лесов Берега Пряностей, где в тени гигантских деревьев обнаженные чернокожие промывали в ручьях в поисках золота породу, добываемую в глубоких колодцах.

Осман Ферради видел в этом главный источник укрепления могущества своего воспитанника, так как именно полное невежество в финансовых делах привело его предшественника к падению. Его преемник обладал небольшими знаниями в этой области, но если завоеванные его мечом копи смогут процветать, как во времена Соломона и царицы Савской, Осман Ферради выступит гарантом его могущества, которое станет непоколебимым.

Он также познал первое разочарование, когда его посланцы на Юг вернулись с сообщениями о странном безразличии и скверном поведении черных племен. Золото интересовало их только как предмет для жертвоприношений и производства украшений — единственной одежды женщин. А с теми, кто пытался изменить их поведение, они старались расправляться.

Однако не одни эти негры знали тайну золота. Принуждаемые силой, они оставят копи и прекратят добычу. Таков ультиматум побежденных. Великий евнух как раз был озабочен этим, когда его шпионы перехватили письмо, посланное Жоффреем де Пейраком марабуту Феца.

— Если бы вы были только одним из моих друзей, да еще и неверным, мне трудно было бы вас защитить, — заметил Абд-

эль-Мехтар, — так как волна нетерпимости затопила Марокко. Мулей Исмаил сам провозгласил себя мечом Магомета! К счастью, вы намекнули в письме на наши прежние работы с благородными металлами. Это пришлось кстати.

Звезды, с которыми посоветовался Осман Ферради, возвестили ему, что Пейрак был посланцем судьбы. Если он уже знал от них, что царствование узурпатора, возведенного его заботами на трон, будет долгим и процветающим, то теперь звезды предсказывали, что в этом процветании сыграет большую роль некий чародей, отверженный иностранец, ибо он обладал знанием тайн Земли.

Допрошенный им Абд-эль-Мехтар подтвердил предсказание. Христианский ученый не знал себе равных в знании науки о золоте. Тотчас же были отданы распоряжения взять под охрану того, кого счастливый — для Мулей Исмаила — случай изгнал из страны франков.

— Ваша особа отныне священна для ислама, — продолжал арабский медик. — Как только я объявлю вас выздоровевшим, вы отправитесь в Судан, сопровождаемый эскортом или даже целой армией, если вы признаете это необходимым. Вам будет предоставлено все. Но взамен вы должны будете по возможности быстрее добыть несколько слитков золота для его превосходства великого евнуха.

Жоффрей де Пейрак задумался. По-видимому, у него не было другого выбора, кроме поступления на службу к владыке мусульман и его визирю. Сделанные предложения удовлетворяли его чаяния ученого и путешественника.

— Я бы согласился с большой охотой и даже радостью, если бы был уверен, что от меня не потребуют сделаться мусульманином. Я знаю, что непримиримость у вас так же сильна, как и у нас. Это результат более чем десятивековой борьбы Креста и Полумесяца. Что касается меня, то я всегда уважал любую форму обрядов, с помощью которых человеческие существа считают нужным поклониться своему создателю.

— Я предвидел ваши возражения. Если бы речь шла о Мулей Исмаиле, то действительно имели бы мало шансов удовлетворить ваши желания. Он, безусловно, предпочел бы увидеть нового аллаха, чем золото в своих сундуках. Однако у Османа Ферради, великого правоверного, другие устремления. Это, главным образом, ему надо хорошо служить. Он не потребует от вас ничего такого, с чем бы вы не смогли согласиться.

И тщедушный старец бойко заключил:

— Конечно, я буду вас сопровождать. Я должен заботиться о вашем здоровье, ассистировать в ваших работах и, может быть, я не буду лишним, чтобы отвести и вас от какой-нибудь западни, ибо наша страна слишком отличается от вашей, чтобы я мог рискнуть оставить вас одного в надежде на счастливый случай.

В последующие годы видели французского дворянина, объ-

езжающим раскаленные земли Судана и опасные леса Гвинеи и Страны Слонов. Его работа искателя и добытчика золота осложнилась тогда задачами исследователя. Ему надо было проникать в земли неведомых племен, у которых вид мушкетов шерифской гвардии, в окружении которой он находился, чаще вызывал возмущение, чем доверие.

Ему приходилось целыми месяцами оставаться одному в лесу, который приводил в ужас его спутников. Даже Куасси-Ба оставался на опушке. За ним ухаживал только Абдулла, совсем юный фанатик. Шерифская гвардия была главным образом занята охраной конвоев с золотыми слитками, которые отправлялись на север.

Абд-эль-Мехтар оказал ему в конце концов содействие для возвращения. Уезжая из Микенез, Жоффрей де Пейрак оставлял найденные им при приезде в хаотическом беспорядке области, полными активной деятельности. Местные мелкие султаны имели достаточно оснований для продолжения ведущихся работ, необходимых северным властителям, которые взамен присылали им дешевые ткани, мушкеты...

После раскаленных южным солнцем варварских дворцов на берегах Нигера, оживленный, богатый, красивый, утопающий в прекрасных садах Микенез показался вершиной цивилизации. Склонность арабов к роскоши нравилась Жоффрею де Пейраку. Он сам, вступая в город с эскортом, одетый в самые пышные одеяния, снаряженный отборным оружием, произвел большое впечатление на Мулей Измаила.

Завистливый властелин мог заставить дорого заплатить за такое хвастовство. Граф де Пейрак уже имел печальный опыт в подобной ситуации под небесами с Людовиком.

Мулей Измаил принял его с помпой. Далекий от того, чтобы завидовать славе христианского ученого, он чувствовал себя польщенным тем, что такой чародей оказал ему громадную услугу. Три дня праздника скрепили их дружбу. Когда торжества заканчивались, Мулей Измаил объявил Жоффрею де Пейраку, что он направляет его послом в Константинополь.

Как французский дворянин отпирался, доказывая свою неправомочность для подобной миссии, пусть расскажут другие. Ему пришлось считаться с тем, что Измаил является вассалом константинопольского султана, который сам потребовал прислать к нему белого чародея. Великий Турок хотел просить его воспроизвести за соответствующую плату золотое чудо.

— Они воображают, что я держу тебя исключительно в башне, где ты делаешь мне золото из верблюжьего дерьма, — кричал Измаил, разрывая в знак презрения свою мантию.

Жоффрей де Пейрак заверил султана, что останется верным его делу и не согласится ни на какие предложения, если они будут во вред властелину Марокко.

Немного позже он прибыл в Алжир. После трех лет невероятных путешествий в глубине Африки бывший смертник, чудом вырвавшийся из застенков короля Франции, вновь находилась с обновленным телом и с мраком в душе на берегах Средиземного моря.

Часто ли он думал об Анжелике на протяжении этих долгих лет? Был ли он чрезмерно обеспокоен судьбой своих близких?

По правде говоря, он считал, зная психологию прекрасного пола, что любая женщина упрекнула бы его за то, что он не посвящал все свое время жгучим переживаниям и горьким слезам. Но он был мужчиной, и его характер побуждал его всегда жить сегодняшним днем. К тому же единственная задача, которой он подчинил все: выжить — оказалась невыносимой.

Воскресший сохранил только смутное воспоминание о своем переходе через Царство мертвых. Когда он в Феце вновь обрел здоровье, дворянин не имел перед собой больше проблем. Назначение на службу в Судане вернуло ему веру в будущее.

Теперь же он избавился еще от главного своего недостатка — хромоты. Для него это ощущение было поистине необычным. Его исцелитель порекомендовал ему верховую езду, и он совершал длительные поездки по пустыне, тщательно обдумывая детали предстоящей экспедиции.

Однако как-то вечером в Феце, когда он вошел в помещение, занимаемое им на вилле Абд-эль-Мехтара, с удивлением обнаружил освещенную луной хорошенькую девушку, ожидавшую его на подушках. У нее были красивые глаза, гранатовый ротик под легкой тюлевой чадрой, а ее туника позволяла разглядеть безупречную фигуру.

Он хотел было выпроводить ее, но она сказала, что это святой марабут поручил ей услаждать ночи его гостя, способного отдавать отныне женщинам свои силы, полностью восстановленные его заботами. Сначала это его рассмешило. Он следил, как она сняла чадру и, со свойственной ее профессии непринужденностью, освободилась от туники. Затем по тугим ударам в висках понял, что желание женщины вернулось к нему.

И именно в эту ночь впервые за долгие месяцы на него нахлынули воспоминания об Анжелике, настолько острые и мучительные, что он так и не смог заснуть. Свернувшись, как зверек, женщина спала на ковре так спокойно, что даже дыхание не нарушало тишины ночи. Он же, откинувшись на подушки, погрузился в воспоминания. Последний раз, когда сжимал женщину в своих объятиях, ею была Анжелика, его жена, его зеленоглазый кумир.

Теперь это затерялось во мраке прошлого. Мысль о ее судьбе не тревожила его. Он знал, что она с семьей не терпит нужды, потому что он поручил в свое время одному давнему компаньону из Пуату, некоему Молину, заняться финансовыми делами его молодой жены в случае, если с ним произойдет несчастье. Она должна была укрыться с обоими детьми в провинции.

Внезапно почувствовал, что не может больше мириться с ее отсутствием. Он хотел обладать ею с неистовством, заставившим его подняться и искать около себя волшебное средство, способное создать иллюзию ушедших дней и ночей, когда он держал ее опрокинутую навзничь в своих объятиях...

На другой день он был таким мрачным, что Абд-эль-Мехтар осторожно справился, доставили ли ему развлечения, которыми он занимался, радость. Жоффрей де Пейрак успокоил его, но не поделился своими переживаниями.

Жоффрей де Пейрак старался отогнать наваждение, за которое он немного презирал себя. Он всегда умел вовремя освободиться от чувственного воздействия, считая слабостью делать уступки любви в ущерб его свободе и делам.

Догадывался ли он, что Анжелика, открыв в улыбке жемчужные зубы, изящными ручками околдовала его, проколов иглой восковое изображение графа? Что же он мог сделать? Помчаться к ней? Он знал только, не будучи пленником, что несмотря на оказываемые ему знаки внимания, он не волен был лишиться покровительства таких могущественных особ, как султан Мулей Исмаил и его визирь Осман Ферради, которые держали его судьбу в своих руках. Он преодолел выпавшие ему испытания. Время и терпение дадут ему когда-нибудь возможность вновь обрести ту, которую он никогда не сможет забыть.

Поэтому, когда вновь оказался на берегах Средиземного моря, его первым действием было послать гонца в Марсель, чтобы раздобыть новости о жене и сыне или сыновьях. Еще он обратился к отцу Антуану, исповеднику с королевских галер, с просьбой съездить в Париж и найти там адвоката Дегре. Расторопный и умный малый, который тогда на процессе не без мужества защищал графа, вызвал у него доверие.

А пока он должен был ехать в Константинополь. Но еще до этого позаботился заказать маски из тонкой кожи, чтобы укрыть свое лицо. Случай несомненно заставит его встретить подвластных Его Величества короля Франции. Только среди мальтийских рыцарей у него было два кузена.

Средиземное море, бывшее гигантской ареной битв с неверными, влекло к себе знать Европы.

Под берберийскими знаменами положение экс-сеньора Тулузы выглядело довольно двусмысленным. Изгнанный своими, он проник в мир совершенно противоположный, мир Ислама.

Итак Жоффрей де Пейрак отправлялся к Великому Турку. Сомнения не омрачали его совесть. Он, христианин, не собирался оказывать действенную помощь врагам веры, которую не отвергал. У него была другая мысль. Ему было ясно, что ни один турок, относительно неискушенный в коммерческих делах, никогда не сможет сравняться в жульничестве с французским или испанским банкиром. Упорядочение денежных систем явилось бы шагом к примирению, о котором пока никто не думал. Чтобы сделать это,

Жоффрей де Пейрак должен был взять в свои руки контроль над двумя главными движущими рычагами эпохи: золотом и деньгами, и он уже знал, как достигнет этого.

Следствием его бесед с Султаном Султанов и его советниками из Большого Дивана было размещение его штаб-квартиры на Крите. Во время праздничного приема, устроенного им, явился гонец из Франции. Он оставил гостей и бросился навстречу посланцу: «Иди сюда! Быстрей! Говори!»

Тот вручил ему письмо от отца Антуана. Священник изложил в нем результат его поездки в Париж. Через адвоката Дегре он узнал, что экс-графиня де Пейрак вновь сочеталась браком с маркизом дю Плесси де Бельер, что у нее от этого брака родился сын, она живет при Дворе в Версале, где занята почетными обязанностями.

Он судорожно сжал письмо в руке. Сначала в это нельзя было поверить! Невозможно! Затем очевидность происшедшего заставила признать, насколько он был наивен, когда не мог даже предположить подобной развязки. Разве могла согласиться сияющая красотой и юностью вдова заточить себя в старом провинциальном замке и заниматься, как Пенелопа, вышиванием?

Итак, судьба уготовила ей стать новобрачной. Почему он раньше не подумал об этом? Почему не приготовился к этому удару? Для чего он столько страдал?

Любовь оупяет, любовь ослепляет. И только ученый граф де Пейрак не видел этого. Не потому ли она навсегда вырвалась из-под его влияния, что он формировал ее по своему вкусу? Жизнь и женщины изменчивы. Когда она была его женой, то сумела внушить ему, что живет только из-за него и только для него. Он попался в ловушку самых тонких наслаждений, которую расставил ему острый и живой ум молодой женщины.

Неужели она ослепила его до такой степени, что он никогда не подозревал в ней зародыша других стремлений? Женщина, столь щедро одаренная природой, не способна на верность. Разве он не испытал на себе могущество ее прелести, ореола утонченности, излучаемого ее походкой, ее жестами, в которых заключалась суть ее очарования? Не занималась ли она корыстными расчетами уже в то время, когда он сопровождал ее на свадьбу короля?

Такая юная, едва вышедшая из отрочества, она обладала, он знал, такими качествами, которые скорее очаровывали, чем пугали: железный характер, тонкий ум, осторожная хитрость.

До какой высоты могла поднять все это, поставленное на службу честолюбию? Ого! До прекрасного маркиза дю Плесси, фаворита брата короля. И до самого короля, почему бы и нет?!

Как прав он был, что не беспокоился о ней!

Оцепеневший от страха гонец упал на колени перед мечущими молнии глазами хозяина. Жоффрей де Пейрак сжимал в кулаке письмо с таким ощущением, словно под его пальцами была лебединая шея Анжелики.

Затем разразился смехом, но смех застрял в горле и он задохнулся. Ибо не мог больше по-настоящему смеяться с тех пор, как потерял голос. Он свикся с этим уродством, но в часы тоски оно заставляло его страдать. Часы тоски, вызванной только Анжеликой! Остальное, он повторял себе это сотни раз, его не задевало: телесные страдания, разорение, изгнание — он примирился со всем.

Ведь у него была она! Она была его единственной слабостью, единственной женщиной, заставившей его страдать, и именно из-за этого она была желанной.

Неужели можно страдать из-за любви? Неужели можно страдать из-за женщины?

Глава 20

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ БЕРТИЛЬ

А теперь, когда вдали от всего того, что составляло их прошлое, «Голдсборо» снова соединил их и увлекал за собой в неизвестное, неужели он снова попадет в прежнюю ловушку мучений и скорби, из которой считал себя освобожденным?

В приступе гнева он метался по каюте. Остановившись у одного из сундуков, он открыл его и вынул гитару. Приобретенная в Кримоне в то время, когда он еще надеялся на возвращение голоса, она большей частью оставалась немой, как и он. В этот раз он снова сделал попытку. Его разбитый голос, хриплый и неприятный, исказив мелодию, умолк. Он покачал головой. «Ребячество!»

Движимый внезапным предчувствием, он пересек комнату и резко открыл дверь, ведущую на мостик. Она была там, призрак другой женщины, и ее бледное иконописное лицо в темной одежде, возникшее в ночи, бесспорно было тем, которое он пытался воскресить в памяти.

Он почувствовал непонятное замешательство при мысли, что она пришла захватить врасплох его неумелые попытки запеть. Злоба придавала его тону особенную неучтивость.

— Вы что тут делаете? Вы никак не можете усвоить правила поведения на борту? Пассажиры должны появляться на палубе только в назначенное время. А вы позволяете себе являться куда угодно и когда угодно. По какому праву?

Ошеломленная Анжелика прикусила губы. Только что, приближаясь к апартаментам мужа, она была потрясена, услышав звуки гитары. Но ее привели сюда другие заботы. С трудом, удерживая спокойствие, сказала:

— У меня серьезный повод для нарушения вашей дисциплины. Я пришла справиться о вашем слуге Абдулле. Он у вас?

— А почему он вас интересует? — Он обернулся, думая увидеть привычную фигуру мавра, но его там не оказалось.

Анжелика заметила его движение и обеспокоенно продолжала:

— Его тут нет?

— Нет... Но в чем дело? Что случилось?

— Исчезла одна из девушек... и я боюсь за нее... из-за этого мавра...

Глава 21

ПРЕСТУПЛЕНИЕ МАВРА АБДУЛЛЫ

Северина и Рашель подкрались к Анжелике.

— Госпожа Анжелика, Бертиль здесь нет?

Она не поняла, что они имеют в виду. Тогда Рашель рассказала, что в тот момент, когда они собрались вернуться на батарею, Бертиль решила еще остаться наверху.

— Почему?

— О, она была какая-то ненормальная, — продолжала Рашель. — Сказала, что ей надоело толкаться в стойле и она хочет побыть в одиночестве. В Ла-Рошели у нее была своя комната, совсем отдельная, так что вы понимаете...

— Но с тех пор прошло больше двух часов, а она не вернулась, — настаивала испуганная Северина. — Может быть, ее смыло волной?

Анжелика поднялась и пошла к мадам Марселло, которая вязала, сидя в своем углу с двумя соседками. У них уже вошло в привычку ходить из угла в угол в гости. Марселло была изумлена. Она считала, что Бертиль находится со своими подружками. Тотчас все были подняты на ноги, и очевидность установилась: девушки нигде не было.

Мэтр Марселло в ярости бросился наверх. Последние дни Бертиль вела себя слишком самовольно. Ей придется узнать на собственной шкуре, что дочь должна быть покорной родителям под всеми широтами и при любых обстоятельствах.

Немного позже он вернулся встревоженный. Он не нашел ее.

— Госпожа Анжелика, соблаговолите мне помочь. Вы знаете язык этих недотеп. Надо чтобы они помогли в наших поисках. Может быть, Бертиль упала в люк и что-нибудь повредила.

— Море беспокойно, — сказал адвокат Каррер, — девушку могло унести волной, как тогда Онорину.

— О господи! — воскликнула мадам Марселло, падая на колени.

Нервозность пассажиров достигла предела. В свете ламп их лица выглядели мертвенно-бледными и осунувшимися. Шла третья неделя трудного переезда, в котором их моральная стойкость слабела, и достаточно было чему-нибудь случиться с одним из них, чтобы сокрушить их видимое спокойствие.

Анжелике вовсе не хотелось следовать за Марселло на палубу. Бертиль, своенравная, как и все девушки в ее возрасте, сидит где-нибудь в темном углу, погруженная в мечты, и не подозревает, что из-за нее такое беспокойство. Тем не менее Анжелика, смутно чувствуя свою ответственность, попросила Абигель хорошо присмотреть за Онориной.

Наверху она нашла Марселло, Берна и Маниголя спорящими с горбуном, который жестами приказывал им вернуться обратно. Он отмахивался от объяснений и дал знак своим людям, схвативших протестантов под руки.

— Не прикасайтесь ко мне, бандиты! — заорал Маниголь. — Не то я уложу вас на месте!

Он был раза в два крепче любого из мальтийцев, которые хотели научить его уму-разуму, но у тех за поясами торчали ножи. Они тут же поспешили их вытащить. Происходившая в неясной полутьме эта сцена производила удручающее впечатление.

К счастью, мирное вмешательство канадца Никола Перро предотвратило готовящееся кровопролитие. Анжелика объяснила ему происхождение. Он перевел ее слова несговорчивому Эриксону, но тот оставался верным приказу: когда опускается ночь — ни одного пассажира на палубе. Однако, узнав, что одна из пассажирок исчезла, он в замешательстве покачал головой.

Время от времени Марселло звал, сложив руки рупором: «Бертиль, отзовись!». Но ответом были только шум ветра и поскрипывание корабля, покачивающегося на черных волнах.

Эриксон закончил тем, что разрешил отцу остаться наверху. Остальных заставил вернуться на нижнюю палубу и там запер их без церемоний.

Анжелика продолжала разговаривать с Никола Перро.

— Я боюсь, — сказала она доверительно. — Должна вам признаться, что я меньше боюсь моря, чем людей. А что если кто-то из них, найдя девушку в одиночестве, увел ее насильно и сейчас глумится над ней?

Канадец обратился к боцману на английском. Тот поворчал, но потом ушел, бросив через плечо несколько слов.

— Он сказал, что пойдет сделает перекличку всего экипажа. В это время мы обшарим палубу.

Канадец побеспокоился о фонарях. Он внимательно осматривал каждую связку такелажа, заглядывал в спасательные шлюпки

и все темные углы, но безрезультатно. Они были уже на корме у кубрика, когда горбун окликнул их.

— Все люди на местах, отсутствующих нет.

В неверном свете масляных ламп матросы ели похлебку. В кубрике было так накурено, что хоть топор вешай. Когда мэтр Марселло заглянул туда и увидел лица с темными сверкающими глазами, он сразу понял, что море было не единственной опасностью, могущей угрожать Бертиль.

— Вы представляете себе, что один из них мог покушиться на невинность моей дочери? — прошептал он, побелев, как мел.

— Во всяком случае, ни один из этих, раз они все тут.

— Это ничего не доказывает. Совершив злодеяние, ее могли задушить и бросить в море, чтобы скрыть следы. — На его висках выступили капельки пота.

— Не приходите в отчаяние, — уговаривала его Анжелика. — Эриксон предлагает людей, чтобы осмотреть корабль снизу доверху, — и тут у нее мелькнула мысль о мавре Абдулле. Импульсивно чувствуя, что она на правильном пути, Анжелика бросилась наверх.

Мавра не было на обычном месте — у двери хозяина. Из-за дверей доносились звуки гитары. Затем перед ней возник образ Жоффрея де Пейрака, суровый и беспощадный. Он выглядел так, что она, говоря об Абдулле, готовилась встретить вспышку его гнева. Но он в неуловимое мгновение принял обычный облик хозяина корабля, внимательного и бдительного.

Он осмотрел место, где обычно находился Абдулла и которое на протяжении вот уже нескольких лет мавританский раб никогда не покидал без приказа. Его брови недовольно нахмурились, и он выругался.

— Черт его побери! Надо было за ним присматривать. Идемте быстрее. — Он заскочил к себе, чтобы взять потайной фонарь.

Жоффрей де Пейрак направился на верхнюю палубу, «проспект» корабля. Он сам отбросил крышку люка и стал спускаться, помогая себе рукой и держа фонарь в другой. Анжелика была настолько возбуждена, что следовала за ним, пренебрегая опасностью спуска по крутой лестнице. Никола Перро присоединился к ним, а затем и мэтр Марселло. Ему, охваченному тревогой, пришлось делать, даже не замечая этого, такие упражнения, от которых он уже давно отвык.

Наконец они остановились у темного узкого прохода. Жоффрей де Пейрак положил руку на рефлектор фонаря, чтобы прикрыть свет. Тогда вдаль, в конце прохода, Анжелика различила другой свет, красноватый, будто там поместили огонь за красным занавесом.

— Он там? — шепотом спросил Никола.

Жоффрей де Пейрак сделал предостерегающий жест. Марселло барахтался на последней лестнице, поддерживаемый мол-

чаливой тенью: индейцем, пробирающимся за своим хозяином. Граф протянул фонарь канадцу, показывая, чтобы тот осветил спускающемуся бумаготорговцу.

Затем он, крадучись, углубился в проход. Он шел быстро и без малейшего шума. И вдруг слух Анжелики донес и уловил звуки странного монотонного речитатива, то поднимающегося до крика, то опускающегося до шепота. Нет, ей не почудилось. Заклинания становились явственными по мере того, как они приближались, заполняя своими звуками, словно кошмар в дурном сне, узкий темный проход.

Почувствовав, что волосы у нее становятся дыбом, она бес-сознательным жестом схватила мужа за руку. Тот потянулся к красной лоскутной занавеске и отдернул ее.

Зрелище, открывшееся их глазам, было ужасным. И в то же время такой необычной красоты, что Жоффрей де Пейрак какое-то время оставался неподвижным, словно не решался войти.

Эта дыра на дне чрева корабля, это жалкое жилье, освещенное жидким светом покачивающегося ночника, и было логовом мавра. Здесь он нагромоздил свои сокровища за долгие годы морских кампаний. И среди роскошного и жалкого беспорядка навзничь лежала потерявшая сознание Бертиль.

Ее белокурые волосы разметались по ковру вперемежку с драгоценностями. Беспомощные руки напоминали увядшие стебли какого-то диковинного растения.

Мавр не снял с нее одежды. Только ноги были обнажены. Тонкие и хрупкие, отливающие перламутровой белизной, они, казалось, принадлежали фантому из сновидений, прозрачной нимфе, слепленной из алебастра рукой божественного мастера.

Склонившись над этой хрупкой фигуркой, трепещущий мавр пел. Его совершенно обнаженное тело выглядело, как великолепная бронзовая статуя, оживляемая конвульсивной дрожью. Между его напряженными руками, на которые он опирался, виднелся висевший на шее маленький кожаный мешочек, хранивший его амулеты «бараки». Эти руки, как две несокрушимые черные колонны, удерживали захваченную добычу.

Он казался огромным гигантом, все мускулы тела вздулись от похоти. Как золотые извивающиеся змеи, по его хребту и потной пояснице пробегали судороги. Вырывавшийся из полуоткрытого рта колдовской речитатив становился быстрым, настойчивым.

— Абдулла!

Мавр задрожал, как дерево под топором. И вдруг, издав звериное рычание, с пеной у рта и с горящими глазами, он вскочил и бросился назад. Обими руками он схватил висевший на стене ятаган.

Анжелика пронзительно закричала, увидев, как сверкающий клинок летит в голову Жоффрея де Пейрака. Тот мгновенно наклонился. Графу удалось схватить одержимого. Он обратился к нему на его родном языке, пытаясь образумить, но мавр выпр-

вался. Горечь неудовлетворенного желания придала ему невероятную силу.

Никола Перро вмешался, и какое-то время в этом тесном закутке шла жестокая борьба. Задетая масляная лампа опрокинулась, и ее горячее содержимое обожгло плечо Абдуллы, который взвыл от боли. И вдруг он пришел в себя.

Он снова превратился в простого смертного, нашкодившего, и теперь испуганно поводил вокруг себя вытаращенными глазами. Его большое тело затрепетало, и он медленно, будто под тяжестью руки хозяина, опустился на колени. Скрестив руки, он стал биться головой об пол, хрипло бормоча жалкие просьбы о прощении.

Анжелика склонилась над Бертиль. Она поняла, что девушка потеряла сознание только от страха. Она не была ранена. Возможно, ее слегка придушила рука, удерживающая крик, когда мавр, обладавший геркулесовой силой, крался с добычей на дно корабля.

Анжелика подняла ее, немного потормошила и быстро поправила беспорядок ее одежды. Однако недостаточно быстро, чтобы мэтр Марселло не смог понять смысл происшедшей здесь сцены.

— Ужас! Позор! О господи!

Он упал на колени перед Бертиль, прижимая ее к себе и зывая в отчаянии к ней, затем, встав, бросился на склоненного мавра и стал осыпать его ударами. Заметив ятаган, он схватил его прежде, чем кто-либо смог предугадать его движение.

Но кулак Жоффрея де Пейрака мгновенно отбил клинок, едва не нанеся губительный удар. И он и Никола Перро прилагали все усилия, чтобы успокоить оскорбленного отца. Но тот не поддавался и его пришлось удерживать силой.

— Будь проклят день, когда мы ступили на это судно, — бормотал он, глядя на них безумным взглядом. — Клянусь, убью этого негодяя собственными руками!

— Я единственный господин и судья на борту после бога, — сурово ответил Рескатор. — И только на мне лежит обязанность вершить правосудие.

— Я вас тоже убью, — сказал мертвенно-бледный Марселло. — Теперь мы знаем, кто вы такой. Бандит, презренный торговец живым товаром, который не поколеблется отдать наших жен и дочерей своим оборванцам, а нас продать как рабов. Но мы расстроим ваши планы...

Наступившую тишину нарушало только его прерывистое дыхание. На лице Жоффрея де Пейрака играла странная улыбка, искажавшая лицо и делавшая его просто страшным.

— Я понимаю ваше положение, мэтр Марселло, — сказал он спокойно. — Я сожалею об этом инциденте.

— Простой инцидент! — зашелся бумаготорговец. — Бесчестие моей дочери! — Он ссутулился и из-под закрывших лицо рук слышалось рыдание.

— Мэтр Марселло, умоляю вас, — сказала Анжелика, — выслушайте нас и не впадайте в такое отчаяние. Милостью неба мы пришли вовремя. Бертиль отделалась испугом, и этот урок заставит ее быть более осмотрительной в будущем.

Но тот не слышал обращенных к нему слов и его боялись отпустить, не зная, на какие крайности он пойдет. Хладнокровие вернулось к нему, когда Бертиль пришла в себя.

— Отец! Отец! — не своим голосом кричала она.

Он повернулся к дочери и стал ее успокаивать.

Возвращение Бертиль вызвало на нижней палубе всеобщее возмущение и растерянность.

Когда отец с индейцем внесли ее на руках, она страдальчески стонала, время от времени издавая истерические вопли. Ее положили на покрытую плащом солому. Неожиданно оттолкнув мать, она, неизвестно почему, вцепилась в Анжелику, которая вынуждена была присесть у ее изголовья, в то время как вопросы, восклицания, рассказы о совершенно неправдоподобных деталях происшедшего перекрестным огнем проносились над их головами.

— Ваше предчувствие оказалось правильным, Маниголь, — сказал удрученный бумаготорговец. — И мое бедное дитя было их первой жертвой.

— Предчувствие! — повторил Маниголь. — То, что удалось узнать Легалю о планах этих преступников, не оставляет никаких сомнений в их намерениях. Все мы пленники, и наша ужасная судьба предрешена.

Женщины начали плакать. Бертиль завопила еще сильнее, отбиваясь от невидимого врага.

— Да прекратите ли вы в конце концов истерику? — закричала Анжелика. Она схватила Марселло за брюки и без всяких церемоний встряхнула его. — Сколько раз вам надо повторять, что с ней не произошло ничего серьезного. Она так же невинна, как и в день своего рождения. Может быть, вам надо точно сказать, где и что находилось, когда мы вмешались, или вы не способны понять с полуслова и успокоить вашу жену и дочь?

У разгневанной Анжелики был такой вид, что любой мужчина не решился бы остаться лицом к лицу с ней. Мэтр Марселло отступил. Его сменил адвокат Каррер.

— Вы сами признались, что вмешались вовремя, — он ухмылялся, — так что можно с уверенностью сказать, что если бы вы вмешались позже, несчастное дитя...

— «Несчастное дитя» сделало все, чтобы навлечь на себя это злоключение. И она это прекрасно знает, — сказала Анжелика, бросив взгляд на «жертву», которая вдруг перестала плакать и явно чувствовала себя неловко.

— Не хотите ли вы обвинить мою дочь в том, что она сама спровоцировала омерзительные чувства этого черного?! — вне себя закричала мадам Марселло.

— Действительно, я обвиняю ее в этом. Я даже предупреждала ее по этому поводу. Ее приятельницы присутствовали при этом.

— Это правда,— робко подтвердила Рашель.

— Ах, вам так идет давать уроки морали!

Анжелика почувствовала недоброжелательную двусмысленность ее слов, но не подала вида. Эти люди имели основания для недовольства.

— И в самом деле, только имея жизненный опыт, можно справедливо судить о приличии или неприличии поведения легкомысленной девушки. Это недостаточное основание, чтобы обвинить в гнусных замыслах весь экипаж и особенно его капитана...

Издав недовольное ворчание, Маниголь тяжело поднялся и стал перед Анжеликой, как истукан.

— Кого вы тут защищаете, госпожа Анжелика? — спросил он холодно.— Шайку бандитов и отвратительных распутников? Или, что еще хуже, их капитана? Мошенника, которому вы нас продали?

Она была ошеломлена, услышав это. Неужели он совсем потерял голову? Она поискала взглядом Берна и нашла его стоящим среди остальных, такого же холодного и подозрительного, как и они. У нее вырвалось нетерпеливое движение. Предъявляя свои претензии и опасения, рожденные в праздности вынужденного переезда, они старались найти вымышленных врагов.

— Я никого не защищаю. Просто ставлю вещи на свои места. Бертиль так же вела себя и в гавани, когда избежала подобной опасности. У нее не хватает благоразумия, а у вас, ее родителей, бдительности. Что касается обвинения в предательстве меня...

Спокойствие покинуло ее.

— Вы уже забыли, почему сбежали из Ла-Рошели? Почему находитесь здесь? Вы же были обречены... все!

И она бессвязно выложила им все, что ей пришлось вытерпеть в лапах у Бомье и Дегре. Полицейские знали о них все. Места для гугенотов уже были приготовлены в королевских тюрьмах и на галерах. Ничто не могло их спасти.

— ... Если ваши братья вас предали и продали, не пытайтесь переложить вину на тех, кто помог вам. Я вас не предавала... наоборот, вынуждена была умолять хозяина «Голдсборо» взять нас на борт. Вы достаточно сведущи в морских делах, чтобы оценить, что значит дополнительная нагрузка 50-ти человек на корабль, который не был подготовлен к этому. Эти люди с первого дня едят сухари и солонину, чтобы приберечь свежую провизию для ваших детей.

— А что они приберегают для наших женщин? — съязвил адвокат.

— И для нее самой? — решил перещеголять его Маниголь.— Неужели вы до такой степени наивны, госпожа Анжелика, и верите в то, что эту услугу нам оказали бескорыстно?

— Конечно, нет. Вам самим надо обсудить это с ним.

— Вести переговоры с разбойником?
— Вы обязаны ему жизнью, разве это мало?
— Баста, вы уже переходите всякие границы!
— Нет! И вы это хорошо знаете, сударь. Разве не вы жаловались, что вас во сне душила змея с головой сеньора Тома, вашего компаньона? Но теперь, когда вы избежали гораздо большей опасности, вы не хотите проявить даже простого чувства признательности к этому чужому человеку, который оказал милость и спас вас самого. А почему? Да потому, что он не из ваших, что не похож на вас.

Чувствуя, что у нее перехватывает дыхание, она отвернулась с надменным видом.

«Если бы они знали, какие узы связывают меня с ним, то извели бы меня. Я потеряла бы также то слабое доверие, которое они еще ко мне питают».

Несмотря ни на что, ее слова поколебали протестантов. Сила ее авторитета продолжала действовать, побеждая их недоверчивость.

Ее охватило сильное возбуждение при мысли, что старается для него, защищает его. Она сразу перешла на его сторону, хотя он и пренебрегал ею, и попыталась подавить поднимавшееся против него недовольство.

— Одно не подлежит сомнению, — пробурчал в напряженной тишине Маниголь, — что планы монсеньера Рескатора относительно нас более чем подозрительны. Легаль говори, и Мрези, и Гарран... Вращаясь среди команды, они уловили кое-какие намеки, которые не оставляют у нас никаких сомнений. Нас не везут на острова. Такого намерения никогда и не было.

— Может быть, нас везут в Китай, — добавил масла в огонь доктор.

Они со страхом переглянулись. Неужели предел страданий еще не достигнут?! Снова послышался плач Бертиль и внимание вновь обратилось к ней.

— Моя дочь будет отомщена, — заявил Марселло. — Если мы дадим себя обмануть и преступление мавра останется безнаказанным...

Внезапно он умолк, заметив предупреждающий знак Маниголя. Мужчины еще долго говорили вполголоса. Анжелика не могла не оценить серьезности обстановки и чувствовала себя ответственной за происходящее.

Она опустила глаза, и ее охватила жалость при виде взволнованных детей. Напуганные растерянностью и волнением взрослых, они, как птенцы в поисках защиты, прижимались к старшим друзьям. Анжелика опустилась на колени, взяла Онорину на руки и попыталась развлечь их рассказами о кашалотах, которых матросы обещали вскоре показать детям.

В конце концов они обратились к возбужденным матерям с просьбой готовить детей ко сну.

Понемногу порядок восстановился. Бертиль призналась, что за исключением страшного испуга, испытанного в мощных руках уносившего его негра, она больше ничего не помнит и ничуть не пострадала.

Пастор Боккер держался в стороне, рядом с Абигель. Уложив спать Онорину, Анжелика подошла к нему.

— Пастор, что вы думаете обо всем этом? — прошептала она бессильно. — Почему испытания подозрением и злобой преобладают над теми, которые мы должны претерпевать? Говорите с ними.

Старику не изменяла его обычная безмятежность.

— Мы находимся в центре водоворота. Я слушаю и слышу только бессвязные возгласы. Слова слишком слабая сила против стены, воздвигнутой страстями. Но грянет день, когда лучшее и худшее должны будут встретиться в сердце людей. Для некоторых этот день уже наступил... Я могу только молиться в ожидании исхода битвы Добра со Злом. Она началась не сегодня.

— Ваша мудрость велика, пастор.

— Я долго был в темнице, — со вздохом сказал старик.

Если бы он был священником ее собственной веры, она с радостью исповедалась бы ему и под покровом священной тайны рассказала всю правду и попросила совета. Но даже в этой духовной помощи ей было отказано.

Она повернулась к Абигель.

— Абигель, что же все-таки случилось? Куда ведет нас эта ненависть, готовая разъединить нас?

— Ненависть часто рождается страданиями, — прошептала девушка. Ее смиренный взгляд был устремлен в сторону.

На фоне ламп черной глыбой появился силуэт Габриэля Берна. Анжелика не хотела с ним видиться, но он последовал за ней и заставил пойти с ним в дальний темный угол. Наедине они могли обменяться несколькими словами, что невозможно было сделать в этой непрерывной суете.

— Прошу вас, не исчезайте снова. Почему избегаете меня? Дни проходят, а я для вас как будто не существую.

Это было чистой правдой.

Каждый день Анжелика всем своим естеством ощущала присутствие того, кого любила и с кем была, вопреки всему, навеки связана. Не могло быть в ней места для другого мужчины.

Он крепко взял ее за руки, и она увидела, как блестят его глаза, хотя черты лица были неразличимы в полутьме.

— Послушайте меня, госпожа Анжелика, — продолжал он осторожным тоном, — вам надо произвести выбор. Тот, кто не с нами, тот против нас. С кем же вы?

Она ответила немедленно.

— Я на стороне людей здравого смысла и против слабоумных.

— Здесь не место для салонного разговора. Что касается меня, то мне не до смеха, так что отвечайте без шуток.

И он с такой силой сдвигал ей руки, что она едва не закричала. Действительно, он совсем оправился от ран и полностью обрел былую силу.

— Я не шучу, мэтр Берна. Перед паникой, которая готова охватить вас всех и повлечет достойные сожаления действия, я за тех, кто, не самообольщаясь перед препятствиями, верит в будущее и не терзает своих детей, сходя с ума по пустякам.

— А если в один прекрасный день мы узнаем, что нас обманули, тогда уже будет поздно жалеть о нашей наивности. Вам что, известны замыслы главаря этой шайки пиратов? Он сообщил их вам? Весьма сомнительно. Какое согласие может быть между вами?

Он почти тряс ее за руки, но она была так истерзана собственными переживаниями, что не замечала этого.

«А что я знаю о нем,— думала она.— Ведь и для меня он незнакомец. Слишком много лет разделяют того человека, которого я как будто знала, и этого, которому мы доверились теперь. Его репутация на Средиземном море? Она не была утешительной. Король посылал против него свои галеры. Можно было предположить, что он действительно стал человеком без совести, обремененным злодеяниями и преступлениями».

Она оставалась безмолвной.

— Почему он не хочет встречаться с вами? И почему отвечает отказом на наши требования? Вы верите ему? Однако вы не можете ручаться за его действия...

— Он согласился взять вас на корабль, когда ваши жизни были в смертельной опасности. Этого достаточно!

— Я вижу, вы будете защищать его всегда,— прорычал он.— Даже если он продаст нас как рабов. Но какими чарами он смог вас так преобразить? Какие связи, какое прошлое смогли сделать из вас его поклонницу, а ведь совсем недавно никто не посмел бы сомневаться в вашей честности... когда мы были в Ла-Рошели.

Его последние слова воскресили в памяти радость тех дней, когда в тишине дома Берна Анжелика, как раненая волчица, залечивала раны. В этих сладких для протестанта воспоминаниях появился неизгладимо мучительный привкус.

Теперь он знал, что неизвестный похититель вырвал у него из рук сокровище, в сравнении с которым все потерянные им богатства ничего не стоили. Он ненавидел этого человека, загадочного и полного необъяснимого очарования, при одном появлении которого женские головы, как чайки к добыче, поворачиваются к нему.

И несмотря на ее сопротивление, он обнял Анжелику. Ярость, удесятерила его силы, а желание оглушило до такой степени, что он не слышал слов, которые она бросала ему, безуспешно пытаясь освободиться. Слово «скандал» наконец дошло до его сознания.

— Разве недостаточно одного скандала за вечер? — умоляла Анжелика. — Сжальтесь, мэтр Берн, возьмите себя в руки... Умейте владеть собой. Ведь вы же отец!

Но его волновало только то, что она отводила губы.

— Почему вы защищаетесь с таким упорством? — вздохнул он. — Разве не было между нами разговора о браке?

— Нет, нет! Вы ошибаетесь, это невозможно! Этого не будет никогда. Теперь я принадлежу только ему...

Как громом пораженный, он опустил руки.

— Когда-нибудь я объясню вам это, — продолжала она, желая смягчить трагический эффект своего заявления, — и вы поймете, что соединяющие меня с ним узы... не те, которые можно порвать...

— Вы мерзавка!

Его дыхание было горячим. Они шептались, не смея поднять голос.

— Зачем вы сотворили все это зло?

— Какое зло? — спросила она сквозь слезы. — Я искала возможность спасти ваши жизни с риском для своей.

— Это еще хуже.

У него вырвался жест отчаяния. Он уже не знал, что хотел этим выразить. Возможно, боль, которую она ему причинила, оставаясь неизменно прекрасной, оставаясь сама собой, то есть именно той женщиной, готовой на самопожертвование ради других, и теперь отдалявшейся от него возможно навсегда после того, как ему дано было заглянуть за райские врата, где он мог обладать ею и назвать своей женой.

Анжелика лежала на постели с открытыми глазами. Разговоры вокруг нее постепенно утихли. Одна единственная свеча бодрствовала под низким потолком.

«Совершенно необходимо, чтобы я объяснила Берну, что связывает меня с Жоффреем де Пейраком. Он человек честный и должен уважать таинство брака. Он признает свое поражение...»

Она сразу не рассказала обо всем только из боязни вызвать недовольство того, кого она продолжала считать своим мужем. Ведь он сказал ей: «Ни слова об этом». И она ни за что на свете не посмела бы нарушить его приказание, отданное таким безучастным голосом, что дрожь пробежала у нее по спине.

«Ни слова об этом. Мне необходимо, чтобы вы присматривали за ними. Если бы они узнали, то считали бы вас моей сообщницей».

Несмотря на его недоверие к ней в связи с протестантами, она не могла удержаться от попыток проникнуть в смысл этих тревожных слов.

Время шло и вместо просвета между ними все больше сгущалась тьма. «Ах, как он пугает меня! И как привлекает!»

Она закрыла глаза и запрокинула голову, как делала всегда в

одиночестве, чувствуя затылком прохладу деревянной обшивки. За этой преградой билось море, беспредельное и безучастное.

Ни за что на свете она не пожелала бы сейчас оказаться в другом месте. Сожалела ли она о том времени, когда юная графиня де Пейрак была окружена в своем замке богатством и уважением? Конечно, нет. Она предпочитала быть здесь, на этом корабле. Под покрывалом сомнений и тревоги она хранила надежду на любовь, любовь необычную, настолько отличающуюся от всего известного, что для достижения ее стоило перенести такие муки.

В призрачности сна реальные картины, возникавшие перед ее глазами, когда она бодрствовала, склеились с фантазией.

Ибо этот корабль нес в себе любовь, так же как нес и ненависть. Анжелика видела себя устремившейся вперед, взбирающейся по нескончаемым лестницам, которые вздымались и раскачивались в ночной тьме. Нечеловеческая сила влекла ее к нему.

Но тут гигантская волна захватила ее и швырнула в зияющий темной трюм. Она снова начала карабкаться по бесчисленным ступенькам, ее страх усугублялся навязчивым ощущением утраты чего-то очень дорогого, что одно только могло спасти ее.

Внезапно ее осенило: любовь, лишаящая ядовитые растения их славы и силы. Деревянные ступеньки лестниц превращались под ее пальцами в негибкие крепкие плечи, за которые она в изнеможении цеплялась. В ногах у нее появилась отвратительная слабость.

Только сжавшие ее до боли руки удерживали ее над злой пустотой. И она обвилась вокруг Него, как гибкая лиана обвивает надежный ствол. Ее самостоятельная жизнь перестала существовать. Их губы слились, и она жадно ловила его дыхание. Если этот поцелуй прервется — она умрет.

Она проснулась вся в поту, задыхаясь и вытянувшись на ложе, прижала руки к груди, успокаивая колотившееся сердце. Такого с ней уже очень давно не было.

Поводом, несомненно, послужило происшествие в трюме.

Еще не выйдя окончательно из транса, она огляделась вокруг и с ужасом различила у изголовья коленопреклоненную фигуру мужчины — Габриэля Берна.

— Вы ли это, — пробормотала она. — Неужели вы... Это вы меня целовали?

— Целовал? — Он с изумлением повторил вполголоса это слово и покачал головой. — Я слышал, как вы стонали во сне. Я не мог спать и вот я здесь...

Скрыла ли от него темнота ее бессознательный экстаз?

— Мне снился дурной сон...

Но он придвинулся на коленях еще ближе к ней. Каждая клеточка ее тела дышала безрассудством испытанной любви, и в таком состоянии оставалось только поддаться влечению зова, старого как мир.

Анжелика вновь ощутила, как ее обняли требовательные руки, но на этот раз уже не во сне и это был не ОН. Она в достаточной степени пришла в себя, чтобы осознать это. Она коротко выдохнула:

— Нет! Никогда!

Но ее словно парализовало. Она вспомнила, что мэтр Берн невероятно силен. Ей пришлось увидеть, как он одной рукой задушил человека.

Звать на помощь? Ее сжатое горло не могло издать ни малейшего звука. И к тому же это было настолько немислимо и отвратительно, что она не могла поверить в его поступок.

Она попыталась вырваться. «Мы все сходим с ума на этом судне», — подумала она в отчаянии. В ночной темноте осторожность его движений скрывала их намерения, но вот она почувствовала, что требовательная плоть приближается к желанной цели...

Она еще раз рванулась, коснулась щекой обнаженной руки и, повернув голову, впилась в нее зубами. Сначала он попытался вырвать руку, но когда это не удалось, глухо прорычал в ярости:

— Бешеная сука!

Кровь бежала в рот Анжелике. Когда разжала стальную хватку, Габриэль Берн не смог удержаться и вдвое согнулся от боли.

— Убирайтесь! — она с трудом передохнула. — Оставьте меня!.. Как вы посмели? В двух шагах от наших детей!

Он неслышно исчез.

В гамаке спала Онорина. Набежавшая волна глухо ударила в бортовой люк. К Анжелике вернулось нормальное дыхание. На смену уходящей ночи шел новый день. Ее разум успокоился скорее, чем тело. Оно оставалось взволнованным, ибо не могло забыть, как при пробуждении она терзалась ожиданием наслаждения.

Она жаждала мужчину. Но не этого. Тому, кого любила и с кем была разлучена, она протягивала руки. «Возьми меня к себе... Освободи меня, ведь ты так силен... Почему я потеряла тебя? Если ты меня оттолкнешь, я умру».

Она тихонько шептала эти слова, убаюкивая в себе жар вновь обретенной страсти. Как она могла оставаться холодной перед ним? Разве так ведет себя влюбленная женщина? Он тоже мог поверить, что она не любит его. Но во сне она узнала его губы.

Поцелуй Жоффрея! Как она могла забыть? Она помнит то потрясение от его первого поцелуя в беседке над Гаронной. Долгое время, став женщиной, она предпочитала более головокружительную слабость губ полному обладанию. В его объятиях, под его поцелуями она наслаждалась только самим ощущением счастья, даруемого возлюбленным.

Впоследствии ни одни мужские губы не могли ее одарить до такой степени. Для нее поцелуй был чем-то настолько интимным,

что она не имела права разделять его с другими. В крайнем случае она принимала его, как предварительную необходимость для дальнейшего развития любовной авантюры.

От даримых ей поцелуев она спешила уклониться, стремясь к завершению ритуалов, в искусстве и пылкости наслаждения которым она знала толк.

Любовники были ею довольны, но ничьи губы не оставили ей приятного воспоминания.

На всю жизнь она бессознательно сохранила в себе память о неповторимой прелести тех всепоглощающих чудесных поцелуев, которыми они, смеясь, обменивались и никогда не насыщались в те далекие времена в Тулузе... и теперь, благодаря волшебству, вернувшихся к ней снова.

Глава 22

КАЗНЬ НА БОРТУ

И вот он здесь, окутанный шлейфами дыма потушенных свечей, такой мрачный в бледном утреннем свете под своей маской, что, казалось, отлит из стали. Его внезапное появление встревожило пассажиров. Они только вставали после тяжелого сна, измученные качкой. Им было холодно. Дети кашляли и отбивали зубами дробь.

Матросы с мушкетами окружали Рескатора. Он устремил на эмигрантов тяжелый взгляд, сквозь прорези маски, казавшийся еще более пронзительным.

— Люди! Собирайтесь и поднимайтесь на палубу!

— Что вы хотите от нас? — спросил Маниголь, застегивая измятый сюртук.

— Сейчас вы это узнаете. Идите туда, прошу вас.

Он прошел дальше, поглядывая на женщин. Перед Сарой Маниголь напряженность покинула его, и он приветствовал ее учтивым поклоном.

— Сударыня, буду вам обязан, если вы по доброй воле будете нас сопровождать, так же как и вам, — прибавил он, поворачиваясь к жене бумаготорговца.

Этот выбор и нарочитая церемонность невольно смутили самых храбрых из пассажиров.

— Хорошо, я пойду, — решила мадам Маниголь, набрасывая на себя черную шаль. — Но все-таки хотела бы знать, что вы от нас утаиваете.

— Ничего приятного, сударыня. Но тем не менее надо, чтобы и вы присутствовали.

Он остановился еще около тетушки Анны и Абигель, жестом приглашая их присоединиться к группе мужчин, ожидавших в окружении вооруженных матросов. Затем он подошел к онемевшей от испуга Анжелике. С иронической улыбкой он поклонился ей еще ниже.

— Сударыня, будьте добры следовать за мной.

— А что случилось?

— Следуйте за мной, и ваше любопытство будет удовлетворено.

Она повернулась к Онорине, чтобы взять ее на руки, но он стал между ними.

— Нет, детям не место на палубе. Поверьте мне, это зрелище не для них.

Онорина заревела во весь голос. Тогда Рескатор сделал неожиданный жест. Он сунул руку в кожаный кошель, висевший у него на поясе, и вынул голубой сапфир величиной с лесной орех, заигравший удивительным огнем. Он протянул его ребенку. Покоренная Онорина умолкла. Она схватила сапфир и не видела больше ничего вокруг себя.

— Что касается вас,— продолжал он, обращаясь к Анжелике,— идемте и не воображайте, что настал ваш последний час. Вы скоро вернетесь к своей дочери.

На палубе уже собрался весь экипаж. Анжелика и не подозревала, что матросов так много. Чаще всего их привыкли видеть рассеянными среди вант и рей только в виде движущихся с обезьяньей ловкостью силуэтов в высоком лесу мачт и парусов. Спущенные сегодня с привычной высоты, они чувствовали себя неловко на зыбкой палубе. Они потеряли удивительную акробатическую легкость «покорителей облаков», став внезапно скованными и неуклюжими.

Обращало на себя внимание то, что лица у них были с резко выраженными чертами, скорее серьезные, чем веселые, а глаза под нахмуренными бровями обладали тем особым блеском, который появляется при напряженном наблюдении за горизонтом.

Анжелика догадывалась, что ее спутницы, как и она, были сильно взволнованы. Ветер играл большим темным плащом Рескатора. Он занял место немного впереди. Анжелика невольно подумала, что он был хозяином этих странных и чужих людей, что ему удалось усмирить их буйные головы и заставить слушаться самые мрачные души, заключенные в этих грубых телах.

Каким авторитетом надо было обладать, чтобы заставить признать себя эти бродящие сердца, эти прожженные умы, этих изгоев общества, врагов всего на земле? Их подавленность исчезла, когда протестанты перешли на другую сторону палубы и сгрудились около мостика.

Именно к ним повернулся Рескатор, когда заговорил.

— Господин Марселло, вчера вечером вы требовали правосудия за тяжкое оскорбление, которое нанесли вашей дочери. Ваше желание удовлетворено. Правосудие свершилось!

Он сделал рукой жест, заставивший всех поднять головы. Глухой ропот прокатился по рядам.

На рее фок-мачты футах в 30-ти над ними тихо покачивалось тело повешенного.

Абигель уткнула лицо в ладони. По знаку, веревку, на которой висел казненный, развязали. Труп скользнул вниз, свалился посредине палубы и остался там в распростертой безжизненности.

Из-под распухших полуоткрытых губ мавра Абдуллы виднелся оскал ослепительно белых зубов. Перламутровая ясность смерти сквозила в его угасших глазах. Могучее тело, казалось, спало, но кожа уже приняла сероватый оттенок, и его нагота вызвала невольную дрожь у всех зрителей.

Анжелика вновь увидела эту обнаженную фигуру, повергнутую во всем своем убожестве у ног хозяина, и ей послышался хриплый голос, шептавший по-арабски:

— Я поднял руку на тебя, так пусть твоя рука поразит меня во славу Аллаха.

Подожли два негра, напевая монотонную тоскливую мелодию. Они подняли тело их собрата, сняли с него позорную петлю и направились с ним к бушприту. Пропустив их, шеренга матросов сомкнулась.

Рескатор по-прежнему стоял лицом к протестантам.

— Теперь вам надо запомнить одну вещь, причем раз и навсегда. Я повесил этого человека, но не за то, что он покушался на невинность вашей дочери, господин Марселло, а за то, что он ослушался меня. Когда вы поднялись на борт моего судна, вы, ваши жены и дети, я отдал категорический приказ моему экипажу. Никто из моих людей не должен приближаться к женщинам и девушкам и пытаться оскорбить их достоинство... под страхом смерти. Так что Абдулла прекрасно знал, чем рискует. И теперь он поплатился.

Он подошел к ним, стал перед Маниголем и поочередно всматривался в лица Берна, Марселло, пастора Боккера, которые, судя по поведению их компаньонов, были признанными руководителями общины. Когда порывы ветра распахивали его плащ, были видны руки в перчатках, сжимавшие рукоятки двух пистолетов, засунутых за пояс.

— Я попросил вас присутствовать при этом,— продолжал он в том же угрожающем тоне,— для того, чтобы это послужило вам на пользу. Я повесил этого мавра, моего верного слугу за то, что он нарушил один из моих приказов. И если вы их когда-нибудь нарушите, знайте же, что я повешу и вас...

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЛЮБВИ

Она устремила к нему страстный взгляд, буквально пожирая его глазами. Как он был одинок! Он разделял свое одиночество только с ветром. Одиночество было уделом людей, не похожих на других.

Но он носил бремя одиночества с такой же неприужденностью, как и большой черный плащ, тяжелые складки которого так красиво развевались на ветру.

Все жизненные невзгоды он так же переносил на своих мужественных плечах в богатстве или бедности, на вершине славы или в изгнании, в расцвете сил или в горячке болезни, он сам управлял своей жизнью, ни перед кем не склоняясь и никому не жалуясь. И она знала, что именно в этом заключается его благородство. Он всегда останется великим рыцарем без страха и упрека.

И ей захотелось припасть к его непоколебимой силе, чтобы он поддержал ее в собственной слабости, а также привлечь к себе, чтобы он, наконец, отдохнул.

Трель боцманского свистка разогнала экипаж. Люди занимали свои места. С полукюта капитан Язон выкрикивал в рупор распоряжения. Реи покрылись парусами. Картина вновь оживала.

Без единого слова протестанты покинули палубу. Анжелика не пошла за ними. В эту минуту на свете остались только она и он, да бесконечная линия горизонта вокруг них.

Когда Жоффрей де Пейрак повернулся, он увидел ее.

— Банальное морское происшествие, эта казнь в назидание другим для поддержания всеобщей дисциплины. Не из-за чего волноваться, сударыня. Ведь вы плавали на Средиземном море среди пиратов и работорговцев и должны знать о подобных вещах.

— Да, я знаю.

— Власть над закабаленными. Дисциплина, которую трудно насадить, но еще труднее удержать.

— Я знаю это...— И она с удивлением вспомнила, что во время войны тоже командовала и вела людей в бой.— Негр прекрасно знал это,— задумчиво продолжала она.— Я поняла то, что он говорил вам вчера вечером, когда мы застали его врасплох.

И внезапно бесстыдство той сцены и ее напряженная, жгучая атмосфера снова предстали перед ней и вызвали на ее щеках легкий румянец смущения. Она вспомнила, как схватила за руку того, кто находился рядом. Ощущение твердого, как дерево, мускулистого тела под бархатом камзола еще жило в ее ладони. Ее любовь!

Он снова рядом! Его губы, о которых она так мечтала, сохраняли под неподвижностью маски живость и пылкость. Все то, что

их разделяло, было только пустяками. Они сами по себе исчезнут. Она стояла перед ним, не смея шевельнуться, не видя ничего, кроме него.

А на другом конце корабля сегодня вечером бросят в море тело казенного.

Любовь... смерть. Время продолжало ткать свою паутину, запутывая в ее нитях судьбы и тех, кто создает жизнь, и тех, кто ее уничтожает.

— Я думаю, что вам следует вернуться к себе, — сказал Жофрей де Пейрак.

Она опустила глаза, показывая знаком, что поняла и повинуется.

Конечно, все препятствия между ними еще не устранены. Но это были только мелкие частности. Самые непроходимые преграды, за которыми она, ломая себе руки, не переставала призывать его: разлука и смерть — уже рухнули.

Все остальное не имело значения. Настанет день и их любовь вернется так же, как и он.

Мадам Маниголь резко повернулась к Бертиль и в упор заклала ей пощечину.

— Гнусная маленькая вонючка! Вот теперь ты удовлетворена. На твоей совести человеческая жизнь.

Поднялся страшный шум. Несмотря на уважение, которое она испытывала к мадам Маниголь, мадам Марселло вступилась за свое чадо.

— Вы всегда завидовали красоте моей дочери, тогда как ваши...

— Как бы ни была красива ваша Бертиль, она не должна была выпускать из корсажа свои прелести перед негром. Можно подумать, кума, что вы никогда не протянете ноги и она не останется одна...

Их с трудом удалось оторвать друг от друга.

— Сядьте спокойно, женщины! — загремел Маниголь. — Тем, что будете драть друг другу волосы, вы не можете нам выбрать из этого осинового гнезда.

И, повернувшись к своим друзьям, добавил:

— Утром, когда он появился, я подумал, что ему известны наши приготовления. К счастью, он не знает об этом ничего.

— Но он может кое-что подозревать, — пробормотал озабоченный адвокат.

Они замолчали, так как появилась Анжелика. Дверь за ней закрылась и послышался звук задвигаемого засова.

— Не надо питать иллюзий, мы просто пленники! — сказал Маниголь.

Габриэль Берн отсутствовал. Двое матросов задержали его наверху и очень вежливо, но настойчиво предложили посетить монсеньера Рескатора.

«Как странно, — подумал Жофрей де Пейрак, — когда я к ней обратился, она вдруг бросила на меня пылкий влюбленный взгляд. Неужели такой взгляд может быть обманом?»

Он еще раздумывал над тем, не было ли плодом его фантазии то мимолетное видение, когда вошел гугенот.

— Садитесь, сударь, — де Пейрак указал на стоящее против него кресло.

Габриэль Берн сел. Вежливость хозяина ничего хорошего не предвещала, и он был прав.

После довольно долгого молчания, когда противники присмотрелись друг к другу, поединок начался.

— Насколько продвинулись ваши матримониальные планы в отношении госпожи Анжелики? — спросил глухой голос, в котором слышалась насмешка.

Берн сохранил невозмутимость. Пейрак с неудовольствием отметил его самообладание. «Эта тумба уклоняется от уколов, — сказал он себе, — и не собирается их возвращать. Но кто знает, не кроется ли за его спокойствием желание вывести меня из терпения и заставить сделать неверный шаг».

Наконец Берн отрицательно покачал головой.

— Я не вижу необходимости говорить об этом.

— Я тоже. Но меня интересует эта женщина. И мне приятно говорить о ней.

— Вы тоже сделали ей предложение? — тоже насмешливо спросил Берн.

— Нет!

Взрыв смеха у его собеседника был непонятен гугеноту и только удвоил его ненависть. Однако он сохранил спокойствие.

— Вы, вероятно, желали бы узнать, вызывая меня сюда, согласна ли госпожа Анжелика уступить вашим бесстыдным домогательствам и готова ли разбить свою жизнь и лишиться своих привязанностей в угоду вам?

— Это действительно в какой-то степени входило в мои намерения. Ну, ладно, что же вы ответите?

— Я считаю, что у нее достаточно благоразумия, чтобы избежать расставленных вами сетей, — твердо сказал Берн с некоторым излишком горячности, хотя сам, увы, сомневался в своих словах. — Она искала у меня забвения своей беспокойной жизни. Она хорошо знала цену покоя. И она не может пустить по ветру все то, что нас связывает. Дни, полные приязни, согласия, взаимопонимания... Я спас жизнь ее дочери...

— Ах! Ох! Ну, хорошо, я тоже. Значит, мы соперничаем из-за двух женщин вместо одной.

— Малютка стоит много, — сказал Берн угрожающим тоном, недвусмысленно сжав кулаки. — Госпожа Анжелика никогда не пожертвует ее! Ни за кого.

— Я это знаю. Но у меня тут есть чем соблазнить юную девушку.

Откинув крышку стоявшей на столе шкатулки, он стал, играя, пропускать между пальцами драгоценные камни.

— Насколько я понял, ребенок неравнодушен к блеску драгоценностей.

Габриэль Берн внутренне напрягся. Когда он находился перед подобным человеком, то не мог избавиться от ощущения, что имеет дело с порождением ада. Он считал его ответственным за ту боль, которую испытывал, и за то постоянное беспокойство, не покидавшее его среди подвластных Рескатору демонов. Мучительное воспоминание о разыгравшейся минувшей ночью короткой драме между ним и Анжеликой неотступно преследовало его до такой степени, что и жизнь мавра оставила его безучастным.

— А как поживают ваши раны? — слащавым тоном спросил Жоффрей.

— Я уже не ощущаю их, — последовал быстрый ответ.

— А вот эту? — продолжал искуситель, указывая на повязку с пятнами крови, закрывшую место, куда впились зубы отчаявшейся женщины.

Берн побагровел и встал. Жоффрей де Пейрак тоже поднялся.

— Укус женщины, — прошептал он, — более ядовитый для сердца, чем для тела.

Выводя этого униженного человека из себя, Жоффрей де Пейрак понимал, что совершает серьезную ошибку. Он пренебрегал также элементарной осторожностью, оставшись наедине с Берном, но он заметил утром перевязанную руку и не смог отказать себе в удовольствии самому проверить предположение, оказавшееся верным.

«Она его укусила, — с ликованием подумал он. — Значит, он не любовник Анжелики».

Хитрые глаза торговца налились непримиримой злобой.

— А что вы об этом думаете, монсеньер?

— То, что и вы сами не отрицаете, мэтр Берн, что госпожа Анжелика — недотрога.

— И вы видите в этом повод для вашего триумфа? Тогда рискуете попасть впросак. Я буду поражен, если она пожалует вам то, в чем отказывает всем мужчинам.

Жоффрей де Пейрак внимательно наблюдал за вновь ставшим невозмутимым лицом своего противника. «Что он может знать о ней такого, чего не знаю я?»

Берн чувствовал, что его позиция поколеблена. Надо было поднять свои акции. И он заговорил. Его слова воссоздали весь ужас одной из историй, на которые не была скупа та эпоха.

Замок, объятый пламенем, перебитая прислуга, изнасилованная женщина, несущая на руках убитого ребенка. После той ужасной ночи эта женщина отвергала любовь, воскресавшую в ее памяти пережитые зверства. Но было нечто еще худшее. Ребенок — ее дочь — была плодом того злодеяния. И она никогда не узнает, кто из тех гнусных наемников был его отцом.

— Откуда вы извлекли подобную басню? — резко спросил де Пейрак.

— Из ее уст.

— Невозможно!

Бери уже мог наслаждаться мекстоу. Стоявший перед ним противник был в нерешительности и едва сохранял спокойствие, стараясь не проявить обуревавшие его чувства.

— Драгуны короля, говорите вы? Это же сплетня невежд. Ибо женщину ее происхождения, друга Его Величества и всех знатных родов королевства солдаты не посмела бы сделать своей жертвой. Почему бы они напали на нее? Я знаю, что во Франции преследуют гугенотов, но она не принадлежала к их вероисповеданию.

— Она им помогала.

Торговец тяжело дышал, капли пота усеяли его лоб.

— Это была «мятежница из Пуату», — прошептал он, — у меня всегда были подозрения, а теперь ваши слова дают мне уверенность в этом. Мы знали, что одна знатная дама, уважаемая при Дворе, подняла народ против короля и вовлекла в это восстание всю провинцию. Оно продолжалось три года. В конце концов они были побеждены. Пуату был разрушен. Женщина исчезла. Ее голова была оценена в 500 ливров. Я припоминаю... это действительно была она.

— Убирайтесь, — почти беззвучно сказал Жоффрей де Пейрак.

Так вот чем были заполнены эти пять лет ее жизни, о которых он и не знал, считая, что она или погибла, или покорно вернулась к королю Франции.

Восстание против короля, какое безумие! Какая ужасная глупость! Подумать только, что она была в его руках на Крите. Он мог бы избавить ее от этого.

В Канди она была еще такой же, какой он знал ее раньше, и он был расстроган до глубины души. Незабываемый момент, когда за дымом благовоний в батистане он заметил ее и узнал.

Когда он бросил якорь на острове Милос, один купец предупредил его, что продажа великолепной рабыни назначена на батистане в Канди. О Рескаторе шла слава, как о большом любителе «отборного товара». На самом деле немного преувеличенная, но арабская пышность, необходимая в его положении, требовала не пренебрегать женщинами.

Ему нравились эффектные жесты, которые умножали легенды о нем и обеспечивали возрастающее уважение и безупречное реноме среди сластолюбивых сынов Востока.

В данном случае известность этой новой красавицы пробудила в нем любопытство, и он решил приобрести ее.

Торговец с Милоса, рассказывая о зеленоглазой пленнице, расхваливал «качество товара». Неподражаемая! Восхитительная! Камиль Бей, белый евнух, поставщик гаремов Великого Турка в числе желающих. Уже хотя бы поэтому монсеньер Рескатор должен вступить в борьбу. Он не разочаруется. Национальности? Французенка, и это много значит. Происхождение? Изумитель-

ное. Речь идет о настоящей придворной даме короля, даже фаворитке Его Величества.

Ее имя? После всего почему и не сказать, чтобы окончательно открыть тайну: маркиза дю Плесси де Бельер.

Он оцепенел!

После того, как настойчивые вопросы убедили его, что собеседник ничего не сочинил, Рескатор бросил все дела и, снявшись с якоря, буквально помчался на Крит. По дороге он узнал те обстоятельства, из-за которых молодая женщина попала в руки работорговцев.

Она отправилась на Крит, якобы по делам, говорят одни, а другие говорят — в погоне за любовником. Французская галера, на которой она плыла, потерпела крушение и маркиз д'Экренвиль, этот пожиратель чужих обедков, выловил ее с баржи и вместе с ней самую большую удачу за все время своего мелкого пиратства. Все предсказывали, что надбавки на аукционе поднимутся на головокружительную высоту.

Тем не менее ему надо было увидеть ее, чтобы удостовериться самому. Вопреки его обычному хладнокровию, в памяти сохранились только смутные воспоминания о том моменте, когда он сразу понял, что это действительно она и что она вот-вот должна быть продана. Первым делом было закрыть аукцион, оглушив их одной только суммой сделки. 35 тысяч пиастров! Подлинное безумие!

А затем укрыть ее наготу от похотливых взглядов.

Только тогда он осязаемо почувствовал, что она жива, что она действительно существует. С первого взгляда он заметил, что она была на пределе сопротивляемости, обезумевшая от угроз и грубости подлых торговцев человеческим телом. По ее безумному блуждающему взгляду он понял, что она не узнала его. Тогда он решил пока не снимать маску, а сначала избавить ее от окружающего их алчного, любопытствующего сброда. Он уведет ее в свой дворец, за ней будут ухаживать и, когда она придет в себя, он будет у ее изголовья.

Увы, его романтические замыслы были расстроены самой Анжеликой. Мог ли он предполагать, что существо настолько отравленное, настолько обессиленное найдет в себе силы ускользнуть из его рук, едва выйдя из батистана? У нее были сообщники, которые подожгли порт. Постепенно, сквозь дымящиеся обломки до него дошла горькая истина. Стала видна быстро удалявшаяся барка с невольниками, которые воспользовались возникшей при пожаре суматохой. Она была среди них! Проклятие! Ярость, охватившая его тогда, была такой же, какую он испытывал сегодня. И он вправе был сказать, что если обязан Анжелике своими самыми тяжелыми страданиями, то обязан ей и своим самым неистовым гневом.

Как и в Канди, он вновь начал проклинать тяготевший над над ними рок. Она сбежала, и пяти лет хватило, чтобы он потерял

ее навсегда. Правда, судьба вернула ее снова, но после того, как она стала совсем новой женщиной, которая ничем больше ему не была обязана. В ней появился какой-то странный огонь, которому он не мог найти объяснения.

Еще сегодня он задавал вопрос, почему она с такой силой, с таким жаром хотела спасти всех «ее» протестантов, когда она явилась к нему растрепанная, промокшая, суровая...

Там, хотя ее и нельзя было назвать совсем отрешенной от жизни, она должна была вызвать у него по крайней мере жалость. Он должен был сообразить, что только страх перед королевскими наемниками, если ее голова действительно была оценена, бросил ее к его ногам, чтобы спасти себя и дочь. Он должен был встретить ее, ослабевшую, полную страха, униженную, более приветливее, а не совершенно безучастно к ее прошлому. Униженную! После всего она была тут. Женщина, скитавшаяся неизвестно где, равнодушная к судьбе своих сыновей, вновь найденная вместе с ребенком, рожденным от неизвестного любовника. А, может быть, правда, что от насильника?

Значит, ей было недостаточно того, что она неистово шныряла по Средиземному морю, гоняясь за каким-то любовником. Всякий раз, когда он появлялся, чтобы удержать ее от неверного шага, она безрассудно находила способ убежать от него только для того, чтобы подвергнуться еще большим опасностям.

Мещо-Морте, Мулей Измаил, бегство в Риф... Можно было подумать, что ей доставляло удовольствие попадать в самые худшие авантюры. Опрометчивость, граничащая с глупостью. В этом пришлось, увы, убедиться ввиду очевидности факта.

Да, она была бестолковой — недостаток большинства женщин. Мало ей было того, что она невредимой выбралась из средиземноморских походов, так она бросилась в восстание против короля Франции. Какой дьявол в нее вселился? Что за дух разрушения? Разве подобает поднимать оружие женщине, к тому же матери? Можно же было тихо сидеть за пряжей в своем замке вместо того, чтобы отдавать себя на растерзание солдатам.

Дойдя до этого пункта в своих размышлениях, Жоффрей де Пейрак положил голову на руки, говоря себе, что ничего не понимал. Абсолютно ничего не понимал в женщинах вообще и в своей жене в особенности.

Он заметил, что за эти несколько минут обвинил свою жену в том, что она глупа и слишком умна, что отдалась королю Франции и сражалась против него, что болезненно слаба и невероятно сильна, и он должен был признать, что пресловутое картезианство, которое он целиком и полностью признавал, оставляло в результате его здравый мужской рассудок беспомощным, в сущности неспособным ясно разобраться в самом себе.

Он остался в одиночестве со своим гневом и болью.

Вопреки всякой логике, то надругательство, жертвой которого она стала, казалось ему самым последним предательством, ибо

первобытный инстинкт обладания и дикая ревность кипели в нем со страшной силой. Он был на пределе сил, слышал несущийся из глубины сердца крик: «Почему ты не смогла сохранить себя для меня?!»

И раз он был человеком, побежденным судьбой, он не мог защитить ее, как бы она ни рисковала.

Сегодня он изведal всю горечь своего поражения.

Внезапно он понял чувство, которое побуждает мужчин некоторых диких племен Африки уродовать своих собственных жен, заставляя их носить медные предметы, растягивающие губы до невероятных размеров, чтобы в случае поражения победители не польстились на подобное безобразие.

Она была слишком красивой, слишком очаровательной. И еще более опасной, когда власть ее глаз, ее голоса, ее движений безотчетно били из нее естественным родником. Такое кокетство было самым обезоруживающим.

— Монсеньер, извините меня!

Его друг капитан Язон стоял перед ним.

— Я несколько раз стучал, думая, что вас нет...

— Да, да, хорошо.

Хотя он и оказался способным испытать необузданный гнев, но никогда Великий Хозяин морей, каким стал Рескатор, не позволил бы проявить при друге свои чувства. Тем, кто его очень хорошо знал, можно было догадаться о его внутреннем напряжении по огню во взгляде, обычно живом и пылком, внезапно менявшимся, становившимся пристальным и грозным.

Язон не мог ошибиться. Он сам перебрал все возможные причины, способные вызвать перемену настроения хозяина. Но сейчас на борту ничего не произошло! Тем хуже, если грянет гром. Правда, это позволит внести ясность до того, как все пойдет кувырком.

Движением руки нахмурившийся капитан указал на громадный тюк, который сопровождавшие его матросы положили на пол, а сами тотчас исчезли.

Содержимое старого хурджума представляло собой невероятный хлам. Необработанные алмазы, тускло поблескивавшие рядом с пробками от графинов, примитивные украшения из золота, издающий зловонный запах курдюк с тошнотворными остатками пресной воды, слипшийся от старости и жира коран, на котором был прикреплен амулет «бараки».

Жофрей де Пейрак нагнулся, чтобы взять кожаный мешочек, и открыл его. В нем находилось немного мускуса из Мекки и браслет из кожи жирафа, на котором были прикреплены в виде брелков два крошечных зуба рогатой гадюки.

— Я помню тот день в стране Асканти, когда Абдулла убил напавшую на меня гадюку, — задумчиво сказал он. — Я спрашиваю себя...

— Хорошо, я займусь этим, — оборвал его, вопреки своей обыч-

ной дисциплине, Язон.— «Бараку» положат ему на грудь и зашьют его в самую лучшую джеллябию. Затем в сумерках его спустят в море. Хотя его душу больше бы обрадовало, если бы его закопали...

Жоффрей де Пейрак внимательно рассматривал помощника. Побитое оспой лицо, в складках рта затаенная горечь. Глаза, напоминавшие два агата, смотрели холодно. За десять лет совместного плавания он привязался к этому коренастому молчаливому малому.

— Экипаж начал роптать,— сказал Язон.— О, конечно, это не только наши старые спутники с Востока мутят воду, а главным образом новички, которых мы вынуждены были набрать в Канаде и Испании, чтобы укомплектовать наличный состав «Голдсборо». Их почти 60. Трудно держать в руках подобный сброд. Тем более, что они хотят узнать, что вы замышляете. Они жалуются, что очень долго не приставали к берегу, как это было предусмотрено в Кадисе, что не получили свою долю испанского золота, добытого водолазами-мальтийцами на широте Панамы... Они говорят, что вы запретили им попытать счастья у появившихся на борту женщин... а сами забрали красивейшую из них.

Этот серьезный упрек, брошенный ему в лицо, вызвал взрыв смеха у хозяина «Голдсборо».

— Оттого, что она самая красивая, не правда ли, Язон? — Он знал, что его смех выведет из себя капитана, которого ничто на свете не могло развеселить. — И это она самая красивая? — повторил он язвительно.

— В этом я ничего не понимаю,— разъяренно прорычал тот сквозь зубы.— Зато знаю, что на корабле творятся дурные дела и что вы их не замечаете, потому что вы порабощены этой женщиной.

Де Пейрак вздрогнул, услышав непривычное слово. Он прервал смех и нахмурил брови.

— Порабощен? Вы видели меня когда-нибудь порабощенным женщиной, Язон?

— Нет, никогда... Но этой — похоже, что да! Разве вам мало тех глупостей, что она наделала в Канди и потом? Сколько сделок было упущено только из-за того, что вы, не думая о последствиях, за добрую цену хотели вернуть ее.

— Признайтесь, что вполне естественно пытаться заполучить рабыню, которая обошлась вам в 35 тысяч пиастров.

— Но здесь дело в другом,— упрямо продолжал Язон.— В чем-то, что вы никогда не решались мне доверить. А, все равно! Это дело прошлого. Я думал, что она исчезла навсегда и давно покоится в земле. И вот она здесь...

— Язон, вы неисправимый женоненавистник. От того, что та шлюха, на которой вы имели неосторожность жениться, сопровождала вас на галеры, чтобы валяться в вашей постели с любовником, вы возненавидели весь женский род и потеряли из-за этого много приятных возможностей. Какую зависть вы вызвали у бед-

ных мужей, связанных узами брака с унылыми мегерами, своей вновь обретенной свободой, которую вы так плохо использовали!

Язон оставался мрачным.

— Есть женщины, которые отравляют вас таким ядом, от которого нельзя излечиться. Вы сами, монсеньер, вы уверены, что навсегда обезопасили себя от подобных мук? Ваша рабыня из Канди пугает меня... Вот так!

— Однако ее нынешнее обличье должно было бы вас успокоить. Я был сильно удивлен и даже, признаюсь, немного разочарован, встретив ее теперь в чепчике добродетельной женщины, мещанки.

Но Язон в ответ энергично покачал головой.

— Еще одна ловушка, монсеньер! Я предпочитаю доступную обнаженную одалиску притворщицам, которые закрываются покрывалом и только взглядом обещают рай.

Жоффрей де Пейрак слушал его, задумчиво поглаживая подбородок.

— Странно! Язон, это очень странно! Я считал, что она не интересует меня больше.

— Увы, — заметил Язон мрачно, — если бы так могло быть! Но мы слишком удалились от разговора о далеке...

Де Пейрак взял его за локоть, увлекая наружу, на балюстраду.

— Пойдемте... «Сокровища» моего бедного Абдуллы наполнили смрадом всю каюту.

Он погрузился в созерцание неба, окрашенного в нежные пастельные тона, тогда как море сохраняло холодный, суровый колорит.

— Ну что ж, приблизимся... Постарайтесь успокоить людей. Скажите им, что испанское золото на борту. Как только мы подойдем к берегу, а это будет в ближайшие дни, я выдам им задаток на будущие дела.

— Они не сомневаются, что им заплатят, потому что так было всегда. Но они считают, что один переезд у них пропал. К чему это последнее плавание в Ла-Рошель? — спрашивают они. Для чего было брать этих людей, которые нам мешают, из-за которых приходится терпеть лишения и из которых не выудить ни лиарда, так как ясно видно, что все их добро — только рубашка на теле?

Поскольку Жоффрей де Пейрак молчал, капитан Язон продолжал с обиженным видом:

— Вы, очевидно, считаете меня нахалом, монсеньер? И даете понять, что мы не должны вмешиваться в ваши дела? Это наше большое место. Все, в том числе и я, чувствуем, что теряем вас... Матросы особенно чувствительны к этому. Кто бы они ни были, вы знаете, что представляют собой морские души. Они верят в приметы, и невидимые связи удерживают их гораздо больше, чем явные знаки расположения. Они повторяют, что больше не могут считать вас своим покровителем.

Улыбка пробежала по губам Рескатора.

— Пусть грянет буря и они увидят, защищаю я их или нет.

— Я знаю... Вы еще здесь, среди нас. Но они уже отделяются.— Язон показал подбородком в сторону носовой части.— Допустим, что вы предназначили этих людей для поселения на купленных вами землях в Даун-Ист. Какое отношение это имеет к нам, морякам с «Голдсборо»?

Граф де Пейрак положил руку на плечо друга. Его взгляд продолжал блуждать где-то около горизонта, а другой рукой он крепко сжимал массивные перила, на которые часто опирался во время бесконечных плаваний.

— Язон, мой дорогой товарищ, когда вы повстречались со мной, я уже был человеком, вступившим во вторую половину своего существования. Вы не знаете всего обо мне, так же, как и я не намерен узнать все о вас. Должен вам сказать, что моя жизнь отдана двум увлечениям: подземным сокровищам и очарованию моря...

— А красавицы?

— Это преувеличение. Скажем, что они при случае являются составной частью того или иного приключения. Только земля и море, Язон. Две сущности. Две требовательные госпожи. Когда отдаю предпочтение одной — другая протестует. Вот уже более 10-ти лет прошло с тех пор, как Великий Турок передал мне монополию на торговлю серебром, я не покидаю палубу. Вы разрешили мне повелевать вашим голосом среди капризных стихий.

— И теперь вас снова охватило желание проникнуть в недра земли?

— Абсолютно точно!

Слова упали, как тяжелый камень. Язон опустил голову. Он услышал то, что боялся услышать. Его крепкие, покрытые рыжими волосами руки судорожно впились в позолоченные перила.

Жоффри де Пейрак попытался сгладить неприятное впечатление.

— Я оставляю вам корабль, Язон.

Тот отрицательно покачал головой.

— Это будет далеко не то же самое. Чтобы жить дальше, мне нужна ваша дружба. Ваш пыл, ваша жажда жизни всегда поражали меня. И я не представляю себе, как буду существовать без этого.

— Баста! Вы становитесь сентиментальным, старина. Посмотрите! Вам остается море...

Но Язон даже не поднял глаза к волнующейся сине-зеленой равнине.

— Вы не можете понять, монсеньер. Вы пытаете огнем, а я скован льдом.

— Тогда разбейте этот лед.

— Слишком поздно.

Язон тяжело вздохнул.

— Мне надо было бы раньше узнать секрет, который позволяет вам в любом положении смотреть по-новому на мир.

— Но никаких секретов не существует, а если бы они и были, то не ко всякому подошли бы. У каждого есть что-то свое. Что я вам скажу? Быть всегда готовым начать все сначала. Не соглашаться с тем, что вам дана только одна жизнь... Можно пережить множество жизней...

Глава 24

ПОДОЗРИТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

Бесконечное плавание продолжалось, только море переменило еще раз свой наряд. Оно выглядело как озеро, по застывшей глади которого только изредка пробегали волны. Несмотря на все поднятые паруса, корабль едва двигался, и жители нижней палубы какое-то время думали, что они стоят на якоре. Раздались радостные возгласы:

— Мы прибыли?!

— Молите всевышнего, чтобы из этого ничего не вышло,— кричал Маниголь.— Мы еще не настолько спустились к югу, чтобы находиться у Сан-Доминго. Это может только значить, что мы пристали к пустынным берегам Новой Шотландии и никто не может сказать, какая участь нам здесь уготована.

Облегчение сменилось разочарованием, когда они присмотрелись к окружающему их мрачному пространству. Паруса опали и единственное оживление создавали матросы на реях, пытавшиеся распустить бом-брамсель, чтобы уловить дыхание почти незаметного ветра.

Неотвязно возникавшая мысль о мертвом штиле вызывала у моряков страх. День казался бесконечным. И когда вечером во время очередной прогулки пассажиры увидели плачевное состояние парусов, которые висели вялыми складками, послышались глубокие вздохи отчаяния.

Женни, ожидавшая ребенка, старшая дочь Маниголя, разразилась рыданиями.

— Если судно не двинется с места, я сойду с ума. Пусть оно плывет! Скажите мне, что мы скоро приедем...

Анжелика проводила Женни до убогого ложа, прилагая все усилия, чтобы утешить ее. Юные существа питали к ней большое доверие, что было ей несколько в тягость, ибо она не была в состоянии ответить на их вопросы. Ведь не могла же она повелевать ветрами и морем или движением «Голдсборо». А от нее словно ждали, чтобы она направила события по тому или иному руслу.

— Когда же мы высадимся? — молила Женни, которая никак не могла успокоиться.

— Я не могу вам этого сказать, моя дорогая.

— Почему мы не остались в Ла-Рошели! Посмотрите на нашу нищету... А там у нас было такое чудесное сукно, только что полученное из Голландии для свадебного наряда.

— Но вашему ребенку суждено было родиться в тюрьме, и к тому же его бы отобрали у вас. Зато теперь он родится свободным. Все, что приобретается, должно оплачиваться!

— Да, да, я знаю это, — сказала молодая женщина, удерживая слезы, — но так хочется, чтобы мы были уже на суше. Эта непрерывная качка делает меня больной. И к тому же все идет плохо на этом корабле. Кончится тем, что прольется кровь, я это чувствую. И может быть, мой муж будет среди убитых... Горе мне!

— Вы заговариваетесь, Женни. Откуда эти страхи?

Женни казалась испуганной и с беспокойством осматривалась вокруг себя. Она продолжала цепляться за Анжелику.

— Госпожа Анжелика, — шептала она, — вы ведь знакомы с Рескатором и позаботитесь о нас, не правда ли? Вы постараетесь, чтобы ничего ужасного не произошло?

— Но чего вы боитесь? — растерянно спросила Анжелика.

В этот момент чья-то рука легла ей на плечо, и она увидела тетюшку Анну, которая делала ей какие-то знаки.

— Пойдемте, моя дорогая, — сказала старая дама. — Я, кажется, поняла, что волнует Женни.

Сопровождаемая Анжеликой, она направилась в дальний угол батареи. Там она распахнула дверь, из-за которой в начале путешествия доносилось блеяние коз и хрюканье свиней. Обитатели этого помещения уже давным-давно исчезли, оставив на память запах стойла.

Откинув в сторону кучу лохмотьев и соломенных подстилок, лежавших в углу, тетюшка Анна открыла глазам Анжелики с дюжину заряженных мушкетов, несколько мешочков с пулями и бочонок с порохом.

— Что вы об этом думаете?

— Это мушкеты...

Анжелика с тревогой смотрела на оружие.

— Кто же их здесь спрятал?

— Не знаю. Но думаю, что это не место для хранения оружия на корабле, где дисциплина строгая.

Анжелику испугала мысль, пришедшая в голову.

— Меня волнует мой племянник, — продолжала тетюшка Анна, переходя к вопросу, который, очевидно, особенно ее беспокоил. — Вы в какой-то мере причастны к тому, что его характер переменился. Но нельзя допустить, чтобы разочарование толкнуло его на безрассудные действия.

— Вы хотите сказать, что это мэтр Бери спрятал здесь оружие? С какой целью? И как он смог его раздобыть?

— Я ничего не знаю об этом,— сказала старая дева, покачивая головой.— Но я на днях слышала, как Маниголь заявил: «Ограбить грабителя — это не грех».

— Возможно ли это? — прошептала Анжелика.— Наши друзья собираются напасть на того, кто их спас?

— Они подозревают его в самых худших намерениях по отношению к ним.

— Пусть они подождут, пока их подозрения не подтвердятся.

— А они говорят, что потом будет слишком поздно.

— А каковы их планы?

Почувствовав, что на них кто-то смотрит, они умолкли. Два матроса, словно чудом возникшие из темноты, с подозрением смотрели на них. Их вид не внушал доверия. Говоря скороговоркой по-испански, они стали приближаться к женщинам. Анжелика достаточно знала их язык, чтобы понять сказанное.

Увлекая за собой тетушку Анну, она стала отступать.

— Они говорят, что это оружие принадлежит им и что нам нечего совать сюда нос. А болтливым женщинам вырывают языки.

Она добавила с облегчением:

— Вот видите! Ваши опасения были ошибочными. Дело идет об оружии экипажа.

— Оружие экипажа не держат под соломенными подстилками, — настаивала тетушка Анна, — я хорошо знаю, о чем говорю. Наши предки были корсарами. И почему эти грубияны говорят, что нам надо вырвать языки, если у них совесть чиста? Госпожа Анжелика, не могли бы вы при случае сказать монсеньеру Рескатору о том, что я вам сегодня показала?

— Вы считаете, что я у него в такой милости, что посмею пойти давать ему советы по поводу неблагоприятной деятельности его людей? Хорошо же я буду принята. Он слишком спесив и пренебрежителен, чтобы прислушаться к словам женщины, кем бы она ни была.

Горечь пронзила ее. Всякий раз, когда к ней обращались, как к особе, облеченной властью, это ощущение заставляло ее вспоминать, до какой степени тот, рядом с которым она должна бы начать новую жизнь, удерживал ее за пределами своего существования.

— Я бы поверила... — начала задумчиво тетушка Анна.— Однако между вами и этим человеком есть что-то связывающее вас. Ваше прошлое, не так ли? Чувствуется, что вы созданы по одному образу и подобию. Я это заметила, как только поняла, что бедный Габриэль не имеет никаких шансов на успех. Зато разузнала, что ваш командир внушает некоторые опасения нашим единоверцам и что он даже не думает утруждать себя тем, чтобы их рассеять. Но все же я чувствую доверие к его начинаниям. Это очень интересно. Я убеждена, что они исходят от человека мудрого, который ждет добра. И затем... он большой ученый.

Щеки ее порозовели, словно была смущена проявленным энтузиазмом.

— И он был столь любезен, что дал мне замечательные книги.— Она развернула шелковую шаль, в которую они были бережно завернуты, и Анжелика увидела два тома в кожаных переплетах с красным обрезом.

Подстелив сложенную накидку, тетушка Анна, расположилась на полу, опершись костлявой спиной о стену.

— Сегодня вечером я не пойду на прогулку. Я спешу окончить эти трактаты. Он обещал дать взамен другие.

Анжелика поняла, что этому покорному существу тоже редко улыбалось счастье. «Жоффрий всегда умел покорять женщин,— подумала она.— В этом поступке я сразу его узнала».

Она также узнала его способность выводить людей из себя, когда такой выдержанный человек, как Берн, был доведен до бешенства, а такая мегера, как мадам Маниголь, стала почти терпимой женщиной.

Все переменялось, словно вывернулось наизнанку. На земле Анжелика всегда была окружена вниманием мужчин, тогда как женщины чаще встречали ее кислыми минами. Здесь же женщины мирились с ней, зато мужчины смотрели на нее, как на врага. Глубоко скрытый древний инстинкт предупреждал их, что коварный похититель — и безусловно другой породы, чем они — уводит ее от них.

Маленькая Онорина была готова лопнуть от скрываемой гордости. Наконец она обрела мужественного и могущественного покровителя на борту этого злополучного судна, которое не только бросало ее безжалостно на пол — у нее была ссадина на носу и шишка на лбу, — но и заставила всех, в том числе и мать, вдруг совершенно забыть о ней.

Желая убежать из этого равнодушного, гадкого мира, она прыгнула в море, чтобы волны унесли ее в страну, где она нашла бы больших и сильных мальчиков — ее братьев и человека еще больше и сильнее ее отца. Но море предало ее и расступилось под ее доверчивыми ногами. Птицы стали злыми и пытались выклевать ей глаза. И тогда среди волн вдруг появился друг со щетинистым лицом. Это был Неочищенный Каштан. Он прогнал гадкую птицу и взял ее за руки, когда противная соленая вода уже залила ей рот. Потом Неочищенный Каштан отнес ее на корабль, где весь вечер мать ухаживала за ней. И теперь у нее остался Неочищенный Каштан с черными опухшими отметинами на месте ран, сделанных птицей. Онорина нежно погладила их маленькими пальчиками.

— Это чтоб скорее выздоравливало.

Со своей стороны сицилиец был поражен, увидев образок с девой Марией, который она носила на шее.

— Ради святой Мадонны, милая девчушка, католичка? — спросил он по-итальянски.

Онорина не поняла, но это ничуть ее не смутило. Ее вполне удовлетворяло, что с ней разговаривают.

— А это не вы мой отец? — спросила она, охваченная внезапной надеждой.

Сицилиец сначала удивился, а потом захохотал. Он отрицательно покачал головой и из его выразительных жестов она поняла, что он не ее отец и очень жалеет об этом.

Оглянувшись кругом, он вытащил из-за пояса нож. Из-под своей красно-белой рубашки он достал какой-то предмет, разрезал на нем шнурок и повесил его на шею невероятно заинтригованной Онорины. Затем, желая убедиться, как это будет выглядеть при лучшем освещении, он поставил ее так, что на нее упали красноватые лучи солнца. Эффект показался ему удовлетворяющим. Он зашептал:

— Ты не говори, кто тебе это дать. Ты его находить. По! По!*

Видя, что Онорина его не понимает, матрос плюнул на пол, приглашая ее жестом подражать ему, что она с удовольствием и сделала.

Заметив Анжелику, искавшую дочь, сицилиец ретировался, держа палец на губах.

Онорина была вдвойне счастлива, потому что у нее появился еще один друг, и ей снова стали делать подарки. Она пошарила в кармане передника и нашла блестящий камень, который ей дал Черный Человек. Заметив мать, она с испуганным видом засунула его поглубже и притворилась, что не видит ее.

Луч света пронизал рыжие волосы девочки, и Анжелика сразу заметила на шее ребенка контрастирующий с ними строгий блеск золотого кулона.

— Где ты нашла эту прелесть, Онорина?

— Мне ее дали.

— Кто же?

— Это не Черный Человек дал мне ее.

— Но кто же?

— Я не знаю.

Рядом с золотым кулоном находился оловянный образок, одетый на шею найденного ребенка монахинями приюта Фонтеней-де-Кент. Анжелика никогда не позволила бы снять этот знак восполненной потери.

— Не лги. Не с неба же упал этот кулон.

Онорина представила себе, как в серый океан падают с неба драгоценности, и сказала с уверенным видом:

— Да, птичка держала его в клюве. Потом она выпустила его, и он упал прямо мне на шею. — Затем она плюнула на пол и сказала с упрямым видом: — Я его находить.

Анжелика не знала, то ли ей смеяться, то ли сердиться, то ли продолжать допрос. Неужели она снова украла?

* Плюнь! — итальян.

Она взяла дочку на руки и крепко обняла. Онорина начала вырываться.

— Я очень хотела бы найти моего отца. Он будет очень хорошим, а вот ты — злая!

Анжелика вздохнула. Ни дочь, ни муж не прощали ей ни малейшей невыдержанности.

— Хорошо, пусть драгоценности остаются у тебя. Теперь ты видишь, что я совсем не злая?

— Нет, ты очень злая, — непримиримо настаивала Онорина. — Ты всегда убегаешь или прячешься и оставляешь меня одну. Тогда я думаю, что умру, и я скучаю.

— Маленькие девочки никогда не должны скучать. Жизнь всегда прекрасна. Ты же видишь, что птичка уже принесла тебе подарок.

Приснув от смеха, Онорина уткнулась в плечо матери. Она была в восторге, что ее мать такая легковверная.

— А кораблик хорошенький, — сказала она. — Он больше не качается.

— Да, действительно.

Анжелика удержала новый вздох, бросив взгляд на необычную, словно покрытую маслом поверхность моря. Какие-то черные и серые острова, порожденные миражем, появлялись и исчезали в красно-золотистой неопределенности. Их непрерывные движения обретали ритмы танца. «Я грежу», — подумала Анжелика, чувствуя желание протереть глаза.

Сверху донесся крик:

— Эй, кашалоты!

Это был сицилиец.

Дети, игравшие на «проспекте» в пятнашки, бросились к перилам. Анжелику окружила визжащая ватага. Старшие поднимали малышек, чтобы и они смогли полюбоваться представлением.

Это действительно были кашалоты, которых она только что приняла за острова. Гигантские черные блестящие туловища появлялись и вновь исчезали в воде, увеличивающей еще больше их чудовищные очертания.

Вдруг величественно выплыл черный силуэт огромной величины, увенчанный живым водяным гейзером, заканчивающимся могучим прямым хвостом.

— Это кит Ионы, — закричал маленький мальчик, топая ногами. Он был вне себя от радости.

— Я хотела бы всегда жить на этом корабле, — сказала одна из девочек.

— Я хочу, чтобы мы никогда не приехали, — перешеголяла ее другая.

Анжелика, увлеченно следившая за игрой кашалотов, с изумлением прислушивалась к этим высказываниям.

— Выходит, что вам нравится на «Голдсборо»?

— О, конечно! — хором ответили дети.

Тогда она поинтересовалась мнением старших. Обычно скрытая Северина выступила вперед.

— Да, здесь нас оставили в покое. Нам больше не грозят ссылкой в монастырь. Нам не нужно изнывать от скуки над теологией, которую моя тетя заставляла изучать. Здесь мы имеем право думать, что хотим.

Она вздохнула с облегчением. Всегда озабоченная, Северина почувствовала себя свободной. Время тоски и страха, угнетавшее ее с самого детства, спало с ее хрупких плеч, словно свинцовый плащ.

— И теперь мы не боимся, что попадем в тюрьму,— сказал Мартиель.

С самого начала путешествия Анжелику удивляла выносливость детей. Они не были ни сварливыми, ни плаксивыми, как это можно было ожидать. Когда они недомогали, их хорошее настроение помогало им быстро поправиться. Зато их родители ныли и сетовали на резвость своих чад. Еще бы, ведь они, дети, знали, что избежали самого худшего. Более того, они никогда не пользовались такой свободой, как на этих нескольких метрах деревянного настила. И нет больше школы, нет утомительного стояния перед классной доской или Библией.

— Если бы наши родители позволили немножко полазать по вентам и участвовать в маневрах, было бы еще лучше,— заявил Мартиель.

— А вот мне один матрос показал, как вязать узел, которого я не знал,— сказал один из сыновей адвоката Каррера.

Но старшие держали себя более сдержанно. Северина спросила:

— Госпожа Анжелика, правда ли то, что Рескатор желает нам зла?

— Я не думаю...

Она положила руку на плечо Северины. Обращенное к ней лицо девушки дышало верой и надеждой. Как и в Ла-Рошели, глядя на детей, Анжелика ощущала это чувство постоянства, которое придавало ей, при всей непрочности ее существования, новый заряд бодрости. Помогая детям пережить выпавшее на их долю, она как бы оправдывала свою жизнь.

— Разве вы не помните, как он и его люди спасали вас от драгун короля, которые гнались за вами?

— Да, но наши говорят, что они не знают, куда он нас везет.

— Ваши родители беспокоятся, потому что Рескатор и его люди сильно отличаются от нас. Они говорят на другом языке, у них совершенно иные обычаи. Иногда трудно поладить друг с другом, когда нет ничего общего.

Тут взял слово Мартиель, проявив глубокую рассудительность.

— Но ведь страна, куда мы направляемся, тоже отличается от нашей. И нам придется к ней привыкнуть. Мы плывем к другим небесам.

Маленький Еремия, напоминавший Анжелике Шарля-Анри, отбросил в сторону льняные волосы, закрывавшие его глаза, и вскричал:

— Нас везут к Земле обетованной!

Анжелика почувствовала, как легко стало на душе. Отныне в ожесточенную борьбу, которую приходилось вести с разгулявшимися человеческими страстями, вступали и подобные ангельскому хору детские голоса.

— Мы плывем к Земле обетованной?

— Да,— решительно подтвердила она.— Да, мои маленькие, только вам правда открыла свое лицо.

Она непринужденно обернулась и невольно вздрогнула, ибо ОН стоял на полуите и ей показалось, что он смотрел на нее.

Глава 25

ЖОФФРЕЙ ДЕ ПЕЙРАК
ЗАДУМЫВАЕТСЯ

Совсем новая женщина предстала перед ним, когда увидел ее, окруженную разговаривающими детьми, которым она, улыбаясь, отвечала, и это открытие поставило его в тупик.

В ниспадавшем длинными складками коричневого плаща Анжелика казалась выше. Она сохранила горделивую осанку и в этом тряпье, к которому он никак не мог привыкнуть. Простота одежды только подчеркивала загадочность и благородство ее облика.

Она держала за руку свою маленькую рыженькую девочку. Если это правда, что ребенок был зачат при трагических обстоятельствах и должен был постоянно напоминать о пережитом ужасе, где же она черпала силы, чтобы улыбаться ему и так пылко любить?

Берн рассказал, что ее младшего сына убили у нее на глазах. Так вот какая судьба была уготована малютке дю Плесси де Бельер...

Почему она была такой откровенной с протестантом и молчала перед ним, ее мужем? Почему она не выложила ему, как это сделали бы многие другие на ее месте, жалобный рассказ о своих злоключениях, который послужил бы оправданием в его глазах?

Она была слишком целомудренна и душой и телом. Она не заговорила бы никогда. О, как он упрекал ее!

Не за то, что она стала совершенно иной, а за то, что это произошло без его участия. Да, он упрекал ее за спокойствие, за

стойкость, за то, что встречи с тысячью опасностей и пережитые ужасные часы не оставили следов на ее безмятежном чистом челе.

Неужели это та же самая женщина, которая устояла перед Мудей Измаилом, испытав голод, жажду и пытки?

«Что же я еще узнал. Что она повела своих вилланов против короля! Она была заклемена королевской лилией. И она может спокойно улыбаться там, внизу, среди детей, любясь «маневрами кашалотов».

Могу ли я утверждать, что она не страдала? Какое же тогда ей можно дать определение? Ни униженной, ни трусливой, ни равнодушной ее не назовешь. Просто достойная женщина».

Ведь он, черт побери, так и не смог разобраться в этой незнакомке. Его обычная проницательность, создавшая ему репутацию чародея, на этот раз оказалась несостоятельной. Он не знал, как ему действовать, чтобы снова завоевать ее.

Неожиданно вспомнил слова Язона, которые открывали ему глаза на собственные противоречия.

«Вы поработены этой женщиной!»

Поработен! Все-таки поработен. Ему надо было догадаться, что, будучи скрытым, очарование Анжелики стало еще более могущественным. Оно было не из тех, что выдыхаются, как низкопробные духи. Было ли оно дьявольским даром, или чувственным, или мистическим — это очарование существовало, и господин де Пейрак, именуемый Рескавтором, был им начисто сражен вопреки своей воле. Он попал в расставленную им самим ловушку назойливых вопросов, на которые могла дать ответ только она, и неукротимых желаний, удовлетворить которые было только в ее власти.

Он самодовольно воображал, что знает все об этом создании, не отказывая ей в праве идти своей дорогой. И ее путь, пролегающий вдали от него, оказался, особенно за последние пять лет, поистине удивительным.

Он мысленно представил ее, скачущей во главе ватаги мужиков, которых она вела за собой. Он видел ее трепещущей, как раненая птица, преследуемую королевскими ищейками...

Здесь начиналась тайна, которая, возможно, никогда не откроется ему, и он негодовал, признавая все же, что в этой способности перерождаться, продемонстрированной ею и здесь, и состояло женское начало.

Испытанная им ревность, когда он увидел ее, готовую пожертвовать ради друзей и оставившую из-за этого на произвол судьбы свою дочь, которую позже с такой нежностью прижимала к груди, а также, когда она, взволнованная, преклонила колени около протестанта и нежно прикоснулась рукой к обнаженному плечу раненого, была более жгучей, чем если бы он застал ее бесстыдно извивающейся в объятиях любовника. По крайней мере он презирал бы ее и знал, чего она стоит. И относился бы к ней так, как она и заслужила.

Из какого нового теста она была вылеплена? Какой новый фермент придавал ее красоте, созревшей и словно воспламенной под солнцем лета ее жизни, это нежное и пылкое сияние, вызывавшее желание положить истерзанное лицо на ее грудь и слушать в журчании ее голоса ласковые и ободряющие слова?

Своеобразная слабость, которую он редко испытывал... Почему именно она, эта амазонка, эта неистовая, с хорошо подвешенным языком, женщина, чувственная и дерзкая, которая бесстыдно обманула его, смогла возбудить в нем эти чувства?

И когда солнце исчезло за горизонтом, Жоффрей де Пейрак, к своему большому удивлению, нашел ключ к разгадке тайны поведения Анжелики в сложных обстоятельствах.

— Да, она исполнена великодушия! — сказал он себе.

Это было подобно миражу.

Ночь окутала море и корабль густым занавесом. Дети не могли уже различить резвящихся кашалотов. Стало слышно, как они топают по лестнице, спускаясь на нижнюю палубу.

Застыв у борта, Анжелика смотрела вдаль.

Он был уверен, что под покровом темноты она смотрит на него.

«Она великодушная. Она добра. Я в своей злобе расставлял ей сети, но она не попала в них... Потому она и не винила меня в своих несчастьях. И потому она скорее готова была страдать от моих несправедливых упреков, чем бросить мне в лицо страшное обвинение в том, что я, как ей известно, несу ответственность, я — отец, за смерть нашего сына Кантора...»

Глава 26

КАНТОР

Редкая на море тишина царила повсюду. Это безмятежное спокойствие настроило его на мечтательный лад. Перебирая в памяти прошлое, он вновь пережил драматический эпизод у мыса Пассеро. В каком изумлении были бы все, узнав, что битва и разгром французской эскадры, вызвавшие такое волнение при дворах Европы, были предопределены присутствием в свите адмирала де Вивонна маленького пажа девяти лет от роду!

Когда он встретил на широте Сицилии французскую эскадру, власть Рескатора уже тогда была неоспоримой, у бывшего изувеченного каторжника повсюду были сообщники и союзники.

Чтобы добиться высокого положения, он, хотя и занимался коммерческими делами, оснастил свою шебеку как военный ко-

рабль. Возможность сразиться с тем или иным противником представлялась довольно часто. Он приучил к повиновению нескольких известных пиратов вроде Меццо-Морте, избравшего себе псевдоним Полумертвый. Он должен был, к своему величайшему сожалению, наносить ответные удары при нападении на него мальтийских рыцарей, которые считали этого корсара в маске, не зная ни его имени, ни национальности, заурядным ренегатом, состоявшим на службе у Великого султана Константинополя. С внешней стороны у них было достаточно оснований для этого. Тогда еще не было возможности каких бы то ни было взаимоотношений между Крестом и Полумесяцем. Нужно было быть или с одним, или с другим.

Итак, Жоффрей де Пейрак еще раз применился к новой — уже третьей — ипостаси, и серебряные эку вылетали из штамповочного станка в его дворце.

Ему также удалось узнать, что, выходя в море, эскадра под командованием герцога де Вивонна имела целью карательную экспедицию, одним из главных объектов которой был он сам. Это было вызвано тем, что его деятельность сильно раздражала Людовика XIV, поставив под угрозу несколько крупных французских предприятий, процветавших на обмене с Ближним Востоком низкопробными промышленными товарами, не имевшими сбыта во Франции.

Жоффрей де Пейрак послал своих шпионов узнать до малейших подробностей маршрут королевской эскадры, ее именной состав, а также поручил им по возможности достать полные списки пассажиров. Когда просматривал полученный таким образом список свиты адмирала герцога де Вивонна, в глаза бросилось имя, заставившее его задуматься: Кантор де Моран, паж.

Кантор!

Не было ли это имя их сына, родившегося после его мнимой казни, о существовании которого он узнал из полученного в Канди письма отца Антуана? В те времена он иногда задавался вопросом, кто же был ребенок, которого ожидала Анжелика: мальчик или девочка?

Родился мальчик. Когда он узнал об этом, новость не привлекла его внимания, поскольку он был ошеломлен известием о вторичном браке его жены.

Но теперь он напрягал память перед этим неожиданно возникшим именем: Кантор де Моран... Он оставил все дела ради этого «посмертного» сына. И получил новые сведения, которые развеяли все сомнения. Ребенку было девять лет, он был пасынком маршала дю Плесси де Бельер.

Первым побуждением Рескатора было ускользнуть от воинственных замыслов адмирала де Вивонна. Получив предупреждение, он хотел укрыться около Крита и Родоса и там выждать, чтобы возобновить плавание, когда эскадра закончит патрулирование, убедившись в невозможности настичь его.

Но появление маленького Кантора изменило его планы. Море посылало ему сына. С каждым днем, с каждым часом росло желание встретиться с этим воплощением его прошлого. Его сыном и сыном Анжелики, зачатым в одну из тех безумных и восхитительных тулузских ночей, о которых он до сих пор не мог вспомнить без тоски.

Незадолго до его отъезда в Сан-Жан-де-Люэ, где он был тайно арестован ищейками короля, новая жизнь появилась под сердцем у Анжелики. В лоне ее плодovitого и нежного тела, так часто волновавшего его память.

Увидеть этого сына, рожденного от их разбитой любви! И, конечно, забрать с собой.

Тут уж он проявил свою железную волю. Его особенно раздражало то, что ребенку дали имя Морана, а не Пейрака, так что ему оказывали уважение не как сыну великого сеньора Аквитании, а как пасынку дю Плесси.

Рескатор тотчас отдал приказ сниматься с якоря. Вскоре он был в виду французской эскадры. Он хотел договориться, предложив обмен. Но адмирал де Вивонн, узнав, что пират, которого он должен был в любом случае уничтожить, подошел так близко, велел выбросить посланца за борт и ответить залпом из всех орудий.

Захваченный врасплох этими решительными действиями, «Орел морей» пережил неприятные минуты. Кроме того, он вынужден был вступить в бой. К счастью, тяжелые галеры маневрировали как груженные булыжником калоши. На одной из них находился Кантор. Жоффрей де Пейрак постарался отвлечь ее от остальных, но в пылу битвы она была непоправимо повреждена. Вне себя от беспокойства, зная, с какой быстротой судно может исчезнуть, словно камень в волнах, он послал самых преданных янычар на abordаж, чтобы любой ценой отыскать ребенка среди сгрудившихся на корме пассажиров, уже начавших бросаться в море.

Именно Абдулла принес его к нему. Громче грохота битвы прозвучал слабый, чистый голосок: «Отец! Отец мой!» Жоффрей де Пейрак оцепенел как во сне. Этот малыш на руках у Абдуллы, казалось, не испытывал ни малейшего страха ни перед смертью, которой ему едва удалось избежать, ни перед окружавшими его мрачными фигурами в белых бурнусах, с кривыми саблями в руках.

Зеленоватым, как ключевая вода, глазами он посмотрел в замаскированное лицо главаря пиратов, к которому его принесли, и сказал ему: «Отец мой!» так, словно ничего более естественного не могло быть на свете, и он только этого и ожидал.

Как же было не ответить на этот зов?

— Сын мой!

Так появился у него маленький друг, немного стеснительный, тихий Кантор, очарованный жизнью на море, под защитой обожаемого отца. Было похоже, что он не сожалел о своей прошлой

жизни. Но Жоффрей де Пейрак скоро заметил, что милый ребенок был очень скрытным. Сам он не хотел начинать расспрашивать первым. Страх удерживал его. Страх перед чем? Страх узнать от него слишком много и разбередить полузакрывшиеся раны.

И в самом деле, был такой случай, когда Кантор вспомнил об оставленной во французском королевстве семье, заявив не без гордости: «Моя мать — фаворитка короля Франции. А если еще нет, то скоро будет ею. — И добавил простодушно: — Это правильно. Она самая красивая дама королевства».

Получив этот удар в спину, Жоффрей де Пейрак предоставил ребенку свободу в выборе его воспоминаний.

Так из мелких кусочков в его воображении складывались любопытные картины, в которых проходили: Анжелика в роскошных нарядах, доблестный Флоримон, равнодушный придворный — маршал дю Плесси де Бельер, завоевавший привязанность Кантора, король, королева и дофин, вызвавшие у него, как это ни странно, чувства покровительства и даже сострадания.

Кантор вспоминал все платья, которые носила мать, и подробно описывал их, так же как и ее драгоценности. В рассказах маленького пажа перемешивались мрачные истории об отравлениях, адюльтерах, преступлениях, совершавшихся в темных коридорах, извращениях и грязных интригах, казалось, никого не волновали. Придворные пажи познавали жизнь возле шлейфов, которые они должны были поддерживать. Им уделялось внимания не больше, чем комнатным собачкам.

Кантор, между прочим, признался, что на море ему нравится больше, чем в Версале. Именно поэтому он решил найти отца. Флоримон тоже придет, только позже. Ему не казалось возможным, чтобы Анжелика смогла присоединиться к ним. Так в представлении графа обрисовался образ легкомысленной матери, равнодушной к судьбе своих сыновей.

Однажды вечером он решился задать волновавший его вопрос.

Днем во время стычки с алжирским брандером, посланным одним из злейших врагов, Кантор был ранен осколком картечи в ногу и, хотя лежавший на постели мальчуган сиял от гордости, ибо как у всякого настоящего дворянина, воинственный дух был у него в крови, Рескатор обрушился на него с упреками.

Не слишком ли мал был ребенок, чтобы вести полную опасных приключений жизнь среди суровых, жестоких людей?

— А ты не скучаешь без матери, малыш?

Кантор посмотрел на него с некоторым удивлением. Затем его лицо нахмурилось, и он заговорил о том, что он называл, хотя граф де Пейрак не смог понять почему, «когда мы влипли».

— Когда мы влипли, мама брала нас на колени. Она приносила нам пончики. Иногда делала блины... По воскресеньям поваренок Давид Шайон брал меня на плечи, и мы шли в Сюсери пить белое вино... Не мы, конечно, потому что мы были слишком маленькие, а мэтр Бурже и моя мать пили его... Тогда мне было

очень хорошо. Но позже, когда мы были в отеле дю Ботрей, матери пришлось показываться при Дворе, и нам тоже... тогда уже ничего нельзя было поделать: наше «когда мы влипли» закончилось.

Так Жоффрей де Пейрак узнал, что Анжелика жила в отеле дю Ботрей, который он построил для нее. Как ей удалось снова получить его в свое владение? Кантор этого не знал.

По-видимому, теперешняя жизнь вполне удовлетворяла Кантора, и он не склонен был особенно предаваться воспоминаниям.

Жоффрей де Пейрак с волнением обнаружил у сына врожденную способность к пению и музыке, он сам, Жоффрей, чей голос был мертв, снова тогда обрел вкус к игре на гитаре. Он сочинял для ребенка баллады и сонеты и посвящал его в различные инструментальные вариации Востока и Запада. Постепенно в нем созрело решение поместить его в итальянскую школу в Венеции или Палермо, где островное положение давно сделало Сицилию местом прописки корсаров, утративших родину.

Кантор мог поспорить в невежестве с осленком. Он едва мог читать и писать, считая еще хуже, и если придворная жизнь, а затем эта, среди пиратов, сделала из него славного молодца, умевшего владеть шпагой, ставить паруса и при случае блеснуть изысканными манерами, такой ученый, как его отец, находил это удручающе недостаточным.

Кантора нельзя было назвать ленивым, наоборот, он был очень любознательным. Но учителя, которые были у него до сих пор, не сумели пробудить в нем интерес к знаниям. Он согласился без особых колебаний стать пансионером в доме иезуитов в Палермо, который был превращен в подлинный центр культуры.

Была еще одна причина, побудившая Рескатора поместить своего сына в убежище и на некоторое время разединить их судьбы. Рано или поздно Кантор мог стать жертвой окружавших их бесчисленных опасностей. Ему надо было поставить на колени своих основных противников и для этого осуществить, как с помощью военной силы, так и дипломатическими маневрами, одну из окончательных компаний. Когда он заходил в Тунис, разве не пытались похитить Кантора посланцы алжирского адмирала, этого обезумевшего от мании величия садиста, мечтавшего отомстить Рескатору за пять своих провинций на Средиземном море?

Если бы им удалось осуществить задуманное, Рескатор оказался бы в безвыходном положении. Чем бы он не пожертвовал, чтобы вернуть невредимым горячо любимого сына!

Близкий ему своей склонностью к музыке, Кантор еще больше очаровывал его тем чуждым, невообразимо напоминавшим Анжелику, северным атавизмом. Немногословный, в противоположность жителям юга Франции, откуда он был родом по отцу, здравомыслящий и умеющий постоять за себя, с непостижимым отблеском друидических лесов во взгляде, он не позволял отцу льстить себе надеждой узнать его мысли и предвидеть его поступки.

Жоффрей де Пейрак особенно ценил в своем младшем сыне унаследованные от него предвидения, которые позволяли ему предсказывать заранее некоторые события. Делал он это с легкостью, словно его кто-то предупреждал. Кантор, без сомнения, не отличал грез от действительности. Не сгладят ли, не обезличат ли занятия все нюансы этого своеобразного детского характера? Сохранить его поможет музыка и особенная атмосфера, царившая в Палермо. К тому же, его будет убаюкивать голубое море и ревниво оберегать оставленный при нем Жоффреем де Пейраком верный Куасси-Ба.

Глава 27

БОЙНЯ В МИКЕНЕЗЕ

То, в чем у алжирского адмирала получилась осечка с Кантором, имело успех с Анжеликой, когда она, после бегства с Крита, покинула Мальту.

Жоффрей де Пейрак был совершенно ошеломлен, узнав, что его жена, неизвестно зачем появившаяся на Средиземном море, попала в руки его злейшего врага. Одновременно пришло известие, что она была на Мальте, и, немного успокоившись, он отправился ее разыскивать.

Таким образом, он предстал перед алжирским адмиралом Меццо-Морте в Алжире. Ренегат прекрасно знал, что Рескатор в данном случае пойдет на все, чтобы он ни пожелал. Ему удалось проникнуть — неизвестно какими путями — в тайну, которой он ни с кем не делился: что Анжелика была христианской супругой Рескатора, и поэтому тот пожертвует всем, чтобы ее выволочить.

Раз двадцать Жоффрей де Пейрак готов был в ответ на требования берберийского адмирала бросить в лицо ему свое презрение и отступить. Из-за женщины он должен был унижаться перед этой отвратительной примитивной личностью. Но эта женщина была его женой, и это была Анжелика. Он не мог решиться на отказ, который обрекал ее на ужасную смерть. «Я пришлю тебе, мой самый дорогой,— говорил Меццо-Морте,— один из ее пальчиков. Я пришлю тебе локон ее волос... В роскошном ларчике один из ее зеленых глазиков...»

Внешне невозмутимый Жоффрей де Пейрак лукавил, прилагая все актерские способности перед этим презренным негодяем, который, будучи итальянцем, также знал толк в играх тонких и жестоких.

Вместе с опасением за ее судьбу в нем поднялась неистовая злоба против нее. Проклятое создание! Ей, видите ли, не сидится на

месте! После того как она ускользнула от него на Крите, она не нашла ничего лучшего, чем очертя голову броситься в грубую ловушку Меццо-Морте. О, это наверное не от нее унаследовал дар предвидения их младший сын! Как она не узнала его в Канди, не почувствовала, что это он? Без сомнения, она была слишком занята другой любовью, вслед за которой гналась. Поэтому, обдумав все возможности для ее спасения, он дал себе слово хорошенько проучить ее, когда она снова будет с ним.

Он был на пути к тому, чтобы во второй раз погубить свою жизнь из-за нее. Меццо-Морте требовал предоставить ему одному господство на Средиземном море. Рескатор должен посторониться и уступить ему свое место. По его мнению, можно было начинать танец от знакомой печки — грабить, жечь, опустошать, торговать рабами, этой удобной и требуемой валютой.

Жоффрей де Пейрак попытался сыграть на его алчности. Он предложил ему такие сделки, которые принесли бы ему стократную прибыль по сравнению с тем, что он получал, бросая на грабеж торговых и военных кораблей христиан. Но это не было то, к чему стремился ренегат. Он хотел стать самым могущественным пиратом, самым грозным и ненавидимым всеми...

Перед лицом этого полубезумца рассеивались и теряли всякий смысл такие понятия, как рассудительность или заинтересованность. Калабриец предусмотрел все, даже то, что Рескатор мог узнать прежде, чем свяжет себя обязательством с ним, что он сделал с Анжеликой, и где она находится, что и произошло.

Не случайно из подслушанного разговора граф узнал, что зеленглазая пленница была подарена султану Мулей Измаилу. «Твой лучший друг, разве это не лестно? — ухмылялся Меццо-Морте. — Но берегись! Если покинешь Алжир, не дав слова предоставить мне свободу действий, ты не увидишь ее больше живой! Один из моих слуг проник в марокканскую охрану. Стоит только мне послать ему весточку и он убьет ее в ту же ночь».

Жоффрей де Пейрак кончил тем, что согласился на его требования. Пусть будет так, он покинет Средиземное море! Он не оговорил, на какое время, и утаил, что намеревался крейсировать на широте Марокко и Испании, поддерживая там связь со своими «рескаторами» до тех пор, пока могущество адмирала не было бы в свою очередь сломлено.

В радости ренегата, праздновавшего победу, на которую он уже не рассчитывал, было что-то инфантильное. Все обошлось гораздо лучше, чем если бы ему пришлось для устранения противника прибегнуть к убийству. Нельзя сказать, что он не пытался этого сделать, но неоднократные безуспешные попытки вселили в него суеверное благоговение перед таинственным «баракой» Чародее. И кроме того, он чувствовал, несмотря ни на что, страх перед гневом султана Константинополя, который не замедлил бы узнать, кто отнял у него тайного советника и министра финансов.

Получив возможность беспрепятственно покинуть Алжир,

Рескатор поплыл к Геркулесовым столбам, рассчитывая проскользнуть без особых трудностей мимо испанских пушек в Суете. Таким образом, он хотел достичь Сале, а затем и Микенеза.

Настроение у него было подавленное. Образ Анжелики, отданной во власть похотливого и жестокого Измаила, стоял у него перед глазами и не располагал к веселью. Он посылал проклятия то в адрес Меццо-Морте, то Анжелики. Но он не мог отказаться от решения спешить к ней на помощь, так как его нетерпение было вызвано не только мыслями о его долге по отношению к опрометчивой супруге.

И тогда он неожиданно получил известие от Ферради.

«Поспеши... женщина, предназначенная тебе звездами, находится в опасности...»

На этом месте Жоффрею де Пейраку пришлось вернуться из воспоминаний в каюту «Голдсборо». Резкая качка заставила его встать. Он сказал вполголоса:

— Шторм...

Шторм, который предвещало на закате маслянистое море, приближался, посылая первых вестников. Он остался стоять, широко расставив ноги, чтобы удерживать равновесие. Его мысли еще оставались в прошлом, залитом ослепительным солнцем, красным от крови.

«Поспеши... женщина, предназначенная тебе звездами, находится в опасности...»

Итак, соединявшая их сеть затягивалась.

Но когда он прибыл в Микенез, Осман Ферради был мертв, пронзенный кинжалом. Трупный запах смешивался с ароматом роз в саду.

Все иудеи из гетто, от грудных детей до столетних старцев, были изрублены черной гвардией султана. Было много разговоров о богатстве семьи невольников-христиан и особенно одной женщины из гарема.

— Мой друг, какая женщина! — рассказывал ему Измаил, в расширенных глазах которого горело какое-то мистическое восхищение. — Она уже пыталась зарезать меня. Посмотри. — И он показал свежий шрам на своей бронзовой шее. — И моим собственным кинжалом! Вот это искусство! Увы, недоступное для моей огрубевшей души. Она не поддавалась и пыткам. Я помиловал ее, потому что она была действительно прекрасна, и мой великий евнух настоятельно советовал мне это сделать. Но какую отраву смогла она влить в вены этого неподкупного? Ибо он, такой сильный и мудрый, проявил слабость по отношению к ней, и теперь мертв. А ей удалось бежать. Эта женщина — суший дьявол!

Вряд ли нужно было называть ему имя этой женщины. Жоффрей де Пейрак узнал сразу. Ему было понятно восхищение, охватившее султана: «Да, мой друг, какая женщина!»

Он объяснил Мулеи Измаилу, что эта женщина во Франции была его женой, и что он прибыл, узнав, в чьих руках она находится,

чтобы выкупить ее. Мулей Исмаил возблагодарил аллаха за то, что бешеный характер Анжелики не позволил ему нанести лучшему другу непоправимый удар, тем более, что ревностному мусульманину не подобает использовать женщину, чей муж еще жив. Он вернет ее и не потребует выкупа. Таков закон корана.

Султан надеялся, что ее легко будет поймать. Его посланцы, брошенные по разным следам, получили приказ: беглецов мужчин прикончить на месте, а женщину доставить живой и невредимой.

Наконец пришли новости в виде покрытых запекшейся кровью голов. Мулей Исмаил сразу заметил, что не хватает головы Колена Патюреля.

— А женщина? — грозно спросил он.

Солдаты рассказали, что им поведали христиане перед смертью. Когда их захватили, женщины среди них уже не было. Франконка задолго до этого умерла от укуса змеи. Спутники похоронили ее в пустыне.

Мулей Исмаил разорвал на себе одежды. Его гнев смешивался с сожалением о невозможности оказать великолепным подарком честь его другу, которого он глубоко уважал. Интуитивно он ощутил горе, скрывавшееся за покрытым шрамами лицом христианина.

— Если хочешь, я прикажу их убить, — сказал он Жоффреу де Пейраку. — Этих тупых стражей, которые не смогли догнать ее, пока она была жива, которые позволили ей убежать... Один твой знак — и их головы слетят.

Граф отклонил это кровавое предложение. Ему сжало горло от отвращения.

В этих хоромах, где тянуло затхлым запахом пожарищ и бойни, еще бродил дух Великого Евнуха и де Пейраку казалось, что он слышит его мелодичный голос: «Мы принадлежим только богу, и кровь прольется во имя его... а ты, ты останешься один».

Вся бесцельность его дальнейших планов, замыслов, даже его чувств неожиданно открылась перед ним. Какая нелепость! Его призыв к ней остался неслышанным в этом мире, в котором сошедшиеся лицом к лицу христианин и мусульманин повиновались только одной концепции: гегемонии бога.

Решено, он уедет! Он покинет Средиземное море не столько из-за того, что он был связан обстоятельством перед Меццо-Морте, сколько из-за появившегося чувства отчужденности среди тех, кто долгие годы помогал ему вернуться к жизни. Он заберет Кантора и возьмет курс на Запад к новым материкам. Отказываясь от состояния, вновь ставшего поистине сказочным, он оставит за собой две пораженные разложением цивилизации, попавшие в один кипящий котел, движимый одинаковым религиозным фанатизмом, сделал их в конце концов похожими друг на друга в излишестве и нетерпимости.

Ему надоела эта борьба, бесплодность которой была очевидна.

Он удержался от искушения броситься в пустыню на поиски

затерянной могилы. Безрассудство, которое не принесло бы ничего, кроме отчаяния. Убедиться в истинности ее смерти? Какую уверенность он получит? Чтобы отыскать ее прах, может не хватить и жизни.

Суета сует.

Невольники, ее товарищи по бегству, были убиты. Она казалась ему исчезнувшей в беспредельности жестокого солнца, которое ослепляет разум и порождает миражи. Все его помыслы, направленные на то, чтобы достичь ее, всегда наталкивались на этот мифический образ, неясную мечту, в которую она для него воплотилась.

Встретившись с сыном в Палермо, он поблагодарил небо, оставившее ему по крайней мере этого ребенка, чье присутствие отвлекало его от мучительных, особенно тяжелых на этот раз, переживаний.

Когда они прошли Гибралтарский пролив и взяли курс через раскинувшийся перед ними океан на Америку, он был занят с ним только кораблем «Орлом морей» и экипажем, верней той его частью, которая захотела вновь испытать судьбу.

Сборищем человеческих отбросов назвали бы их с презрением богатые ларошельские буржуа... Конечно! Но он-то знал все об этих обездоленных людях. Знал их личные драмы, вынудившие их, как и его, скитаться по дорогам мира. Он оставил только тех, кого не мог уволить, тех, кто скорее согласился бы спать у его ног, чем снова оказаться с их тощими пожитками на берегу, среди враждебно настроенных людей. Ибо им некуда было больше идти. Их удерживал страх перед рабством и галерами, страх попасть к другому капитану, грубому и жадному до наживы, от которого пришлось бы бежать очертя голову или наделать глупостей, за которые пришлось бы дорого заплатить.

Под напускной грубостью этих угрюмых созданий, этих умерших душ, этих печальных сердец чувствовалось глубокое уважение к их хозяину. Он обращался с ними строго, но никогда не обманывал и умел пробудить в них интерес к работе и к цели его экспедиций.

Он не скрывал от них, покидая Средиземное море, что оставляет здесь и все свое богатство. Все должно было начаться заново для него. Они согласились пойти на такой риск. Впрочем, он смог очень скоро вознаградить их преданность существенными доказательствами.

Он взял с собой целую команду водолазов. Снарядив их совершенным инвентарем, он исколесил вдоль и поперек Карибское море, отыскивая на дне сокровища испанских галеонов, потопленных в этих широтах флибустьерами, свирепствовавшими тут более ста лет. Это необычное предприятие, в которое он сам вложил немало сил и умения, не замедлило принести громадное богатство. Он добился соглашения с видными пиратами с острова Тортуги и, как испанцы, так и англичане, вроде небезызвестного

капитана Фипса, получив от него дар по несколько самых редких монет со дна моря, оставили его в покое.

Смысл его нового существования? Найти под покровом водорослей шедевры искусства инков или ацтеков и удовлетворить этим чувством прекрасного и страсть искателя.

Постепенно он смог преодолеть неотвязное чувство, пронизывающее его существо до самых глубин: Анжелика... Он не увидит ее больше никогда.

То безрассудство, то безумие, с каким он жаждал вернуть ее, угасло после ее смерти. И смерть была логическим завершением ее поступков. Она отважилась на такой подвиг, какой не рискнула бы совершить ни одна пленница-христианка. Он не мог забыть, как она ранила Мулей Измаила и гордо перенесла пытки. Безумная! От женщин вовсе не требуют быть героинями, говорил он себе в отчаянии. Если бы она осталась в живых, если бы он мог еще раз заключить ее в свои объятия, почувствовать ее теплое тело, увидеть блеск ее глаз, как тогда на Крите, и он забыл бы о ее неверности, он бы все простил!

Только бы видеть ее живой, осязать ее нежную кожу, обладать ею в сладострастном сегодня, у которого не было вчера и не будет завтра, и не видеть больше перед глазами это прекрасное тело агонизирующим, иссушенным песком, с почерневшими губами, беззащитным под бесплодным солнцем пустыни. «Дорогая моя, как я тебя любил...»

Шум бури усилился, задребезжали стекла в раме.

Согнувшись, чтобы удержаться стоя, Жоффрей де Пейрак продолжал прислушиваться к голосу прошлого, который не умолкал в нем.

«Моя дорогая, я любил тебя, я оплакивал тебя... И вот, когда вновь нашел тебя среди живых, я не смог открыть тебе свои объятия».

Так уж создан человек. Сначала он страдает, потом исцеляется. При этом он теряет ясность ума и мудрость, которые придавали ему боль. Жизнь бьет в нем ключом, он спешит вернуться в мир иллюзий, мелочных опасений, разрушительной злопамятности. Вместо того чтобы встретить ее с распростертыми объятиями, он стал думать о ребенке, который был у нее от другого, о короле, о потерянных годах, о чужих губах, целовавших ее... Он сразу решил вести себя так, будто перед ним незнакомка. Но именно эту незнакомку любил он сейчас.

И сейчас он задавал себе те же вопросы, которые задает себе мужчина, когда хочет в первый раз сделать своей соблазняющую его и желанную женщину.

«Ответят ли ее губы, когда я буду их искать? Как она будет вести себя, когда я попытаюсь обнять ее? Тайна ее тела и ее мыслей скрыта от меня. Кто же ты? Что сделали с тобой, прекрасная плоть, отныне так ревниво скрытая?»

Он грезил о ее струящейся по плечам гриве, о ее слабости

перед ним, о влажном блеске ее зеленых глаз, пронизывающим его. Ему удастся смягчить ее. «Ты моя, и я заставлю тебя услышать это».

Но надо все правильно рассчитать. Нелегко найти уязвимое место у женщины, закаленной в таком огне. Но он добьется ее! Он разобьет ее защиту, снимет с нее один за другим покровы окутывающих ее тайн так же легко, как он снимет ее одежды.

Ветер дул с такой силой, что ему пришлось приложить немалые усилия, чтобы открыть дверь. Снаружи во мраке дикой ночи он остановился на минуту, осыпаемый брызгами, схватившись за скрипящие и стонущие, как дерево перед гибелью, перила.

«Кто же ты такой, граф де Пейрак, что уступил свою жену другому даже без борьбы? Черт побери! Только бы укротить эту проклятую бурю, а тогда... мы изменим нашу тактику, мадам де Пейрак!»

Глава 28

НОЧЬ ЛЮБВИ ПОСЛЕ БУРИ

Над беспорядочно метавшимися под ударами бури пассажирами пронесся отчаянный крик:

— Палуба проваливается!..

И это было похоже на кошмарный сон. Угрожающий треск дерева над их головами заглушил на время все остальные звуки: грохот волн, свист ветра, возгласы отчаяния.

Отчаянно пытаясь удержаться, Анжелика покатилась по вздыбленному полу. Ухватившись за тяжелый пушечный лафет, она тут же бросилась назад, охваченная ужасом при мысли, что будет с малюткой Онориной в этой страшной мешанине.

Где ее искать, как услышать ее? Стоны и крики неслись со всех сторон. С потолка продолжал доноситься зловеющий треск. Ее осыпало брызгами прорвавшейся сверху струи соленой воды.

— Господи, спаси нас и помилуй. Мы погибаем! — зывал чей-то женский голос.

Анжелика оцарапала руку о какой-то предмет. Это оказалась одна из погасших ламп, отброшенных качкой на пол. Но она не была разбита.

«Надо бы зажечь свет», — подумала молодая женщина, схватив лампу в руки. Присев на корточки, сопротивляясь изо всех сил адской качке, она ощупью нашла отверстие в лампе, затем еще теплую свечку, а в боковом ящичке — запасное огниво. После нескольких неудачных попыток лампа загорелась. В трепещущих красноватых отблесках появилось неопишемое нагромождение

человеческих тел, одежды и вещей, которые перекатывались то вперед, то назад, то из стороны в сторону.

А сверху была видна зияющая пробоина, ошестинившаяся обломками дерева, через которую прерывистой струей хлестала вода.

— Сюда! — закричала Анжелика. — Опора фок-мачты пробила потолок нашего убежища.

Маниголь первым возник из темноты. Он пристроился под надломленными балками и с достойной Голиафа силой стал отжимать их кверху. Берн, Марселло и еще трое наиболее крепких мужчин присоединились к нему и стали делать то же самое. Они стояли, подобно титанам, удерживавшим земную тяжесть, стараясь уменьшить пробоину и не дать балкам провалиться внутрь. Воды теперь стало проникать меньше. По напряженным лицам мужчин градом стекал пот.

— Надо бы... плотников, — прохрипел Маниголь. — Пусть они придут... с лесом и инструментами... Если смогут укрепить мачту... пробоина не увеличится.

Пробравшись через плескавшую воду, Анжелика нашла Онорину. Каким-то чудом малышка осталась в гамаке, который был прочно закреплен и повторял все кульбиты, выписываемые «Голдсборо». Хотя девочка и не спала, она не казалась особенно испуганной.

Анжелика повернула лампу и ее глазам открылась картина, достойная пера Данте: Маниголь и его товарищи, поддерживающие плечами тяжелые балки. Долго ли смогут они так продержаться? Обратив к ней налитые кровью глаза, Маниголь закричал:

— Плотников! Пойдите за ними...

— Но ведь дверь заперта!

— О, проклятие! Они заперли нас и оставили подыхать, как крыс в норе. Пройдите через стойло, — он задыхался, — там есть люк.

Анжелика поняла, что он имел в виду люк, через который, очевидно, прошли матросы, когда появились тогда позади нее и тетушки Анны.

Она всунула лампу в руку стоявшего рядом Мартьяля.

— Хорошо держи ее и сам держись крепко, — приказала она. — Пока горит свет, они удержатся. Я попытаюсь предупредить командира об угрожающей нам опасности.

Она поползла на коленях, нашла задвижку люка и проскользнула в темную дыру. Спустившись по ступенькам, она пошла по коридору, непрерывно натыкаясь на перегородки. Когда выбралась на палубу, все тело болело от ударов. Здесь же было что-то страшное.

Как люди могли оставаться на верхней палубе, когда через нее непрерывно перекатывались громадные волны? Как им удавалось удерживаться на вантах и реях, когда ураган мог в любой момент сорвать их, как плоды с дерева, и унести вдаль?

Однако при блеске молний она различаладвигающиеся взад и вперед человеческие фигуры, постепенно исправляющие разрушения, наносимые ударами волн.

Она двинулась вперед, цепляясь за висевшие вдоль стен канаты. Она знала теперь, что Жоффрей находится на полуюте, откуда управляет кораблем, и что она должна любой ценой добраться до него. Это требовательное желание овладело всем ее существом. Она пробиралась во мраке, промокая до нитки, цепляясь за что попало, теряя последние силы, словно преодолевая долгие годы, разделявшие их.

«Умереть вместе с ним. Хоть этого добиться от судьбы».

Наконец она заметила его, так слившегося с ночью и бурей, словно был сам воплощением духа вод. Его неподвижность была удивительной среди окружающего безумства.

«Он умер,— мелькнула у нее мысль.— Он умер, стоя за штурвалом, пораженный неожиданным ударом!» Неужели он не отдавал себе отчета в том, что они все погибнут? Никакая человеческая сила не в состоянии была противостоять ярости океана. Еще одна... две волны... и все будет кончено.

Она подползла к нему и взялась за ногу в кожаном сапоге, словно приклепанному к полу. Затем, преодолевая себя, она распрямилась, вцепившись обеими руками в его широкий пояс. Он остался неподвижным, как каменная статуя. Но при очередной вспышке молнии она увидела, что он наклонил голову, чтобы посмотреть, кто это цепляется за него. Он вздрогнул, и она скорее угадала, чем услышала его вопрос.

— Что вы здесь делаете?

Она закричала:

— Плотников!.. Скорее... нижнюю палубу пробило!

Услышал ли он ее и понял ли? Ему нельзя было выпускать штурвал из рук. Он согнулся под ударом новой волны, перепрыгнувшей, словно бешеный зверь, через высокую ограду полуюта. Когда Анжелика, чувствуя горечь во рту от хлынувшей прямо в лицо соленой воды, перевела дыхание, она увидела рядом с Рескатором капитана Язона. Спустя минуту тот подошел к перилам и отдал через рупор какие-то распоряжения. Новая молния осветила Анжелике лицо ее мужа, склонившегося к ней и... улыбавшегося.

— Все идет хорошо. Еще немного терпения и будет конец.

— Конеч?

— Да, конец бури...

Анжелика подняла глаза к непроницаемой темноте. Прямо над ней вырисовывался какой-то странный феномен. Белоснежная гирлянда, словно под действием стихийной потусторонней силы, разраставшаяся вширь. Она растянулась по небу, заполняя всю ночь. Анжелика вскочила, дрожа от ужаса.

— Там!.. Там!.. — закричала она не своим голосом.

Жоффрей де Пейрак видел все. Он знал, что эта висевшая в

воздухе белая полоса была ничем иным, как пенным гребнем чудовищной волны, готовой обрушиться на них. «Последняя», — подумал он.

Соревнуясь в скорости с надвигающейся громадой, он отчаянным усилием повернул штурвал до отказа влево и закрепил его.

— Всем на левый борт! — проревел Язон.

Жоффрей де Пейрак бросился назад. Одной рукой он прижал к себе Анжелику, другой ухватился за бизань-мачту.

Гигантская масса воды обрушилась на них. Гонимый с головокружительной скоростью «Голдсборо» стал игрушкой в объятиях волны. Когда его пронесло через кипящий гребень, он как ванька-встанька перевернулся на другой борт и покатился вниз по склону в бездонную пучину.

Анжелике показалось, что заливавший их ливень никогда не прекратится. Единственной реальностью, воспринимаемой ее сознанием, была обвившаяся вокруг нее железная рука, его рука, удерживавшая ее. Она хотела вздохнуть, захлебнулась тошнотворной соленой водой и подумала, что они были на дне моря, связанные навсегда, соединенные на веки вечные, и удивительный покой заполнил ее сердце и утомленное тело. «Самое большое счастье... вот оно... наконец...»

Она не потеряла сознание, но неистовые удары и удушье привели ее в состояние своеобразного оцепенения, и она не способна была сразу сообразить, что море перестало катать ее, как гальку, и что вокруг снова воцарился покой. Покой, конечно, относительный, корабль продолжало сильно качать, но по сравнению с тем, что пришлось пережить, эти движения были безобидны.

Каюта Рескатора являла собой чудесное тихое убежище. Анжелика никак не могла сообразить, почему лежит здесь в промокшей одежде.

«Мне надо подняться и отправиться вниз... плотники... пришли ли они вовремя, чтобы предотвратить катастрофу?»

Вдруг она заметила, что в каюте находится мужчина с обнаженным торсом, энергично растирающий себя и нетерпеливо встряхивавший при этом густыми волосами. Его единственной одеждой были облегающие кожаные штаны до колен, подчеркивающие его стройность и высокий рост.

Свет большой лампы — Анжелика не заметила, когда она зажглась, — оттенял необычную рельефность продубленного тела, на котором рубцы, шрамы и глубокие борозды своим хаотическим беспорядком подчеркивали гармонию выступавших мускулов.

— Ну-с, маленькая госпожа, вы уже немного пришли в себя? — раздался голос Жоффрея де Пейрака.

Он еще несколько раз потер плечи, отбросил полотенце и, положив руки на бедра, подошел к Анжелике и стал ее разглядывать. Никогда он не мог бы более походить на опасного пирата, чем сейчас: с обнаженными ногами, закаленным телом и саркастическим блеском в глазах из-под упавших темных густых прядей.

Она узнала прежнюю шевелюру графа де Пейрака, правда, немного укороченную.

— Ах, это вы?... — сказала она машинально.

— Ну да... на мне сухой нитки не было. И вам тоже давно пора снять это мокрое тряпье! Что вы думаете о буре в окрестностях Новой Шотландии? Великолепно, не правда ли? Никакого сравнения с жалкими бурями в стакане воды на Средиземном море. К счастью, мир более обширен и демонстрирует не только свою скудность.

Он смеялся. Это так возмутило Анжелику, что ей удалось преодолеть свинцовую тяжесть мокрой одежды и встать.

— Вы смеетесь! — воскликнула она в гневе. — Любая буря вас только смешит, Жоффрей де Пейрак. Пытки тоже вас рассмешили. Вы распевали на паперти Нотр-Дам... Что вам до моих слез? Велика беда, если я умираю от ужаса перед бурями... без вас...

Ее губы дрожали. Была это соленая вода или слезы? Неужели она, неукротимая, плакала?

Он протянул к ней руки и привлек ее к своей теплой груди.

— Успокойтесь, маленькая госпожа! Не начинайте снова нервничать! Опасность миновала, моя дорогая. Буря ушла.

— Но она вернется.

— Может быть. И мы снова победим ее. Неужели у вас так мало веры в мои способности моряка?

— Вы совсем от меня отказались, — пожаловалась она, не задумываясь над тем, в какой степени ее слова послужат ответом на его вопрос.

Его прохладные ладони, которые она робко пыталась удержать, проникли в складки ее одежды и прикоснулись к волнующей упругости ее кожи. И это было, как в ее сне. Она повисла обеими руками на его могучих плечах, и их губы стали неотвратимо сближаться. Молнией промелькнула мысль, что он видит в ней только доступную любовницу, и она резким движением вырвалась от него. Он предупредил ее попытку броситься к двери.

— Останьтесь!

Сбитая с толку, Анжелика вопросительно смотрела на него.

— Там, внизу, все в порядке. Плотники пришли вовремя. Пришлось пожертвовать фок-мачтой, но потолок уже починен и воду вычерпали. Что касается вашей дочери, то я оставил ее на попечении очень преданной няньки — сицилийца Тормини, которого она обожает.

Он нежно прикоснулся рукой к ее щеке и заставил прильнуть лицом к своему плечу.

— Останьтесь... Ведь вам никто не нужен, кроме меня одного.

Анжелика дрожала всем телом. Пораженная этой внезапной лаской, она не могла верить в реальность происходящего.

Он обнимал ее!

Она была вовлечена в водоворот противоречивых ощущений, который сокрушал ее, как только что миновавшая буря.

— Но,— вскрикнула она, снова освобождаясь,— это невозможно! Вы меня больше не любите. Вы презираете меня... Вы считаете меня безобразной!

— Bravo! Как вам это к лицу, моя красавица,— начал он, смеясь.— Неужели я задел вас до такой степени?

Он отстранил ее от себя, удерживая вытянутыми руками, и стал рассматривать ее своей обычной язвительной улыбкой, которую оттеняло какое-то необъяснимое чувство. В нем были и грусть, и нежность, и разгоревшийся огонь в его черных блестящих глазах.

Она с тоской прикоснулась к его лицу, свежему и жестокому, к его волосам, слипшимся от морской воды.

— Но я ужасно выгляжу,— пожаловалась она.

— О, да, конечно, как настоящая сирена, вырванная из глубины вод моими сетями. Ее ледяная кожа покрыта желчью, и она испытывает смертельный страх перед человеческой любовью... Что за забавный маскарад решили вы представить тут, мадам де Пейрак? Он схватил ее за талию и внезапно поднял в воздухе, как пушинку.

— Сумасбродка, дорогая сумасбродка!.. Кто не хотел бы вас? Их слишком много, тех, кто вас желает... Но вы принадлежите только мне.

Он поднес ее к кровати, заботливо уложил и, присев рядом, начал поглаживать ее лоб, как больному ребенку.

— Кто не желал бы вас, душа моя?

Ошеломляющие прикосновения его рук сделали ее совершенно беззащитной.

— Ну-ка, сбросьте поскорее ваши одеяния, если не хотите, чтобы я сам избавил вас от них.

С привычной уверенностью он заставил ее стащить прилипшую к дорожащему телу мокрую ткань.

— Вот с чего надо было начинать, когда вы пришли ко мне в первый раз в Ла-Рошели. Ничего хорошего не получишь от спора с женщиной... кроме потери драгоценного времени, которое можно было бы гораздо лучше использовать..., не правда ли?

Под его осторожными ласками теплая волна прошла по ее обнаженному телу.

— Не бойся ничего,— шептал он.— Я хочу только согреть тебя.

Она больше не спрашивала себя, почему вдруг он с ревнивой властью вновь привлек ее к себе, забыв недавние упреки и злобу.

Он желал ее.

Казалось, он заново открывает ее, как открывает мужчина в первый раз женское тело, о котором долго мечтал.

— Какие у тебя прелестные руки,— сказал он с восхищением.

И это было уже прелюдией любви. Той огромной и великолепной любви, которую она некогда познала. Между ними восставились нежнейшие узы плоти, которые, щедро осыпая их

наслаждением и воспоминаниями, пронесли их привязанность друг к другу сквозь пространства и время.

Руки Анжелики сплелись на его спине и постепенно она обрела непринужденность движений, в которых появилась возбуждающая новизна. Но она еще не была в состоянии ответить на прикосновение его властного рта к ее губам. Затем к ее шее, плечам...

Поцелуи становились такими жгучими, словно он хотел утолить жажду ее кровью. И упал последний покров, питавший ее страхи. Созданный для нее единственный мужчина соединился с ней. С ним все было естественно, просто и прекрасно...

День вставал, сбрасывая покровы мрака и открывая растерянным глазам Анжелики, еще не уверовавшей окончательно в реальность происходящего, очертания жестокого, словно вырезанного из мореного дуба, знакомого лица.

Она уже твердо знала, что не сможет больше обходиться без его объятий, без его ласк, без той нежности, которую она прочла в его глазах, потерявших недавнюю суровость.

День вставал, и после ночной бури в движении воли была такая же усталость и сладостная нега, какую ощущала Анжелика каждой клеточкой своего тела. Доносившийся запах моря потерял свою резкость.

Однако опасения не оставили ее. Что он думал о ее молчании, о ее неуклюжести? Что скажет, когда заговорит? Он уже приготовил какую-то колкость, она в этом уверена. Это ясно видно по выражению его лица.

— Баста! В конце концов это было не слишком плохо для скромной матери аббатисы. Но между нами, дорогая, вы не преуспели в любовных делах с тех пор, как были в Школе Веселых Наук.

Анжелика засмеялась. Уж пусть лучше он упрекнет ее за неумелость, чем за опытность. Она была согласна, чтобы он немного посмеялся над нею.

— Я знаю. Вам много придется узнавать во мне заново, мой дорогой повелитель. Вдали от вас я не жила, а только старалась выжить. А это не одно и то же...

Он сделал недовольную гримасу.

— Гм-м, не могу поверить вам полностью, лицемерка! А, все равно! Сказано было красиво.

Он продолжал ласкать ее нежное тело, расцветавшее под его пальцами.

— Это преступление — прятать подобную красоту под тряпьем служанки. Но я помогу вам в этом...

Она не спускала с него глаз, когда он поднялся и, подойдя к сундуку, стал доставать из него какие-то вещи и бросать их к изголовью кровати.

— Для сегодняшнего выхода вы, конечно, оденетесь прилично.

— Вы несправедливы, Жоффрей. Мое тряпье служанки, как вы говорите, подходит мне больше всего. Вы не видели, в каком

наряде я появилась на вашем «Голдсборо», спасаясь от преследовавших нас драгунов? Я больше не властительница королевства.

Он снова присел рядом с ней. Опершись на локоть, положив другую руку на ее приподнятое колено, он казался погруженным в грезы.

— Королевства? Но оно есть у меня. Оно необъятно... Восхитительно! Времена года облачают его в изумруд или золото. Море редкой синевы омывает розовые берега.

Неожиданно в нем возродилась восторженность трубадура.

— Где же находится ваше королевство, сеньор?

— Я привезу вас туда.

Она вздрогнула, вернувшись к реальности их теперешнего положения. Собравшись с духом, прошептала:

— Значит, мы плывем не к Островам?

Было похоже, что он не услышал. Затем нехотя сказал:

— Острова?.. Полноте. Там будет достаточно островов для вас... Больше, чем вы хотели бы...

Он взглянул на нее, и его лицо снова осветилось улыбкой. Повернувшись, он стал машинально перебирать рассыпавшиеся у изголовья волосы Анжелики. Они уже просохли и приобрели обычный оттенок.

— О, как поредела ваша грива! — воскликнул он. — У вас появилась и седина!

— Да, — прошептала она. — Каждая прядь — это память о перенесенных муках.

Нахмурив брови, граф внимательно всматривался в нее.

— Рассказывай! — сказал он повелительно.

Рассказывать? Но о чем? О страданиях, отмечавших несмыкаемыми веками долгий путь к нему? В обращенном к нему взгляде ее бездонных глаз смешались отчаяние и страсть. Она чувствовала, как он нежно проводил пальцем по вискам, но она не сознавала, что этим он иссушил слезы, непроизвольно появившиеся на ее глазах.

— Я все забыла, мне не о чем рассказывать.

Набравшись храбрости, она обвила его шею обнаженными руками и заставила положить голову себе на грудь.

— О, вы выглядите гораздо моложе, чем я, господин де Пейрак. Вам удалось сохранить вашу мавританскую гриву, черную, как ночь. Всего несколько седых волос.

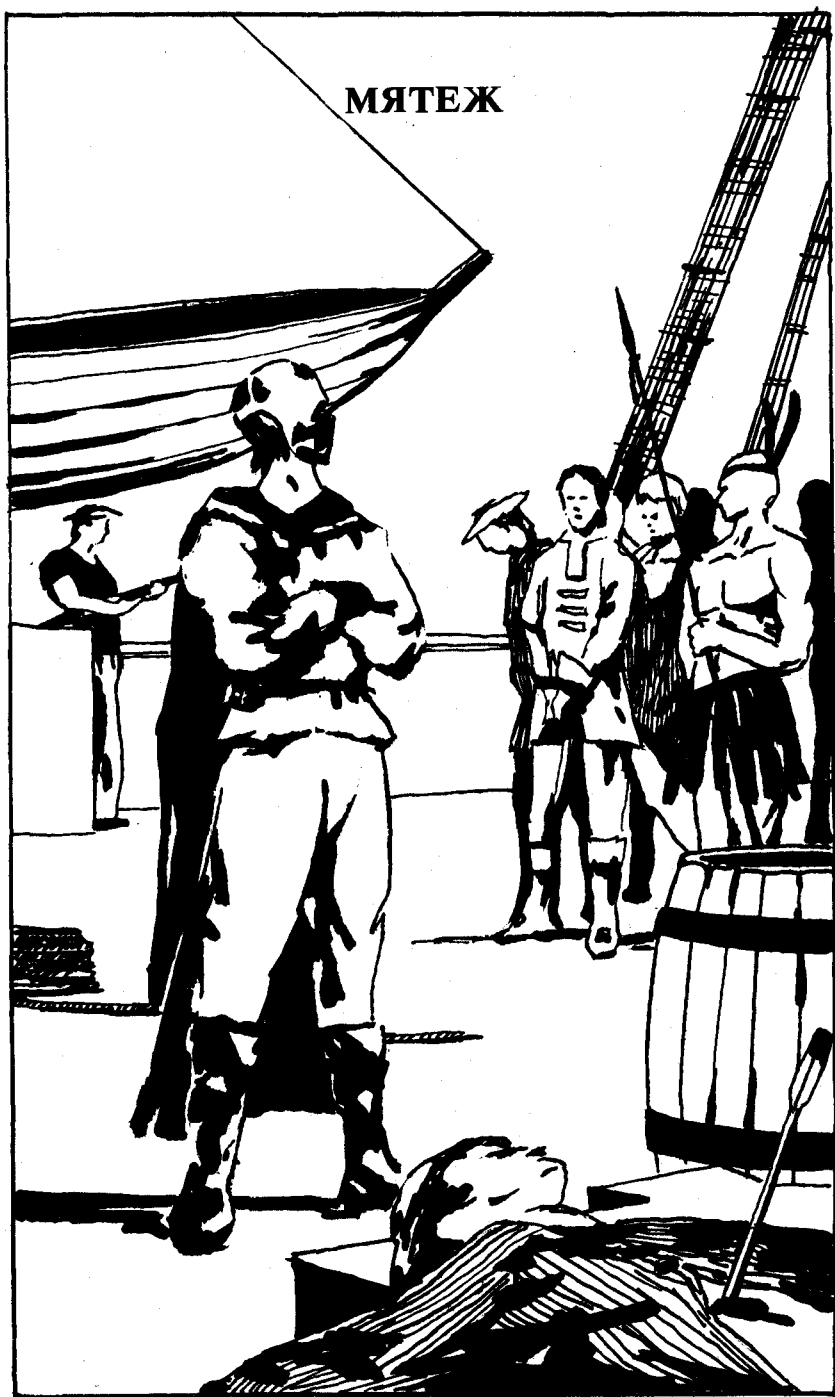
— Ими я обязан вам.

— В самом деле?

— Да, я страдал... из-за вас..., если это доставит вам удовольствие, покорительница мужчин!

Как она прекрасна! Самая прекрасная из всех существ, которые когда-либо согревали человеческую жизнь. На ее груди он обретет покой. В ее объятиях забудет все...

МЯТЕЖ



ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

РЕСКАТОР В РУКАХ ПРОТЕСТАНТОВ

При звуке выстрела в памяти Анжелики воскресла ужасная картина недавнего прошлого: внезапно появившиеся ищейки короля и драгуны. Тогда все перемешалось...
Расширенными от страха глазами она следила за Жоффреем де Пейраком, который, вскочив, быстро оделся и уже натягивал черный кожаный плащ.

— Поднимайтесь, — бросил он, — живо!

— Но что это?

Пытаясь взять себя в руки, она схватила брошенную ей мужем одежду. Пожалуй, никогда еще ни одна женщина не одевалась с таким пренебрежением к своей внешности. Она едва успела застегнуть пластрон корсажа, как глухой удар потряс застекленную дверь помещения.

— Откройте! — прохрипел чей-то голос.

Едва Жоффрей де Пейрак отодвинул засов, как грузное тело рухнуло вниз и покатилося по ковру. Между лопатками упавшего расплывалось большое кровавое пятно. Рескатор перевернул его на спину.

— Язон!..

Капитан приоткрыл глаза.

— Это пассажиры, — прошептал он, — они напали на меня... неожиданно... в этом тумане. Они хозяйничают на верхней палубе...

Через распахнутую дверь плыли беловатые клубы густого тумана. Анжелика увидела, как среди них показалась знакомая фигура. На пороге стоял Габриэль Берн с дымящимся пистолетом в руке.

Он и Рескатор одновременно подняли оружие.

— «Нет!» — хотела крикнуть Анжелика. Судорога свела горло, но она бросилась вперед и схватила мужа за руку. Прогремел выстрел, и пуля, предназначенная протестанту, расщепила позолоченную панель над дверью.

— Дура! — выругался сквозь зубы Рескатор. Но он не оттолкнул ее. Он прекрасно знал, что в пистолете был только один заряд, а перезарядить его он уже не имел возможности. Анжелика закрывала его своим телом, как щитом.

Менее проворный, чем его противник, мэтр Берн не успел выстрелить. Он колебался, лицо судорожно подергивалось. Теперь он не мог рассчитывать с ненавистным противником, опасаясь убить любимую женщину.

Появился Маниголь, затем Каррер, Марселло и несколько матросов-испанцев, ставших их сообщниками.

— Ну, ладно, монсеньер, — с иронией сказал арматор, — теперь наша взяла. Признайтесь, что вы не ожидали подобной неприятности от этих жалких эмигрантов, предназначенных для продажи в рабство алчными пройдохами. «Юродствуйте и молитесь, ибо вам не ведом ни день, ни час, — говорится в писании. — Вы позволили Далиле усыпить вашу бдительность и не воспользовались этой возможностью, которую уже давно ожидали. Монсеньер, извольте отдать мне оружие.

Анжелика стояла между ними замершая, словно каменное изваяние. Рескатор отстранил ее и протянул пистолет Маниголю, который засунул его за пояс. И ларошельцы, и их сообщники были вооружены до зубов. Превосходство явно было на их стороне и хозяину «Голдсборо» стало ясно, что за малейшую попытку к сопротивлению он тотчас же поплатится жизнью. С преувеличенным спокойствием он завязал жабо и кружевные обшлаги рубахи.

Протестанты с презрением поглядывали на окружающую их роскошь, на этого порочного человека и красноречивый беспорядок на восточном ложе. Анжелику не волновало их мнение о ее нравственности. То, что произошло, превосходило ее худшие опасения. На ее глазах граф де Пейрак и мэтр Берн едва не убили друг друга. И вероломство ее спутников по отношению к Жоффрею ошеломило ее окончательно.

— Что же вы сделали, друзья мои? — прошептала она.

Протестанты ожидали ее гнева и заранее были готовы к сопротивлению и не менее бурным упрекам госпоже Анжелике. Они считали, что их совесть чиста, и решили противиться ее гневу, но под ее растерянным взглядом они мгновенно усомнились в правоте предпринятой авантюры, что-то их действительно смущало.

В этой паре, стоявшей перед ними, — мужчина со страшным незнакомым лицом, ибо они впервые видели его без маски, и женщина, так же неузнаваемая в новом наряде, — они смутно ощущали какую-то нерушимую связь, не похожую на плотскую, за которую они осуждали их.

Анжелика, с выглядывающими из венецианских кружев плечами, по которым рассыпались вьющиеся волосы, не была больше знакомой их подругой, а той знатной дамой, которую инстинктивно угадывал Габриэль Берн под платьем своей служанки. Она держалась перед Рескатором, как перед своим повелителем. Гордые, исполненные презрения, они были иными существами, совсем другой породы, и у протестантов появилось ощущение, что они впали в заблуждение и готовы совершить роковую ошибку, за которую жестоко поплатятся.

Все грозные слова, приготовленные Маниголем, вылетели у него из головы. Он заранее предвкушал удовольствие увидеть, как загадочный, презирающий всех Рескатор будет просить у него пощады. Но перед ними его ликование угасло. Тем не менее он первым взял себя в руки.

— Мы защищаемся, — с силой сказал он. — Мы считаем своим долгом, сударь, поставить все на свои места, чтобы избежать злой участи, которую вы нам готовили. И госпожа Анжелика помогла нам в этом, усыпив вашу бдительность.

— Не иронизируйте, господин Маниголь, — с достоинством ответила она. — Вы будете раскаиваться, что поверхностно судили о некоторых вещах, в тот день, когда вам откроется истина. Сейчас же вы еще не в состоянии услышать ее голос. Я надеюсь, однако, что здравый смысл скоро вернется к вам и вы поймете все безумие ваших неблагоприятных действий.

Только спокойствие и достоинство могли удержать в повиновении этих ожесточенных людей. Она чувствовала, что они ради укрепления своего еще не прочного господства пойдут на убийство. Любое неверное движение или резкое слово — и непоправимое могло свершиться.

Она по-прежнему стояла перед де Пейраком. Они все-таки не решились бы стрелять в нее. В нее, их проводницу в прибрежных скалах...

И действительно, они были в нерешительности.

— Отойдите в сторону, госпожа Анжелика, — сказал арматор. — Вы видите, что всякое сопротивление бессмысленно. Отныне я являюсь хозяином на борту, а не этот человек, которого вы с необъяснимой настойчивостью защищаете от меня и нас.

— Что вы хотите с ним сделать?

— Мы хотим обезопасить себя от его osoby.

— Вы не имеете права лишить его жизни без суда, без доказательств его вины перед вами. Это было бы самой последней низостью. Бог покарал бы вас за это.

— Мы не намереваемся его убивать, — немного поколебавшись, сказал Маниголь.

Но она знала, что все они пришли с целью покончить с Рескатором и что без нее он лежал бы сейчас рядом с Язоном. Она была вся в холодном поту.

Томительно текли минуты...

С трудом уняв дрожь, она повернулась к мужу, чтобы посмотреть, как он реагирует на эти унижительные и опасные события, и невольно отшатнулась. На губах благородного искателя приключений играла та же загадочная улыбка, с которой он всегда встречал воющую свору, жаждущую его крови.

Было что-то удивительное в этом человеке, что всегда ставило его выше тех, кто решался напасть на него. Ее попытки защитить его были бесполезны. Он проявлял полнейшее безразличие к смерти, не нуждаясь ни в ком, даже, может быть, и в ней, если готов был покинуть ее, едва обретя вновь.

— Неужели вы не видите, что они сделали? — спросила она негодующим тоном. — Ведь они захватили корабль!

— Это еще надо доказать, — сказал он насмешливо.

— Знайте же, сударь, — вмешался Маниголь, — что большая часть экипажа находится в трюме и не может оттуда выбраться, чтобы оказать вам помощь. Мои люди с оружием сторожат каждый выход, каждый люк... и всякий, кто попытается высунуть нос, будет безжалостно уничтожен. Что касается дежуривших на палубе, то большинство из них уже давно стали нашими соучастниками, желая избавиться от такого деспотичного и алчного хозяина.

— Рад узнать это, — сказал Рескатор.

Он перевел взгляд на матросов-испанцев, которые, как шакалы, рыскали по салону, впервые увидев находившиеся в нем богатства, и, ослепленные жадностью, набивали карманы золотыми безделушками.

— Язон предупреждал меня. Мы совершили ошибку при последней вербовке. А за ошибку всегда приходится расплачиваться дороже, чем за злодеяние...

Он посмотрел на окоченевшее тело капитана Язона и на пятна его крови, темневшие среди ярких цветов ковра. Черты лица покойника заострились, опущенные веки навсегда скрыли блеск черных глаз.

— Вы убили моего помощника, моего друга на протяжении десяти лет.

— Мы убили тех, кто оказывал сопротивление. Но я уже говорил вам о их немногочисленности, а большинство было с нами заодно.

— Надеюсь, у вас не будет особых трудностей с этими великолепными новобранцами, найденными среди худшего сброда Лиссабона, — ухмыльнулся Жоффрей де Пейрак. — Мануэлло! — крикнул он строго.

Один из бунтовщиков, вздрогнув, замер, и Рескатор приказал ему что-то по-испански. Другой с испуганным видом поспешил подать ему плащ.

Граф набросил его на плечи и с решительным видом направился к двери. Протестанты тотчас окружили его, убедившись.

что несмотря ни на что его авторитет среди членов экипажа непре-рекаем.

Маниголь приставил ему дуло пистолета между лопатками.

— Не пытайтесь запугать нас, сударь. Хотя мы еще и не решили, как поступить с вами, но вы в наших руках и бесполезно думать о побеге.

— Я не настолько глуп, чтобы не считаться с обстоятельствами. Просто хочу своими глазами оценить обстановку.

Сопровождаемый стражами с оружием наизготове, он поднялся на мостик и облокотился на резные перила. Часть их была сломана во время бури. Глазам Жоффрея открылась картина полного разгрома, царившего на корабле. Трепетали клочья разорванных парусов. Обломок фок-мачты, упавший со всем такелажем на полубак, делал похожим доблестный «Голдсборо» на жалкую развалину, навсегда исковерканную волнами.

Весь этот хаос усугублялся следами сражения, видимо короткого, но яростного. Это были устилавшие палубу трупы, которые взбунтовавшиеся матросы начали без всяких церемоний сбрасывать за борт.

— Теперь я вижу, — вынужден был признаться Рескатор. Он поднял голову. Между реями двух оставшихся мачт новая команда старалась удержать и починить паруса, распутать и поставить на место крепления такелажа.

На полукюте находился Легаль, завладевший рупором Язона. Это он, подкравшись в утреннем тумане, нанес смертельную рану капитану. И именно ему, бретонцу-лоцману, наиболее сведущему в мореплавании, Маниголь доверил командование кораблем.

У штурвала стоял Бреан.

Рескатор повернулся и стал лицом к протестантам. Он по-прежнему улыбался.

— Отличная работа, господа. Признаю, что дело было ловко проделано. Вы воспользовались тем, что мои люди, изнуренные ночной борьбой за спасение корабля, своих жизней, а также и ваших, отдыхали, чтобы осуществить ваши пиратские планы.

Полнокровный Маниголь побагровел от возмущения.

— Пиратские! Мне кажется, вы хотите поменять нас ролями.

— Э!? А как же тогда назвать деяния, заключающиеся в захвате силой чужого добра, а в данном случае корабля?

— Корабля, похищенного у других. Вы живете только грабежом...

— Вы слишком категоричны в ваших суждениях, господа верующие. Отправляйтесь в Бостон и там узнаете, что «Голдсборо» построен по моим чертежам и оплачен полновесными экю.

— Ну, тогда могу биться об заклад, что эти экю добыты нечестным путем.

— Кто может похвастаться честным происхождением золота, лежащего в его кошельке? Взять хотя бы вас, господин Маниголь, разве состояниие, завещанное вам набожными предками —

корсарами или торговцами, не было орошено слезами и кровью тысяч черных рабов, которые покупались на берегах Гвинеи для перепродажи в Америке?

Он вел этот разговор, непринужденно облокотившись о перила, с неизменной улыбкой на губах, словно находился в светской гостиной, а не под дулами направленного на него оружия.

— Что за сравнение? — Маниголь был ошеломлен. — Ведь не я же выдумал рабство. К тому же рабам в Америке живет хорошо. Вот я и переправлял их туда.

Рескатор разразился таким грубым и оскорбительным смехом, что Анжелика зажала уши. Она хотела броситься вперед, убежденная, что ответом на подобную провокацию будет выстрел пистолета Маниголя. Но ничего не произошло. Протестанты были словно загипнотизированы этим человеком. Анжелика физически ощущала исходящие от него флюиды. Он удержал их с помощью невидимой силы, ему удалось заставить их потерять чувство пространства и времени, в котором они находились.

— О, невозмутимая совесть праведников, — начал он, отдышавшись. — Сомнение в законности деяний никогда не коснется того, кто уверен в своей правоте. Но оставим это, — он небрежно махнул рукой с непринужденностью подлинного сеньора. — Только совесть определяет правильность поступков. Однако, если вы не преследовали грабительские цели, чем же вы оправдываете ваше желание лишить меня не только собственности, но и жизни?

— Тем, что вы не собирались доставить нас к цели нашего путешествия — в Сан-Доминго.

Рескатор ничего не ответил. Его необычно блестящие глаза не отрывались от лица арматора. В этом поединке победит тот, кто первый заставит противника опустить глаза.

— Итак, вы не отрицаете этого, — торжествующе продолжал Маниголь. — К счастью, мы вовремя разгадали ваши замыслы. Вы ведь хотели нас продать.

— Подумаешь! Разве работорговля не честный и хороший способ заработать деньги? Но вы ошибаетесь. У меня и в мыслях не было продавать вас. Это меня не интересует. Я не знаю, чем владеете вы на Сан-Доминго, но то, чем владею я, превосходит все богатства этого маленького острова, и уж, безусловно, не желание извлечь пользу из жалких шкур ваших протестантов могло бы заставить меня заботиться о вас и ваших семьях. Вы преувеличиваете свою рыночную стоимость, господин Маниголь, несмотря на весь ваш опыт торговли живым товаром...

— Ну, хватит! — вскричал разъяренный Маниголь. — Мы слишком добры, позволяя вам разглагольствовать. Но ваши дерзости не спасут вас. Мы защищаем ваши жизни, которыми вы до сих пор распоряжались. И за зло, которое вы нам причинили...

— Какое зло? — Подтянутый и строгий, со скрещенными на груди руками, граф де Пейрак смерил их всех по очереди таким

пронизывающим взглядом, что они буквально онемели. — Разве зло, которое я вам причинил, больше того, которое несли драгуны короля, преследовавшие вас? У вас слишком короткая память, господа, хотя ее лучше назвать неблагодарной...

Затем, засмеявшись, он продолжал:

— О, не смотрите на меня такими недоуменными взглядами, как будто я не понимаю, что вы испытываете. О, я прекрасно понимаю! Я знаю то истинное зло, которое вам причинил. Я свел вас с людьми, не похожими на вас, олицетворяющими для вас зло, но сделавшими вам добро. У меня до сих пор лежат в трюме два человека, получившие раны в Ла-Рошели. И вы так и не смогли даровать им свое расположение, потому что они «хуже» вашего подобия. Вы только разрешили стать им вашими сообщниками, подобно тому, как вы снисходили к арабам-работорговцам, когда они приходили на берег, чтобы продать вам негров... Впрочем, речь не об этом.

— Да кончите ли вы когда-нибудь попрекать меня этими рабами?! — взорвался арматор. — Честное слово, вы как будто обвиняете меня в соучастии в преступлениях. Разве не лучше для этих язычников, если оторвать их от их идолов и пророков и дать им возможность познать истинного бога и радость труда?

Жоффрей де Пейрак не ожидал такого выпада. Захватив рукой подбородок, он несколько мгновений размышлял, покачивая головой.

— Я признаю, что ваша точка зрения допустима, хотя в ней не хватает божественного смысла. Но мне же она внушает только отвращение. Может быть, потому, что я некогда тоже носил цепи.

Он закатил кружевные манжеты, открыв загорелые запястья, исполосованные глубокими шрамами. Не было ли это ошибкой с его стороны? Протестанты, слушавшие его с некоторым замешательством, пришли в себя, и их лица выразили открытое презрение.

— Да, — продолжал Рескатор, словно наслаждаясь своим унижением, — я и почти все люди из моей команды носили цепи. Вот почему мы не любим работорговцев, как вы.

— Каторжник? — бросил Маниголь. — И вы еще хотели, чтобы мы доверяли вам и вашим компаньонам по галерам?

— Разве плавание на королевских галерах так уж позорно в нашем веке, сударь? И как вы можете судить, не зная, за что страдал я из-за несправедливого приговора?

Марселло язвительно засмеялся.

— Вы скоро заставите нас поверить, монсеньер, что марсельская каторжная тюрьма и королевские галеры заполнены невинными, а не убийцами, бандитами и грабителями, как это должно быть.

— Кто знает? Может быть, это и будет соответствовать нормам приходящего в упадок старого света. Увы, «... и я видел зло, рождавшееся под солнцем от заблуждений правителей, безумие охватило власть имущих и богачи погрязли в унижении. Я видел

рабов, скачущих на лошадях, и князей, бредущих в пыли, как рабы...» Я цитирую Священное писание, господа.

Жестом, не допускающим возражений, он протянул к ним руку, и в этот момент Анжелика поняла, в чем дело.

Он играл комедию. Внезапно она разгадала его игру. Зная, как протестанты любят схоластические дискуссии, он, используя благоприятный предлог, втянул их в спор о совести и задавал странные вопросы, чтобы отвлечь их внимание.

«Он хочет выиграть время,— сказала она себе,— но на что он надеется? Чего ждет? Все верные ему люди заперты в глубине корабля, а если кто и попытается выбраться, то будет убит».

Мушкетный выстрел, который прозвучал в конце «перспекта», подтвердил ее мысли и заставил болезненно вздрогнуть.

Неужели Берн, измученный страстным чувством к Анжелике, стал настолько прозорлив, что смог угадать ее мысли?

— Друзья,— вскрикнул он,— берегитесь! Этот одержимый хочет усыпить нашу осторожность. Он надеется, что его каторжники придут к нему на помощь, и пытается болтовней оттянуть приговор.

Они плотно обступили Рескатора, но никто не решался поднять руку, чтобы связать его.

— Не пытайтесь больше обмануть нас,— пригрозил Маниголь.— Вам не на что надеяться. Те из нас, кого вы включили в экипаж, доставили нам подробный план корабля, а мэтр Берн — вы помните, что вы заковали его в кандалы,— смог сам установить, что его тюрьма получала воздух от якорного клюза. Через этот клюз мы имеем доступ к пороховой камере и, клянусь бородой пророка, мы будем сражаться и в трюмах, ибо в наших руках находится почти вся амуниция.

— Мои поздравления!

Он сохранил величественную осанку, и его неприкрытая ирония выводила их из себя и тревожила.

— Я признаю, что в настоящий момент сила в ваших руках. Я подчеркиваю: «в настоящий момент», ибо у меня под ногами все-таки есть 50 верных людей.— Он постучал каблуком о планшир.— Вы что ж думаете, что захваченные вначале врасплох они так и будут смиренно ожидать, пока вы соизволите их выпустить?

— Если они узнают, что им больше некому служить и некого бояться,— с тупой злобой сказал Берн,— я считаю, что большая часть присоединится к нам. Ну, а те, кто сохранит сыновью верность... тем хуже для них!

Одной этой фразы было достаточно, чтобы Анжелика возненавидела его.

Габриэль Берн жаждал смерти Жоффрея де Пейрака, но того это ничуть не волновало.

— К тому же, господа, не забывайте, что для того, чтобы добраться отсюда до Антильских островов, вам потребуется не меньше двух недель тяжелого плавания.

— Мы не настолько опрометчивы, чтобы попытаться поплыть туда без захода в порт,— сказал Маниголь, раздраженный назидательным тоном противника.— Мы направимся к берегу и через два дня будем в Сако или Бостоне.

— Если Флоридское течение позволит вам это сделать.

— Флоридское течение?

В этот момент Анжелика снова посмотрела в сторону полубака и перестала следить за разговором, так как ее встревожило странное явление. Ей показалось, что в этой части корабля сгустился туман, но теперь сомнений не было. Это не был туман, это был дым. Нельзя было понять, откуда появляются густые клубы, которые растстались по палубе, укрывая следы разрушений.

Внезапно она отчаянно закричала. Дрожащей рукой она показала на дверь нижней палубы, за которой находились женщины и дети: из-за щелей медленно просачивался белый дым. Такие же дымки вились из-под досок палубного настила. Очаг разгоравшегося огня должен был находиться в глубине корабля.

— Пожар! Пожар!..

Протестанты обернулись на ее крик и посмотрели, куда она указывает.

— Огонь на нижней палубе,— в голосе Рескатора было неподдельное волнение.— Вы вывели оттуда женщин?

— Нет,— сказал Маниголь,— мы посоветовали им сидеть спокойно во время нашей операции. Но если там горит, почему же они не выходят?

И он закричал изо всех сил:

— Выходите! Пожар!.. Выходите!

— Возможно, они задохнулись,— сказал Берн и бросился вперед, сопровождаемый Марселло.

Внимание от пленника было отвлечено. И тогда он рванулся с безмолвной ловкостью тигра. Послышался сдавленный стон. Матрос-испанец, стоявший на посту перед апартаментами Рескатора, рухнул наземь, сраженный ударом кинжала, который тот мгновенно вытащил из-за отворота сапога. Обернувшись, они увидели только расprostертое тело. Рескатор укрылся в своей каюте вне их досягаемости. Теперь, когда он завладел своим оружием, выкурить его оттуда было не так-то и просто.

Маниголь сжал кулаки, понимая, что его обвели вокруг пальца.

— Проклятие! Но еще не все потеряно. Пусть двое из вас останутся здесь,— приказал он подбежавшим матросам.— Нам надо бежать на пожар, а им займемся позже. Он не должен ускользнуть от нас. Следите за дверью и не дайте ему выйти живым.

Анжелика не слышала последних слов. Мысль об Онорине, находящейся среди огня, заставила ее устремиться к опасному месту. Здесь уже в двух шагах ничего не было видно. Марселло и Берн, задыхаясь, пытались выломать дверь.

— Она заперта изнутри.

С помощью топора им удалось выбить деревянную створку.

Появились шатающиеся фигуры с прижатыми к глазам руками. В густом тумане раздавались крики, плач, кашель и чиханье. Анжелика вслепую проникла внутрь, сталкиваясь с невидимыми существами, барахтающимися в этом кошмаре. Она подняла несколько упавших детей и вынесла наружу. Машинально про себя отметила, что не ощущает запаха дыма. Пощипывало глаза и немного першило в горле, но никаких признаков сильного недомогания не было. Приглушенные голоса начали перекличку вокруг нее.

— Сара? Джонни?! Где вы?

— Это ты?

— Вам было плохо?

— Нет, но мы не смогли открыть ни люки, ни дверь.

— А у меня горло болит.

— Берн, Каррер, Дарри, пойдемте со мной. Надо найти источник пожара.

— Но... никакого пожара нет!

Неожиданно Анжелике вспомнилась охваченная огнем ночь в Канди. Шебеку Рескатора окутало клубами желтоватого дыма, и Савари закричал:

— Это облако на поверхности воды, что это такое? Что это такое?

Согнувшись, Анжелика наощупь искала Онорину. Ее опасения исчезли. Не было пожара, не было ничего похожего на пламя. Она уже не сомневалась, что это была одна из проделок Рескатора, этого графа-ученого, чьи научные эксперименты повсюду возбуждали вокруг него недоверие и страх.

— Откройте оружейные люки, — раздался чей-то голос.

Сильные руки выполнили просьбу. Но несмотря на приток свежего воздуха, необычный дым рассеивался очень медленно. Просто он оседал на всех предметах и стенах.

Наконец Анжелика различила пушку, возле которой она построила свою постель и гамак Онорины. Гамак был пуст. Она поискала вокруг себя и задела женщину, направлявшуюся с закрытым ладонями лицом к одному из открытых люков.

— Абигель, вы не знаете, где моя девочка?

У Абигель был приступ кашля. Анжелика поддержала ее и подвела к люку.

— По-моему, это не опасно. Просто неприятно.

Немного отдышавшись, девушка сказала ей, что тоже искала Онорину.

— Я думала, что матрос-сицилиец, дежуривший около нее, забрал ее незадолго до того, как появился этот дым. Я видела, как он поднялся и направился вниз, неся что-то, возможно ребенка. Конечно, я прозевала... Вы уж простите, Анжелика, что я так плохо за ней смотрела. Но надеюсь, что ничего плохого не произойдет. Этот сицилиец ей очень предан.

Она закашлялась и вытерла покрасневшие слезящиеся глаза. Густой дым постепенно рассеялся, как тает летним утром туман.

под лучами солнца. Все помещение стало доступно обозрению. Никаких следов огня, ни единой головешки...

— Я уже боялась, что вы утонули, Анжелика, унесенная этой ужасной бурей. Каким мужеством надо было обладать, чтобы пойти за помощью! Когда пришли плотники, мэтр Марселло почти потерял сознание. Мы все помогали им поддерживать готовую обрушиться палубу. Волны заливали нас. Мы не выдержали бы дольше. Эти молодцы-плотники сделали все замечательно.

— И утром вы их убили, — с горечью сказала Анжелика.

— А что, собственно, произошло? — испуганно прошептала Абибель. — Мы спали, уставшие, а когда проснулись, увидели всех наших мужчин с оружием в руках. Мой отец яростно спорил с Маниголем. Он доказывал, что тот готовится совершить безрассудный поступок.

— Действительно, они захватили корабль, убив тех, кто дежурил на палубе, и блокировали в трюме отдохавших там. Настоящее пиратство!

— А монсеньер Рескатор?

Полным отчаяния жестом Анжелика опустила руки. У нее уже не хватило сил даже думать о судьбе Жоффрея де Пейрака и Онорины и о том, какой выход можно найти в этой катастрофической ситуации. События развивались стремительно и, подобно буре, закружили ее в своем водовороте.

— Я не знаю, что делать.

— Я считаю, что у вас нет причин для беспокойства о вашей дочери, — пыталась успокоить ее подруга. — Рескатор давал распоряжения сицилийцу, когда приходил этой ночью. Он проявил такую заботу о девочке, как будто это была его дочь. Наверное он из-за вас так к ней привязался? Рескатор любит вас, не правда ли?

— Ах, сейчас только время говорить о любви! — воскликнула Анжелика, бессильно уронив голову на руки. Но ее слабость длилась недолго. — Вы говорите, что он приходил этой ночью?

— Да... Мы бросились к нему с криком: «Спасите нас!» и... как бы это объяснить... По-моему, он смеялся, и внезапно нас покинуло чувство страха, и мы поняли, что этот раз избежим смерти. Он сказал: «Буря вас не поглотит, сударыни. У этой совсем маленькой бури плохой аппетит». И мы почувствовали себя дураками со своими страхами. Он следил за работой и давал указания плотникам, а затем...

«А затем он вернулся ко мне, — подумала Анжелика, — и принял меня в объятия. Нет, я не позволю унынию овладеть мной. Не могла же судьба подарить мне эти объятия только для того, чтобы я вновь их утратила под тяжестью борьбы!»

«Это последнее испытание!» — кричал ей внутренний голос. — Какой-то рок противится нашей любви, — сказала она вслух, — может быть, потому, что он слишком красив, слишком знатен и силен. Но судьбу можно побороть.

Ее лицо посуровело, и она решительно выпрямилась.

— Нам надо торопиться, — позвала она Абигель.

Они стали быстро пробираться между разбросанных в беспорядке всевозможных предметов. Теперь уже почти не оставалось следов дыма. Только странный запах еще щекотал ноздри.

— А откуда появились эти испарения?

— Как будто отовсюду. Вначале мне показалось, что я не то заснула, не то потеряла сознание... О!.. Теперь вспоминаю. По-моему среди нас был арабский доктор. Он держал громадную бутылку из черного стекла, такую тяжелую, что сгибался, когда нес ее. Я подумала, что это мне снится, но, может быть, это было на самом деле.

— И я тоже видела. И я видела его, — раздалось подтверждающие голоса.

Женщины и дети оживились на свежем воздухе палубы. Они были одурманены, но не казались больными. Многие из них видели арабского доктора Абд-эль-Мехтара, каким-то чудом возникшего из пелены начавшего обволакивать их дыма.

— Как он смог войти и выйти? С помощью колдовства!

Брошенное слово заставило их переглянуться в ужасе. Таившийся с момента их появления на «Голдсборо» подспудный страх обрел реальные формы.

Маниголь погрозил кулаком в сторону помещения Рескатора.

— Колдун! Ради того, чтобы отвлечь наш гнев и ускользнуть от нас, он посмел покуситься на наших детей.

Анжелика не могла этого выдержать и, бросившись вперед, стала между ними.

— Глупцы! Всегда одни и те же слова бросают ему в лицо вот уже 15 лет: колдун... чародей! Всегда один и тот же вздор. Глупые люди! Что толку тогда от вашей веры и проповедей ваших пасторов, если вы остаетесь такими же ограниченными. «Доколе будет человек питать ненависть к знанию...» Вы когда-нибудь задумывались, вы — чтецы Библии — над этими словами святой книги?

До каких пор человек будет ненавидеть того, кто недоступен его пониманию, кто возвышается над ним и видит дальше других, кого не остановит никакой страх в его стремлении познать мир? К чему вести их на новые земли, если они несут на подошвах своей обуви всю грязь глупости, весь бесплодный прах старого света?

Ей не было дела до их враждебности. Она чувствовала, что только она может взять на себя роль посредницы между этими человеческими группировками.

— Неужели вы всерьез верите, господин Маниголь, что это было колдовство? Нет! Тогда зачем же вы пытаетесь под лживым предлогом смутить простые и робкие умы? Посмотрите, пастор, — воскликнула она, повернувшись к спокойно стоявшему старику, — что же осталось в вашей пастве от разума, справедливости и достоинства, каковыми они кичились в Ла-Рошели, когда владели всем своим добром и уютом. Теперь их поступки движимы алчностью, завистью и низменной злобой. Ибо вы, господин Маниголь,

решили устроить бунт не потому, что боялись потерять свои деньги, вас пугала мысль, что их может не хватить для жизни на островах. Как же не соблазниться таким великолепным кораблем? И вы пытаетесь оправдать себя тем, что ограбление объявленных вне закона является богоугодным делом?

— Я остаюсь при своем мнении. Кроме того, от людей вне закона можно было ожидать всего в их замыслах, по отношению к нам они казались мне слишком опасными. Я знаю, пастор, что вы нас осуждаете. Вы советовали нам терпеливо ждать. Но чего ждать? Как мы будем защищаться, когда нас оставят где-нибудь на пустынном берегу без имущества и оружия, без всяких средств к существованию? Мы же боремся за то, чтобы избежать подобной участи. К тому же, мы боремся с отступником, безбожником. Мне говорили, что он был тайным советником константинопольского султана. Он скрытен и жесток. Разве не он только что пытался погубить таким ужасным способом ни в чем не повинных женщин и детей?

— Главным образом, он старался отвлечь ваше внимание, когда вы угрожали его жизни. Хитрость — тоже оружие.

— Несчастная! Выкуривать, словно крыс, наши семьи!..

— Но поступок этот был довольно безобидным, судя по выражению лиц жертв.

— А как ему удалось зажечь огонь... просто взглядом? — спросил один крестьянин. — Он разговаривал с нами, а затем вдруг появился дым. Это и вправду колдовство.

Маниголь передернул плечами.

— Телячья голова, — проворчал он. — У него были сообщники, о которых мы не подозревали. Я предполагаю, что Рескатор нарочно оставил кого-то там дежурить, так как кое в чем сомневался. Должно быть, у них с доктором-арабом заранее был составлен план действий на случай, если их дела будут плохи... Вы говорите, что этот трижды проклятый сын Магомета нес с собой бутылку из черного стекла?

— Да! Да!.. Мы видели его! Но мы подумали, что это нам только снится.

— Какая же отравка могла находиться в ней?

— По-моему, я знаю это, — вмешалась тетушка Анна. — Это был нашатырь. В открытом виде он легко испаряется, образуя белый пар, который и посеял панику, так как был удивительно похож на дым пожара.

Она скромно кашлянула и вытерла еще красные от нашатыря глаза.

— Вы слышали ее слова? — воспрянула духом Анжелика.

Но бунтовщики не захотели прислушаться к голосу ученой старой дамы. Ее объяснение не только не успокоило, но даже усилило их ярость.

— Почему мы не прикончили Рескатора сразу! — негодовал вне себя от ярости Берн.

— Если вы коснетесь хоть волоса на его голове...— сжав зубы, начала Анжелика,— если вы посмеете его тронуть...

— И что же вы сделаете?— оборвал ее Маниголь.— Мы находимся у власти, госпожа Анжелика, и если вы становитесь на сторону наших врагов, мы лишим вас возможности вредить нам.

— Попробуйте только поднять на меня руку!— отчаянно закричала она.— Попробуйте только и вы увидите, что будет!

Но на это они не смогли бы решиться. Они пытались запугать ее угрозами. Анжелика цеплялась за сохранившиеся хрупкие остатки своего влияния. Она снова смирив их строгим взглядом и решительно сказала:

— Вернемся навстречу. Необходимо любой ценой договориться с ним.

С непонятной покорностью они последовали за ней. Проходя по коридору, они заглянули на море. Туман разошелся, образовав замкнутый круг желтоватого цвета в нескольких кабельтовых от одинокого корабля. Море было спокойным и ласковым, и истерзанный «Голдсборо» плавно скользил по нему. Можно было подумать, что стихия решила дать людям время, чтобы уладить их недоразумения.

«Но если снова завяжется бой,— неожиданно подумал Маниголь,— что же мне делать с этими простаками, запертыми в трюме? Надо, чтобы они немедленно присоединились к нам. И для этого обезопасить себя от особы Рескатора... Заставить их поверить, что он мертв... Это единственный довод, который сможет их переубедить. Пока они знают, что он жив, они будут ждать от него чуда... Пока он будет жив!»

Глава 2

УБИЙСТВО СТАРОГО ДОКТОРА-АРАБА

При виде зрелища, открывшегося перед глазами на мостике, они остановились, а Анжелика не смогла удержать испуганный возглас.

Нарушив приказ Маниголя, мятежники-испанцы, поставленные на страже перед апартаментами Рескатора, повыбивали стекла и взломали дверь. У них хватило мужества восстать против грозного хозяина и их главной целью было захватить его. А потом ограбить.

Один из них, Хуан Фернандес, которого за неповиновение Рескатор однажды приказал привязать к бушприту, чтобы охладить пыл, оказался самым ярым.

Взломав дверь, они ожидали нападения того, кто за ней укрылся. Но все было тихо. Тогда они осторожно вошли внутрь, держа наготове мушкеты и тесаки. Они оказались посредине большого салона. Пусто! От удивления они даже забыли о своем желании поживиться сокровищами. В тщетных поисках они передвигали и переворачивали мебель. Где спрятался этот человек? Не мог же он растаять, как струйка дыма?

Маниголь разразился проклятиями и стал пинать их ногами. С большим трудом с помощью жестов и гортанных восклицаний им удалось объединиться.

Поиски возобновились. Марселло открыл большие задние окна, через которые Анжелика смотрела на заходящее солнце в тот удивительный вечер отъезда из Ла-Рошели. Наглядевшись, они посмотрели на бурлящие под скошенной кормой волны. Он не мог бежать сюда, а если бы и сделал это, то закрыть окна снаружи было невозможно.

Ключ к загадке нашелся в маленькой смежной каюте. Там под откинутым ковром оказалась крышка люка. Они молча переглянулись. Маниголь с трудом удержался, чтобы не выругаться.

— Мы еще не знаем всех ловушек этого судна,— сказал Легаль.— Оно создано по образцу и подобию того, кто его построил.— В его голосе была тревога и горечь.

Анжелика решила воспользоваться моментом.

— Теперь вы видите! Вы обманывали самих себя, обвиняя Рескатора в пиратстве. Теперь вы окончательно убедились, что это судно принадлежит ему, и вам не остается ничего другого, как попытаться переговорить с ним. Я уверена, он не желает вам ничего плохого. Сдайтесь, пока еще положение не стало окончательно безвыходным!

Анжелика явно переиграла. Ее последний призыв был неудачным, так как протестанты были очень чувствительны в вопросах чести.

— Сдастся... нам?!— вскричали они почти одновременно. И с нескрываемым презрением отвернулись от нее.

— Да вы глупее прилипших к скале устриц!— в отчаянии воскликнула она.

Жоффрей был пока в безопасности. В этой странной игре она получила очко в свою пользу. А они? С разными мыслями смотрели они на вырез люка, сделанный в тщательно подогнанных досках. Марселло вздумалось потянуть за вделанное в крышку кольцо и, к их удивлению, она легко поднялась. Под ней оказалась веревочная лестница, спускавшаяся в темный колодец.

— Он забыл запереть ее за собой,— с удовлетворением констатировал Маниголь.— Вот проход, который и нам послужит! Надо будет заколотить все остальные выходы.

— Я пойду глянуть, куда ведет этот,— сказал один из протестантов.

Огнем высекли огонь и с зажженной лампой доброволец на-

чал спускаться. Это был молодой булочник Ромэн, который так смело приехал тогда утром в Ла-Рошель с единственным багажом в виде корзины бриошей и теплого хлеба.

Он был уже на полпути, когда из глубины прогремел выстрел. Они услышали отчаянный крик и вслед за этим ужасный звук падающего тела.

— Ромэн!

Ответом было молчание. Не слышно было ни малейшего шороха. Берн взялся за лестницу и хотел спускаться, но Маниголь удержал его.

— Закройте люк,— распорядился он.

Только теперь до них дошло, что война между палубой и трюмами была объявлена.

«Я должна была удержать Ромэна,— подумала Анжелика.— Я должна была помнить, что Жоффрей никогда ничего не забывает, что все его действия и поступки всегда основываются на очень точной расчетливости и никогда не бывают плодом случайности или небрежности. Он нарочно оставил люк открытым, чтобы произошел этот ужасный случай. С их стороны просто безумно пытаться померяться с ним силами. А они не хотят меня слушать».

Она вышла наружу и растерянно посмотрела на разоренный «Голдсборо», безмятежно покачивающийся на спокойной глади моря.

На палубе она увидела группу протестантов и матросов-мятежников, которые с угрожающими криками размахивали кинжалами. Хрупкая фигурка, запутавшаяся в своей белой одежде, судорожно хваталась за перила трапа, пытаясь ускользнуть от этой своры.

— Это он! Это он!— раздавались голоса.— Сообщник! Турок! Он хотел задушить наших детей.

Старый араб остановился. Он повернулся лицом к неверным, среди которых было четыре испанца, извечных врагов ислама. Прекрасная смерть для сына Магомета...

Он упал под ударами.

Протестанты остановились, но испанцы, возбужденные запахом крови и врожденной ненавистью к маврам, буквально остервенели.

Анжелика бросилась прямо под удары.

— Остановитесь! Подлые трусы! Это же старик...

Один из испанцев нанес ей удар ножом, который только разрезал рукав платья и оцарапал руку. Увидев это, Габриэль Берн бросился на помощь. Он уложил испанца на месте ударом рукоятки пистолета и заставил остальных отступить.

Опустившись на колени перед старым ученым, Анжелика приподняла его окровавленную голову, обратившись к нему на его родном языке.

— Эфенди! Не умирайте, вы слишком далеки от вашей родины. Вы должны увидеть Микенез и его розы...

Хотя старик с трудом приоткрыл глаза, в них все же блеснула ирония.

— Дело не в розах, дитя мое,— прошептал он по-французски.— Я уже стремлюсь к неземным берегам. Какая разница, здесь или там?

Анжелика хотела поднять его, чтобы укрыть в каюте Рескатора, но, увы, он уже не нуждался в помощи.

Она разразилась рыданиями.

«Это был его друг, я в этом уверена. Он исцелил и спас его. Без него Жоффрей был бы мертв. И они убили его...»

Она больше не знала, кого ей любить и кого ненавидеть. Теперь она понимала бога, который, исчерпав терпение, насылал на неблагодарное человечество пожары, мор и наводнения...

Когда она наконец нашла Онорину, та спокойно сидела рядом с расprostертым, словно во сне, сицилийцем. Он тоже получил смертельный удар. Среди его взлохмаченных волос зияла кровавая рана.

— Они сделали очень больно Неочищенному Каштану,— сказала Онорина. Она не сказала «они убили его», но малютка, чье первое слово было «кровь», понимала, что значит холодная неподвижность ее друга. Видно, Анжелике никогда не удастся оградить ее от жестокости этого мира.

— Ах, какое у тебя красивое платье,— сказала девочка.— Что это нарисовано внизу? Это как цветы.

Анжелика держала ее на руках. Ей так хотелось оказаться где-нибудь далеко наедине с дочерью. Счастливое время было, когда они могли убежать в лес и гоняться друг за другом по влажной тропинке. Но отсюда некуда было убежать.

— Мама, а это правда цветы?

— Да, милочка...

— Твое платье такое же синее, как море. Значит, это морские цветы. Их можно увидеть, если уйти далеко под воду. Правда, их можно увидеть?

— Да, их можно увидеть,— машинально повторила Анжелика.

Остаток дня прошел спокойно. Корабль послушно скользил по тихому морю. Запертые в трюме вместе с Рескатором матросы не подавали признаков жизни. Эта тишина должна была возбудить беспокойство, но бунтовщики, измученные борьбой с ночной бурей, были в состоянии своеобразной эйфории.

Им хотелось верить, что воцарившееся на море и на корабле спокойствие будет продолжаться всегда.

«Совершить это безумие,— думала Анжелика,— протестантам помог сам уклад их типично ларошельской жизни в замкнутой общине, подвергавшейся постоянным опасностям. Даже самые молодые уже успели принять участие в тайной войне. Каждый из них хорошо знал свои возможности, а также слабости и недостатки других, что позволяло при необходимости добиваться наибольшего эффекта.»

Это и позволило им, несмотря на малочисленность, захватить четырехсоттонный корабль с двадцатью пушками. Оставалась проблема установления дисциплины среди тех трех десятков людей, которые предали Рескатора и присоединились к ним. Иметь их сообщниками было не менее опасно, чем иметь их врагами. Они дали понять, что только благодаря им мятеж удался и поэтому они рассчитывают быть первыми при дележе добычи.

Когда Берн мощным ударом свалил одного из них, они были очень разочарованы. Когда же убедились, что их товарищ убит, то начали понимать, что их новые господа не позволят обвести себя вокруг пальца и, временно смирившись, стали послушно исполнять получаемые приказы. Но за ними нужен был глаз да глаз.

Так воцарилось некоторое подобие мира. Женщины снова занялись хозяйственными делами и вместе с детьми помогали взрослым убирать мусор с палубы и чинить паруса.

Только вечером приглушенные мушкетные выстрелы заставили «палубников» броситься к складу, где находился запас пресной воды. Они нашли бочки продырявленными, а охранявший их часовой исчез. Питьевой воды осталось не больше чем на два дня.

На заре «Голдсборо» встретился с флоридским течением.

Глава 3

ФЛОРИДСКОЕ ТЕЧЕНИЕ

Они осознали это только спустя много часов. Анжелика услышала оживленный разговор приблизившейся к ней группы главарей мятежа.

— Превосходный момент для вас, Дегаль,— сказал Маниголь.— Используйте этот просвет в окружающем тумане. Но вы убеждены в своей правоте?

— Совершенно уверен, сударь. Мы идем уже вторые сутки при хорошем восточном ветре, а нас отнесло более чем на 50 миль к северу! Я уверен, что это из-за проклятого течения, которое увлекает нас, куда хочет... Мы не в состоянии его побороть...

Маниголь задумался, потирая нос. Они не смотрели друг на друга, но каждый думал о парфянской стреле, пущенной Рескатором: «Если флоридское течение позволит вам это сделать...»

— Вы уверены, что во время ночной вахты рулевой не мог по ошибке или по злему умыслу изменить курс на север?

— Но ведь я сам стоял у руля,— раздраженно ответил Легаль,— а утром меня сменил Бреан. Я уже говорил об этом как вам, так и мэтру Берну.

Маниголь откашлялся.

— Да, да... Знаете, Легаль, мы обсуждали с мэтром Берном, обоими пасторами и другими членами нашего штаба, что нам следует предпринять в связи с потерей запасов питьевой воды. И в такой серьезной ситуации мы решили рассказать об этом женщинам, чтобы они могли высказать свое мнение и помочь нам найти выход из создавшегося положения.

При этих словах Анжелика, державшаяся немного в стороне, вздрогнула и должна была прикусить язык, чтобы удержать радостный взглас. Она с удовлетворением услышала, как зычный голос мадам Маниголь повторяет ее мысли.

— Наше мнение? Оно меньше всего вас интересовало, когда вы достали оружие и захватили корабль. А теперь, когда фортуна отвернулась от вас, вы решили просить совета у наших слабых умишек. Вы всегда поступаете только по-своему, но, к счастью, каждый раз под рукой оказывалась я, чтобы исправить ваши глупости.

— Да что вы, Сара!— запротестовал в притворном изумлении Маниголь.— Разве не вы пытались убедить меня в том, что Рескатор вовсе не собирается доставить нас к месту назначения? А теперь, когда мы стали хозяевами «Голдсборо», вы заявляете, что не одобряете наш поступок.

Началась перебранка, в которую с кислым видом вмешался адвокат Каррер.

— Сейчас не время ни для супружеских сцен, ни для сомнительных любезностей. Мы пришли к вам, женщины, чтобы принять решение всей общиной. Что нам делать?

— Сначала надо починить разбитую дверь,— сказала мадам Каррер.— Из нее отчаянно сквозит и дети простудятся.

— Таковы женщины с их праздными пустяками. Эту дверь не будут чинить!— снова закричал выведенный из себя Маниголь.— Сколько раз ее уже ломали за дорогу: два, три?... Значит, такова ее участь. Да и вообще бессмысленно пытаться ее починить, когда времени остается так мало. Мы должны в течение двух дней высадиться на побережье, иначе...

— На какое побережье?

— Вот в этом-то и загвоздка! Нам незнакома ближайшая земля. Мы не знаем, куда нас отнесло течение и на каком мы расстоянии от обитаемой местности, где можно было бы достать воду и провиант... Наконец, мы просто не знаем, где находимся.

В напряженной тишине никто не подал голоса.

— К тому же,— продолжал он,— нам угрожает Рескатор и его люди. Чтобы ускорить события, я хотел было выкурить их, бросая вниз зажженные смоляные факелы. Но поступать так с людьми нашей расы, мне кажется, недостойно нас.

— Скажите лучше, что они скорее предпочтут открыть кингстоны и утонуть вместе с нами, чем терпеть наше выкуривание,— с нескрываемым раздражением заметила Анжелика.

— Может быть и так,— вынужден был согласиться Маниголь. Он искоса глядел на нее, и она почувствовала, что он доволен ее присутствием среди них.

— Ясно также,— продолжал арматор,— что эти люди в трюме добыли какое-то оружие. Конечно, его мало, чтобы атаковать нас в открытом бою, но достаточно, чтобы оказать нам сопротивление, если мы попытаемся захватить их внизу. Мы проникли через клюз внутрь и попытались пробиться через переборку, но за ней оказалась металлическая стенка.

— Установленная на случай бунта,— добавила Анжелика.

— Конечно, мы могли бы попытаться разбить эту преграду выстрелами из кулеврины, но корабль и так сильно пострадал в последнюю бурю, так что риск оказаться вместе с ним на дне слишком велик. Надо не забывать, что корабль принадлежит нам, что монсеньер Рескатор...

Он грозно посмотрел на Анжелику.

— ...сидящий, как медведь в берлоге, без воды и провизии, находится не в лучшем положении. Но и его люди умрут и он умрет от жажды раньше нас...

Окружавшие его женщины с сомнением покачали головами. Им трудно было понять весь трагизм положения. Море было спокойным, и корабль легко скользил к закутанному дымкой горизонту. На глаз нельзя было определить, куда он движется: к северу или югу. Им не пришлось видеть, сколько усилий прилагает рулевой, чтобы побороть течение и выправить курс.

И дети пока не просили пить.

— То, что они умрут раньше нас, возможно, и явится утешением,— наконец сказала тетушка Анна,— но я предпочла бы, чтобы мы спаслись все. Мне кажется, что среди людей Рескатора должны быть лощманы, которые смогут провести корабль и высадить нас на берег. Предлагаю договориться с ним, чтобы получить необходимую помощь.

— Вы хотите сказать, тетушка,— воскликнул мэтр Берн,— и вы хорошо сказали. Мы ожидали этого, зная вашу мудрость. Потому что это единственное решение, удовлетворяющее нас. Слушайте внимательно! Дело идет не о капитуляции. Мы хотим предложить нашему противнику соглашение. Пусть он доведет нас до цивилизованной земли, а мы за это дадим им свободу.

— А корабль вы вернете ему?— спросила Анжелика.

— Нет. Этот корабль мы захватили в бою, и он нам нужен, чтобы попасть в Сан-Доминго. Учитывая то, что Рескатор в нашей власти, будет более чем достаточно, если мы оставим ему жизнь и свободу.

— И вы воображаете, что он согласится?

— Согласится! Потому что его судьба связана с нашей. Если так будет продолжаться, нас занесет к северным землям, где все покрыто льдами. А там, на неизвестном побережье, мы останемся без средств к существованию и без надежды на помощь.

Затем спор зашел о том, кто же не побоится гнева пирата и решится вести переговоры. Протестанты никак не могли договориться о способе войти в контакт с обитателями трюма. Решили спуститься через клюз, откуда имелся доступ к кают-камере и где они держали часовых.

Предложение послать делегацию для переговоров можно было выстучать через переборку с помощью морского кода. Легаль спустился вниз, но через час вернулся с довольно мрачным видом.

— Они требуют женщин, — сказал он.

— Что?! — рывкнул Маниголь.

Легаль вытер мокрое лицо. Внизу было очень жарко.

— О! Вы неправильно поняли. Рескатор согласен принять делегацию при условии, что она будет состоять из женщин.

— Но почему?

— Он говорит, что если появится кто-нибудь из нас или испанцев, он не сможет удержать своих людей, и они растерзают посланцев. Он требует, чтобы среди парламентаров была госпожа Анжелика.

Глава 4

ПОСРЕДНИЧЕСТВО АНЖЕЛИКИ

Мадам Маниголь хотела бы участвовать в делегации, но ее мощная комплекция явилась помехой.

Рескатор посоветовал дамам подтянуть животы, чтобы пролезть в люк с веревочной лестницей.

Протестанты сомневались в удачном исходе переговоров, так как не питали особого доверия к дипломатическим способностям женщин.

Мадам Каррер, несмотря на многочисленное потомство, сохранившая стройность, согласилась на неблагоприятную роль рупора мятежников.

— Будьте непоколебимы в наших условиях, — посоветовал ей Маниголь. — Жизнь и свобода — большего мы не можем предложить.

Стоявшая в стороне Анжелика пожалала плечами. Жоффрей никогда не согласится на эти условия. Кто же тогда уступит? В борьбе сошлись две гранитные скалы. Предусмотрительный Жоффрей де Пейрак был, без сомнения, значительно сильнее вооружен, чем предполагали противники, но в упрямстве горстка ларошельцев не уступала его людям.

Абигель тоже изъявила желание идти. Маниголь сначала был против, но потом передумал. Рескатор обращался с его дочерью подчеркнуто внимательно. Возможно, он с сочувствием выслушает ее.

Что же касается роли Анжелики, то в этот вопрос не хотели углубляться. Никто не смог бы объяснить, почему именно на нее возлагались надежды.

Спустившись вниз, женщины подождали, пока над ними закроется люк. Их окружила непроглядная темнота. Вскоре в глубине узкого прохода замерцала свеча, и они узнали боцмана Эриксона, который провел их в довольно обширное помещение, где располагались, очевидно, почти все члены осажденного экипажа. Через открытые бортовые люки проникал дневной свет.

Матросы играли в карты и кости, некоторые раскачивались в гамаках. Выглядели они уверенно, и приход женщин не вызвал у них особого интереса. У Анжелики сжалось сердце, когда увидела, как мало у них оружия, хотя и не знала, хотела ли бы она увидеть их столь же вооруженными, как и людей Маниголя.

Из-за открытой двери какой-то кладовой до нее донесся голос графа де Пейрака. Ее сердце заколотилось. Казалось, столетия прошли с тех пор, как она его слышала. Что было в этом голосе такого, что так терзало ее? Как он волновал, этот голос, лишенный возможности петь. Это был голос новой любви.

Образ другого, авантюриста с обветренным лицом, с ожесточенным сердцем и засереброванными висками, заполнил все ее существо. Это его разбитый голос поддерживал ее в те невообразимые мгновения нежности и страха, это о нем она мечтала сейчас.

Этот человек, еще чужой, был ее любовником, ее любовью, ее супругом.

Укрытое маской лицо Рескатора показалось ей неумолимым и после учтивого приветствия дамам приглашения сесть не последовало. Сам вид его, стоящего со скрещенными руками, вызывал беспокойство.

Никола Перро тоже стоял, покуривая трубку, в углу небольшой комнаты.

— Ну что ж, сударыни, ваши мужья достаточно блистательно изображают воинов, но, как мне кажется, начинают сомневаться в своих навигационных способностях?

— Право, монсеньер,— ответила отважная мадам Каррер,— мой муж адвокат и не преуспел ни в том, ни в другом. Это мое мнение. Тем не менее, они хорошо вооружены и полны решимости удержать свое превосходство и попасть на Антильские острова, а не в другое место. В этом случае было бы благоразумным договориться, чтобы удовлетворить обе стороны.

Затем она спокойно изложила предложения Маниголя.

Молчание Рескатора позволяло им надеяться, что он обдумывает и взвешивает условия соглашения.

— Дать вам лоцмана, который поможет пристать к берегу, в обмен на нашу жизнь?— повторил он с задумчивым видом.— Что ж, придумано неплохо. Но одно небольшое обстоятельство не позволяет осуществить этот изумительный план. Это недоступность бе-

рега, мимо которого мы плывем. Великолепное флоридское течение защищает его, унося вдаль смельчаков, мечтающих высадиться... кругом скалы, окруженные бурлящей водой, непрерывная и губительная гряда... Я ее пересекал. Надо пройти две тысячи восьмисот миль извилистых проходов в скалах вместо двухсотвосьмидесяти по прямой.

— Но всякий берег должен иметь какие-то места, где возможна высадка,— сказала Абигель, стараясь удержать дрожь в голосе.

— Безусловно. Но надо еще их знать.

— И вы их не знаете! Разве вы не были уверены в выбранном вами пути? Ведь вы обещали достичь земли через несколько дней после того, как ваши матросы выражали недовольство.

От волнения щеки Абигель порозовели, но она настаивала с такой смелостью, какой Анжелика никогда от нее не ожидала.

— Неужели вы не знаете эти места, монсеньер?

Мимолетная улыбка скользнула по губам Рескатора.

— Трудно вам лгать в лицо, сударыня. Допустим, что я, достаточно хорошо зная берег, выполню ваше требование. Разве вы не посчитаете меня глупцом,— его голос изменился и стал резким,— ...спасшим вас и ваших людей после всего того, что они мне сделали. Сдайтесь, сдайте оружие, верните мне мой корабль. После этого я займусь его спасением.

— Наша община имела в виду не капитуляцию,— сказала мадам Каррер,— а только попытку избежать грозящих нам всем опасностей погибнуть от жажды или кораблекрушения. Пробив бочки с питьевой водой, вы и себе вынесли приговор. Единственный выход — это высадиться где угодно, чтобы там найти средства к существованию... или умереть.

Рескатор поклонился.

— Ваша логика безупречна, госпожа Каррер.— Он снова улыбнулся и пробежал глазами по женским лицам, выражавшим беспокойство.— Что ж, тогда умрем все вместе,— заключил он.

Он повернулся к окну, откуда доносился более ощутимый, чем с палубы, настойчивый шум волн, бьющихся о корпус сносимого течением корабля.

Анжелика видела, как дрожат ухоженные руки Каррер.

— Монсеньер, но не можете же вы согласиться хладнокровно...

— Мои люди согласны.— Он говорил, не глядя на них, возможно потому, что на это у него не хватило смелости.

Жена адвоката протянула к нему молитвенно сложенные руки.

— Со мной просят о сострадании мои одиннадцать детей! Он резко обернулся, охваченный внезапной яростью.

— Надо было гораздо раньше думать об этом. Вы не колебались, когда ставили их под угрозу последствий вашего поступка. Вы заранее соглашались с тем, что им придется поплатиться за ваше поражение. Теперь уже слишком поздно. Каждому свое...

Вы хотите жить, но я предпочитаю сто раз умереть, чем уступить вашим угрозам. Это мое последнее слово. Передайте его вашим мужьям, вашим пасторам, вашим отцам и детям.

Никола Перро пришлось под руки вывести ошеломленных этим взрывом мадам Каррер и Абигель. Они ничего не видели, слезы ослепили их.

Анжелика осталась.

— Существует только два выхода. Первый — я должен сдаться, второй — они. О первом не может быть и речи. Вы хотели бы видеть, как я стою, дрожа от страха, у штурвала под дулами мушкетов ваших друзей только для того, чтобы оказаться на пустынном берегу с верными мне людьми? Вы пренебрегаете моей честью, сударыня, и вы слишком плохо меня знаете.

Она бросила на него пламенный взгляд.

— О, напротив, я знаю вас, — сказала она тихо. Непроизвольным жестом она положила руки ему на плечи. — Чем больше я вас узнаю, тем больше вы меня пугаете. Иногда вы представляетесь немного безрассудным, но вы рассудительнее всех остальных. Вы всегда точно знаете, что и для чего делаете... Вы ждали момента, когда ваши сообщники начнут действовать по вашим указаниям... Вы предусмотрели все заранее, даже то, что вас предадут. И когда вы говорили этим женщинам о потустороннем мире, вы тоже чего-то ждали? Чтобы добиться цели, вы ведете двойную игру. Бываете ли вы когда-нибудь искренним?

— Только когда держу вас в своих объятиях, моя несравненная. Только тогда отрешаюсь от всех моих дел. И это мой грех, за который я дорого платил. Ведь оттого, что проявил слабость, желая побыть с вами наедине, пятнадцать лет назад, я вовремя не сбежал от королевских ищек, прибывших арестовать меня, и оттого же в другую ночь моя бдительность была притуплена, позволив вашим гугенотам приготовить западню и захлопнуть меня в ней.

Разговаривая, он снял маску. Она с удивлением посмотрела на его умиротворенное лицо. Он даже улыбнулся, лаская ее страстным взглядом.

— Если поверить тому, что вы виновница всех моих несчастий, я должен был бы отказаться от вас. Но я не могу сделать этого.

Он склонил над ней свой высокий стан. Анжелика почувствовала головокружение.

— Жоффрей, умоляю вас, вы недооцениваете серьезности происходящего. Неужели вы согласны с тем, что все мы погибнем?

— О моя прекраснейшая из прекраснейших, какие мелочные заботы вас одолевают! Мне было достаточно увидеть вас, чтобы забыть обо всем.

— Но вы не согласились на переговоры.

— Это был удобный повод вызвать вас к себе и вновь овладеть вами.

Он обнял ее с волнующей нежностью, прижимая к себе и осыпая ее щеки поцелуями.

— Жоффрей... Жоффрей, прошу вас... Вы ведете какую-то непонятную мне игру.

— Неужели это можно назвать комедией?— спросил он, крепче прижимая ее к себе.— Поверьте, сударыня, что вы не имеете представления о бездне, в которую может бросить ваша красота мужчину, желающего вас.

Его страсть не была притворной. Анжелика теряла голову, увлекаемая его близким взволнованным дыханием, трепещущим жаром губ, вновь ставших такими родными, но тем не менее поражающих своей новизной. Мучившие ее сомнения улетучились.

«И все-таки он любит меня. Это правда... Он по-прежнему любит меня. МЕНЯ!»

— Я люблю только тебя, ты же знаешь,— нашептывал он совсем тихо,— и грежу о тебе с той ночи... Все тогда произошло так молниеносно, и ты была такой беспокойной... мне пришлось так долго ждать тебя, чтобы убедиться... что это был не сон... что ты снова принадлежишь мне до конца... что ты больше не боялась меня.

Он прерывал свою речь, покрывая легкими поцелуями завитки волос на ее висках.

— А почему ты снова противишься? Обними меня... Обними по-настоящему!

— С такой тоской в сердце я не могу этим заниматься. О Жоффрей, что вы за человек? Сейчас не время думать о любви.

— Если бы среди окружающих меня опасностей я стал искать свободное время, чтобы заниматься любовью, вряд ли мне удалось бы познать наслаждение за эти последние годы. Предаться любви среди бурь, среди битв, среди измен и предательств — вот мой удел и, клянусь честью, меня устраивала эта дополнительная пикантность развлечения.

Напоминание о любовных похождениях ее мужа вдали от нее возмутило Анжелику. Внезапной порыв дикой ревности развеял чувство восхитительной нежности, которое охватило ее.

— Вы просто грубиян, господин де Пейрак, и ошибаетесь, считая меня такой же, как те тупые одалиски, с которыми вы спали. Пустите меня!

Он рассмеялся. Он специально старался вывести ее из себя и это ему удалось. Гнев Анжелики еще больше возрос, когда она сообразила, что он потешается над охватившим их всех страхом.

— Пустите меня! Я не хочу больше вас видеть! Теперь я верю, что вы настоящее чудовище.

Она так отчаянно отбивалась, что он отпустил ее.

— Вы столь же ограниченны и непримиримы, как ваши гугеноты.

— «Мои» гугеноты — не дети из церковного хора, и если бы вы

с самого начала не провоцировали их, мы бы не находились сейчас здесь. Правда ли, что у вас и в мыслях не было отвезти их на Антильские острова?

— Да, это верно.

Анжелика побледнела. Весь ее гнев испарился, и он увидел, как у нее задрожали губы.

— Я ручалась за ваши добрые намерения, а вы обманули меня. Это плохо.

— Разве мы договаривались о месте, куда я должен их привезти? Когда вы в Ла-Рошели умоляли спасти им жизни, разве вы верили в то, что я соглашусь взять на борт этих обшипанных безбожников, от которых мне не было ни на грош пользы, только ради сомнительного удовольствия слушать их песнопения? Или ради ваших прекрасных глаз? Я не святой Павел — апостол милосердия.

Она молча смотрела на него, и он продолжал более ласковым тоном.

— Но не приписывайте мне и слишком темных замыслов. У меня никогда не было намерения «продать» этих несчастных, как они вообразили себе, но только отвезти их колонистами на мои американские земли, где они смогли бы гораздо быстрее разбогатеть, чем на островах.

Она повернулась к нему спиной и направилась к двери. Он преградил ей дорогу.

— Куда вы собрались?

— Я хочу вернуться к ним.

— Для чего?

— Чтобы попытаться их защитить.

— Защитить? От кого же?

— От вас!

— Неужели они не сильнее меня? Разве не они хозяева положения?

Она покачала головой.

— Нет. Я знаю, что их судьба в ваших руках. Вы всегда оказываетесь сильнее.

— А вы забыли, что они покушались на мою жизнь. Вас это, кажется, меньше волнует, чем то, что угрожает им.

Не хотел ли он свести ее с ума, задавая такие душераздирающие вопросы? Внезапно он снова обнял ее.

— Анжелика, любовь моя, почему мы так далеки друг от друга? Почему мы не можем достигнуть единения? Неужели ты не любишь меня? Обними меня... и останься со мной.

— Отпустите меня, я не могу больше...

Он освободил ее, и лицо его помрачнело.

— Именно это я и хотел узнать... Вы больше не любите меня. Мой голос вызывает у вас отвращение, мое чувство пугает вас. Вы не отвечали на мои поцелуи той ночью, вы были холодны и скованы под моими ласками... И кто знает, не уступили ли вы моим до-

могательствам только для того, чтобы дать возможность вашим друзьям осуществить свой замысел.

— Ваши подозрения оскорбительны и смешны,— сказала она дрожащим голосом.— Вы понимаете, вы же сами меня удержали. И вы еще сомневаетесь в моей любви?

— Оставайтесь со мной. Только тогда я поверю в нее.

— Нет-нет, я не могу. Я должна вернуться наверх. Я хочу остаться с детьми.

Влекомая неведомой силой, она убежала. Дети поселились в ее сердце и стали неотъемлемой частью ее самой. Им грозила смерть от жажды или кораблекрушения. Ради них можно было пожертвовать всем.

Сидя среди них на палубе, она перебирала в памяти слова, которые он говорил с неведомой доселе нежностью. Она держала Онорину на коленях. Лорье и Северина расположились вместе с Жеромом у ее ног, некоторые дети играли и тихо смеялись, но большинство сидело молча.

Перед ее глазами возникло окровавленное без признаков жизни лицо Шарля-Анри. Нет, к взрослым у нее больше не было сострадания. Они все стали ей безразличны, даже праведница Абигель и Жоффрей де Пейрак, ее супруг, которого она так искала.

«Мне делается ясным, что мы с ним никогда не сможем быть вместе. Он слишком изменился... Итак, он предпочитает скорее умереть, чем уступить. Он достаточно пожил и его ничто и ничуть не беспокоит, что с ним погибнут эти дети. Не может быть права сознательно лишить ребенка жизни. Это самое ценное сокровище...»

— Мадам Маниголь,— сказала она громко,— надо, чтобы мы нашли вашего мужа и постарались убедить его смягчить предложенные Рескатору условия. Только не убеждайте меня, что вы боитесь его криков. Вы уже доказали обратное, а он должен понять, что Рескатор не уступит, пока ему не вернут корабль.

Мадам Маниголь ничего не ответила, и Анжелика увидела заблистевшие на ее глазах слезы.

— Я не могу попросить моего мужа уступить, госпожа Анжелика. Это будет приговором ему. Если Рескатор снова овладеет положением, разве он пощадит его?

Они немного помолчали. Затем Анжелика опять начала настаивать на своем.

— Попытайтесь, мадам Маниголь. Подумайте о детях... Потом и я попытаюсь. Я вновь спущусь в трюм, чтобы уговорить Рескатора пойти на уступки.

Жена арматора поднялась, шумно вздыхая.

После возвращения мадам Каррер и Абигель штаб протестантов собрался в рубке, чтобы узнать мнение наиболее сведущих моряков и обсудить возможность высадки любой ценой.

Мятежные испанцы волновались. Их начал охватывать страх. Анжелика расслышала обрывки фраз, которыми они обменивались

на своем гортанном наречии. Насколько она поняла, они собирались спустить баркас и бежать с проклятого корабля.

Безумцы!

Течение понесет их по тому же губительному пути и их слабых сил не хватит, чтобы преодолеть его напор, как это не удастся сделать в бесплодной борьбе даже кораблю.

Пустыня туманов, тишина, леденящее преддверье ада, куда несло на гибель всех живущих.

Чей-то зов прозвучал в воздухе, какое-то движение произошло между призрачными тенями, колыхающимися на палубе. Что-то изменилось. Искра надежды сверкнула во мраке отчаяния. В напряженном ожидании женщины встали.

Внезапно около них появился запыхавшийся Мартьяль.

— Рескатор согласился! Он передал, что посылает лоцмана и еще трех людей, которые знают эти места и смогут провести корабль через течение, чтобы причалить к берегу!

Глава 5

РЕСКАТОР ПРИСЫЛАЕТ ЛОЦМАНА

Первым из люка появился Эриксон. Лицо коренастого гнома было непроницаемым. Переваливаясь на ногах-коротышках, он подошел к лестнице и взобрался на полуют.

Анжелика, окруженная несколькими женщинами, ожидала появления стройной фигуры ее мужа. Но его не было. На палубу вышел Никола Перро со своим индейцем, затем с десяток матросов: трое мальтийцев и англичане. Один матрос пошел вслед за Эриксоном, остальные вместе с бородатым канадцем уселись около большого баркаса. Они вели себя уверенно, а направленные на них мушкеты, видимо, не очень их волновали. Никола Перро вытащил трубку и с независимым видом набил ее. Закурив, он посмотрел вокруг.

— Если для установки парусов вам нужны еще руки, — сказал он протяжно, — то к вашим услугам достаточно людей внизу.

— Нет, — резко ответил Маниголь, с особым вниманием следивший за ним.

— «Мой» экипаж и сам справится с этим.

— А как вы будете переводить марсовым указания стоящего у штурвала Эриксона?

Ответа не последовало.

— Хорошо! — вздохнул он, выбивая трубку и всем видом показывая, на какую жертву идет. — Стало быть, мне придется заняться

этим. Впрочем, я ничего не смыслю в морских делах, но говорю на всех диалектах побережья.

Он приподнял меховую шапку и направился на корму. Оставив часовых около сидящих матросов, Маниголь пошел за ним.

В глубине души каждый почувствовал одновременно и разочарование и облегчение, когда оказалось, что среди прибывших нет Рескатора. Разочарование, так как его познания в навигации и мастерстве командира вселили бы в напуганных пассажиров уверенность в том, что они выпутаются из этой беды. Облегчение потому, что одно его присутствие уже вселяло страх. Под его пронзительным взглядом Маниголь терял уверенность в своей правоте. Даже держа его под дулами нескольких мушкетов, нельзя было оставаться спокойным.

Присланные на помощь его подчиненные не могли доставить особых хлопот. К тому же они выглядели усталыми и безразличными. Без сомнения, они предпочли высадку на берег и потерю своей части добычи неминуемой смерти. Должно быть, они убедили непримиримого Рескатора воспользоваться последней возможностью для спасения всех, и согласиться на эту, удивившую мятежников, полукапитуляцию.

— Вот что значит быть непреклонным, — возбужденно разглагольствовал адвокат Каррер, — этот фанфарон не выдержал и уступил. Мы выиграли партию.

— Прошу вас, не крутите так отчаянно пистолетом, — охладила его пыл жена. Она зябко потеряла руки под шалью.

— Если бы вы поговорили с ним с глазу на глаз, как недавно я, то поняли бы, что не страх за свою жизнь и жизнь остальных заставил этого человека прислать нам лощмана.

— А что же тогда?

Женщины в недоумении пожали плечами. Волосы Анжелики отяжелели от сырости, но она, так же как и ее соседки, не хотела укрыться в помещении. Они ждали, пока Эриксон расположится за штурвалом.

На «Голдсборо» штурвал находился на полукоте в кормовой части, а не наверху, как обычно. Рулевой мог при этом управлять просто на глаз с большой точностью. Под охраной следивших за ним часовых маленький человек с застывшими глазами не проявлял особого рвения. Он довольствовался тем, что держался за штурвал. Со стороны можно было подумать, что он не то дремлет, не то спит с открытыми глазами. В нескольких шагах от него ветер трепал бороду канадца, который жевал трубку, держа в руке рупор погибшего капитана Язона.

Минуло несколько часов и беспокойство вновь охватило пассажиров. Положение марселей подтверждало, что течение по-прежнему увлекает корабль прямо на север, но только еще быстрее, потому, что когда Эриксон занял свой пост, он распорядился установить паруса так, чтобы полностью использовать дующий в этом направлении ветер.

Появилось подозрение, что вероломный Рескатор прислал им лощмана только для того, чтобы ускорить их гибель.

— А вы считаете это возможным? — шепотом спросила Абигель у Анжелики. — Вы верите в то, что он способен так поступить?

Анжелика решительно покачала в знак протеста головой, но в глубине души сама сомневалась. Всем своим существом она хотела верить человеку из прошлого, которого она обожала. Но что она знала об этом человеке из прошлого? Жизнь не оставляла ей времени для полного слияния с богатым, кипучим и разносторонним характером ее супруга.

«Кто же ты, в чьих глазах я пытаюсь найти свое счастье? И не являюсь ли я сама непостижимой тайной для тебя?..»

Если это правда, что Жоффрей тоже чувствует влечение к ней, что за непроницаемой броней суровости его внутренний голос зовет ее, тогда еще ничего не было потеряно.

«Нет, он не любит меня. Я так и не укоренилась в его сердце. В конце концов мне так и не удалось вызвать в нем ничего большего, кроме поверхностного желания. А этого слишком мало, чтобы он снизошел к моим мольбам... Как ужасно чувствовать себя бессильной перед ним... единственным в мире... И все-таки я была его женой».

Окружавшие ее женщины поглядывали, как она шевелила губами и что-то бормотала сквозь зубы. В их взглядах она прочла немую мольбу.

— Ах! Вы бы лучше помолились, — сказала она с раздражением. — Сейчас как раз время сделать это, а не ждать какого-то чуда от такой неудачницы, как я.

Опустившаяся ночь не принесла ничего, кроме усилившегося шума моря и свиста ветра, сопровождаемых непрерывным боем сигнального колокола. В конце концов этот звон стал наводить тоску.

«Как они наивны, все эти люди, несмотря на их воинственный вид. Звонить в колокол во время тумана необходимо где-нибудь на широтах Ла-Рошели или Бретани. Но здесь, в такой глуши, колокол звонил только для самообмана, пытаюсь уверить, что мы не одни на целом свете...»

Онорина изо всех сил прижималась к Анжелике, и ее широко открытые глаза напомнили ту ночь, когда она увела малютку в обледенелый лес, по которому рыскали волки и солдаты.

Она поднялась.

«Я спущусь вниз... Я должна спуститься вниз. Я поговорю с ним. Должны же мы знать!»

В этот момент прозвучал усиленный рупором голос Никола Перро и, посмотрев вверх, они увидели в сгустившейся тьме, как запылескалились и опали все паруса, по кораблю пронесся треск и он неистово закачался, сопротивляясь трудному маневру. Приказания следовали одно за другим, и матросы бегали со всех ног,

исполняя их. Даже испанцы проявляли непривычное для них рвение.

Люди Рескатора, до сих пор сидевшего возле баркаса, вскочили и стали внимательно следить за движением парусов. Они должны были прийти на помощь в трудную минуту, но, видя, что новички хорошо справляются, не стали вмешиваться.

Немного погодя они обменялись жестами, выражавшими одобрение. Один из них зажег лампу и стал мурлыкать что-то под нос. Другой вытащил из-за кушака связку бетеля и заложил за щеку солидную порцию.

— Мне кажется, что наши парни не такие уж плохие моряки,— сказала мадам Маниголь, следившая за их поведением.

— И все же я жалею, что вашим пленникам, мэтр Каррер, не пришлось разбежаться по вантам, потому что мне было бы очень любопытно посмотреть, как вы преследуете их, вы, умеющий так хорошо обсуждать любой маневр, не имея о нем ни малейшего представления.

Взрыв смеха заставил вздрогнуть адвоката, который под успокоительной тяжестью мушкета и пистолетов успел задремать. Вместе с вернувшейся надеждой появилось и желание позвать.

Но рассвет не принес измученным женщинам ничего, кроме разочарования. Стало еще холоднее, чем накануне, и мысль, что корабль по-прежнему несет на север, приводила их в отчаяние. Розданная вода имела привкус гнили. Это были последние капли со дна бочек. Никто не решился вымолвить ни слова и когда вбежал сияющий радостью Легаль, на него посмотрели, как на помешанного.

— Добрые новости... и я поспешил успокоить вас, милые дамы! Солнце едва проглядывает, поэтому для определения нашего положения я воспользовался лагом, хотя это и не точно. Но тем не менее могу вас заверить, что мы изменили направление и отныне направляемся прямо к югу.

— К югу? Но сегодня гораздо холоднее, чем вчера!

— Это потому, что последние два дня нас увлекало теплое течение. А теперь мы попали во власть холодного Гудзонова залива.

— Проклятая страна!— загремел старый пастор, неожиданно выйдя из себя.— Извольте-ка разобраться в этих теплых и холодных течениях. Я задаю себе вопрос: не были ли для нас королевские тюрьмы более гостеприимными, чем эти опасные края, где люди и стихии делают все наоборот.

— Отец!— с укором воскликнула Абигель.

Пастор Боккер потряс седыми волосами. Еще далеко не все было ясно. Главное заключалось не в том, что они перешли из одного течения в другое, а в том, как избежать новой смертельной опасности, нового кровопролития. Паства полностью отвернулась от него, да он и сам не знал, о чем с ними говорить.

— Я никогда не соглашался с пастором Рошфором, этим неис-

правимым фантазером, который хотел всех нас отправить за океан. Радуйтесь на здоровье! Посмотрим, к чему это приведет...

Его голос затерялся в гомоне женщин, окруживших Легалья.

— Мы сейчас начнем высаживаться?

— А где это будет?

— Что говорят Эриксон и канадец?

— Ничего! Попробуйте разговаривать с этим угрюмым медведем или проклятым горбуном, который сидит, как устрица в раковине. А вот какой он рулевой, я могу сказать: настоящий рулевой! Вчера ему удалось воспользоваться встречей двух течений для того, чтобы перевести нас из одного в другое. Смелый маневр, особенно в таком густом тумане.

— Скоро мы пристанем к берегу, — сказал Легаль. — Там должны быть источники, тогда и напьемся...

Эти слова вызвали у всех жалостливые вздохи. Анжелика держалась в стороне. На нее больше не обращали внимания. Теперь появилась надежда на счастливый исход и ее перестали тревожить. Когда угрожала опасность, ее умоляли вмешаться и что-нибудь сделать. «Что ж, и к такому отношению можно привыкнуть», — подумала она, пожав плечами.

Глава 6

ТРИУМФ РЕСКАТОРА

Где-то в середине дня, когда в тумане стали появляться просветы, внимание Анжелики привлекли раздававшиеся неподалеку голоса.

Маниголь и Никола Перро вели переговоры около большого баркаса.

— Мы хотим спустить его на воду, чтобы разведать берег, — сказал канадец.

— А где мы сейчас находимся?

— Я знаю об этом не больше, чем вы! Могу только поручиться, что берег рядом. Было бы безумием подходить к нему, не отыскав проход для корабля. Сначала надо найти какой-нибудь залив или бухточку для высадки. А главное — избежать катастрофу при проходе. Вот, послушайте...

Он сдвинул меховую шапку, приложив руку к уху и нагнув голову, как бы улавливая далекий шум, доступный только его слуху.

— Слушайте!

— Но в чем дело?

— Грохот воды, бьющейся о скалы. Там находится гряда, которую мы должны преодолеть.

Все, кто был рядом, тшкетно напргягали слух.

— Мы нчгего не слышм, кроме плеска воды.

— Но я слышу,— огрызнулся канадец,— и этого довольно!

Туман снова настолько сгустился, что при разговоре казалось, будто рот заполняет плотная масса, которую надо пережевывать.

— Земля близко. Я ее чувствую.

Теперь и их охватило ощущение близости земли. Запахи исходили от берега, песка, гальки, может быть, и от травы и деревьев.

— Не раздумывайте слишком долго,— усмехнулся канадец,— потому что здесь бывают приливы, при которых вода поднимается за два часа на 120 футов.

— 120 футов? Вы смеетесь над нами! Такого быть не может!

— Воля ваша сомневаться в этом. Но поверьте, нам может не хватить времени для прохода. В таком случае советую прыгнуть в воду до того, как корабль с пропоротым брюхом пойдет ко дну, Это самый скалистый берег в мире.

Спереди донесся лязг разматываемой якорной цепи.

— Я не отдавал такого приказа!— закричал Маниголь.

— Ничего не поделаешь, патрон,— откликнулся Легаль.— Теперь уже ясно, что земля близко...

Подошедший матрос сказал, что якорь коснулся дна на глубине 40 футов.

— Самое время!

— Ничего не поделаешь!— повторил Легаль.— Теперь придется слушаться их.— Он кивнул в сторону Никола Перро и матросов Рескатора, которые готовили баркас.

Они воспользовались высокой волной, чтобы спустить его на воду, а затем и сами прыгнули вниз. Маниголь и Берн в нерешительности переглянулись, боясь, как бы их не оставили в дураках.

— Подождите,— запротестовал арматор.— Мне надо переговорить с Рескатором.

В глазах канадца сверкнула молния. Его рука тяжело опустилась на плечо Маниголя.

— Вы делаете ошибку, дружище. Вы забываете, что в трюмах оставшееся у нас оружие предназначено для вас так же, как и ваше предназначено для нас. Вы хотели войны, вот вы ее и получили. Но запомните... никаких фокусов, иначе не ждите от нас пощады.

Он перешагнул через перила, держась за сигнальный линь, в баркас, танцевавший на пенящихся волнах. После нескольких ударов весел баркас исчез в клубах тумана. Только линь, связывавший его с кораблем, продолжал разматываться, словно нить Ариадны.

Эриксон остался на борту. Он готовился выполнить задуман-

ный маневр, не обращая внимания на окружавших его протестантов.

Сигнальный линь быстро разматывался, увлекая за собой канат толщиной с руку, который был намотан на кабестан. Оставалось всего несколько витков, когда движение прекратилось и он повис в тумане, словно гигантская змея. Очевидно, баркас где-то причалил. Канат отчаянно трясло.

— Они закрепили его в скалах, чтобы, имея точку опоры, протаскать нас в проход, — пробормотал Легаль.

— Это невозможно, ведь сейчас отлив.

— А вы знаете? Мне, например, кажется, что дело тут идет о подводном пороге, который можно одолеть только при приливе. Во всяком случае, так должно быть. Но когда же здесь бывают приливы и отливы?

Им оставалась одна надежда на то, что их испытаниям приходит конец.

Раздался хриплый крик Эриксона, и люди у кабестана с трудом начали выбирать канат. Тут же горбун приказал поднять якорь. «Голдсборо» медленно двинулся с места, словно влекомый невидимой рукой. Несмотря на сильный холод, по лицам матросов, надрывающихся у кабестана, градом катился пот. Натянутый, как струна, канат вибрировал и, казалось, вот-вот лопнет.

Легаль молча показал Маниголю на что-то поверх борта. Несмотря на туман, можно было различить в опасной близости выступавшие повсюду из воды темные верхушки скал в кружевах пены.

Но громадный корабль продолжал чудесным образом следовать своим путем по узкому и глубокому фарватеру. В любой момент мог раздаться удар, зловещий треск, отчаянный крик: «Тонем!». Но ничего не произошло, кроме того, что «Голдсборо» продолжал двигаться вперед, а туман еще больше сгустился. Вскоре на палубе едва можно было различить друг друга. В этот момент послышался легкий толчок, на который большинство не обратило внимания. Вдруг палуба стала уходить у них из-под ног. «Голдсборо» резко положило на левый борт, затем он выпрямился и остановился, слегка покачиваясь.

— Мы миновали рифы! — торжествующе сказал Легаль.

Вздых облегчения вырвался из груди всех находившихся на палубе. В ответ на команду Эриксона раздался звон разматываемой цепи. Снова встав на якорь, «Голдсборо» продолжал безмятежно покачиваться. Некоторое время его обитатели пытались услышать плеск весел возвращающегося баркаса. Не услышав ничего, Легаль крикнул несколько раз в рупор, а затем стал звонить в колокол.

Охваченный внезапным подозрением Маниголь направился к кабестану. Он потянул за канат и не почувствовал никакого сопротивления.

— Канат оборвался!

— Если его только не обрезали!

К ним подошел один из тех, кто работал у кабестана.

— Он разорвался в тот момент, когда мы прошли рифы. Это должны были сделать парни с баркаса. В этом была необходимость, иначе нас выбросило бы на скалы. Красивый маневр! И теперь мы в безопасности.

Они вытащили остатки каната и убедились, что он действительно был обрублен.

— Да, им действительно нельзя было медлить. Красивый маневр! — повторил восхищенный матрос.

Анжелика услышала чей-то вздох и шепот.

— Такой красивый маневр и у неведомых берегов...

Маниголь вздрогнул.

— Но кто стоял у штурвала в то время, когда мы проходили между скал? Эриксон был рядом с нами.

Они поспешили на корму. Анжелика следовала за ними. Ей хотелось побывать одновременно везде, чтобы встретиться лицом к лицу с любыми опасностями, которые, как она чувствовала, притаились вокруг них. Стихия уже не угрожала, но покой не приходил в ее сердце. Внезапно исчезло чувство единства, которое проявилось в совместной борьбе с морем. Наступила заключительная часть кровавой игры между протестантами и Жоффреем де Пейраком.

Возле заклиненного теперь штурвала они натолкнулись на распростертое тело испанца, самого нерасторопного из бунтовщиков, чьи счеты с жизнью были закончены ударом кинжала в спину.

— Неужели Эриксон доверил ему управление?

— Это невозможно. Разве что он собирался заменить его другим!..

Они долго оглядывались, обменивались словами, но так и не нашли подходящее объяснение происшедшему.

— Госпожа Анжелика, — сказал Маниголь, — не правда ли, это был ОН за штурвалом, когда мы проходили рифы?

— Откуда же я могу знать, господа? Разве я была с ним в трюме? Я нахожусь все время с вами не потому, что одобряю ваши действия, а только из-за того, что не потеряла надежды на спасение всех нас.

Они молча опустили головы. Счастливый исход для всех казался им теперь маловероятным. Им вспомнились слова канадского медведя: «Не ждите от нас пощады!»

— По крайней мере, хоть часовые, которых я поставил около люков, удерживают посты?

— Надо надеяться! Но не известно, какие капканы нас поджидают в этом молочном киселе.

Маниголь тяжело вздохнул.

— Я боюсь, как бы мы не оказались плохими войками и никудышными перевозчиками по сравнению с ними. Баста, взявшись за гуж — не говори, что не дюж. Сплотимся, братья мои, и приготовимся дорого продать нашу жизнь, если понадобится. Когда

туман рассеется, мы определим, где находимся. Земля недалеко. Мы бросили якорь на спокойном рейде. Даже если баркас не вернется, мы сможем добраться до берега на спасательной шлюпке. Нас много и мы вооружены. Да еще и пушка в наших руках. Мы сделаем рекогносцировку, отыщем и привезем питьевую воду, затем переправим под охраной Рескатора и его людей на берег и, наконец, отплывем к островам.

Его слова были встречены без особого восторга.

— Мне кажется, я слышу лязг цепей,— сказал Марселло.

— Наверное, это эхо.

— Откуда может быть эхо?

— Возможно, другое судно?— высказал предположение Легаль.

— Скорее это напоминает звон ларошельской цепи, когда ее натягивают между рейдом и гаванью до башни Св. Николая.

— Вы несете чушь!

— По-моему, я тоже слышу,— сказал кто-то.

Они напряженно слушали, вглядываясь в непроницаемую тьму.

— Проклятый туман. То ли дело у нас, где даже туманы бывают добропорядочными. А такого я не встречал нигде и никогда.

— Виной этому, очевидно, теплое и холодное течение, доставившее нам столько хлопот.

— Самое удивительное заключается в том, что звуки разносятся далеко, вместо того, чтобыглохнуть, как это обычно бывает в густом тумане...

— А где Эриксон?— неожиданно спросил Маниголь.

Поиски оказались безрезультатными.

Когда стемнело, юный Маниголь, зажигая первый светильник, стал свидетелем удивительного явления.

— Идите сюда! Посмотрите!— закричал он.

Подбегавшие увидели великолепную иллюминацию, получившуюся от тысячекратного отражения в тумане скромного трепещущего огонька. Свет преломлялся всеми цветами радуги в мириадах льдинок, образовавшихся от резкого похолодания. Стали зажигать остальные фонари. И каждое очередное появление огня рождало новые многоцветные фантасмагории, на которые они смотрели, разинув рты.

Насмотревшись на это зрелище и чувствуя, что сейчас не заснет, Анжелика поднялась на палубу. После такого длительного плавания неподвижность корабля и шум прибоя, бьющегося о близкий берег, невольно будили тревогу. Она испытывала томительное ощущение приближающейся битвы.

«По сути дела я ведь женщина-воин. Жоффрей не знает этого, так же как ничего не знает обо мне, о женщине, в которую я превратилась».

Она обратила внимание на окруженные радужными ореолами фигуры окоченевших от холода людей, закутанных в темные плащи, бодрствующих в напряженном ожидании этой страшной ночи.

Проплывающие клубы тумана оставляли на их плечах искрящийся иней.

«Почему я нахожусь здесь? — спрашивала она себя. — Ведь они мне безразличны. У меня не осталось к ним никакого доброго чувства. Я возненавидела Берна, когда-то бывшего моим лучшим другом. Я смогла бы простить ему что угодно, но он хотел убить Жоффрея. А этого я не прощу ему никогда. Тем не менее я нахожусь здесь. И на это есть своя причина. Да, дети... Онорина. Я не могла их оставить. У Жоффрея и у самого достаточно сил. Он узнал в жизни все, что только может узнать человек. Он непреклонен. Он не доступен слабостям, даже такой, как любовь ко мне...»

Она жаждала его присутствия и ее угнетало то, что она так далека от него. Той ночью он был таким близким, таким нежным. Был ли это мираж или действительность? Она уже не знала, чему верить...

Первые проблески рождающегося дня застали ее все еще погруженной в воспоминания, когда чья-то рука коснулась ее сзади. Обернувшись, она увидела тех двух матросов, которые вместе с Никола Перро сопровождали ее в Ла-Рошели. Значит, они тоже в числе бунтовщиков. Но они сразу вывели ее из заблуждения. Один из них, без сомнения мальтиец, зашептал на левантийском наречии, которое она знала.

— Хозяин послал нас, чтобы защитить тебя с ребенком.

— От кого защитить?

— Тихо, не шевелись!

В тот же момент они крепко схватили ее за запястья. Послышался глухой шум. Дежуривший у ближайшего люка протестант рухнул как подкошенный. И тогда Анжелика заметила над ним необычное существо, одновременно похожее и на человека, и на животное, и на птицу. Оно поражало своей гигантской величиной.

В неясном свете трепетал его хохол из красных перьев и множество кошачьих хвостов развевалось вокруг него. Его поднятая рука отливала медью. Оно снова нанесло удар и второй часовой упал. Анжелика не слышала, как оно появилось. Существо действовало с бесшумностью и стремительностью призрака.

Отовсюду прыгали и скользили, заползая на палубу, молчаливые призраки. Их огненные перья, их плащи из голубовато-красного меха, развевающиеся за ними, словно крылья, непонятные движения их поднятых рук, все это придавало им вид карающих ангелов.

У Анжелики, подумавшей, что она стала жертвой кошмара, уже готов был вырваться крик, но ее опередили матросы Рескатора.

— Не вздумайте кричать! Это индейцы, наши друзья.

Один из них после акробатического прыжка очутился перед ней. Он размахивал короткой саблей, украшенной красным плюмажем, а в другой руке у него было что-то вроде деревянных

шипцов с зажатым в них железным шаром, представляющим собой своеобразный кастет.

Матросы подняли руки и обратились к индейцу на очень мелодичном языке. Они показали ему на Анжелику и на дверь нижней палубы, за которой они следили. Индеец жестом показал, что он понял, и вернулся в бой.

Послышались еще несколько воплей, выстрелов, затем прозвучал продолжительный крик совы, за которым тотчас же последовал странный шум, напоминавший вечернюю пирушку в портовой таверне.

Смеющиеся, перекликающиеся между собой бородачи в меховых шапках, как у Никола Перро, перелезали через перила и располагались на палубе.

Внимание Анжелики привлекли двое, чьи европейские камзолы, шпаги на перевязи и большие шляпы немного устаревшего фасона придавали им вид подлинных дворян. Уверенным шагом они направились в сторону кормы и исчезли из ее глаз. На палубе царило лихорадочное возбуждение. Для всех этих людей густой туман, к которому они, очевидно, привыкли, не составлял помех. Через несколько минут Анжелика поняла, что все уже решено. Слабое сопротивление протестантов было подавлено, и противник праздновал победу.

На главную палубу привели Маниголя со связанными за спиной руками. С ним были Берн и остальные статисты этого спектакля. Их небритые лица были смертельно бледны, одежда висела ключьями.

Неожиданная атака индейцев застала их врасплох. Когда невидимый враг обрушил на них град камней, у них не хватило присутствия духа, чтобы оказать сопротивление. Искраженные от боли лица некоторых из них свидетельствовали об испытываемых ими страданиях от полученных ударов.

Анжелика не питала к ним особой жалости. Наоборот, они вызывали у нее только неприязнь, хотя она и не хотела, чтобы возвращение к власти ее мужа повлекло бы за собой обильное кровопролитие.

В глубине души она всегда верила, что он победит своих решительных, храбрых и хитрых, но недостаточно опытных противников.

Увидев, что счастье изменило ему, он решил выждать. С его знанием моря и тех широт, куда он их увлек, для него не составляло труда одурачить их. Укрывшись в глубине корабля, он следил за бешеной скачкой «Голдсборо» по Флоридскому течению и в нужный момент послал наверх Эриксона и Никола Перро.

Те, прикидываясь, что не знают, где произойдет высадка, привели судно в ловушку, прямо в логово пиратов. На земле матросы из баркаса встретились и предупредили прежних друзей и заручились помощью индейцев из дружественных им племен.

Протестанты были теперь в их власти. Зажженные на «Голдсбо-

ро» фонари привели к нему легкие лодки с краснокожими и матросами — «джентльменами удачи», людьми Рескатора.

Но вот и его мрачная фигура появилась из тумана. Он казался огромным даже рядом с высокорослыми индейцами, склонившимися перед ним в знак приветствия с дикой грацией, которую подчеркивали покрывавшие их плащи из роскошных мехов и закрепленные на бритых головах хвосты. Рескатор заговорил с ними на их родном языке. Было видно, что в этой, находящейся на краю света, стране он чувствовал себя как дома.

Он не обратил внимания на Анжелику и остановился только около пленников.

— Приключение окончено, господа гугеноты. Я сожалею, что ваша доблесть не смогла проявиться в делах более для вас полезных. Вы посчитали врагами не тех, кого следовало, и даже не попытались распознать истинных друзей. За такие ошибки придется дорого расплачиваться.

— И что же вы собираетесь сделать с нами?— спросил Маниголь.

— То же, что вы сделали бы со мной, если бы восторжествовали. Недавно вы цитировали мне слова из Писания. В свою очередь, я предлагаю вам поразмыслить над одним из тезисов великой книги: «Око за око, зуб за зуб».

Глава 7

АНЖЕЛИКА БРОСАЕТСЯ НА КОЛЕНИ

Госпожа Анжелика, вы не знаете, что он собирается с ними сделать?

Анжелика вздрогнула и подняла глаза на Абигель. При бледном утреннем свете лицо девушки выглядело изможденным. Впервые она показалась в таком неглиже. Хватившее ее беспокойство не оставляло времени для кокетства. Она так и была в фартуке, замасленном бессонными ночами при чистке и зарядке мушкетов протестантов, с непокрытой головой, волосы рассыпались по плечам, придавая ей беспомощный и необычно растерянный вид.

Анжелика с трудом узнала ее. Потухшие глаза Абигель и отчаяние, написанное на ее лице, тем более удивили ее, что дочери пастора Боккера нечего было бояться репрессий против отца или кузена, чье поведение во время мятежа было очень осмотрительным. К тому же, у нее не было ни сына, ни мужа среди тех, чья судьба оставалась еще не ясной.

«Теми» были главари мятежа: Маниголь, Берн, Марселло и Ле-

галь и трое остальных, поступивших в команду Рескатора, чтобы удобнее было шпионить. С момента ареста их никто не видел. Остальные были отпущены к женам и детям.

— Я спрашиваю себя, не поступили ли мы как последние дурни,— сказал доктор Гарри, растянувшись на соломенном матраце.— Прежде чем послушаться Маниголя и Берна, мы могли бы хотя бы переговорить с этим пиратом, который все-таки согласился взять нас к себе, когда мы были в таком плачевном положении.

Адвокат Каррер поддержал его. Вечный неудачник, он был ранен выстрелом из мушкета, и боль в руке усугубляла его скверное настроение.

— В сущности, мне совершенно безразлично, куда мы попадем, на острова или еще куда-нибудь... Это Маниголь беспокоился о своих деньгах, а БERN боялся потерять благосклонность некой особы, которая вскружила ему голову и заставила потерять рассудок...— Не переставая злобно бормотать сквозь зубы, он бросил мрачный взгляд в сторону Анжелики.— Мы позволили этим двум безумцам управлять нами, как им было угодно. И вот теперь я попал в такой переплет... с моими одиннадцатью детьми.

Уныние охватило протестантов и даже детей, напуганных последними событиями и особенно появлением краснокожих, они не могли обрести обычной беззаботности и сидели тихо с печальными лицами, вопросительно поглядывая на взрослых.

Легкое покачивание стоящего на якоре корабля, тишина, царившая снаружи, где туман по-прежнему держал «Голдсборо» в непроходимых объятиях, пережитое испытание во время бури и мятежа погрузили всех в дремотное состояние на грани сна и реальности. Ощущение угрозы настолько охватило Абигель, что она проснулась с дико бьющимся сердцем. Под ужасным впечатлением кошмарного сна она вскочила и бросилась к Анжелике.

Та вообще не смыкала глаз. От Жоффрея де Пейрака ее мысли перешли к ларошеляцам, ибо она не могла не почувствовать своей ответственности перед ними. Наклонившись к побледневшему от страха Лорье, она укутала его лучше и попыталась успокоить, но ни он, ни Северина не ответили на ее ласку.

Дети больше всего страдали, попав в сети неразрешенных конфликтов взрослых.

«Не для того же я спасала их от тюрем короля, чтобы они осиротели... на краю света. Нет, это невозможно!»

Появление Абигель помогло вылиться наполнявшим ее опасениям в определенную форму. Анжелика встала и тщательно разгладила платье. Она чувствовала, что кризис приближается. Надо взять себя в руки и всеми силами подавить овладевшее ею отчаяние. Позади Абигель поднялись и другие женщины. Они пока молчали, но в напряженных взглядах читался тот же вопрос, который задала Абигель: «Что ОН собирается с ними сделать?»

— Почему вы довели себя до такого состояния?— тихо спросила Анжелика, обращаясь только к девушке, чье поведение заинтри-

говало ее.— Слава богу, ваш отец и ваш кузен проявили благо-разумие и не вмешались в действия, которые они осудили. С ними не может случиться ничего плохого.

— Но Габриэль Бери!— раздирающим душу голосом закричала девушка.— Госпожа Анжелика, неужели вы останетесь безучастны к его судьбе? Неужели вы забыли, что он приютил вас в своем доме, что только из-за вас...

В ее устремленном на Анжелику взгляде вспыхнула ненависть. Маска привычной безмятежности упала с лица нежной Абигель. И тут Анжелика поняла.

— Абигель, так вы любите его?

С приглушенным криком девушка спрятала лицо в руках.

— Да, я люблю его! Уже столько лет... Я не хочу, чтобы он умер, даже если вы отберете его у меня.

«Какая я глупая,— подумала Анжелика,— ведь она моя подруга, а я не ведала, что творится у нее в сердце. А Жоффрей понял это сразу, когда увидел Абигель в первый вечер на «Голдсборо». Он прочел в ее глазах, что она влюблена в мэтра Берна».

Абигель подняла залитое слезами лицо.

— Госпожа Анжелика, добейтесь, чтобы его пощадили... Что это там... наверху?

И она добавила, не в силах выдержать нахлынувшего ужаса, лишившего ее всякой стыдливости:

— Слышите эти шаги, эти удары молотка? Я уверена, они готовят виселицу для него. Ах! Я покончу с собой, если он умрет.

— Все это ваши фантазии, Абигель,— сказала наконец Анжелика, призвав на помощь все свое самообладание.— Не может быть и речи о том, чтобы его повесили, так как фок-мачта сломалась во время бури.

— Ах! На «Голдсборо» осталось достаточно мачт и рей, чтобы уничтожить наших мужей!— вскричала в исступлении мадам Маниголь.— Ничтожество! Это вы увлекли нас с собой, вы продали нас вашему любовнику, вашему сообщнику, чтобы погубить нас... Впрочем, я всегда подозревала вас.

Она шагнула к Анжелике и занесла руку. Но под повелительным взглядом той вынуждена была остановиться.

С тех пор, как Анжелика вернулась к ним в новом платье и с распущенными по плечам волосами, к их злобе невольно примешалось некоторое почтение. В этом облик благородство ее движений и речи стало более заметно. Спесивая мамаша невольно смутилась перед знатной дамой. Ее рука застыла в нерешительности. Мадам Марселло схватила ее за запястье.

— Успокойтесь, кума,— и она увлекла ее назад.— Вы забыли, что она одна может что-нибудь сделать, чтобы выручить нас! Мы уже наделали достаточно глупостей, поверьте мне...

В глазах Анжелики появился металлический блеск.

— Это правда,— ее голос стал резким.— Глупостью было попытаться свалить ответственность за свои ошибки на других. Вы же

сами утверждали, мадам Маниголь, что Рескатор достоин доверия, но вы и пальцем не пошевелили, чтобы удержать разбушевавшиеся страсти ваших мужей, следствием которых были поступки не менее постыдные, чем действия пиратов, так презираемых вами. Да, это правда, я была рядом с капитаном, когда они захватили его. Они грозили ему смертью, они убили его товарища у него на глазах... Какой мужчина смог бы забыть о подобных оскорблениях? А он тем более! И вы это знаете и потому дрожите от страха.

Анжелика почувствовала, как в ней растет возмущение. Они смотрели на нее, постигая размеры случившейся беды. И именно мадам Маниголь повторила униженным тоном терзавший их вопрос:

— Так что он собирается с ними сделать?

Анжелика опустила глаза. В обманчивом покое финала мятежа она всю ночь не переставала задавать себе этот же вопрос.

Неожиданно мадам Маниголь тяжело упала на колени перед Анжеликой. Ее товарки, охваченные единым порывом, последовали ее примеру.

— Госпожа Анжелика, спасите наших мужей!— И они умоляюще простирали к ней сложенные руки.

— Вы одна можете это сделать,— пылко умоляла Абигель,— вы одна знаете все тайники его сердца и найдете слова, которые позволят ему забыть обиду.

Анжелика почувствовала, что бледнеет перед такой мольбой.

— Вы ошибаетесь, я не властна над ним. И сердце его не уступчиво.

— Вы одна можете помочь.

— Вы можете все.

— Госпожа Анжелика, сжальтесь над нашими детьми.

— Не отступайтесь от нас. Пойдите к пирату...

С неожиданной горячностью она тряхнула головой.

— Я не могу ничего сделать! Ах, если бы вы знали! Его каменное сердце ничем не пробьешь!

— Но ради вас и ради любви к вам он смягчится.

— Увы, ко мне он совершенно равнодушен.

— О!— воскликнули они хором.— Да что вы говорите?! Никогда ни один мужчина не был так очарован женщиной, как он вами. Когда он на вас смотрел, его глаза пылали такой страстью...

— Это всегда вызывало у нас зависть и раздражение,— призналась подошедшая в этот момент мадам Каррер.

Они окружили ее, как божество в слепой вере в чудо.

— Спасите моего отца,— умоляла Джени.

— Он глава всей общины. Что будет с нами без него на этой чужой земле?

— Мы так далеко от Ла-Рошели...

— Госпожа Анжелика!..

Анжелике почудилось, что в этом печальном хоре громче всех звучат слабые печальные голоса Северины и Лорье, хотя она и видела, что с их плотно сжатых губ не сорвалось ни единого

звука. Они подкрались к ней и обняли маленькими ручонками. Чтобы не видеть их тоскливых глаз, она прижала детей к груди.

— Бедные мои, в какую же даль вас занесло.

— А чего боитесь вы, госпожа Анжелика? Вам он не сделает ничего плохого, — тихо сказал Лорье дрожащим голосом.

Она не могла сказать им, что их разделяет какая-то неосознанная оскорбительная злобность. Свидетельством тому был яростный спор, возникший на другой день после их примирения.

Она не могла рассчитывать на физическое влечение, которое возбуждала у мужа, потому что это не было главным. Такого человека, как Жоффрей де Пейрак, нельзя было удержать только властью страстей. Сила его разума и чувство прекрасного, которое он оставлял для наслаждений более высокого порядка, позволяли ему обуздывать свои желания и легко отказываться при необходимости от мимолетных плотских развлечений.

И эти стоящие перед ней на коленях женщины простодушно надеялись, что ее обольстительность отвратит гнев пенителя моря, усугубленный тем, что часть экипажа примкнула к мятежникам. Жоффрей де Пейрак не простит никогда! Являя образец подлинного рыцарства в поведении согласно традициям предков, он при случае никогда не колебался пролить кровь и приговорить к смерти, когда считал это необходимым.

Разве посмеет она ходатайствовать перед ним за явных преступников, нанесших ему такое оскорбление? Подобная попытка только озлобит его. Он обрушится на нее с гневными оскорбительными словами и предложит убраться к столь милым ее сердцу гугенотам — его врагам. Женщины и дети с мучительным беспокойством следили за ее лицом, на котором ясно отражались все мучившие ее сомнения.

— Госпожа Анжелика, вы одна можете уговорить его! Пока еще не поздно... А уже скоро будет поздно!

Их обостренная перенесенными испытаниями чувствительность предупреждала их о зловещих приготовлениях, шум которых доходил до них. Каждая уходящая минута была потерянной для них. Они содрогались при мысли, что сейчас может распахнуться дверь. Тогда их заставят выйти, подняться на палубу и... они увидят! Тогда уже будет слишком поздно кричать и умолять.

Анжелика встряхнула головой, словно отгоняя ужасные мысли.

— Хорошо, я пойду, — сказала она тихо. — Это необходимо, но как это тяжело!

Она почувствовала себя совершенно бессильной после того, как сама разорвала хрупкие нити, связавшие было их снова, отказавшись остаться с ним. «Останься со мной», — шептал он. Но она в ответ крикнула: «Нет!» — и убежала. Он не из тех, кто прощает. Все-таки она повторяла: «Я пойду!» и отстранилась от них.

— Пропустите меня!

Вскочившие женщины заискивающе оказывали ей знаки внимания. Абигель накинула ей на плечи плащ. Мадам Марселло пожи-

мала ей руки. Они проводили ее до дверей. Двое матросов дежурили у дверей. При виде Анжелики они нерешительно переглянулись, но, вспомнив, очевидно, что она пользуется расположением хозяина, позволили ей беспрепятственно пройти.

Она медленно поднималась по лестницам, ведущим на кормовую часть. Эти деревянные ступеньки, липкие от соли и крови, стали уже такими привычными, что она переступала по ним, даже не смотря под ноги. Туман продолжал окутывать корабль, стоявший на якоре в невидимой бухте.

Внезапно она столкнулась с высоким статным мужчиной в расшитом золотом мундире и низко надвинутой шляпе с плюмажем. Она вначале подумала, что это ее муж, и замерла в нерешительности. Но он приветствовал ее с изысканной вежливостью.

— Сударыня, честь имею представиться — Роман д'Юрвиль, нормандский дворянин, младший из рода де Валошь.

Несмотря на обветренное, загорелое, как у настоящего пирата лицо, его французская речь и учтивые манеры немного ее успокоили. Он спросил, не желает ли она видеть графа де Пейрака, и предложил проводить ее до его апартаментов. Анжелика охотно согласилась принять его услуги. Она боялась встретиться лицом к лицу с одним из индейских воинов.

— Вам нечего опасаться, — сказал Роман д'Юрвиль. — Хотя они и производят грозное впечатление в бою, в обычное время они спокойны и полны достоинства. Господин де Пейрак как раз собирается отправиться на землю, чтобы приветствовать их великого массу... Но, что с вами?

Поднимаясь на балюстраду кормовой надстройки, Анжелика увидела у грот-мачты безвольно покачивающиеся в воздухе чьи-то обнаженные ноги.

— Ах, повешенные, — сказал д'Юрвиль, проследив за ее взглядом. — Это пустяки, несколько мятежных испанцев, получивших то, что заслужили. Не волнуйтесь, сударыня, правосудие на море или в наших диких местах должно быть быстрым и безоговорочным. Тем более, что от таких подонков не было бы никакой пользы.

Анжелика хотела спросить его, что же сделали с остальными, но не решилась.

Войдя в салон полуюта, она почувствовала, что силы покидают ее. Она вынуждена была опереться о дверь, закрытую за ней сопровождавшим ее нормандским дворянином, и несколько мгновений вглядывалась в царившую там полутьму. Однако и это помещение, где восточные благовония боролись с запахом моря, было ей хорошо знакомо. Чего только не произошло тут с того первого вечера в Ла-Рошели, когда капитан Язон проводил ее к Рескатору.

Она не сразу заметила своего мужа. Когда собралась с силами и поискала глазами, то увидела его стоящим в глубине комнаты у большого окна, за которым переливались разными красками клубы рассеивающегося тумана. — Проникавший через стекла пляшущий свет играл на вынутых Жоффреом де Пейраком из стоящего

на столе ларца жемчужинах, алмазах и других драгоценностях.

Господин д'Юрвиль сказал, что хозяин «Голдсборо» собирается встретиться на суше с прославленным сагамором Массаву. Очевидно, по этому случаю он переоделся в такой роскошный костюм.

Его испанские сапоги, очень высокие, были из темно-красной кожи, такой же, как и лежащие на столе перчатки с раструбами, и пояс, удерживавший пистолет и кинжал.

Единственное, что отличало его от знаменитого вельможи, это отсутствие шпаги. На ее месте сверкала перламутровой инкрустацией серебряная рукоятка длинного пистолета.

Она заметила, как он надел на пальцы два перстня, и тут ее внимание привлекла висевшая на груди золотая звезда, усыпанная алмазами, такие носили при Людовике XIII знаменитые военачальники. Он повернулся к ней вполоборота. Слышал ли он, как она вошла? Знал ли, что она находится здесь? Наконец он закрыл шкатулку и повернулся к ней лицом.

Бывает так, что в ответственный момент появляется какая-нибудь нелепая мысль. Вот и сейчас она подумала, что ей придется привыкнуть к отпущенной им круглой бороде, делавшей его похожим на сарацина.

— Я пришла... — начала она.

— Вижу. — Он не хотел помочь ей и смотрел неприветливо.

— Жоффрей, что вы собираетесь сделать с нами?

— Вас только это и тревожит?

От волнения она лишилась голоса и в ответ лишь кивнула.

— Сударыня, вы плавали по Средиземному морю, интересовались морской коммерцией, следовательно, законы моря вам должны быть известны. Какая участь уготована тем, кто во время плаванья восстает против капитана и покушается на его жизнь? Их вешают. Высоко и на короткой веревке, без суда. Так что, я их повешу.

Он произнес эти слова с абсолютным спокойствием. Да, его решение было бесповоротным. Ледяная дрожь пробежала по телу Анжелики, ей стало дурно. «Немыслимо, чтобы это случилось, — сказала она себе, — я согласна на что угодно, чтобы удержать его от этого шага, я буду валяться у него в ногах».

Неверными шагами она пересекла комнату и прежде чем он смог предупредить ее, упала перед ним на колени и обхватила его ноги.

— Жоффрей, пощадите их, прошу вас, мой возлюбленный, умоляю вас... Я прошу не столько ради них, сколько ради нас. Я содрогаюсь при мысли, что этот поступок сможет поколебать мою великую любовь к вам. Между нами будет кровь моих друзей.

— А кровь моих уже пролилась: Язона, верного друга, десять лет делившего со мной все печали и радости, старого Абд-эль-Мехтара, моего спасителя, безжалостно зарезанного ими...

Его голос дрожал от гнева, глаза метали молнии.

— Ваше ходатайство оскорбительно для меня, сударыня, и я опасаясь, что вас побудила к нему достойная презрения привязанность к одному из этих людей, которые обманули меня, вашего якобы так любимого супруга.

— Нет... и вы это хорошо знаете. Я люблю только вас... я всегда любила только вас... без вас мое сердце разрывается...

Он хотел отстранить ее, но не смог, боясь проявить грубость, ибо она с такой силой впелась в него, что он ощущал тепло ее рук и тела. Из всех произнесенных ею бессвязных слов только одно обожгло его: «Мой возлюбленный». В то время, как он считал себя достаточно защищенным, чтобы не уступить, его растрогал нежный призыв и неожиданный жест этой гордячки, бросившейся перед ним на колени.

— Я знаю,— сказала она приглушенным голосом,— своими действиями они заслужили смерть.

— Тогда я окончательно не понимаю, сударыня, почему вы так упорно выступаете в их защиту и почему вас до такой степени волнует их судьба, если это правда, что вы их не одобряете за измену?

— Вы думаете, я сама это знаю? Я чувствую себя связанной с ними, несмотря на их заблуждения и предательство. Может быть потому, что они спасли меня тогда, а я в свою очередь спасла их, помогая покинуть Ла-Рошель, где они были обречены. Я была такой отверженной, когда мэтр Берн приютил меня. Если бы вы знали... Я превратилась в затравленное животное, беспощадно предаваемое всеми...

Пожатием руки он остановил ее попытку оправдаться.

— Что было, то прошло,— сказал он жестко.— Благодетели прошлого не могут заставить забыть грехи настоящего. Вы всего только женщина и вам трудно понять, что дисциплина и справедливость должны торжествовать, иначе наступит анархия. И я не смогу оставить потомкам ничего, кроме бесцельно прожитой жизни. Тут, где мы находимся, слабость недопустима.

— Речь идет не о слабости, а о милосердии.

— Опасное заблуждение! Ваш альтруизм обманывает вас и совсем вам не к лицу.

— А какой бы вы хотели меня видеть?— воскликнула она возмущенно.— Жестокой? Злой? Беспощадной? Конечно, на протяжении нескольких лет я жила ненавистью. Но теперь не могу больше... Я не хочу больше зла, Жоффрей. Зло — это смерть. А я... я люблю жизнь.

Ее последние слова открыли ему секрет ее поведения. Среди пережитых недавних событий его не оставляли мысли об Анжелике, и он беспрестанно пытался постигнуть тайну той, которая владела его сердцем. Итак, в ней не было ни притворства, ни расчета. Повинуясь обычной женской логике, она пришла, чтобы поставить его перед свершившимися фактами, заставить высказать свое мнение. Неужели он и в самом деле хотел бы встретиться в ней власто-

любивую, злобную, безжалостную эгоистку, подобную многим женщинам, чьи жизни были посвящены только им самим? Что делал бы он сейчас с подобной маркизой, занятой нарядами, он — авантюрист, который готовился еще раз бросить свою жизнь на весы фортуны, приближаясь к неисследованным землям?

Какое место могла занять в этой жизни Анжелика из прошлого, покорившая сердце короля и избравшая извращенное придворное общество местом для своих подвигов?

Дикая и суровая земля, к которой он привез ее, не нуждалась в мелочных и пустых сердцах. Она требовала самопожертвования.

Ожидая его приговора и не зная, какие мысли таятся за его нахмуренным лбом, она не спускала с него горящих страстью глаз. А он думал: «Самые прекрасные глаза в мире! Заплатить за такие 35 тысяч пиастров было не так уж и дорого. Король не устоял перед их сиянием... Жестокий султан склонился перед их властью».

Он положил ей руку на лоб, прикрывая глаза, словно боясь уступить их зову, затем медленно погладил ее волосы. Казалось, что дыхание времени оставило на них свои следы только для того, чтобы создать новую оправу для ее сияющих зеленых глаз. Богиня Олимпа позавидовала бы этому невесомому украшению, переливающемуся золотом и перламутром.

Втайне он восхищался ее способностью сохранять свою прелесть при любых обстоятельствах. Несмотря на замешательство и тревогу, она была одинаково прекрасна и в водовороте бури и на ложе любви. Ибо ее красота была не из тех, что требуют для своего совершенства искусства парфюмеров и кокетство. Именно простотой она была обязана своему новому великолепию, рожденному одновременно безмятежностью и удивительной жадной жизни. У него не было сил жить дальше без нее. Даже мысль о том, что она находится в другой части корабля, была невыносимой. Увидев ее сегодня дрожащей у своих ног, он был потрясен. Бог знает, почему он сразу не повесил «ее» протестантов. За свою полную опасностей жизнь ему пришлось на собственном опыте убедиться, что слабость всегда была причиной неудач и горьких поражений. Лучше пожертвовать пальцем, чем потерять руку.

Анжелика боялась нарушить воцарившуюся тишину. Рука, ласково гладившая ее волосы, будила в ней надежду, но она не пыталась подняться, зная, что она не убедила его, и он будет противиться ее чарам и может стать еще более подозрительным и немолчимым.

Какие же еще аргументы найти? Ее душа блуждала в пустыне, где ужасная картина повешенных на реях грот-мачты ларошельцев сменялась подобной же, открывшейся тем ледяным утром в Ньельском лесу около Скалы Фей. Все эти немые безжизненные тела раскачивались и вращались, затеявая вокруг нее головокружительную пляску смерти. Когда она заговорила, голос прерывался от отчаянного сердцебиения.

— Жоффрей, не лишайте меня единственного, что мне осталось... Сознания, что я нужна обездоленным детям. Ведь все произошло по моей вине. Я хотела спасти их от участи худшей, чем смерть. Их невинным душам грозила гибель. Неужели я увлекла их так далеко только для того, чтобы они увидели, как предаю их отцов позорной казни? Какое потрясение для них! Не отказывайте им в надежде, Жоффрей! Я не смогу перенести их страдания. Помочь этим юным созданиям избежать роковой участи — вот цель моей жизни. И вы хотите лишить меня ее? Неужели я так богата? Я все потеряла... мои земли... богатство... звание... имя... честь... моих сыновей... вас... вашу любовь. Мне больше ничего не осталось, кроме ребенка, над которым тяготеет проклятие.

Рыдания перехватили ей горло. Она закусил губы. Пальцы Жоффрея де Пейрака судорожно впились в ее затылок, причиняя боль.

— Не думайте, что растрогаете меня слезами.

— Я знаю, — прошептала она. — Я такая неумелая.

«О нет, наоборот, слишком искусная», — подумал он. Ему было невыносимо тяжело видеть ее в слезах. Он почувствовал, как конвульсивная дрожь сотрясает его плечи, а сердце разрывается от жалости к ней.

— Поднимайтесь... Невыносимо видеть вас такой униженной.

Она была слишком утомлена, чтобы противиться, и покорно поднялась. Он отвел обвивавшиеся вокруг него руки. Они были холодны, как лед. Какие-то мгновения он задержал их в своих. А затем оставил ее и стал прохаживаться по комнате. Анжелика наблюдала за ним. Ее веки, ресницы потемнели от влаги, щеки со следами слез казались высеченными из мрамора.

В эти мгновения любовь к ней вспыхнула с такой силой, что он с трудом удержался от искушения заключить ее в объятия, осыпать поцелуями и нежно шептать: «Анжелика! Душа моя!» Он больше не хотел, чтобы она трепетала перед ним.

— Присядьте, госпожа аббатиса, — сказал он вдруг, — и скажите, раз уж снова хотите поставить меня в безвыходное положение, какое решение вы предлагаете. Надо ли иметь в виду, что мой корабль, лагерь и побережье скоро станут театром новых кровавых стычек между вашими вспыльчивыми друзьями, моими людьми, индейцами, трапперами, испанскими наемниками и всей фауной Даун-Иста?

Легкая ирония, сквозившая в его словах, доставила Анжелике невыразимое облегчение. Она опустилась в кресло и глубоко вздохнула.

— Не считайте партию выигранной, — сказал граф. — Я просто задал вам вопрос. Что же делать с ними? Если бы они по крайней мере не искушали других своим дурным примером. Получив свободу, они дождутся момента, чтобы взять реванш. Я мог бы, конечно, избавиться от них тем же способом, что они готовили для нас: высадить их где-нибудь севернее на пустынном берегу. Это обрело

бы их на такую же верную смерть, как и повешение. Доставить же их в благодарность за их вероломство на Острова я не могу, даже в угоду вам. Я потеряю уважение не только среди моих людей, но и в глазах всего Нового Света. Здесь не прощают глупостей.

Опустив голову, Анжелика напряженно думала.

— Вы предполагали предложить им часть вашей земли для колонизации. Почему же теперь вы отказываетесь?

— Почему? Вложить оружие в руки тех, кто считает меня своим врагом? Какая может быть гарантия их лояльности по отношению ко мне?

— Участие в прибылях, которые вы им предложите. Вы как-то говорили, что они могут здесь заработать гораздо больше, чем при любых торговых сделках на Антильских островах. Это правда?

— Да, это верно. Но пока здесь еще ничего нет. Надо все создать. Построить порт, город, завести торговлю...

— Уж не из-за этого ли вы согласились взять их с собой? Ведь вам известно, что гугеноты незаменимы, когда дело идет об освоении новых земель.

— Этого я не отрицаю. Но их необъяснимая враждебность заставила меня усомниться в их готовности к этому.

— Они должны были быть уверенными в успехе. Не легко, конечно, с ними договориться, но они хорошие коммерсанты и к тому же умелые и мужественные люди. Разве то, что они, не имея ни оружия, ни золота, без достаточного знания морского дела, сумели осуществить свой план и захватить «Голдсборо» не подтверждает этого?

Жоффрей де Пейрак расхохотался.

— Надо быть слишком великодушным, чтобы признать это.

— Но вы способны на все великое,— сказала она с пылом.

Он остановился около Анжелики и пристально посмотрел на нее. Восхищение и преданность, которое прочел в ее глазах, не были притворными. Это был взгляд ее юности, когда она без оглядки отдавалась зову пламенной любви.

Не было больше сомнений, что для нее не существовало на земле другого мужчины, кроме него. И как он мог сомневаться в этом? Чувство неожиданной радости охватило его. Он почти не слышал, как Анжелика продолжала свою защитную речь.

— Вам могло показаться, Жоффрей, что я готова легко простить поступки, ранившие ваше сердце, и последствия которых остаются непоправимыми из-за смерти ваших верных друзей. Подобное вероломство по отношению к вам и послужило поводом для вашего негодования. Но я все-таки буду продолжать бороться за то, чтобы все это окончилось торжеством жизни, а не смерти. Просто мы стали жертвами недоразумения, и я чувствовала бы себя вдвойне виноватой, если бы не попыталась его рассеять.

— Что вы хотите этим сказать?

— Жоффрей, когда я пришла к вам в Ла-Рошели и умоляла, не ведая, кто скрывается под маской Рескатора, взять на борт этих людей, находившихся под угрозой неминуемого ареста, вы вначале отказались, но затем согласились. Значит, вам просто пришла в голову мысль попытаться сделать их колонистами. Я убеждена, что, принимая это решение, вы не только не желали причинить им зло, а наоборот, имея в виду свои интересы, давали этим изгнанникам возможность попытаться удачу.

— Я не могу отрицать, что это близко к истине...

— Почему же вы сразу не посвятили их в свои намерения? Откровенный разговор рассеял бы невольное подозрение, которое вы им внушили. Никола Перро говорил мне, что не найдется на земле людей, с которыми вы не нашли бы общего языка...

— Несомненно, но эти ларошельцы сразу внушили мне неприязнь, которая немедленно переросла во взаимную враждебность.

— Но из-за чего?

— Из-за вас, сударыня!

— Из-за меня?

— Конечно. Ваши точные заключения объяснили мне сегодня причину сразу возникшей между нами антипатии. Вы можете себе представить? — Оживляясь, он воскликнул. — Я увидел, что вы ведете себя среди них как своя. Как же было не заподозрить, что там может находиться ваш возлюбленный или даже супруг? К тому же оказалось, что у вас есть дочь. Был ли ее отец тоже на борту? Я видел, с какой нежностью склонялись вы над раненым, судьба которого волновала вас до такой степени, что у меня исчезли последние сомнения.

— Жоффрей, он был ранен, спасая мою жизнь!

— И тут еще вы заявляете, что хотите вступить с ним в брак! Я надеялся вернуть вас к себе, но боялся снять маску, чувствуя, что пока ваша душа слишком далека от меня. Как же их не ненавидеть? Все во мне восстало против них, а тут еще бешеная ревность этого Берна, сошедшего с ума от любви к вам.

— Кто бы мог подумать? Такой выдержанный и уравновешенный человек! Что за проклятие тяготеет надо мной, которое заставляет враждовать мужчин!

— Красота Елены вызвала Троянскую войну.

— О Жоффрей, только не говорите, что я была причиной столько ужасных происшествий.

— Именно из-за женщин происходят самые необъяснимые бедствия! Недаром же говорят: «Шерше ля фам!» Но иногда они приносят и самое большое счастье. Откровенно говоря, мне понятно желание Берна покончить с собой. И я прощаю его только потому, что торжествую победу, одержанную не столько томагавками, сколько вашим выбором. Пока я сомневался в результате этого выбора, бессмысленно было взывать к моему милосердию... Завтра всех пассажиров перевезут на берег. Маниголь, Берна и другие в цепях

и под стражей будут сопровождать нас. Я сообщу им, чего от них ожидаю. Если они согласятся, я заставлю их поклясться на Библии, они не посмеют нарушить клятву.

— Вы удовлетворены, сударыня?

Она молчала, ей трудно было еще поверить в свою победу. Поднявшись, она проводила его до двери и там неожиданно схватила за руку.

— А если они не согласятся? Если вам не удастся их убедить?

Он отвел глаза и пожал плечами.

— Им дадут индейца-проводника, лошадей, повозки и оружие, и пусть они катятся... ко всем чертам...

Глава 8

ВОЛШЕБНЫЕ ОСТРОВА

Сквозь проплывавший над прозрачной водой туман до стоявшей на полуострове Анжелики доносились далекие крики с земли. Неведомый мир, который угадывался в нескольких кабельтовых, был избран Жоффреем де Пейраком местом для новой жизни. И потому Анжелика уже чувствовала к нему привязанность.

Она поднялась на корму вместе с Онориной после того, как принесла измученным женщинам утешительную весть. Ей необходимо было побыть одной. Слишком много волнений выпало на ее долю. Постоянно угнетавший ее страх начал постепенно рассеиваться. Жоффрей только что расстался с ней, а она уже ожидала его возвращения. Она хотела вновь слышать его голос. Прислушиваясь к журчанию воды под веслами приближающейся лодки, возможно его лодки, она ждала, когда раздадутся его шаги. Она стгорала от желания быть рядом с ним, любоваться им, внимать его речам. Разделять с ним радости и заботы, мечты и устремления. Неожиданно для себя она звонко рассмеялась.

«Влюблена! Влюблена! Я ужасно влюблена!»

Радость вновь обретенной любви переполняла ее сердце. Она снова ощутила его нервную породистую руку, ласкающую ее волосы, услышала приглушенный голос: «Присядьте, госпожа аббатиса...»

«Он не мог бы так быстро во всем согласиться со мной, если бы не любил меня. Он помиловал их! Он сделал мне этот королевский подарок. Ах, что за важность, пусть он властвует надо мной! Ведь я только женщина... и я его жена...»

Соединившие их священные узы брака позволили им найти друг друга. Граф де Пейрак не мог полностью оставить без внимания ту, которая была его супругой. Он поспешил к ней на помощь в Канди,

затем, когда Осман Ферради предупредил его, он немедленно отправился в Микенез. Точно так же и в Ла-Рошели он появился, чтобы помочь ей.

Анжелика вздрогнула. Теперь она была уверена, что не случай привел графа де Пейрака к стенам Ла-Рошели. Он знал, что она находится в этом городе. Кто же мог предупредить его? Она перебирала в уме все возможные предположения и остановилась на наиболее правдоподобном: болтовня сэра Роша. Все новости шли через него в гавани Востока и Запада.

«Он всегда старался мне помочь, когда узнавал, что я в затруднительном положении. Значит, он дорожит мною, а я... я только доставляла ему неприятности...»

— Мама, ты дрожишь, как будто тебе снится плохой сон, — сказала Онорина, укоризненным тоном.

— Ты не можешь понять, — ответила Анжелика, — это так прекрасно!

Онорина надула губы в знак того, что не разделяет этого мнения. Чувствуя смутные угрызения совести, Анжелика погладила ее длинные рыжие волосы. Онорина догадывалась, что когда отношения между Черным Человеком и ее матерью налаживались, ее благополучие было под угрозой. Мать не уделяла ей внимания и с трудом мирилась с ее присутствием. Почему бы это?

— Ничего не бойся, — вполголоса сказала Анжелика. — Я не покину тебя. Твое маленькое сердце уже извело грозные бури. Я постараюсь помочь тебе избежать их в будущем... Онорина, я хочу кое-что тебе сказать, моя милая. Ты стала моей любимицей. Мне кажется, что только ты пробудила во мне материнские чувства. Мне не следовало бы в этом признаваться, но я хочу, чтобы ты это знала. Потому что ты с рождения была обездоленной.

Но счастье Анжелики нельзя было назвать полным. Существовали еще обстоятельства, которые мешали этому счастью и требовали устранения: упреки де Пейрака в плохом присмотре за его сыновьями и ее измены, из которых самая тяжелая приписывалась ей напрасно. Когда-нибудь она наберется смелости и скажет мужу, что НИКОГДА НЕ БЫЛА ЛЮБОВНИЦЕЙ КОРОЛЯ. И уж, конечно, никогда не могла любить того, кто стал отцом Онорины.

Надо будет поговорить и о Флоримоне. Ведь это их родительский долг попытаться найти юношу. А если он заговорит с ней о Канторе? Это такое болезненное место! Почему он, Жоффрей, всегда предвидевший все, не знал, атакуя королевский флот, что его сын находится на одной из галер? Это была единственная военная операция, которую он проводил непосредственно против короля Франции. Какой нелепый случай... А может быть это было неспроста? Как только что, когда думала о Роше, ее не покидало ощущение, что ей вот-вот откроется что-то удивительно простое, что должно было бы быть для нее уже давно очевидным.

Но ее попытки сосредоточиться были тщетными. Она случайно взглянула на него и оцепенела от охватившего ее первобытного страха. Прямо над ней разрасталось сияние, переливающееся всеми красками от красного до фиолетового и ставшее затем невыносимо ярко-оранжевого цвета. Казалось, что этот рассеянный свет излучается одновременно со всего небосвода.

Анжелика невольно подняла голову выше. Гигантский оранжевый шар, похожий на фантастический гриб, висел в небе. От него исходил такой невыносимый жар, что ей пришлось закрыть лицо. Онорина подняла руки вверх.

— Мама, смотри, солнце!

Анжелика едва не рассмеялась.

— Так это всего только солнце...

Однако ее испуг можно было оправдать. Это солнце действительно было необычным. Оно стало красным и оставалось громадным, хотя и стояло высоко в небе. Его окружали целые ряды переливающейся всеми цветами радуги. Палящий жар светила особенно ощущался в контрасте с холодным ветром. Хотя небесный огонь и обжигал голову, Анжелика чувствовала, что замерзает. Она укрыла Онорину плащом и сказала ей: «Уйдем поскорее», но не сдвинулась с места. Красота открывающегося перед ней зрелища словно притягивала ее к месту.

Многочветные туманные занавеси то возникали, то таяли, словно падающие или раздвигающиеся муслиновые вуали.

Ей показалось, что видит зеленое чудовище, которое вытягивалось, становилось огромным, повсюду выпуская длинные щупальцы с огненными когтями.

И вдруг туман исчез, словно его и не было. Ледяное дыхание ветра сдуло последние его завитки. Чистый воздух зазвенел, как струна, чуть потускневшее солнце сияло в голубизне неба, а то, что Анжелика приняла за зеленое чудовище, оказалось берегом, покрытым густым лесом с плешинами из красного песка.

Сверкающая лазурь неба прерывалась темными пятнами елей, возвышавшимися гигантскими приморскими соснами, красноватым золотом каких-то кустарников, предвещавшим осень. Уже осень! А как будто и лето еще не начиналось. Везде — и в заливе, и дальше в чисто лавандового цвета море — глазу открылись окаймленные розами зеленые острова. После нескольких дней, проведенных в тумане, живая игра красок, ласкавшая глаза, казалась волшебным сновидением, и Анжелика была настолько очарована этим зрелищем, что не заметила, когда вернулась шлюпка.

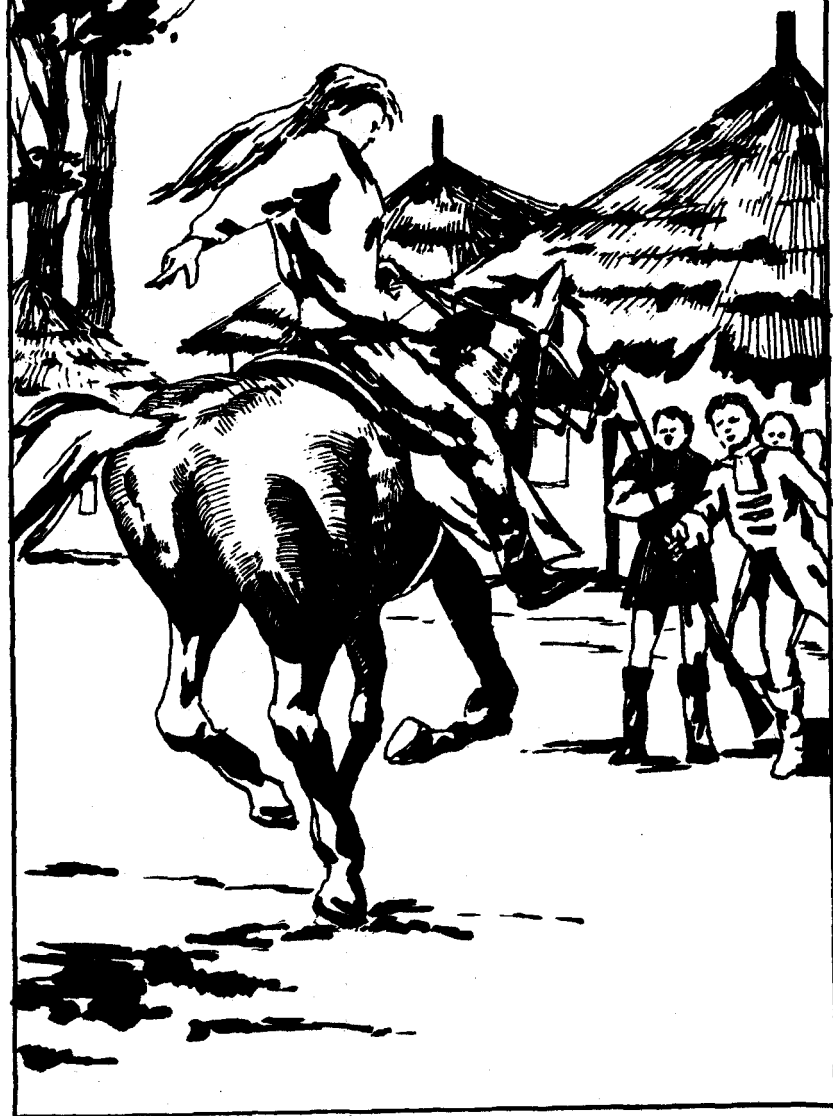
Жоффрей де Пейрак появился позади нее. Его поразило выражение восхищения, запечатлевшееся на ее лице. Когда она повернулась к нему, он сделал широкий жест рукой.

— Вы изъявляли желание увидеть острова, сударыня. Вот они!

— Как же называется эта страна?

— ГОЛДСБОРО!

В СТРАНЕ РАДУГ



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

СУДЬБА ЛАРОШЕЛЬЦЕВ

Мы уже в Америке?— спросил один из малышей.
— Честно говоря, я и сам не знаю, но как будто да,— ответил Маниголь.
— Но это не похоже на то, о чем писал пастор Рошфор.
— Но это еще красивее.

Только детские голоса раздавались отовсюду, в то время, как взрослые молча собрались на палубе.

— Мы высадимся на землю?

— Да!

— Наконец!

Все смотрели на расстилавшийся перед ними лес. Из-за прерывистого тумана трудно было определить расстояние до него. Между тем погода была достаточно ясной, чтобы разглядеть землю и множество красных, коричневых и белых пирог, направлявшихся от берега к кораблю.

Зато близость открытого моря проявлялась неистовым шумом прибоя в рифах и узком извилистом проходе, которые укрывали залив. Именно в этом направлении были обращены взоры Маниголя, Берна и их товарищей, когда они поднялись из трюма наверх. По направлению рифового барьера хлынула стена гудящей и kloкочущей воды и это как бы символизировало для пленников невозможность бегства из так хорошо охраняемой западни. Тем не менее они шли уверенной поступью.

Анжелика поняла, что она еще не знала, для чего их расковали и привели наверх. Рескатор продолжал мстить, держа их в страхе перед неминуемой смертью, и они невольно приняли за траурные

приготовления ту заботу, которой окружили их двое молчаливых матросов. Действительно, им прислали все необходимое для бритья и принесли чистое белье и поношенную, но чистую и выглаженную одежду.

Когда они появились на палубе, их вид мало чем отличался от прежнего. Анжелика с волнением заметила, что на них не было цепей, как и обещал ее муж. Сердцем она непреодолимо потянулась к нему, ибо знала, почему он избавил их от унижения перед лицом своих детей.

Он сделал это ради нее, чтобы она оценила его внимательность! Она поискала его глазами.

Граф появился, как всегда, внезапно, в том же красном плаще, который одел накануне. Красные и черные перья на шляпе трепетали по ветру так же, как и масса других, появившихся повсюду. Это индейцы тихо перебрались через борт с ловкостью обезьян. Они были везде. Их молчание и загадочный взгляд прищуренных глаз производили гнетущее впечатление.

Внезапно индейцы стали брать на руки самых маленьких детей и исчезать с ними за бортом. Испуганные, растерянные женщины подняли страшный крик.

— Эй, успокойтесь, кумушки!— весело вскричал д'Юрвиль, приплывший на маленьком баркасе.— Вас слишком много, чтобы сразу погрузить всех. И могикине перевезут детей на своих пирогах. Совершенно не из-за чего волноваться. Это же не дикари!

Его жизнерадостность и хороший французский подействовали успокаивающе. Корсар-нормандец внимательно присматривался к женским лицам.

— А среди этих дам есть довольно милые мордашки.

— Ну-ну, спокойнее, мой друг,— сказал Жоффрей де Пейрак.— Не забывайте, что вы женаты на дочери нашего великого сагамора и должны хранить ей верность, если не хотите очутиться с точно всаженой в ваше ветреное сердце стрелой.

Д'Юрвиль сделал гримасу, а затем объяснил, что уже пора садиться в шлюпки, и его руки были готовы принять самую храбрую из дам. Атмосфера тревожного оживления невольно рассеялась. Понимая, что путешествие окончено, каждый захватил свой убогий скарб, привезенный из Ла-Рошели.

Анжелике предложили занять место на большом баркасе. Тогда же спустились пленники, а также пастор Боккер, Абигель, мадам Маниголь с дочерьми, мадам Марселло с Бертиль, мадам Каррер и часть ее выводка.

Жоффрей де Пейрак обернулся к пастору.

— Господин пастор, эта уединенная бухта, укрытая от посторонних глаз, всегда была убежищем пиратов. И вам предстоит быть первыми людьми истинного бога, которые высадутся в этих местах и вступят во владение ими. И потому я предлагаю вам высадиться первыми и повести за собой ваших людей на новую землю.

Услышав такую неожиданную для него просьбу, старик сразу

поднялся. Он крепко прижал к груди свое единственное богатство — объемистую Библию, прыгнул с баркаса и устремился, разбрызгивая воду, к берегу. Свою шляпу он уже давно где-то потерял и сейчас ветер развеял его седые волосы. Выйдя на прибрежный песок, он поднял над головой святую книгу и запел гимн. Протестанты подхватили хором.

Подплывшие на пирогах индейцы передавали из рук в руки малышей. Дети в изумлении таращили глаза на происходящее.

Со всех сторон, окружая кольцом новоприбывших, появилось удивительное человеческое смешение, которое Жоффрей де Пейрак назвал «Фауной Даун-Иста». Индейцы и индианки, мирные землевладельцы или размалеванные воины с плюмажами из перьев, мехами и сверкающим оружием, и женщины, державшие грудных детей в ярких заплочных сумках. Затем пестрая ватага матросов, у всех в руках были абордажные сабли, ножи или рапиры...

Первый порыв возбуждения прошел, и теперь протестанты в тревоге ожидали решения их судьбы. Непримируемые не только к врагам, но и к самим себе, они не строили иллюзий относительно уготованного им будущего. Закон возмездия должен был здесь править еще строже, и они не надеялись на милосердие человека, который уже продемонстрировал свою способность к мгновенным контрдействиям. Их и так удивляло, что они до сих пор живы.

Подошедшие индейцы сложили у ног Маниголя и его спутников связки маисовых початков, корзины с овощами и разными напитками в любопытных сосудах необычной формы, и жареное мясо на кусках березовой коры.

— Первые шаги к согласию, предусмотренные великим сагамором, — заметил граф де Пейрак. — Его пока нет, но он не заставит себя долго ждать.

Маниголь не выдержал напряженного ожидания.

— Что вы собираетесь сделать с нами? — спросил он. — Пришло время вынести решение, сударь. Если нас ожидает смерть, то к чему разыгрывать комедию радушного приема.

— Посмотрите вокруг себя. Здесь все дышит жизнью, а не смертью, — сказал граф, показывая рукой в сторону пышного ландшафта.

— Должен ли я понять это, как то, что вы готовы отменить нашу казнь?

— Я и в самом деле отменяю ее.

— На бледных лицах измученных протестантов появился легкий румянец, они все еще сомневались, помня брошенные им безжалостные слова: «Око за око, зуб за зуб».

— Любопытно было бы узнать, что скрывается за вашим великодушием, — проворчал Марселло.

— Я не делаю из этого секрета и готов удовлетворить ваше любопытство. Ибо в любом случае вы должны заплатить мне за кровь убитых вами людей, среди которых двое были моими самыми дорогими друзьями.

— И какой ценой должны мы заплатить?

Де Пейрак с преувеличенным вниманием следил за разлетающимся под ударами его сапога песком.

— Остаться здесь и построить порт, который станет более богатым, более обширным и знаменитым, чем Ла-Рошель.

— Это условие нашего спасения?

— Да... ибо в данном случае спасение людей послужит делу моей жизни.

— Вы превратите нас в своих рабов?

— Я дарю вам чудесную землю.

— Сначала скажите, куда мы попали?— спросил Маниголь.

Граф подробно описал им и закончил, что это часть одной из тринадцати английских колоний.

Ларошельский арматор, Берн и Легаль ошеломленно переглянулись.

— То, что вы нам предлагаете — подлинное безумие. Это скалистое побережье известно своей недоступностью, — сказал последний. — Все оно представляет собой смертельную западню для кораблей. Цивилизованному существу невозможно укорениться здесь.

— Это соответствует действительности. Исключение составляет то место, по которому прошел «Голдсборо». То, что вам кажется труднодоступным проходом, всего лишь скалистый порог, судоходный при приливе, ведущий к надежному убежищу.

— Я не отрицаю, что это чудесное укрытие для пиратов. Но рассказы мореплавателей не оставляют надежды на постройку порта. Голод, холод, самые высокие в мире приливы, бешеный ветер, засыпающий снегом все до самого моря. Так вот какую участь вы нам уготовили, — сказал Марселло. — У нас ничего нет здесь, и вы обрекаете нас с женами и детьми на голодную смерть.

Едва он закончил, как Жоффрей де Пейрак сделал резкое движение рукой, давая знак матросам, оставшимся на одной из лодок. Затем он устремился к выдававшимся в море красным скалам.

— А вы идите сюда!

Они потихоньку последовали за ним. На мгновение им показалось, что он собирается расправиться с ними, но они тут же убедились, что этот дьявол в человеческом образе просто приглашает их на прогулку. Они присоединились к нему на берегу, где уже причалила лодка. Матросы распутывали рыболовную сеть.

— Богохульник! — загремел Марселло.

— Как вы смеете издеваться над Евангелием?!

— Глупец! — ответил де Пейрак, приходя в хорошее расположение духа. — Не может быть двух способов достижения одного результата с помощью одинаковых средств.

Изобилие рыбы, ее разнообразие и величина подвергли протестантов в изумление. Гигантские омары сине-стального цвета отчаянно барахтались среди осетров, палтусов...

— Вы каждый день можете быть с таким уловом. В определенную пору года целые косяки трески ищут убежища в многочислен-

ных расселинах у берега. А лососи поднимаются по речкам вверх, чтобы метать икру.

— Соленой и копченой рыбой можно снабжать заходящие в порт судна,— сказал молчавший до сих пор Берн.

Граф де Пейрак бросил на него пронизательный взгляд и спокойно продолжал:

— Разумеется... Во всяком случае, вы убедились, что голод вам не грозит. Я уже не говорю об изобилии дичи, ягод, кленового сахара и превосходных индейских культур, о которых вы сможете судить сами.

Глава 2

ЛАГЕРЬ ШАМПЛЕНА

Когда они вернулись назад, место высадки превратилось в пиршественный стол. Туземцы продолжали приносить свежесостряпанные блюда, корзинки с очень ароматными фруктами, гигантские тыквы и томаты. От костров доносился запах жарившейся рыбы свежего улова.

— А где же наши дети?— слышались голоса женщин, испуганных диким зрелищем торжественного танца индейцев.

— Мама!— раздался крик Онорины, неожиданно появившейся возле матери.— Пойди посмотри, какие креветки я наловила с господином Краули!— ее лукавая мордашка была вся в синих пятнах.

Боже, неужели она пила чернила!

Но оказалось, что все остальные дети были так же разукрашены.

— Мы лакомились,— хором отвечали дети.

В ответ на вопросы о том, чем они лакомились, они произнесли английские слова.

— Если так пойдет и дальше, то через несколько дней они начнут говорить по-английски,— делились между собой родители.

— С этим голод вам не страшен,— показал граф на угощения,— а изобилие леса и мехов защитит вас от холода.

— Тем не менее Шамплен потерпел неудачу,— повторил Манниголь.

— Действительно. Но знаете, почему? Он не знал о прибрежной гряде и испугался 120 футов прилива и свирепой зимы.

— А вам удалось ликвидировать эти препятствия?— съязвил Марселло.

— Нет. Прилив всегда достигает 120 футов, но только с другой стороны этого высокого мыса Голдсборо, где Шамплен разбил свой лагерь. Он расположился в окаянном месте, тогда как в полу-

часе хорошей езды рысью он нашел бы это место, где мы сейчас находимся и где прилив бывает только до 40 футов.

— Сорок футов — это еще слишком высокий прилив для порта.

— Неправда! 40 футов — это высота прилива в Сен-Мало, процветающем британском порту.

— Где нет скалистых проливов, — заметил Берн.

— Конечно, но есть Ранс с его наводнениями и илом.

— А здесь нет ничего похожего на ил, — сказал Маниголь, опуская руку в прозрачную воду.

— Наши условия гораздо более благоприятны, чем те, в которых ваши предки решили строить неприступный порт на скале, ставшей потом Ла-Рошелю. Он защищен грядой скал, как и здесь, но ему угрожают заносы из ила, которые в скором будущем задушат порт. Кому же, как не вам, ларошельцам, строить порт в местности, столь напоминающей вашу родину?

Анжелика обратила внимание, что протестанты столпились вокруг того, кого по-прежнему называли Рескатором. Но они увлеклись и забыли о своем щекотливом положении. Его вопрос вернул их к печальной действительности.

— Но ведь мы в ваших руках, — с горечью сказал Маниголь. — У нас нет выбора.

— О каком выборе может быть речь? — сказал Жоффрей де Пейрак, посмотрев ему прямо в глаза. — Отправиться в Сан-Доминго? Что вы знаете об этом острове, до которого нельзя добраться, не заплатив дань карибским пиратам? И чем могли бы там заняться такие предприимчивые, деятельные и опытные в торговом деле люди, как вы? Рыбным промыслом? В жалких ручейках там водятся только пескари, а прибрежные воды кишат кровавыми акулами.

— Однако у меня там есть торговые конторы и немалые деньги.

— Нет, это несерьезно. Ваши конторы, может быть, и не будут разграблены пиратами, но вам принадлежать они уже не могут, господин Маниголь. Уверены ли вы, что ваши дорогие, преданные и такие предусмотрительные компаньоны, как в Сан-Доминго, так и в Ла-Рошели, не поделили оставшуюся после вас добычу?

Маниголь смутился. Его собственные тайные подозрения материализовались в словах Рескатора. А тот продолжал:

— В этом вы и сами настолько убеждены, что одной из побудительных причин, толкнувших вас на захват моего корабля, была именно боязнь очутиться на Островах без гроша в кармане, если бы я отвез вас туда. Ваш разбойничий план сулил вам двойную выгоду. Уничтожив меня, вы уничтожили бы кредитора, и став владельцем прекрасного корабля, вы смогли бы держать в ежовых рукавицах несчастных эмигрантов.

Маниголь не оправдывался. Он только опустил голову и, скрестив руки на груди, погрузился в глубокую задумчивость.

— Так вы говорите, сударь, что мои опасения по поводу вер-

ности прежних компаньонов на Островах и в Ла-Рошели подтвердились. Это только предположение или достоверность?

— Достоверность.

— А откуда же это вам известно?

— Мир не так уж велик, как это кажется на первый взгляд. Во время остановки у берегов Испании я встретил одного из величайших болтунов вселенной некоего Роша, которого я знаю еще по Леванту.

— Это имя мне кажется знакомым.

— Рош был служащим палаты в Ла-Рошели. Он рассказывал об этом городе и о том, как переходит власть и богатство имущих реформистов в руки католиков, и в качестве примера приводил вас. Вы были уже тогда обречены, господин Маниголь.

Маниголь, казалось, не слышал его. Затем он глубоко вздохнул.

— Почему было не сказать нам раньше о том, что вы знали. Может быть, обошлось бы и без кровопролития.

— Напротив. Я думал, вы еще больше бы ожесточились в желании оградить меня, чтобы взять реванш у ваших «друзей».

— Зато вы хорошо распорядились нашими!

— Мы квиты! А теперь постарайтесь убедиться в следующем. За исключением разведения сахарного тростника и табака, вы могли бы там заниматься только работоторговлей. Со своей стороны, я никогда бы не оказал поддержку торговцу рабами. Здесь же у вас нет необходимости в этом грязном промысле.

— Но в Сан-Доминго можно заняться виноделием, и таковы были наши намерения, — сказал один из ларошельцев.

— Виноград не может плодоносить на Сан-Доминго. Испанцы пробовали разводить, но безуспешно.

— Однако пастор Рошфор написал в своей книге...

Граф де Пейрак покачал головой.

— В своих трудах он выдает за результаты собственных наблюдений мечты о земном рае. Это значит, что его рассказы содержат явные заблуждения.

— Ба! — раздался возглас пастора Боккера, сильно хлопнувшего ладонью по Библии. — Но это же мое мнение! Я никогда не был согласен с этим одержимым Рошфором.

— Подождите! У одержимых есть свои положительные качества. Они вырывают людей из вековой косности и заставляют их двигаться вперед.

Подошел один из мавров и подал диковинный золотой сосуд с загадочным напитком, принесенным индейцами. Граф де Пейрак, не задумываясь, залпом осушил его.

Вдали послышалось лошадиное ржание. Двое всадников, увлекая за собой потоки гальки на склоне, спускались на песок. Граф направился к ним. Они сообщили, что великий сагамор Массаво скоро прибудет, чтобы ускорить выгрузку подарков, которые уже понемногу складывались на берегу. Среди подарков были новенькие мушкеты, холодное оружие и разная хозяйственная утварь.

Габриэль Берн не смог удержаться и заглянул в открытый ящик. Жоффрей де Пейрак следил за выражением его лица.

— Шеффилдская оружейная мастерская, — сказал он, — самая лучшая.

— Да, я знаю, — согласился Берн. И впервые за много дней его лицо смягчилось и взгляд оживился. Он забыл, что разговаривает с ненавистным соперником. — Не слишком ли большая роскошь для дикарей? Они могли бы удовольствоваться и меньшим...

— Индейцы очень требовательны к качеству оружия и орудий труда. Обмануть их, значит потерять преимущество в торговле. Эти подарки, которые видите здесь, обеспечат нам мир на территории более обширной, чем французское королевство! Но их можно обменять на меха или продать за золото и драгоценные камни.

Берн с задумчивым видом вернулся к своим друзьям. Они по-прежнему держались обособленной молчаливой группой. То, что им, таким обездоленным, прямо в руки свалилась огромная территория, ошеломило их. Они непрерывно поглядывали на море, на скалы и холмы, покрытые гигантскими деревьями.

Заложив руки за пояс, граф наблюдал за ними. Легкая усмешка играла на его губах, заставляя полузакрывать один глаз, оттянутый шрамом на лице, но Анжелика теперь знала, что скрывается за этим обманчивым обликом, и ее сердце таяло от пылкого восхищения.

Вдруг он сказал вполголоса, даже не обернувшись к ней: — Не смотрите на меня так, милая дама. Вы парализуете мои мысли. А сейчас не время прохлаждаться.

Затем он обратился к Маниголю.

— Ваш ответ?

Арматор провел рукой по лбу.

— Вы действительно считаете возможным жить здесь? Все такое чужое нам. Да и вообще, созданы ли мы для этой страны?

— Почему же нет? Разве человек создан не для всей земли? Кто сказал, что человек должен добывать свой хлеб, дышать и мыслить только в определенном месте, как улитка на скале?

Пастор Боккер крепко прижал к груди Библию.

— Я понимаю, — тяжело дыша, сказал он. — Я понимаю, что вы хотите сказать, сударь. Если человек не способен повсюду заниматься созидательным трудом, какая ему польза быть человеком?

Маниголь поднял мощные руки, произнеся:

— Не сбивайте нас с толку! Но ведь нас всего-то пятнадцать человек перед таким необъятным делом.

— Вы плохо считаете, господин Маниголь. А ваши женщины и дети? У вас бесстрашное потомство, господа из Ла-Рошели, у вас мужественные женщины. Вы не просто пятнадцать человек. Вы уже целый народ!

От приготовленных на огне блюд доносился возбуждающий аппетит запах. Протестантов неожиданно окружили и стали приглашать поесть. Индейцы с непроницаемым видом держались в от-

далении в то время, как их смеющиеся женщины суетились, щупали одежды белых женщин, перемежая свою болтовню громкими восклицаниями. Они прикладывали каждой женщине руку к животу, а затем отводили ее в сторону и с вопросительным видом поднимали руки.

— Они спрашивают, сколько у вас детей и какого возраста,— объяснил Никола Перро.

Лесенка из одиннадцати ступенек, изобразившая потомство Карреров, имела невероятный успех. Вокруг мадам Каррер поднялся настоящий пляс с хлопаньем в ладони и восторженными криками. Но эта тема напоминала женщинам об их постоянной заботе.

— Где же наши дети?

На этот раз они исчезли основательно. Удалось найти только несколько малышей. Вскоре Никола Перро пришел с новостями.

— Это Краули повел их в лагерь Шамплена.

— Что за Краули? Где этот лагерь Шамплена?

Столько событий произошло на протяжении этого дня, который будет назван в летописи Шэна историческим, что уход детей остался незамеченным.

Анжелика снова неслась на лошади галопом под тенистыми лиственным шатрами по узкой, покрытой сухим мхом тропинке, ведущей вдоль берега, ошетилившегося скалами, на которые море обрушилось с яростью взбесившегося зверя.

Трапперы взялись сопровождать встревоженных матерей. Для тех, кто не умел ездить верхом, нашлись тележки и носилки. В последний момент к ним присоединились несколько мужчин.

— Вы думали, что я отпущу вас с такими бородами распутниками?— кричал адвокат Каррер на свою жену.— И потому, что эти чумазные воздали вам такие почести по поводу одиннадцати детей, к которым и я имею некоторое отношение. Вы вообразили, что отныне можете делать все по-своему? Я буду вас сопровождать!

Путешествие, затянувшееся из-за переправы через речку и узкой тропы, продолжалось меньше часа. Это была просто прогулка, на которую дети согласились, чтобы размять ноги.

Показались полуразрушенные жилища. Они располагались на опушке леса, занимая обширную прогалину, спускавшуюся по пологому склону к песчаному берегу.

Дети гонялись друг за другом среди развалин и внутри хижин.

— Мама!— закричала Онорина, подкатившись мячиком к Анжелике.— Я нашла наш дом. Иди посмотри, какой он красивый. Вокруг него розы. И господин Кра отдает его нам... нам одним.

— И нам тоже!— сердито закричал Лорье.

— Тихо, тихо, маленькие койоты!— вмешался забавный персонаж, стоявший у входа, словно встречающий почетных посетителей хозяин. Он держал в руке большую меховую шапку, позволяя любоваться своей огненно-рыжей шевелюрой. На его своеобразно выбритом лице горели идущие по скулам бакенбарды, напоминав-

шие какую-то щетинистую маску. Он объяснялся на смеси английского и французского, дополняя свою речь индейским языком жестов так, что понять его было довольно трудно.

— Ребенок прав. Меня зовут Джордж Краули... Смотрите мои дикие розы.

Но ничего не пришлось увидеть, потому что поднялся густой туман и мириады мельчайших капелек заискрились вокруг них.

— Ох, этот туман! — простонала мадам Каррер. — Я никогда не смогу к нему привыкнуть. Дети, где вы?

— Мы тут!.. — раздались голоса невидимок.

Шотландец что-то говорил по-английски, жестами приглашая прибывших последовать за ним. Чтобы не оскорбить его приветливость, пришлось последовать за ним.

— О, туман, — сказал он с пренебрежением. — Никакой туман... Он пришел, он ушел. Зимой, это самый сильный туман на весь свет.

Его слова подтвердились, когда под порывами ветра туман рассеялся. Анжелика остановилась перед крытым соломой деревянным домом, окруженным благоухающими нежными ароматами распустившихся роз.

— Вот и мой дом, — объявила Онорина и с радостным криком дважды обежала вокруг него.

Внутри пылал огонь. Дом состоял даже из двух комнат, обставленных примитивной мебелью. Но невольное удивление вызвал стол черного дерева на витых ножках, достойный быть украшением любого салона.

— Подарок господина графа де Пейрака, — с удовлетворением сказал шотландец. Он показал также на стекла в окнах, неслыханную роскошь по сравнению с другими хижинами, где их заменяли рыбы пузыри, пропускавшие совсем мало света. — Прежде я и с ними был довольный.

Это «прежде» имело довольно давнее происхождение. Краули был помощником капитана на корабле, который разбился о непроходимые рифы побережья. Единственный оставшийся в живых, весь израненный, он выбрался на негостеприимный берег. Соблазненный окружившим его изобилием, он решил остаться здесь. Считая себя хозяином этих мест, он встречал стрелами, ловко выпускаемыми с высоких деревьев, всех пиратов, пытавшихся найти убежище в бухте Голдсборо. Индейцы не оказывали ему вооруженной помощи.

Жоффрей де Пейрак, подружившийся с вождем могикан во время пребывания по делам в Бостоне, узнал о неприступном убежище в Голдсборо и о царивших там жестоких нравах. Он вступил в переговоры, и Краули охотно согласился на его предложения, так как давно искал возможности сбыта заготовленных мехов.

Жоффрей де Пейрак платил ему за меха скобяными товарами и различными безделушками. Это позволило ему стать торговцем — богом этого района.

Обо всем этом он рассказал собравшимся вокруг огня дамам. Он еще не знал, как отнестись к новоприбывшим, но, не будучи от природы молчаливым, очень рад был оказаться в такой компании. Так приятно было снова увидеть женщин с белой кожей и светлыми глазами. У него-то была жена-индианка с целым выводком карапузов.

Как раз они и угощали дам смородиной, земляникой и другими ягодами, в то время как Краули продолжал излагать хронику края.

— Господин д'Юрвиль, — рассказывал он, — горячая голова, приехал в Америку после какой-то темной истории с дуэлью. Славный малый, он покорил дочь вождя аббенаков. Это он возглавлял форт, защищая подступы к бухте Голдсборо в отсутствие господина де Пейрака. Испанец? Дон Хуан Фернандес и его солдаты? Это остатки мексиканской экспедиции, которая исчезла в непроходимых лесах Миссисипи. Большинство погибло, а те, кто уцелел, добрались до Даун-Ист полуживыми и похожими на ходячие скелеты. А память о прошлом у них отшибло окончательно.

— У дона Фернандеса ужасный вид, — заметила Анжелика. — Он все время скалит зубы.

Улыбнувшись, Краули покачал головой. Он объяснил, что испанец гримасничает из-за нервного тика, оставшегося после пыток, которым его подвергали ирокезы.

Когда господин де Пейрак готовился к новому путешествию в Европу, он предложил испанцам вернуться на родину, но они отказались. В большинстве своем эти наемники всю жизнь прожили в Америке и не знали другого ремесла, кроме поиска сказочных городов и рубки на макароны индейцев. Но за исключением этого, они очень добродушны.

Анжелика в полной мере оценила юмор рассказчика. Затем Краули сказал, что пора вставать, так как все уже согрелось, и он хочет показать свои владения.

— Тут есть еще четыре и пять хижин для житья.

Онорина удержала Анжелику за платье.

— Мне очень нравится господин Кра. У него волосы такого цвета, как у меня, и он вез меня на своей лошади.

— Да, он очень славный. Это просто счастье для нас найти сразу после приезда его красивый дом.

Онорина колебалась, задать ли мучительный для нее вопрос. Она колебалась от страха услышать отрицательный ответ.

— Может быть, это мой отец? — начала она, подняв замурзанную мордашку с горящими надеждой глазами.

— Нет, это не он, — ответила Анжелика.

— Ах, какая ты злая, — чуть слышно сказала Онорина.

Они вышли из дома, и Анжелика стала показывать девочке розы, но та не дала себя отвлечь.

— Мы ведь приехали на другой берег моря? — спросила она после минутного размышления.

— Да.

— Тогда где же мой отец? Ты говорила, что я найду его на другом берегу моря вместе с моими братьями.

Анжелика не могла вспомнить, говорила ли нечто подобное, но спорить с фантазиями Онорины было делом нелегким.

— Северине повезло,— продолжала девочка, топая ножкой,— у нее есть отец и братья, а у меня нет никого.

— Не будь завистницей. Это нехорошо. У Северины есть отец и братья, но нет матери. А у тебя есть...

Было похоже, что этот аргумент убедил девочку. Поколебавшись, она встряхнула головой и помчалась к друзьям.

— Эта хижина вполне приличная,— сказал Краули, с силой ударяя ногой по бревнам доступного все ветрам строения.— Располагайтесь!

Примечательным было то, что эти дома могли устоять долгие годы перед непогодой, и это свидетельствовало о мастерстве тех, кто их построил.

Однако ларошельские буржуа в полной растерянности осматривали эти руины, вызывающие представление о смерти, болезни, отчаянии заброшенных на край света людей.

Наблюдавший за ними шотландец не мог понять, почему у них такие вытянутые лица.

— Если мы сейчас возьмемся, то к ночи будет три-четыре жилища готовы.

— И правда, где мы будем спать? — заволновались они.

— Если нельзя расположиться здесь,— объяснил Никола Перро,— то придется возвратиться на борт, так как форт уже набит битком.

— Нет, никогда! — воскликнули они почти все разом.

Жалкие жилища показались им роскошными дворцами. Краули сказал, что может снабдить их досками, инструментом, гвоздями... Он взял на себя руководство и послал туземцев нарезать соломы для крыш. Работа закипела.

Волны тумана то закрывали море, то перекатывались по прогалине, переливаясь всеми цветами радуги. Но любоваться этим зрелищем было некогда, ибо все старались побольше сделать до наступления темноты.

Пастор Боккер, вполголоса напевая псалмы, так орудовал молотком, словно всю жизнь только этим и занимался.

Почти непрерывно на тропинке появлялись новые индейцы, приносившие яйца, маис, рыбу и крабов, дроф и королевских индеек. Дом Краули с прилегающим «магазином» превратился в главный штаб.

Но вот один дом, затем еще два были закончены.

Когда разожгли огонь в камине, тяга оказалась превосходной. Анжелике первой пришлось в голову наполнить котел водой, подвесить его и бросить в него омара. Затем она позвала на помощь трех девочек, чтобы ошипать индеек.

Из ошкуренных бревен были сбиты некие подобия кроватей, на которые бородачи бросили тяжелые меха.

— Вы будете хорошо спать ночью, маленькие бледные рыбки, вышедшие из моря, и вы, прекрасные белые чайки, преодолевшие океан.

— Люди! Люди, посмотрите-ка сюда! — позвала вдруг Анжелика.

Она показывала на очаг. Не желавший погибать омар приподнял крышку. Раздался дружный хохот. Дети подняли визг. Они падали навзничь, сшибали друг друга с ног и катались по земле, захлебываясь от смеха.

— Они опьянели, — с ужасом вскричала мадам Маниголь, — чем это их опоили?

Женщины с недоумением попробовали остатки жидкостей в кубках, из которых пили дети. Но их опьянили только ягоды, вода источника, пляшущий огонь в очаге.

— Их опьянила земля, — с умилением сказал пастор, — вновь обретенная земля. Как бы она ни выглядела и где бы она ни находилась, как же не восхищаться ею после долгих дней мрачного плаванья!

Яркая радуга, опускаясь к прибрежным скалам от трепещущей листвы, многократно отразилась в море.

— Смотрите, дети мои, смотрите, нас осеняет знак Нового Света! — Он простер обе руки, и слезы покатались по его лицу.

Глава 3

НАПАДЕНИЕ КАЙЮГОВ

Перед наступлением ночи в лагере Шамплена появился в сопровождении испанских солдат граф де Пейрак. Он приехал верхом и привез с собой еще шесть лошадей для протестантов.

— Лошади здесь большая редкость. Обращайтесь с ними очень бережно.

Сидя в седле, он с удовлетворением отметил порядок, царивший в хижинах. Всюду над крышами поднимался дым очагов. По его знаку индейцы, следовавшие за ним, поставили на землю и открыли несколько тяжелых ящиков. В них оказалось тщательно упакованное оружие.

— Здесь мушкеты для всех: для мужчин и для женщин. Тех, кто не умеет обращаться с ними, надо будет обучить завтра на рассвете.

Подошедший Маниголь с недоверчивым видом взял в руки мушкет.

— Это для нас?

— Я же сказал! Вы получите еще сабли и кинжалы, а для лучших стрелков здесь есть шесть пистолетов. Пока я не могу сделать большего.

Маниголь сделал недоверчивую гримасу.

— Как прикажете это понимать? Еще утром мы были в цепях и на волоске от смерти, а вечером вы вооружаете нас до зубов,— в его голосе звучало удивление перед подобной непоследовательностью.— То, что вы так быстро посчитали нас своими союзниками, оскорбительно для нас. Мы находимся здесь против нашей воли и до сих пор не дали вам ответ на ваши принудительные предложения.

— Получено известие, что шайка кайюгов из враждебного нам племени ирокезов направляется сюда, чтобы завладеть нашими скальпами.

— Нашими скальпами!.. — повторили стоявшие рядом, невольно поднося руки к волосам.

— Подобные неприятности происходят здесь время от времени. Никто из живущих в лесах белых не может чувствовать себя в полной безопасности от нападения одного из бродячих племен.

— Очаровательно! — съязвил Маниголь.

— Вы хвастались прелестью и богатством «ваших» владений, которые вы так великодушно пожаловали нам, но забыли сказать при этом, что в любой момент нас могут уничтожить дикари.

— Кто вас уверил, господа, что на земле есть такое место, где человек не должен бороться, чтобы защитить неприкосновенность своей жизни? Земного рая больше не существует. Единственное, в чем волен человек, это в возможности выбора, где и как он хочет жить, бороться и умирать.

Он встряхнул поводьями и исчез в темноте.

Подошедший Краули сказал, что надо использовать последние отблески дня, чтобы организовать защиту и расставить часовых.

— Это действительно серьезно, эта история с индейцами?

— Все может произойти. Лучше подготовиться и быть настороже, чем оказаться со стрелой между лопатками.

— Я думал, что он шутит, — сказал Маниголь, задумчиво поглядывая на лежащее у ног оружие.

Пастор Боккер стоял неподвижно с закрытыми глазами, словно пораженный громом. Анжелика вслушивалась в затихающий топот копыт. Легкое дыхание ветерка и тяжелые вздохи моря... Ночь окутывала неведомую землю, полную тайн и опасностей.

Те, кто должен был бодрствовать этой ночью, подстерегая малейший шум, были удивлены царившей тишиной. Постепенно рассеялись одолевавшие их сомнения и тревоги. С оружием наизготовку, внимательно вглядываясь в темноту, протестанты сменяли караульных, и их неподвижные силуэты вырисовывались рядом с

закутанными в меха трапперами, сидевшими у огня. Лесные жители посвящали их своими живописными, яркими рассказами в тайны окружавшего сурового мира. Ларошельцы чувствовали, как этот мир все больше вытеснял из их сознания прошлое.

Утро не принесло никаких происшествий, и это вызвало даже некоторое разочарование.

Анжелика спросила, может ли воспользоваться одной из лошадей, чтобы съездить в Голдсборо.

Сегодня ее, пожалуй, больше всех мучало беспокойство. Жоффрей по-прежнему не проявлял желания видеть ее рядом с собой. Приехав вчера вечером, он даже не попытался ее увидеть, не поинтересовался, что с ней. Порой он обращался с ней, как со своей женой, и тут же переставал замечать, предоставляя ей действовать самостоятельно.

Это была и в самом деле необходимая манера поведения, пока окружающие не знали о связывающих их узах. Но Анжелика начинала терять терпение. Разлука с Жоффреем была для нее невыносима. Ей просто необходимо было видеть его, слышать его голос.

Краули предупредил, чтобы остерегалась кайюгов. В ответ она только пожалала плечами. Подумаешь, кайюги! Мрачное настроение Анжелики натолкнуло ее на мысль, что это просто выдумка Жоффрея, чтобы удерживать ее вдали от себя.

— Хозяин запретил кому бы то ни было удаляться от лагеря Шамплена,— добавил шотландец.

С упрямым видом Анжелика продолжала идти вперед. Ей обязательно надо поехать в Голдсборо, объяснила она ему.

Когда она уже была в седле, раздался дикий крик Онорины, требующий взять ее с собой.

— Ох, Онорина, бедная моя крошка, не могла бы ты хоть один день провести спокойно?

Тем не менее она плотно усадила девочку перед собой и уехала. Стук копыт почти не слышался на мягкой от сухой травы дороге. Уходящее лето дышало восхитительно знакомым ароматом теплого хлеба и лесных орехов. Из-под листьев выглядывали тяжелые гроздья ягод.

Анжелика с наслаждением ощутила, как раскрывается ее душа перед этой красотой. Она не заметила, что лошадь направилась по другой тропинке, ведущей на вершину холма. Внезапно она оказалась на открытом пространстве. Перед ней расстиралось маисовое поле. Среди зелени листьев на деревянной вышке сидел на корточках застывший, словно статуя, индеец с длинным шестом, которым он отгонял прожорливых птиц.

Справа виднелся палисад индейской деревни и поднимавшийся над хижинами дым. Немного дальше хлебные поля чередовались с грядами тыкв и какого-то неизвестного растения с блестящими листьями. И повсюду выглядывали яркие головки подсолнечника. Но вскоре лес закрыл этот мирный сельский пейзаж.

Под впечатлением увиденного всадника не обращала внимания на дорогу. А лошадь продолжала подниматься по, очевидно, знакомой ей дороге. Достигнув вершины, она остановилась. Раскинувшаяся у ног Анжелики местность внушала невольное изумление. Среди мшистых утесов и густой заросли леса сверкали зеркала сине-белой мозаики многочисленных водоемов в оправе обрывистых скал, рождавших пенящиеся водопады.

У нее захватило дыхание при виде этой величественной и безмятежной красоты, которая отныне должна была стать ее родиной.

Онорина зашевелилась и протянула ручку.

— Там...

Послышалось хлопанье крыльев и какая-то птица с хриплым криком пролетела мимо них. Но Онорина не опускала руку. Очевидно, она показывала не на птицу, а на то, что ее испугало.

Присмотревшись к хаотическому нагромождению скал, Анжелика заметила группу индейцев, идущих вереницей вдоль ручья. Расстояние и ветви деревьев не позволяли рассмотреть детали, но было ясно одно: их много и это не мирные земледельцы. За их плечами виднелись луки и колчаны.

— Может быть, это охотники? — ее голос дрогнул. Она старалась не поддаваться панике, и тут ее пронзила мысль о кайюгах. Спрятавшись за деревьями, она стала наблюдать за ними.

Индейцы скользили около ручья с осторожной проворностью. Красные и синие перья их уборов извивались среди листьев, словно разноцветная змея. Их было слишком много! Они направлялись прямо к морю. Анжелика посмотрела в том направлении и различила в туманной дали очертания форта Голдсборо на фоне залива. Дорога, ведущая из Голдсборо в лагерь Шамплена, была ясно видна.

«Если индейцы идут туда, мы окажемся отрезанными от форта и не сможем помочь друг другу. Какое счастье, что Жоффрей роздал оружие...

Едва она подумала о нем, как увидела всадника, европейца, скачущего по дороге из форта. Даже до того, как он приблизился, инстинкт уже подсказал ей, кто это был. Этот черный развевающийся плащ, этот плюмаж на широкополой шляпе... Граф де Пейрак! Один!

Она с трудом удержала крик. Со своего наблюдательного пункта ей хорошо было видно, как индейцы, достигая прибрежной тропы, собирались группами. Через несколько минут скачущий во весь опор всадник наткнется на них. Ничто не могло предупредить его об опасности.

Анжелика закричала изо всех сил. Но ее голос не мог долететь до него и потерялся в безграничном пространстве. Вдруг она увидела, как он с такой силой остановил лошадь, что та стала на дыбы, а он соскочил и бросился на небольшой скалистый холм, возвышавшийся над деревьями. Оттуда он бросил быстрый взгляд

вокруг, чтобы оценить обстановку. Его лошадь снова поднялась без видимой причины на дыбы, а затем рухнула на землю. Анжелика сообразила, что животное было поражено стрелой, предназначавшейся ее мужу. Теперь не было сомнений, что это были кайюги. К счастью, Жоффрей де Пейрак смог вовремя освободиться от стремян и успел скрыться за скалами. Над ними появился белый дымок, а затем до молодой женщины донесся и звук выстрела. Он стрелял, и каждая его пуля, без сомнения, найдет свою жертву. Но он не мог иметь достаточно припасов, чтобы долго противостоять начавшим окружать его врагам.

Онорина протянула руку.

— Там...

— Да, там, — повторила Анжелика в отчаянии от своей беспомощности.

Звук выстрела напоминал шелканье разбиваемого ореха. В Голдсборо не смогут услышать этого. Слишком далеко.

Она хотела броситься к месту боя, но густые ветви не давали возможности проехать, да и у нее не было оружия. Вернувшись на знакомую тропинку, она галопом пустилась вниз. У лошади словно выросли крылья. Пролетев мимо индейских плантаций, она крикнула неподвижно сидевшему сторожу:

— Кайюги! Кайюги!

Подобно урагану ворвалась Анжелика в тишину шампленовского лагеря.

— Кайюги напали на моего мужа по дороге в Голдсборо. Он укрылся в скалах, но у него скоро кончатся припасы. Скорее собирайтесь!

— Напали на кого? — спросил Маниголь, не уверенный в том, что услышал.

— На мо... на графа де Пейрака!

— А где он? — справился подбежавший Краули.

— Примерно в миле отсюда.

Совершенно машинально она передала Онорину в чьи-то протянутые руки.

— Дайте мне пистолет, быстро!

— Дать пистолет леди? — воскликнул шокированный шотландец.

Анжелика вырвала у него из руки оружие и приказала:

— Порох! Пули! Живо!

Не трата на разговоры время, шотландец, в свою очередь, схватил мушкет и прыгнул в седло. Она помчалась вслед за ним по берегу. Вскоре стали слышны выстрелы и военный клич ирокезов. Краули обернулся и, сделав веселую гримасу, закричал:

— Он еще стреляет. Мы успеем вовремя!

На одном из поворотов кучка индейцев преградила им дорогу. Они были так поражены, что не успели изготовить свои луки. Сопровождаемый Анжеликой, Краули прорвался сквозь заслон, оглушая индейцев слева и справа ударами приклада.

— Остановимся! — распорядился он немного спустя. — Вон там подбегают другие. Надо укрыться под деревьями.

Едва они успели спрятаться за могучими стволами, как вокруг них запели стрелы, вонзаясь в твердое дерево. Анжелика и Краули стреляли по очереди. Индейцы кончили тем, что взобрались на деревья, чтобы без риска для жизни наблюдать за дорогой. Но Краули доставал их даже среди ветвей и несколько тел тяжело свалилось вниз. Анжелика хотела пробиваться дальше, но Краули отговорил ее. Ведь их было только двое.

Вдруг они услышали приближающийся со стороны лагеря Шамплена топот копыт. Показались шестеро вооруженных всадников. Это были Маниголь, Легаль, Берн, пастор Боккер и двое трапперов.

— Проезжайте дальше, господа, — кричал им Краули, — и спешите на помощь к господину де Пейраку. Я удерживаю дорогу и предохраняю вас от нападения с тыла.

Маленький отряд промчался, как вихрь. Анжелика прищепила лошадь и присоединилась к ним. Вскоре им преградила путь еще одна группа индейцев, которые, однако, не выдержала яростного напора белых и рассеялась. А тех, кто с поднятыми томагавками оказывал сопротивление, расстреляли в упор из пистолетов.

Скачка продолжалась, и вот Анжелика с облегчением увидела, что они приближаются к месту, где обороняется ее муж. Теперь пришлось и им спешиться и укрыться. Но их появление привело в замешательство атакующих. Попав под перекрестный огонь графа де Пейрака, протестантов и имея в тылу Краули, они стали проявлять признаки беспокойства.

— Я проложу себе дорогу, — сказал Маниголь Легалю, — а ты прорвешься в Голдсборо, поднимешь тревогу и приведешь сюда подкрепление.

Моряк вскочил в седло и, выбрав момент, когда тропа была освобождена непрерывным огнем, помчался во весь опор. Свистнувшая над ухом стрела сбила с него колпак.

— Проскочил! — сказал Маниголь. — Они не могут его догнать. Теперь осталось дожидаться прихода д'Юрвиля с его людьми.

Кайюги понимали, что им угрожает. С луками и томагавками они не могли противостоять огнестрельному оружию объединенных сил белых. Их засада не удалась, и теперь надо было отступать с боем.

Они начали ползком пробираться к лесу, чтобы там собраться в назначенном месте у ручья. Оттуда они достигнут реки, где были спрятаны их пироги. Но появление свежих сил из Голдсборо превратило их отступление в беспорядочное бегство. А дальше они были встречены жителями деревни, предупрежденными Анжеликой, которые осыпали их градом стрел. Оставшиеся в живых были вынуждены скрыться в лесу, уходящему в противоположную от реки сторону. И дальнейшая судьба уже никого не беспокоила.

Анжелика направилась к возвышенности, без малейшего волнения переступая через медно-красные тела, напоминавшие своими плюмажами подбитых птиц. Ее муж еще не появлялся. Наконец она увидела его, склонившегося над раненой лошадкой. Он пришел исполнить печальный долг: избавить ее от мучений.

— Вы живы! — воскликнула она. — О! Я так боялась. Я видела, как вы ехали им навстречу. И вдруг вы остановились. Почему?

— Я обнаружил их по запаху. Они покрывают тело жиром, и ветер донес до меня его малоприятный аромат. Я поднялся на этот холм, чтобы посмотреть, не отрезали ли они мне путь к отступлению. Вот тогда они и поразили моего коня. Но почему вы были так неосторожны, что попали сюда, да еще принимали участие в перестрелке?

— Я была на холме. Увидев, что вы попали в засаду, я вернулась в лагерь за помощью. И она пришла.

— А что вы потеряли на этом холме, позвольте узнать?

— Я направлялась в Голдсборо и сбилась с дороги.

Жоффрей де Пейрак скрестил руки на груди.

— Когда, наконец, — в его голосе слышалось с трудом удерживаемое раздражение, — вы начнете соблюдать мои распоряжения и установленный мною порядок? Я категорически запретил выходить из лагеря. Большого неблагоразумия вы не могли проявить!

— А разве вы сами не поступили точно так же?

— Это верно, и я мог очень дорого заплатить за это, но отделался только потерей любимого коня. А что заставило вас покинуть лагерь?

Ее признание было чистосердечным.

— Я больше не могла выдержать ваше отсутствие. Я поехала навстречу вам.

Лицо де Пейрака подобрело. Он слегка улыбнулся.

— И я, — сказал он. Он взял ее за подбородок и склонился, весь черный от пороховой копоти, к ее тоже испачканному лицу. — Мы оба немного сошли с ума, — нежно прошептал он. — Вы не находите?

— Пейрак, вы не ранены? — раздался голос д'Юрвиля.

Граф вышел из-за скал и спустился к собравшимся внизу.

— Благодарю вас, господа, за вмешательство, — обратился он к протестантам. — Нападение этих бандитов ограничилось бы простой перестрелкой, если бы я не отправился так неосмотрительно без сопровождения. Пусть это послужит хорошим уроком всем. Надеюсь, никто из вас не был ранен?

— Нет, вот только он пострадал, — сказал Легаль, показывая свой продырявленный колпак.

Маниголь не знал, какую позицию ему занять. События развивались слишком стремительно.

— Не стоит нас благодарить, — сказал он с досадой. — Все наши поступки совершенно не логичны.

— Вы думаете? — ответил де Пейрак, глядя ему в глаза. — Напротив, я нахожу, что все происходящее здесь полностью соответствует логике Даун-Иста. Позавчера вы жаждали моей смерти. Вчера я хотел вас повесить. Но уже вечером я вооружил вас, чтобы вы могли защитить себя, а сегодня утром вы спасли мне жизнь. Что может быть более логичным?

Он пошарил в своем патронташе и показал на ладони два блестящих шарика.

— Взгляните, у меня осталось только две пули.

После полудня все обитатели лагеря, получившие приглашение присутствовать на встрече великого сагамора Массавы, направились в Голдсборо. Вооруженные мужчины шли по бокам, охраняя женщин и детей. Проходя около места, где утром произошла схватка с кайюгами, они остановились.

Пролитая кровь уже почернела. Над оставленными трупами кружились хищные птицы. Какое-то время они стояли молча.

— Такова будет наша жизнь, — сказал наконец Берн, отвечая на их мысли.

Но они не выглядели ни опечаленными, ни испуганными.

Такова будет их жизнь...

Граф де Пейрак ожидал их у форта. Он возглавил колонну и привел их на то место, где они впервые ощутили под ногами землю. Он выглядел озабоченным. Учтиво поприветствовав дам, он, словно раздумывая, несколько раз посмотрел в сторону залива.

— Господа, сегодняшний инцидент заставил меня задуматься о вашей судьбе. Опасности, которые окружают вас, показались мне слишком угрожающими. И я решил отвезти вас на Антильские острова.

Маниголь подскочил, словно ужаленный змеей.

— Ни за что! — прорычал он.

— Благодарю вас, сударь, — сказал граф, поклонившись, — вы дали мне тот ответ, который я ждал от вас. И я отгоняю мысль о признательности храбрым кайюгам, чье нападение на вашу землю заставило вас внезапно осознать, насколько она стала важной для вас. Итак, вы остаетесь!

Маниголь понял, в какую ловушку угодил, и постарался скрыть раздражение.

— Ну что ж, хорошо, мы останемся, — пробурчал он. — Но не думайте, что мы будем подчиняться всем вашим капризам. Мы останемся, и никакие трудности нас не испугают.

Молодая вдова булочника выступила вперед со смущенным видом.

— Я думаю об одной вещи, монсеньер. Если бы мне дали настоящую муку и помогли построить земляную или каменную печь, я могла бы выпекать столько хлеба, сколько потребуется, так как я помогала мужу в пекарне. И мои дети умеют делать бриоши и сдобу.

— А я, — воскликнула Бертиль, — могла бы помогать отцу в

изготовлении бумаги. Он научил меня секретам выделки, потому что я его единственная наследница.

— Ты сошла с ума, мое бедное дитя! — чуть не плача, вскричал Марселло. — Кому нужна бумага в этой пустыне?

— Вот в этом вы ошибаетесь, — сказал граф. — После лошади бумага является самым важным достижением человека, который не может без нее существовать. Он испытывает настоящие мучения, если не может выразить свои мысли. В листе бумаги он находит свое отражение, как женщина в зеркале... Кстати, уважаемые дамы, я приготовил для вас необходимые аксессуары, без которых новая жизнь была бы немыслима... Мануэль, Джованни!

Названные матросы подошли, неся ящик, который они с предосторожностями выгрузили из баркаса. Когда они открыли, в нем оказались переложённые пучками сухой травы зеркала всевозможных форм и размеров.

Жоффрей де Пейрак начал раздавать их всем подряд женщинам и девушкам.

— Путешествие окончилось, сударыни. И если оно было тревожным и порой мучительным, я хотел бы, чтобы о нем напоминали вам только эти безделушки, в которые вы будете часто заглядывать. Посмотрите на себя! Полюбуйтесь!

— Я боюсь, — сказала мадам Маниголь, ощупывая чепчик и пытаясь заправить под него волосы, — мне кажется, что у меня голова, как у пугала.

— Да что вы, мама, нет! Вы действительно очень красивы, — вскричали хором ее дочери, тронутые ее смущением.

— Останемся, папа, — просила Бертиль, играясь с зеркалом в серебряной оправе и любуясь своим отражением.

Глава 4

ВЕЛИКИЙ САГАМОР МАССАВА

Великий сагамор Массавы, появившийся на белом коне, принял как знаки особого внимания в честь его прибытия блеск зеркал, которыми размахивали бледнолицые женщины в странных нарядах.

Это наполнило его чувством глубокого удовлетворения. Он спускался по тропинке, заставляя коня идти размеренным шагом, окруженный воинами личной охраны и индейцами, съехавшимися со всех сторон. Создавалось впечатление, что он движется в середине гигантского букета из деревьев.

Шествие сопровождалось ритмическим боем барабанов и прыжками танцоров.

Внизу он сошел с коня и направился к ожидавшим с рассчитанной торжественной медлительностью.

Это был старик высокого роста с медно-красным лицом, изборожденным бесчисленными морщинами. Его выбритую, выкрашенную в синий цвет голову, увенчивал гигантский плюмаж из разноцветных перьев с двумя скрещивающимися длинными пушистыми хвостами в серых и черных волосах. Его обнаженный торс, руки в браслетах и даже ноги были так искусно татуированы, что казалось будто на нем одета тонкая синяя сетка. Многочисленные ожерелья из жемчуга и разноцветных кабошонов свисали до бедер. Такие же украшения охватывали его запястья и лодыжки. Короткая набедренная повязка и плащ были сплетены из простого дуба, но черные узоры на белом фоне придавали им великолепный вид. Ярко-красные диковинные подвески из надутых рыбьих пузырей покачивались в ушах.

Граф де Пейрак подошел к нему и они обменялись ритуальными приветствиями. Несколько минут они разговаривали, затем вождь направился к протестантам, но теперь он бережно нес в руках какой-то длинный жезл, украшенный двумя белыми крыльями чайки с золотой чашечкой на конце, откуда поднималась легкая струйка дыма.

Он остановился перед пастором Боккером, на которого указал Пейрак.

— Господин пастор, — сказал граф, — великий сагамор Массавы предлагает вам то, что индейцы называют трубкой мира. Это просто длинная трубка с табаком. Вы должны будете поочередно сделать несколько затяжек, ибо курение из одной трубки является у них символом дружбы.

— Но ведь я никогда не курил, — боязливо сказал старик.

— Попробуйте! Отказ будет принят как проявление враждебности.

Пастор поднес трубку к губам, стараясь скрыть отвращение. Выпустив в свою очередь несколько густых клубов дыма, великий сагамор передал ее стройному подростку с большими черными глазами, который всюду следовал за ним, и опустился рядом с графом на ковер в тени векового дуба.

Никола Перро показал, что пастор и Маниголь должны занять места слева от сагамора.

А тот демонстрировал полнейшую невозмутимость. Ничто, казалось, не интересовало его. Только складки на его окаменевшем настороженном лице неуловимо двигались.

Одну руку он небрежно опустил на ларец с жемчугом и драгоценными камнями, поднесенный ему де Пейраком, а другой поглаживал топорик с простой рукояткой из дикой вишни, сделанный, однако, из драгоценной яшмы и увенчанной большим изумрудом.

Иногда его взгляд, падавший на белого боевого коня, смягчался, но когда эти раскосые глаза лезвием бритвы вонзались в присутствующих, дрожь пробегала по телу.

Анжелика ощутила такое же необъяснимое потрясение и замешательство, оставшееся и после того, как вождь отвернулся, явно скрывая скуку за выражением снисходительного равнодушия.

Двое индейцев в живописных нарядах застыли позади него. Никола Перро представил их, когда подошел, чтобы переводить слова сагамора. Обращаясь к протестантам, он изложил суть дела.

— Великий вождь Массавы прибыл, чтобы осмотреть земли в окрестностях Нового Амстердама, то есть Нью-Йорка. Здесь находится крайний рубеж его владений, и он редко является сюда, но встреча с господином графом де Пейраком после его возвращения из Европы была давно предусмотрена... Это хорошо, что вы примете участие в его делах, когда станете жить здесь. Эти двое, которых вы видите, местные вожди: Какоу и Мюлова, командующие прибрежными рыбаками и могиканами, земледельцами и воинами, живущими дальше вглубь страны.

Великий сагамор заговорил только после того, как вознес мольбу небу и солнцу. В его голосе временами проскальзывала глухая угроза.

— Куда это годится, что такой великий вождь, как я, Массавы, великий вождь могущественных и грозных вождей, приходит к бледнолицым, как бы знаменит он ни был, чтобы обсуждать мир или войну между нами... Но я не забуду, что разделяю свое могущество с этим пришедшим с другой стороны моря сеньором, ибо он никогда не поднимал оружие против моих краснокожих братьев... Я дал ему возможность сделать мои земли процветающими так, как это принято у бледнолицых, хотя управляют ими мои братья и по нашим обычаям... Я согласен принять его друзей ради него, потому что он еще никогда не обманывал меня.

Эти разглагольствования длились долго. Анжелика обратила внимание, что граф слушает его очень сосредоточенно, не проявляя ни малейших признаков нетерпения. Она начала понимать, что сагамора беспокоят взаимоотношения между новоприбывшими и туземцами прибрежной зоны, когда он или его союзники будут отсутствовать.

— Не забудут ли они данные мне тобой обещания и не увлекут ли всех окружающих жадой истребления и разрушения, той ненасытной жадой, которая живет в сердцах бледнолицых?.. Когда ты будешь отсутствовать... далеко...

«О каком отсутствии он говорит?» — спросила себя Анжелика.

Временами она ощущала на себе огненный взгляд великого сагамора, но посторонний наблюдатель не мог бы сказать, что тот уделяет внимание этой женщине.

«Я обязательно должна проникнуться к нему чувством симпатии, — подумала она. — Если он поймет мой страх или мои подозрения, я наживу в нем страшного врага.

Ведь это он чувствует страх и пытается проверить самого себя. Это гордый человек, который пришел с дарами к людям, закаленным огнем и железом, высадившимся на его берегах... И в нем нет ни

ненависти, ни жажды битвы, если только его не заставят их почувствовать...»

Сидевший у ног Массавы черноглазый подросток поднялся и, взяв протянутый вождем топорик из яшмы, резким ударом вонзил его в красный песок.

Это было сигналом к началу другой церемонии. Все поднялись и подошли к самой воде. Массава оросил несколько раз холодной водой себе голову, а затем опущенным в тыкву с морской водой пучком соломы щедро сбрызгал стоявших вокруг него подчиненных, повторяя индейское приветствие:

— На поу тоу асуртати!*

Затем все расселись, чтобы приступить к пиршеству.

Глава 5

ЖОФФРЕЙ ДЕ ПЕЙРАК ВЛЮБЛЕН

Жоффрея де Пейрака не покидали мысли о сагаморе Массаве. Прошедший день принес графу вместе с величайшим удовлетворением и серьезное беспокойство.

Особенно ненадежными показались ему в этот день нити, удерживающие Массаву от выступления против европейцев. Массава никогда не сможет понять, что белые, с которыми он связан соглашением, не были свободными и что лишенные признания далеких правительств, они вынуждены были действовать предательски по отношению к нему.

К счастью, здесь, в Даун-Ист, на окраине, французский дворянин мог еще действовать по своему усмотрению. Массава знал цену его словам. Он не без умысла вручил топор войны усыновленному им юному испанцу, потерявшему родителей в бою, которого он приютил и воспитал для «счастливой жизни». Поручив ему закопать топор, топор символический, он вновь подтвердил свою волю к миру.

Наконец он удалился, удовлетворенный подарками. Дневной шум и гомон уступили место безмятежному покою. Исчезли люди и окружающий пейзаж обрел свою девственную торжественность.

Граф де Пейрак в одиночестве шел по берегу. Быстрым шагом он взбирался на красные скалы, иногда останавливался и окидывал взглядом залив и окружающие его холмы.

Мысли и воспоминания роились в голове де Пейрака.

В государстве Массавы белые селились больше, чем в других местах, но испанцев там еще не было. Здесь жили главным об-

* «Живите в мире и дружбе!»

разом англичане и голландцы, которые потеряли Новый Амстердам, но быстро привыкли к его новому названию: Нью-Йорк. Были там немцы, шведы и многочисленные деятельные финны. Пейрак был одним из немногих французов, решившихся обосноваться в этой стране. Английское влияние даже такого центра, как Бостон, здесь мало чувствовалось.

Принятый вначале с подозрением, он завоевал уважение своей безукоризненной честностью в торговых делах, быстро обзавелся надежными друзьями. И на протяжении ряда лет, когда он занимался подводными поисками в Карибском море, часто навещался в Бостон, где царил совершенно другой климат, как физический, так и духовный. Этот контраст особенно привлекал его.

Он понимал, что Караибы не были местом для создания долговременного процветающего предприятия. Богатства рождались здесь по милости фортуны, но находились под постоянной угрозой враждовавших пиратов и флибустьеров. Платить дань каждому из них было слишком большим и дорогим удовольствием. Рожденная испанцами золотая лихорадка послужила поводом к постоянным войнам. При всей прелести приключений среди волшебной красоты островов игра быстро надоедала из-за своей бесплодности.

Конфликт с испанцами заставил его отказаться от мысли отдать сына на воспитание к иезуитам в Каракас.

Обосноваться в Мэне ему первым посоветовал седовласый квер, преподававший математику в одном университете.

— Этот край вам понравится. Он труднодоступен, отдален, но так богат, что не может не заслужить признания. Я не сомневаюсь, что вы остановите на нас выбор. Его богатства огромны, но они укрыты девственной природой. На мой взгляд, это единственное место, где можно обойтись без привычных законов и где не чувствуешь себя связанным множеством мелких и жалких правил. Этот край для настоящих людей, мужественных и самобытных. Он причудлив, и сражаться в нем придется не только с многоцветными туземцами.

Он представил его старому Массаву. Один из сыновей сага-мора был среди учащихся университета.

Прежде чем начать колонизацию побережья, Жоффрей де Пейрак решил укрепиться в глубине страны. Нет смысла начинать осваивать какую-нибудь территорию, если нет уверенности в ее подземных богатствах. Потребность в звонкой монете держала колонистов в зависимости от находящихся в четырех тысячах лье отсюда королевств Англии и Франции.

Никола Перро рассказал ему о залежах сереброносного свинца в верховьях Миссисипи.

Дойдя в размышлениях до этого пункта, Жоффрей де Пейрак поднял голову. Его взгляду, в течение нескольких минут бесцельно следившему за игрой черно-синих волн, вернулось ощущение окружающего мира и с его губ сорвалось имя — Анжелика!

У него тут же отлегло от сердца, беспокойство рассеялось, как дым, вера в себя вернулась.

Он на разные лады повторял имя Анжелика, поглощенный необычным явлением. Каждый раз, когда произносил ее имя, ему казалось, что горизонт ярко вспыхивает, что вмешательство королей Англии и Франции невозможно, что самые тяжелые препятствия разлетятся от одного щелчка.

Он беззаботно рассмеялся. Она была здесь и озаряла все вокруг своим присутствием. Она любила его и больше нечего было бояться. Он снова видел нежную прозрачность ее глаз, когда она сказала в страстном порыве: «Вы способны на самое великое...» Тогда он почувствовал радость, не меньшую, чем молодой рыцарь, получивший на турнире перчатку дамы сердца.

Тщеславие? Нет, конечно. Но возрождение угасшего в нем чувства: радости любить и быть любимым.

Анжелика вернулась к нему в ту пору, когда его подстерегала болезнь человека много пережившего, не потеряв при этом ни ясности ума, ни трезвости взглядов. Он шел через мир, и повсюду земные творения открывали свои чудеса, но всегда и везде среди радостей жизни его встречали угрозы смерти, уничтоженные богатства, растраченные таланты, несправедливые судьбы, глумление над справедливостью, глупцы, слабодушные, неудачники...

И приходил такой час, когда желчь поднималась к сердцу. И яд цинизма пропитывал слова, превращая их в отравленные плоды. И смерть могла уже торжествовать близкую победу.

«А я люблю жизнь», — говорила Анжелика.

Он снова видел ее бледное от страсти лицо, ее дивные глаза, ощущал под пальцами нежность ее шелковистых волос.

«Как ты прекрасна! Как ты прекрасна, душа моя! Твои уста — неиссякаемый источник. Источник наслаждения».

В Анжелике воплотились все женщины мира. Он не мог бы сравнить ее с другими, ни пресытиться ею. Она обладала удивительной способностью всегда находить новые средства, чтобы раздражить его любопытство и воспламенить чувственность.

Тогда на Крите он думал, что после ее измен не будет и речи о любви, но стоило ему только увидеть ее, как его захлестнула волна нежности и желания. Спустя пять лет он был уверен, что окончательно потерял к ней интерес, но одна мысль о том, что какой-то Берн может попытаться отнять ее, вызвала у него приступ неистовой ревности.

Он пытался подавить в себе желание, но не мог заставить себя не думать о ее теле, ее устах, глазах, о ее голосе и о том, почему он должен отталкивать подобную красоту, полную сдержанного сладострастия. Именно жажда обладания заставляла его оскорблять и унижать ее.

Она лишила его обычного самообладания. Она заставила его окончательно потерять голову...

Вот так!

И потому он снимал перед ней шляпу и кланялся так низко, не столько из уважения, сколько из боязни, что она заметит свою победу.

А сейчас он был в ее власти. Не так-то просто было сломить ее сдержанность.

Она не принадлежала к числу болтливых женщин, готовых посвящать всех и все в свои самые интимные переживания. Она была непосредственной, цельной натурой, но несчастья обострили ее врожденную гордость. Не от пренебрежения, а от целомудрия она отказывалась открыть свою душу, зная, насколько бесполезно искать сочувствие в сердцах других.

Она только опускала, не говоря ни слова, длинные ресницы, словно уходила от окружающего мира. Но куда? В свои воспоминания или страдания?

Анжелика посрамила его способность читать мысли, признанную за ним многими проникателями, которую он сам развивал и оттачивал с помощью мудрецов Востока.

Может быть, это было потому, что он слишком любил ее? Или непрерывные мысли о ней заглушили в нем эти способности?

Именно поэтому он и ожидал с таким нетерпением вердикта Массавы.

Сагамор, прозорливый как все существа, живущие в тесном единении с природой, доведший за долгую жизнь свою интуицию до ясновидения, не мог ошибиться.

Пейрак позаботился, чтобы на берегу Анжелика была в первом ряду среди протестантов. Массавы не подавал вида, но граф знал по собственному опыту, что от того не ускользнет ничего.

После торжественной церемонии они встретились и беседовали о разном: об испанцах на юге, о бостонских квакерах, об английском короле, об изобилии лосей в этом году...

Они сидели вдвоем на холме перед фортом, откуда открывался вид на море. Сагамор прибыл издалека, чтобы побеседовать с тем, кого он называл Человек-Который-Слушает-Вселенную. Надо было дать ему время, чтобы выговориться. Жофрей де Пейрак отвечал с достоинством и спокойно ожидал, когда тот делал длинные паузы. Наконец сагамор заговорил на волновавшую его тему.

— Почему Женщина-С-Огненными-Волосами держится среди Белых-С-Холодными-Душами? — И, на мгновение задумавшись, добавил: — Она не принадлежит им. Почему она находится среди них?

Пейрак молчал. Сагамор сделал несколько глубоких затяжек из трубки. Казалось, он задремал, но немного спустя его глаза снова сверкнули.

— Эта женщина принадлежит тебе! Почему ты держишь ее в изгнании среди них? Почему подавляешь желание, которое горит в тебе?

— Души белых грубы и непроницаемы, как плохо выдубленная кожа, — ответил граф. — Я не обладаю твоим даром прони-

цательности, и я сомневаюсь в этой женщине. Я не знаю, достойна ли она жить под моей крышей и разделять мое ложе.

Старый индеец покачал головой.

— Твоя осторожность делает тебе честь, мой друг. Она тем более ценна, что встречается очень редко. Однако я скажу тебе слова, которые жаждет услышать твое охваченное любовью сердце. Эта женщина может спать рядом с тобой. Она не ослабит твою силу и не помутит твой разум, потому что в ней самой есть сила и огонь. Ее сердце из чистого золота и в нем горит ласковое пламя, как в очаге, у которого садится усталый воин.

— Великий вождь, я опасаюсь, не ослепил ли и тебя этот огонь, — смеясь, сказал граф, — но твои слова предвосхитили мои ожидания и я не знаю, не была ли нежность, звучавшая в них, результатом ее коварства. Должен тебе признаться, что перед этой женщиной трепетали сильные мира сего.

— А разве я утверждал, что для врагов у нее нет когтей, более острых, чем кинжал? — сказал с немного раздосадованным видом старый Массав. — Но ты, ты сумел завоевать ее и тебе нечего опасаться. Ты ее повелитель навсегда!

На лице сагамора появилось подобие улыбки.

— Ее плоть подобна меду. Насладись же ею.

«Спасибо, верный друг, — подумал граф, — ты сделал главное — освободил мою «грубую и непроницаемую» душу от отравляющих ее сомнений и этим оказал добрую услугу и своему народу. Ибо пока жив, я буду заботиться о его защите. И если она будет рядом со мной, у меня прибавится сил, чтобы жить и действовать».

Потому что прежде он страдал, считая ее навсегда потерянной из-за ее легкомыслия, жестокости и вероломства. Кантор рассказывал, что мать никогда не говорила им о нем. Он начинал смутно догадываться, что не простая забывчивость, а особые причины вынуждали ее так вести себя.

Ночь на «Голдсборо» принесла по крайней мере одно утешение: если не душой, то телом они были созданы друг для друга.

Страсть, которую она питала к нему, оказалась сильнее ее боязни. И для него она всегда останется единственной женщиной, которая даже замерзшая и дрожащая, как в ту ночь, могла доставить ему любовные наслаждения, доводящие до исступления.

Ему дарили свои ласки самые изощренные наложницы. Однако с ними это было только очаровательной игрой.

Когда же он держал в объятиях Анжелику, ему казалось, что он летит весь в огне к волшебному острову, на котором их ожидает рай. Власть ее нежной золотистой плоти над ним отдавала колдовством. Эту же власть он испытывал некогда, и тогда его поразила сила обаяния этого неопытного создания.

И вот пятнадцать лет спустя среди бушующего моря, другая ночь, такая непохожая на прежние, снова сводит их, почти чужих друг другу изгнанников, вместе, и он охвачен тем же изумлением и восторгом.

В приливе нежности, он шептал: «О, ты единственная!»

Дальнейшая жизнь представлялась в ослепительном блеске. И он не пожалеет времени на любовь, на то, чтобы окончательно вернуть ее к себе и замкнуть вечный треугольник: мужчина — женщина — любовь.

Ветер пытался сорвать с него плащ, а он, разгоряченный, быстро шел, поглядывая с восхищением по сторонам. Нежное пламя любви нагло его сердце.

То, что жизнь когда-то у него похитила, теперь возвращалось сторицей. Богатство, замки, титулы? Что все это стоит по сравнению с богатством быть человеком, полным сил с великой любовью в сердце...

По возвращении в форт он оседлал коня.

Анжелика была, конечно, в лагере Шамплена. Она все делала только по своему усмотрению. Годы независимости приучили ее самой распоряжаться своей судьбой. Не так-то просто будет одеть на нее супружеское ярмо. Правда, старый Массава заявил безапелляционно: «Ты ее повелитель», но имея дело с Анжеликой, надо соблюдать бесконечную осторожность.

Он с улыбкой пробежал глазами по утопанной тропинке, исчезающей в тени гигантских деревьев и наступающей ночи.

«Настоящая любовь завоевывается в трудной борьбе», — учил старый наставник Искусства Любви. Как далеко был счастливый двор, где ему так нравилось возрождать любовные состязания в традициях своей страны. Они никогда не приносили разочарования. Ему всегда удавалось быстро и безболезненно забыть испытые до дна наслаждения, чтобы уделить внимание новым.

«Где новая любовь прошла, для старой нет пути».

Но пришла Анжелика, и пословица обернулась ложью. Она всегда осталась в нем неиссякаемым источником блаженства.

Недалеко от лагеря Шамплена он встретил факельное шествие. Это был Краули, который со своими домочадцами отправился ночевать в индейскую деревню.

— Я оставил мою хижину той восхитительной леди, умеющей так ловко обращаться с пистолетом и прозванной индейцами Летний Свет. Господин де Пейрак, простите меня. Я хочу поздравить вас. Говорят, что она ваша возлюбленная.

— Нет, не возлюбленная, она моя жена!

— Вы женаты? — воскликнул шотландец. — Невероятно... Она? Она ваша жена? Но с каких же пор?

— Уже пятнадцать лет, — ответил граф, пускаясь галопом.

НОЧЬ ОТКРОВЕНИЙ

Приехав в лагерь, он спешился, оставил коня сопровождавшему его матросу и незаметно пробрался к домику Краули. Пляшущий огонек освещал маленькие окна с драгоценными стеклами. Он нагнулся, чтобы заглянуть внутрь. Тонко чувствующий красоту и женственность, он был взволнован открывшейся картиной.

Опустившись на колени, Анжелика купала в корыте Онорину. Обнаженное дитя, розовое от пламени, с распущенными по плечикам длинными блестящими волосами, вызывало в памяти образы тех маленьких лукавых созданий, которыми густо населены легенды и сказки.

Рядом с ней Анжелика выглядела совершенно обезоруженной. От ее опасной красоты осталось только очарование, и он понял, что Онорина превратила ее в другую женщину, которую он с трудом узнал. Действительно, обаятельная женщина! Ее движения были просты и естественны. И сейчас, когда она поливала водой маленькое тельце своей дочери, она была счастлива.

А разве он хотел увидеть ее озлобленной, ожесточенной крушением существования, которое после королевских почестей в Версале привело ее, лишенную всего, к берегам почти дикой страны? Увидеть ее красоту, искаженную злобой и разочарованием? Злоба к лицу разве что подросткам. Ей бы оставалось только оплакивать свое существование. Но жизнь сохранила ей спасительницу. Волшебные узы соединяли мать и дочь. Ни он, ни кто-нибудь другой не смог бы разорвать их.

Девочка повернула лицо к окну, и ему показалось, что она улыбнулась.

Жоффрей де Пейрак обошел кругом деревянного домика и постучал в дверь.

Анжелика вымыла себе голову. Она проделала то же с Онориной и всеми детьми, подвернувшимися под руку.

Онорина была буквально изъедена морской солью. Кожа когда-то пухленького тела приняла нездоровый оттенок, из-под нее проглядывали кости.

— Господи, — сказала мадам Каррер, — еще немного и они умерли бы у нее на руках.

К счастью, все добрались целыми и невредимыми до Земли обетованной.

В домике Краули, самом уютном, разместились также жена адвоката с младшими детьми, жена булочника с двумя мальчиками и трое детей Берна.

— А вот и Черный Человек, — сказала Онорина. И добавила с сияющей улыбкой: — Я опять люблю Черного Человека.

Услышав это заявление, Анжелика не сразу сообразила, о ком идет речь.

Появление мужа повергло ее в смущение, особенно, когда он, поздоровавшись со всеми, подошел к ней и негромко сказал:

— Я искал вас, сударыня...

— Меня?

— Да, как это ни странно. Когда вы были у меня на борту, я, по крайней мере, знал, где вы находитесь, но теперь, когда в вашем распоряжении целый континент, это становится нелегкой задачей.

Она рассмеялась, но в ее взгляде сквозила грусть.

— Должна ли я считать это вашим желанием видеть меня рядом с вами?

— А вы сомневаетесь? Разве я уже не говорил вам?

Анжелика отвернулась. Она вынула Онорину из корыта и завернула в покрывало.

— Я занимаю так мало места в вашей жизни, — сказала она тихо. — Я так мало значу, я всегда так мало значила для вас. Я ничего не знала о вас, ни о вашей прошлой жизни, но о настоящей. Вы столько скрываете от меня. Будете отрицать?

— Нет. Я всегда был склонен к мистификациям. Вы хорошо оплатили мне тем же. К счастью, великий сагамор уверил меня, что вы — существо кристальной чистоты. Я спрашиваю себя: не было ли захвачено врасплох его ясновидение той силой, перед которой склонялись многие... Что вы думаете о нем?

Анжелика отнесла Онорину и положила на постель рядом с Лорье. Она укрыла ее и подала ей шкатулку с игрушками. Эти движения были вечны, как мир.

— Великий сагамор?.. Он показался мне впечатляющим, смущающим... Но он меня почему-то огорчил.

— Вы действительно ясновидящая.

— Монсеньер, — спросила Мартьяль, — это правда, что окружающие нас леса принадлежат вам?

— Вместе с Массавой я имею право распоряжаться теми, где нет индейских поселений.

— Стало быть, вы богаче короля?

— Что значит богатство, дети? Если оно заключается в обладании территорией, обширной как королевство, тогда ДА, я богат. Но у меня больше нет ни мраморных дворцов, ни золотой посуды. У меня есть только несколько лошадей. И когда уеду в глубь страны, крышей моего жилища будет звездное небо, а стенами — могучие леса...

— Вы уезжаете? — прервала его Анжелика. — Куда? Зачем? Хотя это меня и не касается и я даже не имею права узнать, собираетесь ли вы взять меня с собой.

— Замолчите, — сказал Жоффрей де Пейрак, восхищенный ее гневом, — вы шокируете этих дам.

— А мне безразлично... Да и ничего шокирующего нет в том, что жена хочет последовать за мужем. Ибо я ваша жена и отныне

буду везде об этом кричать. С меня довольно этой комедии. И если оставите меня одну, я соберу свое собственное войско... и последую за вами. Я привыкла жить в лесу под открытым небом. Посмотрите на мои руки. Они уже забыли, как носить драгоценности. Зато они научились печь хлеб и обращаться с мушкетом.

— Вот об этом мне говорили. Кажется, сегодня утром вы великолепно поохотились на кайюгов. Ну-ка, продемонстрируйте ваши таланты,— сказал он со скептическим видом, вынимая из кобуры один из тяжелых пистолетов с серебряной рукоятью. Анжелика мгновенно вспыхнула.

Она взяла пистолет и, вызываясь глянув, проверила оружие. Оно не было заряжено. Тогда она оттянула защелку, запирающую ствол.

— Ершик у вас есть?

— А что вы собираетесь делать?

— Там может быть пыль и она повредит оружие.

— Мои пистолеты всегда в хорошем состоянии, сударыня, но ваша забота достойна настоящего стрелка.

Он расстегнул пояс и бросил его на стол со всем, что на нем находилось: пистолет, кинжал, кожаные сумки с порохом и пулями... Анжелика взяла ершик и несколько раз протерла ствол. Затем отвернулась от огня и пощелкала курком, проверяя в темноте наличие искры.

После того, как пистолет был заряжен, она двумя пальцами покрутила пулю, чтобы убедиться, насколько она круглая.

— Здесь не хватает затравочного пороха.

— Положите на его место эти турецкие запальные таблетки. Анжелика послушалась.

— Открой окно, Мартьяль.

Ночь была необычно ясной из-за слегка смягченного туманом света луны.

— Вон там на дереве сидит какая-то птица, непрерывно издающая отвратительные крики.

Жоффрей де Пейрак с любопытством наблюдал за ней.

«Выходит, это правда, что она воевала, а с кем? С королем...»

Тонкая рука, сжимавшая рукоять тяжелого пистолета, заметно напряглась, поднимая его вверх. Прогремел выстрел. Скрипящий крик птицы мгновенно оборвался.

— Какая меткость! — воскликнул граф. — И какая сила, — продолжал он, сжимая ее руку. — У вас стальные мускулы! Я все больше убеждаюсь, что наш великий сагамор ошибся в своем суждении.

Но он улыбался, и Анжелике показалось, что он даже немного гордится ею. Дети кричали «браво!» и собирались выйти, чтобы подобрать ночную жертву. Подбежавшие соседи помешали им сделать это. Вид Анжелики, стоявшей с пистолетом в руке в облаке дыма, поверг их в изумление.

— Что случилось? Что здесь происходит? Индейцы? Пираты?

— Это была шутка, — успокоила она их.

— Таких шуток нам только и не хватало, — слышалось недовольное ворчание.

— Сударыни, удовлетворены ли вы тем, как вас разместили? — спросил граф с учтивостью хозяина, принимающего знатных гостей.

Смущенные женщины ответили, что все в порядке. Они смотрели на него с восхищением, к которому примешивалась боязнь. Только Абигель решилась произнести слова, которые были у всех на уме.

— Примите нашу благодарность, монсеньер, за оказанную в тот день, несмотря на наши заблуждения, неслыханную милость. Гонения, которым мы подвергались, тоска по покинутым очагам, боязнь никогда не встретить участия, протянутой руки, ввергли нас в пучину растерянности и отчаяния. Но вы были столь великодушны, что поняли это и пощадили нас.

Он слушал ее с ласковой улыбкой. Абигель всегда обезоруживала его. Наблюдая за ним, Анжелика чувствовала уколы ревности. Он низко склонился перед девушкой.

— Вы слишком милосердны, милая девица, принимая на себя вину за заблуждения, которых вы не одобряли. Я знаю, сударыня, что вы пытались отговорить ваших мужчин от их преступных планов и предсказывали им поражение. Что бы там ни говорили, но трезвость взглядов является вашим достоинством. Постарайтесь же не изменять ей и действуйте более решительно, ибо теперь вы находитесь на земле, которая не потерпит обмана.

Он не сомневается, что его совет будет оценен по достоинству. Затем граф пожелал дамам доброй ночи, и они удалились. Мадам Каррер устремила за ними, чтобы поделиться новостью, в точности которой она еще сомневалась. Словом, в воздухе пахло свадьбой!..

— Я не думаю, что ваш совет придется по вкусу их мужчинам, — сказала Анжелика с задумчивым видом.

— Конечно, нет. И я в восторге от этого. Это моя особая месть. Вместо того, чтобы попасть в руки палача, они окажутся в железной хватке своих женщин, а разве это в конечном счете не более ужасно.

— Вы несправедливы, — смеясь, сказала она.

Он схватил ее за талию, высоко поднял и закрутил вокруг себя.

— Смейтесь... смейтесь, моя маленькая мать-аббатиса. У вас такой прекрасный смех!

Анжелика закричала. Она чувствовала себя пушинкой в его могучих руках.

— Вы сошли с ума!

Когда он опустил ее на землю, у нее так кружилась голова, что, действительно, не оставалось ничего другого, как смеяться.

Дети были в восторге. Они никогда не видели подобного представления, особенно перед сном.

— Мама! — закричала Онорина. — Это опять война?

— Война? Нет! Сохрани нас господа! И почему ты спрашиваешь об этом?

— Ты стреляла из большого пистолета.

— Я просто забавлялась.

— А война — это так занятно, — у Онорины был явно разочарованный вид.

— Неужели тебе нравится слышать грохот орудий, видеть раненых и убитых?

— Да, нравится, — подтвердила Онорина.

Анжелика смотрела на нее с удивлением, как любая мать, открывающая новую тайну своего ребенка.

— Но мне кажется, ты была очень опечалена, когда увидела, как Неочищенный Каштан...

Было похоже, что девочка пытается что-то вспомнить. Ее личико омрачилось, и она вздохнула.

— Да, Неочищенному Каштану стало скучно, когда его убили...

Но она тут же опять улыбнулась.

— Зато это так интересно, когда все кричат, бегают, падают... У всех такой сердитый вид. Вкусно пахнет дымом. А ружья только клик, клик, клик!.. Ты споришь с господином Маниголем, и он делается весь красный, а ты меня везде ищешь... и потом крепко обнимаешь. Ты меня сильно любишь, когда война. Ты закрываешь меня, чтобы солдаты меня не ранили. Это потому, что не хочешь, чтобы у меня отняли жизнь. Она у меня еще очень короткая, а у тебя длинная.

Анжелика не знала, стыдиться ей этих слов или гордиться ими.

— Когда вырасту, — продолжала Онорина, пользуясь тем, что наконец-то ее внимательно слушают, — я буду всегда на войне. У меня будет лошадь, сабля и два пистолета. Как у тебя, — она повернулась к ЖофFREю де Пейраку, — только у меня будут золотые рукоятки, и я буду стрелять лучше, чем... еще лучше, чем ты, — закричала она, с вывозом посмотрев на мать.

— Но это ужасно... то, что она говорит, — прошептала Анжелика.

Граф улыбнулся, глядя на них, так как ему доставляло удовольствие находить в них несходство. Нежность и материнская чувствительность, проявляемые Анжеликой перед дочерью, озаряли ее наивностью молодости. Трудно было поверить, что она была, что она могла быть соперницей мадам де Монтеспан, мятежницей, мчащейся во главе своего воинства, поднимавшей с ледяным спокойствием руку с тяжелым пистолетом.

Она подняла на него глаза, словно желая узнать его мнение о происходящем, затем попыталась успокоиться.

— Она любит войну... Несмотря ни на что, это благородное чувство. Мои предки не осудили бы ее...

Граф снял с пальца искусно сделанное золотое кольцо с боль-

шим бриллиантом и протянул Онорине. Девочка жадно схватила неожиданный подарок.

— Это мне?

— Да, сударыня.

Анжелика не выдержала и вмешалась.

— Это слишком дорогая вещь. Нельзя давать ребенку такую игрушку.

— Окружающая нас дикая природа заставляет иначе оценивать вещи. Маисовая лепешка и хороший костер дороже кольца, за которое в Версале готовы были продать душу.

Онорина с восторгом крутила кольцо в разные стороны, прикладывая ко лбу, одевала на большой палец и, наконец, зажала в кулачке.

— Почему ты дал мне его? — спросила она с внезапным волнением. — Потому что любишь меня?

— Да, сударыня.

— А почему ты любишь меня?

— Потому что я ваш отец.

При этом признании лицо Онорины преобразилось. Она онемела. По круглой рожнице пробежали все оттенки изумления, радости, невыразимого облегчения и безграничной нежности.

Подняв голову, она с восхищением рассматривала черную фигуру, загорелое, иссеченное шрамами лицо казалось ей самым прекрасным из всех, какие приходилось видеть.

Вдруг она повернулась к Анжелике.

— Я же говорила, что найду его с другой стороны моря.

— Не кажется ли вам, что теперь можно было бы и заснуть? — спросил он Онорину, стараясь подчеркнуть расположение, которое он ей оказывает.

— Да, да, отец мой!

С удивительной покорностью она скользнула под одеяло, по-прежнему сжимая кольцо в руке, и почти тотчас же заснула с выражением блаженства на лице.

— Господи, — растерянно сказала Анжелика, — как вы догадались, что девочка мечтает встретиться с отцом?

— Мечты маленьких женских сердец меня всегда интересовали и если это в моей власти, я всегда старался их осуществить.

Анжелика переставила масляную лампу, чтобы свет не падал на спящих детей. Жюфрей де Пейрак подошел к очагу. Анжелика присоединилась к нему и подбросила в огонь полено.

— Как вы добры...

— Как вы прекрасны!

Она послала ему признательную улыбку, но тут же со вздохом отвернулась.

— Как бы я хотела, чтобы вы хоть иногда смотрели на меня так, как на Абигель. С дружелюбием, доверием, симпатией. Можно подумать, что вы ожидаете от меня какого-то предательства.

— Вы заставляли меня страдать, сударыня.

У Анжелики вырвался протестующий жест.

— Неужели вы способны страдать из-за женщины? — спросила она скептически.

Она присела у края очага. Он придвинул табурет и сел рядом с ней, глядя на огонь. Ей хотелось снять с него сапоги, спросить, не хочет ли он есть или пить, поухаживать за ним. Но она не посмела.

— Вы сотворены для жизни в одиночестве и полной свободе, — сказала она горестно... — Однажды, теперь я в этом убеждена, вы оставили бы меня, оставили бы Тулузу в поисках новых приключений. Ваша жажда познания мира неутолима.

— Вы бы первая изменили мне, моя дорогая. Окружающий нас порочный свет не был бы восхищен вашей верностью, верностью одной из красивейших женщин королевства. Вас побудили бы тысячью способов испытать на других вашу власть и ваше обаяние.

— Неужели наша любовь была не так сильна, чтобы восторжествовать?

— Ей не хватало времени набрать силу.

— Это правда, — прошептала она. — Быть супругами — это тяжелый и долгий труд.

Со сложенными на коленях руками Анжелика казалась полностью поглощенной игрой огня, но она до кончика ногтей была полна ощущением его присутствия, которое заставило ее вновь пережить далекие бодрствования, когда они подолгу беседовали, такие близкие друг другу.

Сколько раз она мечтала о его возможном возвращении! Даже в то время, когда считала его погибшим и была охвачена глубокой скорбью, она придумывала чудесные истории.

Она устало улыбнулась.

— Тогда не должны ли мы радоваться жестокой разлуке, которая по крайней мере сохранила нашу любовь, не дав ей перейти в ненависть, как это бывает у других?

Он протянул руку и нежно прикоснулся к ее затылку.

— Сегодня у вас очень усталый вид. И вам нужно хорошенько отдохнуть, неукротимая.

Его ласка и участливый голос воскресили в ней силы.

— Нет, нет! Я чувствую себя прекрасно и могу построить еще несколько хижин, сесть в седло и, если это нужно, следовать за вами. Меня угнетает другое. Вы собираетесь уехать и покинуть меня.

— Давайте договоримся, дорогая госпожа. Мне не хотелось бы, чтобы вы строили воздушные замки. Я действительно богат, но все королевство хранит богатства в своей девственности. Мои дворцы — это всего лишь бревенчатые форты. Я не могу предложить вам ни пышных нарядов, ни драгоценностей, хотя они и бесполезны в этой пустыне. Ни обеспеченности, ни комфорта,

ни блеска славы, ничего из того, чем можно угодить женщинам.

— Вы можете угодить только любовью.

— Это разговоры...

— Разве я не доказала вам, что не боюсь ни суровой жизни, ни опасностей? Наряды, драгоценности, слава... У меня всего этого было вдоволь, но ничто не радовало меня. Когда в сердце пустота, все вокруг отдает тленом. Для меня важно только одно, чтобы вы любили меня...

— Я, кажется, начинаю вам верить.

Он взял ее руку и стал рассматривать. В его широкой, крепкой ладони она выглядела хрупкой, дрожащей пленницей. Он представил себе, как ее украшали драгоценности, как ее целовал король, как она с холодной решимостью сжимала оружие, наносила удары, убивала.

Сейчас она, как усталая птица, покоилась в его руке. На один из этих пальцев когда-то он надел золотое кольцо. Это воспоминание заставило его вздрогнуть, но Анжелика не могла проследить за ходом его мыслей.

Она едва не вскочила с места, услышав неожиданный вопрос.

— Почему вы взбунтовались против короля Франции?

Он тотчас почувствовал, как она потянула к себе руку. Он заметил огонек страха, заплясавшие в глазах Анжелики, ибо на его лице ясно читалось решимость узнать всю правду.

— Почему же? — повторил он почти сурово.

— Откуда вы можете знать об этом?

Резким жестом он показал бесполезность объяснений.

— Я знаю. Говорите!

Она с трудом пересилила себя.

— Король хотел, чтобы я стала его любовницей. Он не примирился с моим отказом. Чтобы добиться своей цели, он не отступал ни перед чем. Он держал меня под охраной солдатни в моем собственном замке, угрожая арестом и пострижением в монахини, если по истечении данного мне на размышление времени я не соглашусь ответить на его страсть.

— А вы так и не согласились?

— Нет.

— Почему?

Глаза Анжелики потемнели, как океан перед бурей.

— И об этом спрашиваете вы?! Когда же вы наконец согласитесь со мной, с тем, что я любила вас и ваша гибель повергла меня в отчаяние? Отдаться королю! Могла ли я предать вас, зная, что вы несправедливо осуждены? Забрав вас у меня, меня лишили всего. Все развлечения, все придворные почести не могли заполнить пустоты вашего отсутствия. Ах! Как я зывала к вам, моя бесценная любовь...

В порыве нахлынувших на нее чувств она обхватила его руками

и прижалась лицом к его коленям. Сомнения и вопросы мужа причиняли ей боль, но он был здесь. А это самое главное.

Некоторое время они молчали, затем он заставил ее поднять голову.

— Но вы были почти готовы согласиться?

— Да... ведь я была только слабой женщиной перед всемогущим королем... Я была беззащитна. Он мог во второй раз разрушить мою жизнь. И он это сделал. Я напрасно избрала себе союзниками знатных вельмож из Пуату, которые по другим причинам выступили против него. В то время провинции уже потеряли свою силу. Мы оказались разбитыми... Солдатня опустошила мои земли, сожгла замок. Как-то ночью они убили моих слуг, моего младшего сына. Они меня из...

Она запнулась в нерешительности. Как бы ей хотелось умолчать о своем позоре. Но из-за Онорины, этого незаконнорожденного ребенка, она должна была рассказать обо всем.

— Онорина была зачата в ту ночь,— сказала она безжизненным голосом.— Я хочу, чтобы вы знали это в связи с тем благородным жестом, который вы сделали для нее. Вы понимаете, Жоффрей? Когда я смотрю на нее, в моей памяти не предстает, как вы, очевидно, думаете, образ любимого человека, а только ужас той ночи злодеяний и насилия, годами неотступно преследующий меня и который я тщетно пытаюсь навсегда забыть. Я не стараюсь пробудить в вас жалость ко мне. Такое чувство с вашей стороны только унизило бы меня. Но я хочу разогнать призраки, витающие над нашей любовью, доказать невинность этого крохотного существа, вторгшегося между нами, и объяснить вам ту нежность, которую к ней питаю. Как я могу не любить ее? Мои самые тяжелые проступки были совершены по отношению к ней. Я пыталась уничтожить ее еще до рождения. Едва она родилась, как я оставила ее, даже не взглянув. Но судьба вернула ее мне. Потребовались годы, чтобы я стала улыбаться и, наконец, полюбила. Ведь я ненавидела ее еще до появления на свет. Отсюда и угрызения совести. Грешно ненавидеть невинных. Вы сразу поняли, как тяжело девочке без отца. Вы поняли, что она не ослабит чувство, связывающее меня с вами, и я клянусь вам, что ничто не сможет заменить ту горячую любовь, которую вы мне внушили.

Жоффрей де Пейрак резко поднялся. Анжелика почувствовала, как он незримо отдаляется от нее.

Она говорила странно, не выбирая слов, не обращая внимания на то, как она говорит. Ее искренняя исповедь была криком страдавшего сердца.

И вот он стоит перед ней и по его холодному взгляду трудно понять, что это он недавно шептал «дорогая госпожа». Ей стало страшно. Неужели он вынудил ее произнести слова, которые он не сможет простить? Перед ним она теряла хладнокровие и осторожность. Этот человек всегда был для нее загадкой. И вот настолько он сильнее ее! С ним невозможно хитрить или лгать. Не-

уязвимый дуэлянт, он и в сердечных делах мгновенно парировал удары.

— А ваш брак с маркизом дю Плесси де Бельер?

Анжелика встала с вызывающим видом. В том эмоциональном состоянии, до которого он ее довел, каждый удар воспринимался особенно болезненно.

Может быть, он и сам заметил, что она находится на пределе возможного.

Пришел час откровения, и ей захотелось, чтобы и он испытал то же, что и она.

«Нет, я не отрекусь от него. Ни от него, ни от сына, которого он мне подарил».

Она настороженно посмотрела на мужа.

— Я любила его.

И сразу же заметив, насколько это слово, приложенное к тому чувству, которое она испытывала к Филиппу, имеет мало общего с той всепоглощающей страстью, бросавшей ее в объятия первого супруга, она возбужденно объяснила.

— Он был красив, я мечтала о нем еще девочкой, и вот он появился передо мной в этом океане скорби и невзгод. Но я не по любви вышла за него замуж. Я заставила его силой жениться на мне, отвратительным шантажом вынудила согласие на этот брак, но я была готова на все, чтобы вернуть моим детям положение, принадлежащее им по праву. И только маркиз дю Плесси, главный маршал и друг короля, мог ввести меня в Версаль и дать мне возможность добиться для них почетных должностей и титулов... Теперь мне ясно, что все мои поступки были продиктованы лихорадочным желанием спасти их, избавить от печальной участи, несправедливо угрожавшей им. И я увидела их придворными пажам, принятыми королем. Тогда уж мне было нипочем, что навлекла на себя ненависть Филиппа.

В наблюдавших за ней черных глазах загорелся иронический огонек.

— Маршал дю Плесси мог вас ненавидеть?

Анжелика смотрела на него, как на пустое место.

— Он до того ненавидел меня, что его ненависть постепенно переросла в любовь... Бедный Филипп...

Она не могла забыть, как он без единой жалобы пошел на смерть, раздираемый между любовью к королю и к ней, без возможности выбора, и... «ему снесло голову пушечным ядром...»

Нет, она не отречется от него. Если Жоффрей не может этого понять, тем хуже для него.

Она опустила веки, лицо застыло в знакомой ему уже маске страдания, переплетавшегося с нежностью. Она была изумлена, почувствовав в момент, когда она готовилась к новым язвительным вопросам, скользнувшую по ее плечам руку. Она бросила ему вызов, и этого было достаточно, чтобы он обнял ее,

чтобы он начал рассматривать ее лицо, чтобы его глаза смягчились.

— Ну что вы за женщина? Честолюбивая, воинственная, неговорчивая и вместе с тем такая добрая, такая слабая...

— Вы же умеете читать чужие мысли, в чем же вы сомневаетесь?

— Ваше сердце остается для меня тайной. Может быть, потому, что оно имеет слишком большую власть над моим. Анжелика, душа моя, что же нас все-таки еще разделяет: гордость, ревность или чрезмерная любовь и излишняя требовательность?

Он покачал головой, как бы отвечая самому себе.

— Но я не отступлюсь, только ради вас я проявляю такую требовательность.

— Но вы уже все знаете обо мне.

— Еще нет.

— Вы знаете мои слабости, мои горести. Лишенная вашего тепла, я пыталась найти хоть немного нежности и дружелюбия, чтобы согреться. Такие отношения между женщиной и мужчиной окрести словами «любовь». Но чаще я оплакивала одиночеством свое право на жизнь. Именно это вы хотели знать?

— Нет, есть еще одно обстоятельство. Скоро я узнаю... Когда придет караван из Бостона.

Он крепче прижал Анжелику к себе.

— Это обстоятельство столь необычно, что рассеет мои последние сомнения относительно вас.

Над ней наклонилось его лицо с преображенными чертами и строгим чувственным ртом, на котором играла улыбка бесконечной печали.

— Жоффрей... — только и смогла прошептать она.

Она чувствовала, что должна сказать ему что-то, убедить его, что все преграды между ними рухнули, ибо они вновь нашли друг друга, когда до ее сознания дошли сильные удары в дверь и плач проснувшегося ребенка.

Жоффрей де Пейрак выругался сквозь зубы.

— Черт побери, неужели мир настолько мал, что нам не найти в нем места, чтобы спокойно побеседовать.

Однако его тут же разобрал смех, и он пошел открывать дверь.

На пороге стояла Ревекка Маниголь, растерянная и задыхающаяся, словно пробежала несколько лье.

— Госпожа Анжелика, — ее умоляющий голос прерывался от волнения, — идите скорее... Дженни... она... у нее будет ребенок...

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С МОЕЙ ЖЕНОЙ

На рассвете Дженни разрешилась мальчиком. Для всех, кто находился около хижины, где молодая мать дала ему жизнь, казалось, что это самый необыкновенный ребенок в мире, а то, что он был мальчиком, вообще представлялось чудом.

Поздним вечером Анжелика отвела Дженни в жилище Краули, а спящих детей перенесли в другое место. Мадам Маниголь, проявлявшая решительность в гостинных Ла-Рошели, потеряла все свое хладнокровие перед событием, которое она представляла себе только в соответствующей обстановке.

— Зачем мы оказались здесь, — жаловалась она. — Здесь нет ни грелок, чтобы подогреть ее постель, ни сиделки, чтобы оказать помощь бедному ребенку...

— Королевские драгуны опять в сапогах на наших простынях с кружевами, — сурово отозвалась Анжелика. — Вы это знаете так же хорошо, как и я. Вы должны радоваться, что этот ребенок родился не в тюрьме среди нищеты и грязи, а на свободе, окруженный своими.

Трепещущая Дженни цеплялась за нее. Анжелике пришлось остаться около нее, чтобы хоть немного успокоить.

Среди ночи появился новый удивительный персонаж. Старая индианка принесла лекарственные травы и опыт акушерки. Де Пейрак посылал за ней в ближайшую деревню.

Младенец появился на свет без осложнений с первыми лучами восходящего солнца. Его звонкий крик словно приветствовал эту сверкающую тысячами огней зарю, окружившую полуразрушенные дома дымкой золотистого сияния.

Анжелика еще держала младенца, запеленутого по-индейски невозмутимой меднокожей сиделкой, когда граф де Пейрак велел доложить о своем желании выразить почтение молодой матери.

Он вошел вслед за двумя слугами, которые поставили на кровать две шкатулки: в одной был жемчуг, в другой — полотняные простыни. Сам он поднес футляр, содержащий сверкающее кольцо с сапфиром.

— Вы преподнесли этой новой земле самый прекрасный подарок, какой она только могла ожидать, сударыня. Здесь, где мы находимся, принесенные мною вещи имеют главным образом символический смысл. Для вашего сына, родившегося в нужде, они будут знаком будущего богатства. Пусть это станет добрым предзнаменованием для него и его родителей.

— Монсеньер... чем мы заслужили? — стоявший рядом отец запинался от волнения. — Такой великолепный камень...

— Сохраните его на память об этом торжественном дне.

Я уверен, что ваша жена охотно будет носить его... Как называли это милое дитя?

Родители переглянулись.

В Ла-Рошели этот вопрос обсуждался бы долго, и имя могло быть выбрано только после горячих споров. Обратились к Маниголю, но тот был на пределе сил и не смог вспомнить ни единого имени.

— Выберите ему имя сами, дети мои. Тем более что здесь ни к чему наши обычаи, которым мы придавали такое значение. Теперь ваша очередь...

Дженни с мужем запротестовали. Наоборот, они полностью полагались на родительский авторитет. Нельзя же наугад выбрать имя для такого замечательного ребенка.

— Госпожа Анжелика, помогите нам,— неожиданно обратилась к ней Дженни.— Я хочу, чтобы именно вы дали ему имя. Это принесет ему счастье. Дайте ему имя, дорогое для вас, чтобы вам приятно было видеть, как носит его маленький мальчик... Я вас очень прошу.

Анжелика перевела взгляд на младенца, которого она держала на руках. Он был светловолосый и круглолицый. У него должны быть голубые глаза. Он будет похож на Жерома... И на другого ребенка, светлого, румяного, которого она выносила под сердцем. Она нежно погладила маленькую пушистую головку.

— Назовите его Шарль-Анри. Мне доставит радость, если он будет носить это имя.

Она нагнулась, чтобы передать ребенка в руки матери, и попыталась улыбнуться.

— Если он будет похож на того, вы станете счастливой матерью, Дженни,— сказала она совсем тихо,— ибо тот был удивительно хорошеньким.

Анжелика обняла молодую мать и вышла на порог дома. Лучи солнца ударили ей прямо в лицо и ей показалось, что перед ней шумит громадная толпа. Анжелика зажмурилась и закрыла глаза рукой.

Только сейчас она почувствовала, насколько измучена.

Чья-то крепкая рука поддержала ее.

— Идемте,— раздался повелительный голос ее мужа.

Она сделала несколько шагов. Недомогание постепенно рассеялось. То, что она приняла за громадную толпу, оказалось группой протестантов, с которыми смешались матросы с «Голдсборо», несколько индейцев, Краули, д'Юрвиль и даже солдаты-испанцы в черных доспехах.

Чудесная новость о рождении белого ребенка заставила сбегаться всю округу.

— Слушайте меня...

К ним обратился граф де Пейрак.

— Вы все пришли сюда, чтобы увидеть рождение нового человека. Рождение новой жизни всякий раз заставляет забыть о

смерти. Это хрупкое создание принесло вам покой и забвение ненависти. Вот почему мне кажется благоприятной эта минута, чтобы обратиться ко всем, на чьих плечах ответственность за судьбу народа, среди которых этот новорожденный должен жить. Пришло время прекратить распри и дразги. Мы никогда не должны забывать, что у всех нас общая судьба. Все мы изгнанники. Я был некогда повелителем Тулузы и Аквитании. Мои владения были необъятны, мое богатство — неисчислимым. Зависть короля Франции, которого страшило удельное могущество провинций, сделала из меня скитальца, человека без имени, без прав, без родины... Меня осудили под вымышленным предлогом, приговорили к смерти, но мне удалось бежать. Я потерял все свои владения, замки, власть, меня навсегда разлучили с моими близкими. С любимой женщиной, моей супругой, подарившей мне сыновей...

Он прервал речь, обвел внимательным взглядом разношерстное собрание, слушавшее его, затаив дыхание, и глаза его радостно сверкнули.

— Сегодня я уже могу посмеяться над прошлыми испытаниями. У меня осталась жизнь и неоценимое чувство быть полезным этому миру. К тому же счастливая судьба вернула мне женщину, которую я любил.

Он поднял вверх руку Анжелики, остававшуюся все время в его руке.

— Вот она... Вот та, с которой я сочетался браком пятнадцать лет назад в кафедральном соборе Тулузы среди роскоши и почестей... Перед вами графиня де Пейрак де Моран д'Истрию, моя жена!

Анжелика была почти так же ошеломлена, как и присутствующие. Она бросила на мужа растерянный взгляд, на который он ответил ободряющей улыбкой.

Довольный произведенным впечатлением, он заставил ее выступить вперед, представляя так, как он сделал бы в самом изысканном обществе.

— Господа, это моя жена.. Графиня де Пейрак!

Первым пришел в себя жизнерадостный нормандец и запустил в воздух шляпу.

— Да здравствует графиня де Пейрак!

Это послужило сигналом для всеобщей продолжительной овации.

Они шли рядом среди рукоплесканий и дружеских улыбок. Рука Анжелики дрожала в руке графа де Пейрака, как когда-то, но она улыбалась. И она чувствовала себя в тысячу раз счастливее, чем когда он вел ее, окруженную почестями, по усыпанной розами дорожке.

УГРЫЗЕНИЯ СОВЕСТИ БЕРНА

На протяжении всего дня мэтр Габриэль Берн пытался подойти к Анжелике, чтобы поговорить. Она заметила это и старательно избегала его.

Вечером она отдыхала одна у источника, и тут он ее застал. Это ужасно ее раздосадовало. Он так вел себя во время путешествия, что она начала сомневаться в его рассудке и бояться его. Трудно сказать, до каких крайностей могли довести его неудачи.

Но он начал объясняться очень спокойно, и его первые слова свели на нет опасения Анжелики.

— Я искал вас, сударыня, чтобы выразить мое сожаление. Неведение, в котором вы меня держали относительно связывающих вас с господином де Пейраком уз, было причиной моих заблуждений. Потому что, несмотря на...

Он заколебался и с усилием продолжал:

— ...мою любовь к вам, я никогда не попытался бы разорвать священный союз. К тому же, моя боль видеть вас увлеченной другим удваивалась при мысли о недостойности вашего поведения. Теперь-то я знаю, что все это было плодом моей фантазии. И это радует меня.

Произнеся эти слова, он снова вздохнул и опустил голову. Анжелика не чувствовала к нему злобы. Она, конечно, не забыла, что он хотел убить ее мужа и причинил ему много вреда, но его можно было понять. И сегодня она была счастлива, тогда как он страдал.

— Благодарю вас, мэтр Берн, я тоже во многом виновата. Я не могла быть откровенной с вами и рассказать, в какой драматической ситуации очутилась. После пятнадцатилетней разлуки, в течение которой я считалась вдовой, случаю угодно было свести меня с тем, кто был моим супругом, и... мы не признали друг друга. Знатный вельможа, живший в моей памяти, превратился в морского разбойника, а я... я была вашей служанкой. Это вы отыскиали мою девочку в лесу, и вы же вырвали меня из тюрьмы. Такое не забывается. У моего супруга создалось обманчивое представление, что я принадлежу вам. Это и послужило причиной распри между нами. Теперь все забыто, и мы смогли признаться в своей любви.

Лицо Берна исказилось. Он еще не излечился от своей страсти. Она почувствовала невольное волнение, когда он бросил на нее полный тоски взгляд. Он сильно изменился после Ла-Рошели. Его дородность оседлого торговца уступила место широкоплечей мощи, в которой проглядывало его крестьянское происхождение. Она подумала, что подобные плечи созданы не для того, чтобы корпеть

над счетами в полутьме лавки, им больше подобал груз неизвестных опасностей, таящихся в просторах Нового Света. Габриэль Берн найдет здесь свою судьбу, но пока он этого не знал. И поэтому страдал.

— Мое сердце обливается кровью,— сказал он приглушенным голосом.— Я бы никогда не поверил, что возможно потерять столько крови из сердца — и не умереть. Я бы никогда не подумал, что так можно страдать из-за любви. Я все потерял. У меня больше ничего не осталось.

— С вами останется Абигель.

Ларошелец посмотрел на нее с недоумением.

— Абигель?

— Да, Абигель ваш неизменный друг по Ла-Рошели. Она уже давно тайно любит вас. Возможно, она полюбила, когда вы были уже женаты. Она провела годы под вашей сенью, страдая от безнадёжной любви.

Это открытие взволновало Берна.

— Но это невозможно. Мы просто были друзьями. Я привык, что она всегда была рядом. Она преданно ухаживала за моей женой во время ее последней болезни, она оплакивала ее вместе со мной... Я никогда даже и подумать не мог...

— Женитесь на Абигель, мэтр Берн. Вам нужна именно такая жена: добрая, набожная и красивая. Неужели вы никогда не замечали, что у нее самые прекрасные в мире волосы? Когда она их распускает, они падают почти до колен.

Торговец неожиданно вскипел.

— За кого вы меня считаете? За потерявшего игрушку ребенка, которому достаточно дать другую, чтобы он успокоился? Ладно! Абигель любит меня. Но это не значит, что мои чувства могут меняться так же ловко, как погода от ветра. Я не флюгер! У вас несносная склонность слишком непринужденно относиться к жизни. Теперь и для вас пришла пора забыть независимость, возможно нежелательную, но представляющую для вас ценность, и приложить все усилия, чтобы сменить вашу строптивость на незамысловатые и легкие обязанности супруги.

— Да, мэтр,— ответила Анжелика таким же тоном, как в Ла-Рошели, когда он отдавал ей распоряжения.

Он вздрогнул, вспомнив, очевидно, их новое положение, и пробормотал извинение. Затем пристально посмотрел на нее. Он хотел навеки запечатлеть в памяти образ той, кто озарил, словно падающая звезда, его жизнь.

Он понимал, что она выполнила свой долг перед ними, и теперь их дороги должны разойтись.

Лицо Берна вновь обрело спокойное выражение.

— Прощайте, сударыня, и простите.

Он поспешно удалился, и Анжелика услышала, как он спрашивал у входа в лагерь, где можно найти Абигель.

Она погрузилась в раздумье. Безусловно, Абигель будет счаст-

лива. Став ее супругом, Бери перестанет думать об Анжелике, а нежная душа той будет необходимым лекарством для его уязвленного самолюбия.

— Вы беседовали с вашим другом Берном, — раздался за ней голос Жоффрея. На слове «друг» он сделал ударение. Ей было ясно, на что он намекал.

— Он перестал быть моим другом с тех пор, как осмелился угрожать вам.

— Однако небезызвестная мне особа немного грустит об утрате такого пылкого поклонника.

— Господи, какая глупость, — сказала Анжелика смеясь. — Я никогда не смогу поверить в вашу ревность, поскольку не вижу никаких оснований. Я пыталась убедить мэтра Берна, что есть достойная женщина, которая любит его и терпеливо ждет вот уже который год. К сожалению, он из людей, проходящих мимо своего счастья только потому, что видят в женщине коварную и опасную западню.

— И ваша встреча должна была помочь ему изменить свою точку зрения? — спросил де Пейрак с иронией. — В это трудно поверить, судя по тому состоянию, до которого вы его довели.

— Вы как всегда преувеличиваете, — сказала Анжелика, приговаривая рассерженной.

— Но направленный на меня пистолет убедительно показал, до какого предела вы доводите тех, кто имел несчастье увлечься вами.

Он обнял ее.

— Госпожа беглянка! Я благодарен небу за то, что вы стали моей женой. Мне можно удержать вас при себе по крайней мере на законных основаниях. Итак, вы направили его к Абигель?

— Да, она сможет привязать его к себе. Она так мила.

— Это и я заметил.

Анжелика почувствовала укол в сердце.

— Я прекрасно знаю, что вы обратили на нее внимание... с первого вечера на «Голдсборо».

— Ревность? Наконец-то, — сказал с удовольствием граф.

— Вы оказали ей такие знаки внимания, каких и я не удостоивалась. Вы соглашались с ней во всем, тогда как ко мне относились с недоверием.

— Увы, мне еще не все ясно. Я питаю к вам слабость, но еще полностью не уверен в вас.

— А когда же это будет? — грустно спросила она.

— Осталось разрешить только один вопрос.

— Какой?

— Я объясню в ближайшее время. Не принимайте такой удрученный вид, моя победительница. Это не потому, что некий человек, изрядно измучившийся из-за вас, сближается с вами так осмоторительно, что он хочет привести вас в отчаяние. Просто я одинаково равнодушен и к грозным бурям и к самым обольстительным

преlestницам. Но не трудно понять, что такая женщина, как Аби-гель, может служить превосходным утешением. Я сразу заметил, что она влюблена в Берна. Именно она нуждалась в поддержке и утешении. Она думала, что минуты его сочтены, и испытывала адские муки. А он не видел никого, кроме вас. Зрелище малопривлекательное также и для меня. Можно сказать, что нас с ней сблизило общее несчастье. Она выглядела как дева-мученица, сгоравшая на жертвенном огне, но, несмотря на ее страдания, она была единственной среди всех этих отвратительных праведников, смотревшей на меня с признательностью.

— Я очень люблю Абигель, — сказала Анжелика решительным тоном, — но не могу вынести, когда вы говорите о ней с такой нежностью.

— Разве у вас не такая же благородная душа, как у нее?

— Нет, когда дело идет о вас!

Они шли по опушке леса и приблизились к извинаящейся вдоль берега дороге. Из-за березовой рощи доносилось ржание лошадей.

— Когда же мы отправимся в намеченную вами экспедицию вглубь страны?

— Должен ли я это расценивать как желание поскорее расстаться с вашими друзьями?

— Я спешу остаться с вами наедине, — сказала она, одарив его тем влюбленным взглядом, который всегда его волновал.

Нежным поцелуем он закрыл ей глаза.

— Я уже давно посвятил бы вас в свои планы, если бы вы не заслужили небольшого наказания за испытанные мною из-за вас мучения. Мы двинемся в путь через две недели. Мне необходимо подготовить новых колонистов к зиме. Она здесь очень суровая. Ларошельцам придется выдержать схватку с природой и людьми за существование.

— Похоже, что вас радуют предстоящие им трудности.

— В какой-то степени. Я ведь не святой со всепрощающей душой, моя дорогая, чтобы забыть так скоро все зло, которое они мне причинили. Но, по правде говоря, единственная вещь, которая имеет для меня значение, это как им удастся осуществить порученное мною дело. Только так смогут они завоевать мое доверие. И я в этом не сомневаюсь, ибо их предприимчивость не позволит им отказаться от открывающихся перспектив.

— Вы поставили им очень жесткие условия.

— Довольно... Они признали себя побежденными. Они понимают, что теперешняя их участь лучше, чем если бы они болтались на веревке.

— Почему? — неожиданно спросила Анжелика. — Почему вы их не повесили сразу же после их поражения?

Прежде чем ответить, Жоффрей де Пейрак осмотрелся по сторонам. Ее удивляла его способность, размышляя и беседуя, непрерывно следить вокруг себя острым, проницательным взгля-

дом. Точно так же вел он себя в море на мостике «Голдсборо». «Человек-Который-Слушает-Вселенную».

После недолгого молчания он заговорил.

— Почему я их тотчас не повесил? Надо думать потому, что я не принадлежу к импульсивным людям. Всякое серьезное действие, особенно такое, как хладнокровное лишение жизни человеческого существа, требует учета возможных последствий. С вашими ларошелями пришлось повременить. Все мои планы были под угрозой. Я не мог отправиться вглубь страны, не оставив на побережье общину колонистов, как предполагалось. Этот порт, пусть даже его зачатки необходимы, чтобы я мог развернуться. Было бы просто глупо привезти сюда эмигрантов и не иметь возможности уйти в экспедицию к истокам Миссисипи. Повесив их руководителей, я остался бы среди женщин и детей, вынужденным к новому путешествию в Европу за другими колонистами, которые могли оказаться хуже этих. Я также воздал должное, отвечая на вашу просьбу, таким же качеством, как храбрость и находчивость. Одним словом, на весах оказались и положительные обстоятельства, однако они не перевешивали необходимость преподавать урок.

Анжелика слушала его, кусая губу.

— А я-то думала, что вы их пощадили потому, что я попросила об этом!

Он разразился смехом.

— Подождите, пока я дойду до конца моей речи, прежде чем принимать такой обиженный и разочарованный вид. Ах, какая вы все-таки женщина, несмотря на всю вашу новую мудрость.

Он впился в ее губы и отпустил только после того, как она перестала сопротивляться и ответила на его поцелуй.

— Позвольте мне, однако, добавить, что в глубине души я побаивался реакции госпожи Анжелики на акт правосудия, справедливый, но непоправимый. Итак, я колебался... я ждал.

— Что же?

— Что судьба решит сама, что чаши весов перевесят в ту или иную сторону. Что вы придете, наконец!

Анжелика снова попыталась освободиться от его объятий.

— Подумать только,— возмущенно воскликнула она,— как я дрожала, как изнемогала у ваших дверей! Я верила, что вы можете убить меня за этот поступок. А вы, оказывается, ждали меня!

В глазах графа сверкнули лукавые искорки. Ему доставляло большое удовольствие видеть ее такой безрассудной, немного инфантильной в своем гневе.

— Я колебался, это верно. Но я был убежден, что именно от вашего решения будет зависеть их судьба. Не понимаю, почему вы так-негодуете...

— Я не знаю... у меня такое чувство, будто вы продолжаете меня мистифицировать.

— Никакого притворства с моей стороны, мой ангел. Я только

предоставил судьбе время вынести решение. Вы могли бы и не прийти просить милости для них.

— И вы бы их повесили.

— Я думал об этом и решил отложить вынесение приговора до рассвета.

Лицо графа стало суровым. Он с такой силой привлек ее к себе, что их щеки соприкоснулись, и она с трепетом ощутила его затвердевшие шрамы и тепло загорелой кожи.

— Но ты пришла... И теперь все идет хорошо.

Ночная темнота напознала с моря, сливаясь с тенью вековых деревьев. На тропинке появился индеец с двумя лошадьми на поводу.

— Вы будете меня сопровождать, сударыня.

— А куда мы направимся?

— В мою вотчину. Она неприхотлива. Простой деревянный домик в конце залива. Но там можно спокойно заниматься любовью. В этот вечер моя жена принадлежит мне...

Глава 9

СЧАСТЬЕ

— **К**уда вы меня увлекаете? — спросила Анжелика, в то время как лошади неторопливо бежали в темноте вдоль берега.

— Я же сказал, что у меня есть маленький замок, где можно безмятежно предаваться любви... на берегу Гаронны.

Ей сразу вспомнилась та тихая ночь в далекой Аквитании, когда он привез ее в замок недалеко от Тулузы, чтобы обучить волшебной науке любви.

Здесь же дикие порывы ночного ветра били им в лицо, а когда подъехали к сооружению, даже отдаленно не напоминавшему замок, шум моря настолько усилился, что заглушал голоса.

Однако внутри этого деревянного форта французский дворянин устроил роскошное убежище. Здесь были собраны драгоценности, произведения искусства, сложные инструменты, которые в его отсутствие охранялись. Стены основного помещения до самого потолка были увешаны всевозможным оружием. Аромат потрескивающего благовонного масла смешивался с запахом стоявших на столе яств, где блюда с жареной дичью окружали груды фруктов и овощей. Золотистые початки вареной кукурузы увенчали стол.

Жоффрей де Пейрак наполнил одни бокалы рубиновым вином,

другие — бледно-желтым, затем отпустил слуг, внимательно посмотрел, все ли в порядке на столе.

Стоя у окна, Анжелика не спускала с него глаз.

«Он всегда остается настоящим сеньором», — подумала она. И она ощутила в нем то благородное свойство, нравившееся ей в Филиппе: способность сопротивляться силам природы, которая стремится вернуть человека в первобытное состояние, заставляя его забыть такие достоинства, как учтивость, утонченность, чувство такта. Как Филипп бросил вызов войне золотыми доспехами и кружевными манжетами, так и Жоффрей встречал все невзгоды с неизменным изяществом.

Анжелика не ведала о его трудных битвах, не догадывалась о них, глядя на прямую напряженную фигуру и резко очерченные в зыбком свете ламп шрамы на лице. Непринужденная походка, стоившая ему невероятных страданий, и утраченный голос, увы, навеки были тому свидетелями. Тем не менее он казался выкованным из стали, готовым перенести на своих плечах новую жизнь с битвами, надеждами, победами, может быть разочарованиями, кто знает?..

Сердце Анжелики таяло от нежности. Она уже не ощущала страха перед ним, когда подумала о том, что ему пришлось вынести. И ей хотелось быть рядом с ним, ухаживать за ним и его ранами. Разве она не была его женой? В их разлуке виновата только судьба.

А теперь он вряд ли особенно нуждается в ней. Он прожил долгие годы без нее и, судя по всему, такое положение его устраивало.

— Нравится ли вам моя обитель?

Анжелика повернулась к узкой бойнице, через которую проникал грохот волн. Она долго думала и наконец ответила:

— Малютка Гаронна была спокойней этого гневного океана. Под луной она сверкала, как тонкая серебряная нить. Едва заметный бриз приносил благоухания, а этот ужасный ветер проникает внутрь и пытается погасить лампы.

— Но и молоденькая новобрачная с берегов Гаронны была также более безобидной, чем та, которую я привел сегодня вечером в свое логово на краю света.

— А ее супруг менее грозный, чем тот, которого она встретила сегодня.

Они беззаботно смеялись, не сводя глаз друг с друга.

Анжелика закрыла деревянный ставень, и шум стихии смягчился. Комната сразу приобрела таинственную интимность.

— Как странно, у меня такое ощущение, что все мне кажется старицей. Я считала, что покинула навсегда страну моего детства, землю моих предков. Могу я сказать, что окружающие деревья напоминают ньельский лес? Да, но только многократно увеличенный, еще более красивый и густой. По-моему, это касается и всего остального. Все здесь необъятное, великолепное: жизнь, будущее... наша любовь.

Последние слова она произнесла совсем тихо... как-то боязненно, и он, похоже, их не расслышал. Однако он тут же продолжил свою мысль.

— Я вспоминаю, что моя небольшая резиденция у Гаронны была заполнена безделушками, но бьюсь об заклад, что сегодня эти украшения больше подходят вашему воинственному настроянию.

Дело в том, что он заметил, с каким восхищением Анжелика поглядывала на оружие. Она едва сразу же не ответила, что ее интересуют другие, чисто женского характера вещи, но вовремя заметила в его глазах лукавый огонек и удержалась.

Он спросил:

— Судя по вашим высказываниям, я могу надеяться, что вы отдадите честь и приготовленным для вас лакомствам? Хотя они, конечно, уступают тем, которыми вас угощали при Дворе.

Анжелика покачала головой.

— Я изголодалась ПО-ДРУГОМУ...

— По чему же?

Она с волнением ощутила, как его руки легли ей на плечи. — Я не смею надеяться, — прошептал он, — что вас заинтересовали меха на этом просторном ложе. Они действительно роскошны и я выбрал их, мечтая о том, как вы будете прекрасны в этой пушистости.

— Вы мечтали обо мне?

— Увы!

— Почему «увы»? Неужели я так вас разочаровала?

Она впилась пальцами в его скрытые камзолом плечи. Внезапная дрожь охватила ее. Вместе с восхитительной лихорадкой желания пробудился весь ее опыт любви. Ах, только бы снова обрести счастье в его объятиях, и она докажет свою признательность страстными ласками. Более яростными, более продолжительными, чем все, какие когда-либо посвящала женщина мужчине, который сумеет наполнить восторгом каждую клеточку ее тела.

Он с восхищением смотрел, как расширяются глаза Анжелики, превращаясь в два бездонных колодца. В то время, как он опускал ее на ложе, прекрасные руки страстно сплелись на его затылке, и она сама нашла его губы.

Бесконечная ночь...

Ночь нежной любви, оглушительных поцелуев, пламенных объятий, повторяемых лихорадочным шепотом признаний, сна без сновидений, прерываемого любовными схватками.

В объятиях того, кого она так любила и столько ждала, восхищенная Анжелика вновь превратилась в загадочную Венеру любовных ночей, которая доводила до изнеможения своих удовлетворенных любовников, заставляя их потом страдать о сожалении и неисцелимой боли. В шуме бури таяли воспоминания, исчезали призраки...

— Если бы ты остался со мной... — вздыхала она.

И он знал, что это действительно так, что если бы он остался с ней, в ее жизни никогда не было бы никого, кроме него. И что он сам никогда не смог бы ей изменить. Ибо ни одной женщине, ни одному мужчине не суждено было узнать такое неслыханное счастье, какое они ощущали, отдаваясь друг другу.

Сладостная истома разливалась по усталому телу Анжелики, пораженной ощущением такой ярости мирозерцания, какую можно испытать только в юности.

Жизнь потекла по другому руслу. Ночи будут приносить не холодное одиночество, а обещание ошеломляющих радостей, часы опьянения и удовлетворения, нежности и спокойствия. Она будет спать рядом с ним ночь за ночью, среди опасностей и в безмятежном покое, при успехах и неудачах. Их ночи станут убежищем любви и нежности. А дни будут заполнены открытиями и победами, когда они заживут рука об руку.

Анжелика сладко потянулась среди полуприкрывающих ее серебристо-белых мехов. Лампы были погашены. Слабый свет проникал из-за деревянного ставня. Она заметила, что Жоффрей уже встал и успел одеться и обуться. Он пристально смотрел на нее загадочным взглядом: Но она больше не опасалась таящихся в этом взгляде подозрений. Она улыбнулась ему, вся переполненная своей победой.

— Уже встали?

— Самое время. Один индеец прискакал галопом, чтобы сообщить о приближении каравана из Бостона. Если я смог оторваться от наслаждения этого ложа, то уж конечно не потому, что вы меня к этому побудили... Ваши способности оказались поистине неисчерпаемыми.

— Неужели вы выражаете недовольство моей осведомленностью, показавшейся вам оскорбительной?

— Гм-м, вы загнали меня в тупик. Не буду утверждать, что ваши усилия этой ночью не пробудили во мне былую ревность. И я тщетно пытаюсь вспомнить, действительно ли я сам довел вас до такого совершенства. Словом, признаем, что всем вы обязаны своему первому учителю и что ему не подобает чувствовать себя неудовлетворенным.

Он стал коленом на край кровати и склонился над Анжеликой, любясь ее беспорядочно разбросанными волосами.

— И она рядится в бедную набожную служанку! И она обводит вокруг пальца гордых гугенотов и заставляет их пспасть впросак! А часто вы так шутите, богиня?

— Гораздо реже, чем вы. Я никогда не умела по-настоящему хитрить, разве что при смертельной опасности. Жоффрей, я никогда не разыгрывала перед вами комедий, ни прежде, ни теперь, я всегда сражалась с вами с открытым забралом.

— Тогда вы самое удивительное творение, самый драгоценный камень, переливающийся всеми цветами радуги в своей многогранности...

- Я всегда любила вас больше всех.
- Вы начинаете убеждать меня в этом. И вы считаете, что наше сражение, принявшее такой приятный оборот, уже закончено?
- Надеюсь, что ДА,— в ее голосе появилось беспокойство. С задумчивым видом он покачал головой.
- Имеются еще некоторые аспекты вашего поведения в прошлом, которые остаются для меня загадочными.
- Какие же? Я все вам объясню.
- Не стоит. Я не доверяю объяснениям. Я хочу увидеть вашу искренность.

И отвечая улыбкой на ее встревоженный взгляд, добавил:

- Вставайте, дорогая. Нам надо ехать навстречу каравану.

Глава 10

ПОСЛЕДНИЙ СЮРПРИЗ

Они остановились в каком-то пустынном месте, где сквозь туман, словно эхо, слышались голоса множества людей. Анжелика осмотрелась вокруг.

- Я ничего не вижу. Что это за феномен?

Ничего не ответив, Жофfrey де Пейрак соскочил на землю. Вид у него был какой-то рассеянный. Увидев его замешательство, она была немного уязвлена тем, что он не хочет поделиться с нею своим беспокойством. Он подошел к ней и протянул руки, приглашая спуститься с лошади. Его улыбка была полна невыразимой нежности, но во взгляде сохранялась напряженность.

- Что с вами?

— Ничего, душа моя,— ответил он, прижимая ее к себе и увлекая в сторону деревьев.— Разве я не говорил, что этот день самый прекрасный в нашей жизни?

Она заметила, что он был не встревожен, а скорее взволнован. Это еще больше усилило ее беспокойство. Ее счастье было еще таким хрупким, что она трепетала при мысли о каком-нибудь непредвиденном обстоятельстве, могущем снова похитить его.

— Когда здесь ясно, жизнь кажется очень легкой,— сказала она так громко, словно хотела нарушить окружающие их чары,— но когда нас окутывает туман, все снова становится сомнительным. Возможно, из-за этого люди так привязываются к этой стране. Непрерывно ждешь каких-то событий, неожиданностей, чувствуешь, что что-то должно произойти, что-то очень хорошее.

— А я и привел вас сюда только потому, что приготовил действительно приятный для вас сюрприз.

— После того, как я нашла вас, вряд ли меня можно чем-нибудь обрадовать.

По мере того, как они продвигались вперед, грохочущий шум, в который вплетались человеческие голоса, становился все слышнее. Вскоре они подошли к нагромождению красных скал. Теперь голоса звучали совсем близко, но это не давало возможности определять ни сколько их, ни откуда они доносятся. Людей по-прежнему не было видно, и в этом было что-то тревожное.

Наконец Анжелике удалось разглядеть плавающие в море маленькие черные точки: головы отважных пловцов.

— Это дети туземцев, они заняты своей любимой игрой.

Игра заключалась в том, чтобы пристроиться при прохождении особенно высокой волны на ее пенном гребне и ринуться вместе с ней в черное отверстие грота, где она разбивалась. Искусство пловца определялось той ловкостью, с которой он взбирался по каменной стене, ускользая от грозного удара волны. Затем он появлялся на вершине и спешил окунуться в воду, чтобы начать все сначала.

Анжелика в каком-то оцепенении следила за ними. Она лихорадочно пыталась вспомнить, где могла видеть подобное зрелище. Она повернулась к мужу и хотела поделиться с ним своим недоумением. Но прозвевший в этот момент из грота ликующий детский голос развеял мрак, окутавший ее память. Все это видела во сне не она, а Флоримон. Ей послышался его голос, сказавший вечером в замке дю Плесси в то время, когда над ними нависла угроза смерти: «Я видел во сне отца и брата. Кантор летел на гребне громадной белой волны и звал меня. Он сейчас в стране, где много радуг...»

Глаза Анжелики широко раскрылись.

Видение Флоримона воплотилось перед ней в жизнь. Сквозь листву проглядывали многочисленные радуги, внизу вздымались белые волны...

— Что с вами? — с беспокойством спросил граф.

— Я не знаю, что со мной происходит. — Анжелика сильно побледнела. — Я уже видела эту картину... во сне. Вернее, не я видела... Но как это можно увидеть в действительности, — прошептала она, обращаясь к себе. — У детей бывает дар провидения.

Она не смела произнести имя Флоримона. Исчезнувшие сыновья жили в их памяти. Именно они послужили поводом для самых горьких упреков в ее адрес. Долгие годы ее не посещало подобное видение.

— Но что же все-таки с вами? — повторил граф, нахмурил брови.

Она попыталась улыбнуться.

— Теперь уже ничего. Меня посетило какое-то странное видение. Я все объясню вам позже. Караван уже близко?

— Поднимемся на этот холмик, и мы их увидим. Я слышу

топот лошадей, но узкая тропинка не позволяет им двигаться быстро.

С небольшой возвышенности, куда они пришли, уже можно было различить между деревьями приближающийся многочисленный отряд. Колеса повозок скрипели на каменистой дороге. Среди листьев покачивались разноцветные перья. Что это — уборы индейцев-носильщиков? Нет, они украшали шляпы двух всадников, возглавляющих отряд. Одновременно с их появлением на опушке леса послышались звуки музыки. Жоффрей де Пейрак протянул руку.

— Вы видите их?

— Да.

Она прикрыла глаза рукой, чтобы лучше рассмотреть приближающихся.

— По-моему, это совсем молодые люди. Один из них держит гитару...

Слова замерли у нее на губах. Рука бессильно упала. На какое-то мгновение она почувствовала, как жизнь покидает ее. Она не существовала больше, она умерла, но она видела...

Она ясно видела их... этих приближавшихся всадников. И особенно одного, первого, а затем и второго. И если первый не вызывал сомнений в своей реальности, то второй — паж с гитарой — мог быть только призраком...

Они неумолимо приближались. И мираж начал рассеиваться. С каждым мгновением их черты становились все более естественными. Это был действительно Флоримон, с его сияющей улыбкой, Флоримон!

Он спрыгнул с лошади и воскликнул:

— Матушка!

С протянутыми руками он побежал к холму.

Анжелика хотела броситься ему навстречу, но земля ушла из-под ног, и она упала на колени. Она так и прижала его к сердцу, склонившего свою темноволосую голову ей на плечо.

— О матушка, наконец-то! Я послушался тебя, я бежал, чтобы найти отца и попросить у него помощи. И он прибыл вовремя, раз ты здесь. Солдаты не сделали тебе ничего плохого? Королю не удалось бросить тебя в тюрьму, я счастлив, так счастлив, матушка?

Анжелика изо всех сил прижимала к себе его худощавое тело.

— Я знала, сын мой, — шептала она внезапно осевшим голосом, — всегда знала, что найду тебя. А ты нашел эту страну радуш, пригрезившуюся тебе?

— Да... и я их нашел здесь: отца и брата. Мама, посмотри... это же Кантор!

Другой юноша стоял в нескольких шагах от них. В душе он завидовал Флоримону, не постеснявшемуся своих чувств. Как долго он, Кантор, не видел мать? И он не был полностью убежден, что узнает ее в этой растерявшейся женщине, неистово прижимавшей к себе Флоримона.

Но вот она открыла ему объятия, позвала, и неудержимая сила бросила его к ней. Теперь уже он нашел приют в ее руках. Он узнал аромат волос, пробудивший столько воспоминаний.

— О дорогая мама!

— Дети мои! Но это невозможно... Ведь Кантор не может быть здесь! Он погиб на Средиземном море.

Флоримон звонко рассмеялся.

— Значит, ты не знаешь, что отец напал на флотилию герцога де Вивонна только потому, что Кантор был на борту одной из галер. Он знал об этом и решил забрать его с собой.

— Он знал об этом...

Это были первые слова, дошедшие до сознания Анжелики с того волнующего момента, когда она различила в двух всадниках дорогие черты так долго оплакиваемых сыновей.

— Он знал об этом,— повторила она.

Итак, все это оказалось не сном. Прошли годы, а оба сына были живы и здоровы.

Первым ее ощущением, когда она полностью пришла в себя, была слепая ярость. Она поднялась и прежде, чем граф догадался о ее намерениях, закатила ему пощечину.

— Вы все знали! — кричала она, обезумев от досады и боли. — И не могли мне сказать! Вы заставили меня рыдать от отчаяния, вы наслаждались моими страданиями. Вы чудовище! Вы ненавидите меня. Вы ничего мне не сказали ни в Ла-Рошели, ни во время пути... ни этой ночью, даже этой ночью. Ах! Зачем я связалась с таким жестоким человеком. Я не хочу больше вас видеть.

Она бросилась в сторону. Графу удалось схватить ее, но пришлось приложить всю свою силу, чтобы удержать.

— Оставьте меня,— закричала Анжелика, пытаясь вырваться, — я никогда этого вам не прощу! Теперь-то я знаю, что вы не любите меня... Вы никогда и не любили меня. Пустите!

— Куда вы хотите бежать, сумасшедшая?

— Подальше от вас... навсегда.

Силы ее иссякли в неравной борьбе. Опасаясь, как бы она не вырвалась и не совершила какой-нибудь непоправимый поступок, граф не ослаблял мертвой хватки. Задыхаясь, Анжелика почувствовала, что ее волосы, словно налитые свинцом, тянут голову назад и что она теряет сознание.

— О сыновья мои,— успела еще простонать она.

В руках Жоффрея де Пейрака осталось только безвольное тело с запрокинутой головой и сомкнутыми веками на смертельно бледном лице.

— Уф! Наконец-то! И напугали же вы меня!

Анжелика пришла в себя. Она лежала на ложе из листьев в индийской хижине, куда ее в глубоком обмороке отнес муж. Ее первым побуждением было оттолкнуть того, кто склонился над ней.

— Нет, теперь с этим покончено, я не люблю вас больше, господин де Пейрак, вы сделали мне слишком много зла.

Ему удалось удержать улыбку и, поймав ее руку, он произнес слова, которые она еще никогда не слышала от него.

— Прости меня.

Она бросила беглый взгляд на его благородное лицо, носившее следы тяжелых испытаний, никогда ни перед кем не склонявшееся. Почувствовав, что слезы подступают к глазам, она неприемлемо встряхнула головой.

Нет, она не простит! Он позволял себе играть ее сердцем матери. Его бесчувственность дошла до того, что он посмел мучить ее упреками за утрату детей в то время, как сам прекрасно знал, что они находятся в Америке, и именно он спровоцировал «смерть» Кантора, не думая о слезах, которые прольет она, узнав об исчезновении сына. Это только подтверждало ее подозрение, что он никогда не питал к ней особой любви.

Она хотела подняться, чтобы уйти от него, но слабость не позволила убрать удерживающие ее руки.

— Прости меня, — повторил он совсем тихо.

Чтобы не видеть этот умоляющий взгляд, она уткнулась лицом в его твердое плечо.

— Вы знали и не захотели мне ничего сказать. Даже этой ночью вы ничего не сказали... даже этой ночью...

— Этой ночью? О душа моя! Вы полностью захватили мое существо. Этой ночью вы отдавались мне вся до конца, и я не хотел, чтобы между нами был кто-то еще. Довольно уже того, что я делил вас со всей Вселенной. Поверь, дорогая, я был суровым и порой несправедливым, но я не обращался бы с тобой так оттого, если бы до такой степени не любил тебя. Ты оказалась единственной женщиной, заставившей меня страдать. Мысль о твоих изменах долгое время жгла мое сердце раскаленным железом. Сомнения отравили мои воспоминания, ты представлялась мне легкомысленной, бессердечной, равнодушной к судьбе наших детей. После нашей встречи я разрывался между моими сомнениями и непреодолимым влечением к тебе, я хотел испытать тебя, хотел узнать, какой ты стала, хотел вывести тебя на чистую воду, ибо подозревал в притворстве. Я вновь нашел свою жену, но не был уверен, что обрел мать моих сыновей... я хотел узнать то... что увидел своими глазами при неожиданной встрече с нашими детьми.

— Мне показалось, что я умираю, — пожаловалась она. — Ах, я действительно чуть не умерла из-за вашего коварства.

— Испуг, который я испытал, увидев тебя в таком потрясении, был заслуженным наказанием за мое недостойное поведение. Но кто мог подумать, что ты так их любишь?

— Вы не имели права сомневаться в этом. Это я их воспитала, я отдавала им последний кусок хлеба, а про...

Она на полуслове прервала фразу, которую хотела произнести: «...продавала себя из-за них». Но эти произнесенные слова еще больше распалили ее раздражение.

— Я сделала им зло только в тот день, когда, стремясь сохра-

нить верность вам, отвергла домогательства короля, и теперь очень сожалею об этом. Я навлекла на себя неописуемые несчастья из-за человека, который даже не питал ко мне уважения, который пренебрегал мною и отрекся от меня, который не заслуживает того, чтобы женщина хранила верность ему до самой смерти. Вы! Женщины настолько избаловали вас, что вы воображали себе будто можете безнаказанно играть с их сердцами, не боясь ни малейшей неприятности.

— Тем не менее,— сказал де Пейрак, показывая на свою щеку,— вы дали мне пощечину, сударыня.

В глубине души Анжелика смутилась при напоминании о ее поступке. Но она ничуть не собиралась обнаружить свое сожаление.

— А я не раскаиваюсь. Хотя один раз, господин де Пейрак, вы получили должное за ваши мистификации дурного тона я... — она посмотрела ему прямо в лицо.— ...за ваши измены тоже.

Он принял этот удар с обычным хладнокровием, только в глубине его глаз вспыхнул озорной огонек.

— Ну что ж, мы квиты?

— Не спешите, сударь,— сказала Анжелика, чувствуя, как к ней возвращаются силы и боевой дух.

Да, его измены! Все женщины, которыми он заполнял свое существование в то время, как на нее обрушилось столько невзгод, и его равнодушие к участи той, кто был матерью его детей...

Если бы только он не прижимал ее так крепко к себе, она бы высказала все, что о нем думает. Но он отвел ее голову назад и очень осторожно вытирал мокрые от слез щеки.

— Прости меня,— сказал он в третий раз.

И Анжелике пришлось призвать на помощь всю силу воли, чтобы отвернуться от склонившихся к ней губ.

— Нет,— сказала она сердито.

Но граф прекрасно понимал, что пока он держит ее в объятиях, у него есть неотразимое средство, чтобы вновь покорить ее. Обвившая ее рука, ограждая путь к одиночеству, охраняла, убаюкивала, ласкала, словом — это было мечтой всей ее жизни. Мечтой всех женщин мира... и имя ей — любовь.

Придет вечер и скрепит их примирение. Вечером она снова будет в его объятиях, все вечера в жизни...

Ночью она сможет одним единственным движением разжечь их страсть. А днем она будет греться в лучах его присутствия. Никакой гнев, как бы справедлив он ни был, не мог уравнивать на весах жизни подобные радости.

— Ах, я такая малодушная,— вздохнула она.

— Bravo! Вашей властной красоте как раз и не хватало капельки малодушия. Будьте малодушной, будьте слабой, моя дорогая. Это так вам к лицу.

— Я должна была бы вас ненавидеть...

— Не лишайте себя такой возможности, любовь моя, при условии, что вы и впредь будете любить меня. Не считаете ли вы,

милочка, что нам уже пора присоединиться к нашим юношам и порадовать их сердечным согласием, установившимся между их родителями? У них есть много, о чем вам рассказать.

Анжелика шла неуверенно, как после тяжелой болезни. Невероятное видение не исчезло: Флоримон и Кантор стояли в любимой позе их детства — прислонившись друг к другу — и ждали ее.

Это был самый прекрасный день в ее жизни.

Флоримон считал, что в его похождениях не было ничего особенного. Он уехал со своим близким другом Натаниэлем, не предполагая, что через несколько часов их семьи погибнут в кровавом побоище. После недолгих странствований они устроились юнгами в одном из бретонских портов. Навязчивая идея Флоримона отправиться в Америку на поиски отца нашла подтверждение, когда после высадки в Чарльстоне он встретился наконец с коммерсантами, связанными с графом де Пейраком, который заказал у них в Бостоне корабль для плавания в северных морях.

Отец начал исследовать Ман. Один из друзей проводил к нему Флоримона.

Рассказ Кантора был еще короче. Он уехал на поиски отца к морю, и в один из первых дней плавания тот появился на великолепном корабле, чтобы открыть объятия своему сыну.

Флоримон и Кантор, умолявшие отца отправиться на поиски Анжелики, ничуть не были удивлены, когда увидели, что он вернулся вместе с ней.

Глава 11

«ТЫ ПРИНАДЛЕЖИШЬ НАМ»

— **А** куда делся аббат? — спросил, между прочим, Флоримон.

— Какой аббат?

— Аббат из Ледигьера.

Анжелика смешалась. Как объяснить этому восторженному юноше, что его наставника, которого он до сих пор не забыл, уже нет в живых: его повесили. Она была в нерешительности, но Флоримон, очевидно, и сам понял, в чем дело. Оживление угасло на его лице, и он отвернулся.

— Очень жаль, — вздохнул он, — я с радостью повидался бы с ним...

Он сел на скалу около Кантора, меланхолично перебиравшего струны гитары. Анжелика пристроилась рядом.

Послеполуденное время заканчивалось. Флоримон и Кантор, хорошо знакомые с местностью, открывали перед матерью этот

удивительный край с его очаровательными бухточками, уютными долинами, где новоселы найдут вдоволь дичи и рыбы.

Повсюду виднелись песчаные пляжи. Они поражали своим разнообразием. Онорина бегала вокруг, собирая и складывая на колени Анжелики всевозможные ракушки.

— Отец сказал мне, что Шарль-Анри погиб, — продолжал Флоримон. — Это драгуны короля убили его, не так ли?

Анжелика молча кивнула.

— И аббата тоже?

Не услышав ответа, молодой человек встал и обнажил шпагу.

— Матушка, — взволнованно начал он, — хотите, чтобы я при-
снул отомстить за них обоих, чтобы я поклялся вам не успо-
коиться до тех пор, пока не искрошу всех солдат короля, которые
попадутся мне под руку? Я никогда не прощу убийство малютки
Шарля-Анри. Я их всех уничтожу!

— Нет, Флоримон, не надо. Никогда не произноси ни подобных
клятв, ни подобных слов. Отвечать на несправедливость ненавистью?
На злодеяние кровавой мстью? Куда это приведет тебя? К не-
справедливости, к злодеяниям, и все начнется сначала.

— Так может говорить только женщина, — бросил Флоримон,
весь дрожа от возмущения и горя.

Он наивно думал, что в жизни все должно улаживаться: если
ты беден, то достаточно только захотеть, чтобы стать богатым,
если ты вызвал чью-то зависть и тебе угрожает яд, надо сохранить
немного хладнокровия, чтобы избавиться от смерти. И вот теперь
впервые в жизни он столкнулся с непоправимым: смертью Шарля-
Анри.

— И он действительно умер? — спросил он нерешительно,
надеясь в душе на чудо.

— Я похоронила его собственными руками...

— Значит, я больше никогда не увижу моего брата, — голос
изменил ему. — А я так хотел... Я ждал его... Я приготовил для
него так много интересного... Для чего же я все это делал?

Его тонкая шея вздрагивала от сдерживаемых рыданий.

— Ах, — порывисто воскликнул он, — почему ты помешала мне
увести его с собой, когда еще было время? Почему я не вернулся,
чтобы убить тех негодяев?

Он сделал несколько выпадов шпагой, поражая невидимых
врагов.

— Бог не должен был позволить случиться этому. Я не буду
ему больше молиться.

— Не богохульствуй, Флоримон, — строго сказала она. —
Твое возмущение бесплодно. Надо смотреть в будущее. Ты не
задумывался над тем, какое чудо, что мы сейчас вместе. Я тоже не
должна была бы находиться здесь... десятки раз я встречалась со
смертью.

Он вздрогнул и пристально посмотрел на нее блестящими чер-
ными глазами, полными неугасимого огня юности.

— Полноте, это немыслимо, ты не можешь умереть.

Он опустился перед ней на колени, обнял за талию и прижался лбом к ее плечу.

— Матушка, дорогая, ты будешь жить вечно...

Анжелика улыбнулась, чувствуя щемящую нежность к юному великану, перегнавшему свою мать на несколько пядей, но оставшемуся таким же ребенком, нуждавшимся в ее совете, участии и утешении.

Она погладила его лоб, пышные черные волосы.

— Ты знаешь, что родившегося прошлой ночью мальчика называли Шарлем-Анри? Может быть, вместе с ним к нам вернулась душа твоего брата? И ты сможешь со временем научить его и других всему, что ты знаешь.

— Хорошо.

Флоримон нахмурил брови и задумался.

— Но я знаю уже так много. По-моему, вся эта детвора, которую вы привезли сюда, способна только, запинаясь, читать Библию и их надо по-настоящему учить. Я готов биться об заклад, что они не смогут отличить кварц от полевого шпата и даже не представляют себе, что такое настоящая охота. Не правда ли, Кантор?

Не дождавшись ответа от увлеченного гитарой брата, он начал рассказывать, как их приобщали к хитростям дикой жизни. Они с Кантором уже умели на лету обивать стрелы, пущенные их товарищами. Они были уже искусны в зимней охоте, рыбной ловле с гарцуном. Этому их научил сам отец. Пронзив насквозь рыбу, бросаешься в ледяную воду, чтобы вытащить добычу на берег. И чувствуешь себя хорошо! Отличные пловцы, они не боялись отправиться на легкой пироге по самым разъяренным потокам. Они не хотели уступать лососям, одолевавшим грозные водопады.

— А я-то представляла себе, как вы все в чернилах, высунув языки, учитесь в Гарвардском университете,— поддразнила его Анжелика.

Флоримон вздохнул.

— И этим тоже приходится заниматься.

Значительную часть года они проводили за партами знаменитого заведения. Америка возлагала большие надежды на образование, и Мэн был во главе нового континента. Так что Флоримону не оставалось ничего другого, как быть первым в математике и физических науках. Но он представлял себе жизнь только в лесах, и отец согласился взять его в экспедицию. Возможно, они дойдут до зеленых Аппалачских гор, где охотятся на черных медведей, а может и еще дальше, до страны Великих Озер, где берет начало Отец Вод.

— Но говорят, что в Мэне тоже много озер?

— Вот невидаль! Мы называем их прудами...

— Мне начинает казаться, что ты на пути к тому, чтобы стать, как Краули или Перро, траппером.

— Это моя мечта, но как трапперы они для меня недостижимы,

а отец твердит нам, что наше время требует больше знаний, чем прежде, чтобы успешнее проникнуть в тайны природы.

— И Кантор разделяет твои наклонности?

— Конечно... Потому что он гораздо сильнее меня в «Игре на волне», хотя надо признать, что он начал увлекаться ею гораздо раньше меня. Я как моряк он лучше меня, потому что раньше начал плавать. Я научился во время плавания только стирать кожу с пальцев об узлы, а он умеет определить пройденный путь с помощью секстанта, полярной звезды и солнца...

Очевидно, мысли настолько опередили его речь, что он заппулся. Кантор по-прежнему молчал и только улыбкой подтверждал слова Флоримона.

Непосредственность старшего сына не исчезла за годы разлуки. Он и в детстве говорил, не колеблясь, с матерью на «ты».

Не просто было возобновить отношения с Кантором. Она рассталась с совсем маленьким, но уже скрытым ребенком, а теперь встретилась с ладным юношей, очень самостоятельным, прожившим столько лет без женской ласки.

— А ты, Кантор, помнишь что-нибудь из твоего детства?

Он смущенно опустил глаза и провел пальцем по струнам гитары.

— Мне вспоминается Барба. Почему она не приехала?

Невероятным усилием воли Анжелике удалось не выдать себя. На этот раз у нее не хватило бы мужества еще раз сказать им правду.

— Барба оставила меня. У меня уже не было маленьких детей, требующих ухода. Она вернулась в свою деревню... она... она вышла замуж.

— Тем лучше, — сказал Флоримон. — Впрочем, она считала бы нас по-прежнему малышами, а мы ведь давно выросли.

Кантор широко раскрыл зеленые глаза. Было похоже, что он набирается смелости.

— Матушка, вы окончательно решили всегда и во всем слушаться моего отца?

Она не скрывала удивления перед этим вопросом.

— Конечно, ваш отец является моим мужем, и я должна подчиняться всем его требованиям.

— Я спрашиваю потому, что сегодня утром ваш вид не выражал особой покорности ему. Мой отец — человек сильной воли, и он не потерпит сопротивления. Вот мы и боимся, Флоримон и я, что все это плохо кончится и вы снова покинете нас.

Услышав этот упрек, Анжелика едва не покраснела от смущения. Овладев собой, она решила, что лучше будет поделиться с детьми своими доводами.

— Но ваш отец вообразил, что я не люблю вас, что никогда вас не любила! Как я могла не выйти из себя? Вместо того, чтобы успокоить мое материнское сердце, он скрывал от меня, что вы живы. Неожиданная радость едва не свела меня с ума, признаю это. Я хотела отомстить ему за то, что он заставлял меня страдать,

хотя уже давно мог успокоить одним словом. Но не бойтесь ничего. Мы с вашим отцом теперь знаем нечто такое, что соединяет нас навсегда и что нельзя разрушить мимолетной ссорой.

— Значит, вы все-таки любите его?

— Люблю ли я его? О дети мои, это единственный человек, покоровший мое сердце, ему я готова отдать свою жизнь. Долгие годы я считала его мертвым. Я должна была сама бороться, чтобы жить и дать возможность жить вам, дети. Но я никогда не переставала скорбеть о нем и оплакивать его. Вы верите мне?

Они молча склонили головы, извиняя ее. Родители не всегда бывают благоразумными. Но главное в том, что они любят друг друга и намерены разлучаться.

— В таком случае,— настаивал Кантор,— вы не покинете нас? Анжелика притворилась возмущенной.

— Но мне кажется, что вы что-то перепутали, мои дорогие мальчишки. Ведь это вы по собственной воле покинули меня, даже не попрощавшись и не думая о том, сколько слез я пролью, считая вас погибшими.

Они смотрели на нее с искренним удивлением.

— Представь себе, Кантор, что я испытала когда мне сообщили, что ты утонул в Средиземном море со всем «домом» господина де Вивонна.

— Вы плакали? — спросил он с восхищением. — И много?..

— Пока не заболела. Долгое время я искала тебя, мой херувим. Мне повсюду слышались звуки твоей гитары.

Кантор оттаял. Волнение помолодило его, и он вдруг стал похож на маленького мальчика из отеля дю Ботрей.

— Если бы я знал,— с сожалением проговорил он,— я бы в письме сообщил вам о том, что нахожусь вместе с отцом. Но я просто не думал об этом,— признался он,— и к тому же я в то время еще не умел писать.

— Оставим прошлое, мой дорогой! Теперь мы все встретились и все хорошо. Все так прекрасно!

— И вы останетесь с нами? Вы будете тратить свое время на нас? Вы не будете заниматься другими, как перед этим?

— Что ты хочешь сказать?

— У нас тут была перебранка с одним мальчишкой... Как его зовут, Флоримон? Да... Мартьяль Берн. Так он утверждал, что знает вас лучше, чем мы, что вы очень долго жили с ними и заменяли им мать. Но это неправда! Он совершенно посторонний вам, не больше. Вы не имеете права любить его так же, как и нас. Только мы — ваши сыновья!

Требовательность детей привела Анжелику в восторг.

— Неужели мне суждено вечно жить среди ревнивцев, которые не могут простить мне ни малейшего недостатка? — спросила она, ущипнув Кантора за подбородок. — Во что я превращусь под такой суровой охраной? Я охвачена беспокойством. Но ничего не поделаешь, придется подчиниться моей судьбе.

Успокоенные юноши рассмеялись от всей души.

Анжелика явилась им, как самая прекрасная из женщин, самая обаятельная, самая обольстительная как раз в то время, когда тайны любви начинали волновать их воображение. И их сердца наполнились наивной гордостью, когда они узнали, что эта женщина — их мать. Только их!

— Теперь ты принадлежишь нам, — сказал Флоримон, прижимая ее к себе.

Она обняла его с такой же нежностью.

— Да, я принадлежу вам, мои любимые.

— А как же я? — спросила Онорина, стоявшая рядом и внимательно следившая за ними.

— Ты?.. Но я уже давно принадлежу тебе, плутовка. Ты обратила меня в рабство!

Эти слова очень понравились девочке. Смеясь, она стала кувыркаться перед ними. Ее естественная живость прорвалась наружу, когда исчезло томившее беспокойство. Вдруг она упала навзничь на песок и заложила руки за голову.

— А завтра будет какой-нибудь сюрприз? — спросила она.

— Сюрприз? Ты что, хочешь, чтобы каждый день были сюрпризы? Ведь у тебя теперь есть отец, братья... Чего же ты еще хочешь?

— Не знаю...

И снова охваченная внезапным вдохновением, она предложила:

— А нельзя сделать маленькую войну?

Она заявила это с таким видом, будто дело шло о куске сладкого пирога, и все покатались со смеху.

— Какая она забавная, эта малышка, — воскликнул Флоримон. — Я рад, что у меня такая сестра.

— Матушка, хотите я спою что-нибудь? — спросил Кантор.

Анжелика пробежала глазами по обращенным к ней лицам детей.

Они были живы и здоровы. Они любили жизнь, которую она им дала, и совсем не опасались ее. Ликование поднималось в ее сердце, как благодарственный молебен.

— Хорошо, спой, сынок. Самая пора. Мне кажется, что сейчас нужно только петь.

ЭПИЛОГ

Экспедиция отправилась в последнюю неделю октября.

К нанятым индейцам и испанским солдатам, на которых была возложена охрана каравана, присоединилось несколько матросов и трапперов. В трех повозках находились продукты, инструменты, меха и оружие.

Жофfrey де Пейрак и Никола Перро заняли место впереди, и обоз тронулся, покидая окрестности Голдсборо. Небольшую остановку сделали в лагере Шамплена, затем продолжили путь вглубь леса. За одну ночь осень вступила в свои права.

Воины в черных кирасах на белых и гнедых лошадях, украшенные перьями индейцы, бородачи с мушкетами, наконец, дворянин с осанкой конквистадора казались сошедшими с одного из гобеленов королевского дворца.

Играющий на гитаре паж радостным припевом невольно подчинил своему ритму приглашенные зеленым мохом тропинки шаги. Онорина поделила седло со своим любимцем Флоримоном. После того как они преодолели первый встречный брод, Анжелика получила восточку и, обогнав обоз, присоединилась к мужу.

— Я хочу, чтобы вы были рядом со мной,— сказал он.

Выглядывавшее из-под черного капюшона лицо Анжелики с изумрудными глазами и золотистыми волосами поражало своей загадочной красотой. Она всегда чувствовала непреодолимую тягу к лесу. И лес благоволил к ней.

— Я говорила, что я обязана Ньелю? А здесь все величественней, ярче...

Он пришпорил лошадь, поднимаясь на холм, и она последовала за ним.

— С этой высоты мы можем в последний раз полюбоваться морем. Дальше оно уже не будет видно.

В масштабе открывавшегося перед ними залитого золотом необъятного пространства полоса прибрежного песка казалась в легком тумане тонким полумесяцем, розовым полумесяцем в ночной синеве моря.

Немного дальше лагерь Шамплена заявлял о своем существовании непрерывным покачиванием деревьев. Это было небольшое пятно в плотной ткани пейзажа, жалкий след, чья непрочность

заставляла сжиматься сердце. Едва различимые человеческие фигуры выглядели затерянными между двумя беспредельными пустынями: морем и лесом. Тем не менее это была жизнь, единственная связь с остальным миром.

Полюбовавшись этим зрелищем, они свернули налево. Занавес из деревьев сомкнулся за ними, море исчезло. Их сопровождал только пышный эскорт вековых великанов, где господствовали красные, оранжевые и золотые тона. Между ветвями сверкнуло сине-зеленое озеро.

Жоффрей де Пейрак еще раз с некоторым сомнением взглянул на Анжелику.

— Вас ничто не пугает? Вы ни о чем не сожалеете?

— Пугает? Единственное, что меня может пугать, это то, что вы меня разлюбили. Сожаление? Да, я сожалею о долгих годах, прожитых без вас.

Он протянул руку и нежно привлек ее к себе.

— Мы постараемся быть вдвойне счастливыми. Ожидающая нас девственная страна, возможно, будет менее жестока к нам, чем пресыщенный Старый Свет. Природа благожелательна к влюбленным. Одиночество и опасности сближают их, в то время как человеческая зависть только и старается их разлучить. Мы будем идти вперед, мы преодолеем все испытания, но мы всегда будем любить друг друга, не правда ли, сударыня?

Он крепко прижал ее к себе, и их щеки соприкоснулись. Ее губы тщетно пытались ответить на поцелуи, которыми он осыпал ее лицо, шепча шальные слова.

— Моя героиня... моя амазонка... моя вонительница... мое сердце... моя душа... моя жена...

Последнее слово, слетевшее с губ, завладело всем его сознанием. Оно предвещало новую пылкую любовь и долгую жизнь совместных забот и нежностей. Он нашел ту, что была ему необходима для жизни, так же необходима, как и его собственное сердце.

Он не представлял теперь жену вне себя, чуждую, порой враждебную, она была внутри его, единственным другом, связанным и с мыслями и с жизнью мужа. Он нашел тайну любви.

Прильнув друг к другу, они наслаждались мгновением безоблачного счастья, превративших простых путешественников в паломников любви. Ибо они отвергли компромиссы, разорвали путы обыденности и, подобно их предкам, благородным рыцарям, не поколебались перед борьбой, войнами, путешествиями, потерей богатства и почестей.

— Ты для меня все, — сказал он.

Тепло его голоса переполняло Анжелику ощущением невыразимого счастья. Сегодня она могла сказать, что несмотря на все испытания, она все-таки добилась своей цели — найти его, быть в его объятиях, владеть его сердцем.

ЖИЗНЬ ОТКРЫВАЛАСЬ ИХ ЛЮБВИ!

От составителя:

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

В последующих книгах данной серии мы познакомим Вас с наиболее увлекательными романами зарубежных мастеров детективного и приключенческого жанра, являющихся жемчужинами зарубежной литературы.

Следите за выходом нашей серии.

СОДЕРЖАНИЕ:

Путешествие	3
Мятеж	167
В стране радуг	221
Эпилог	286

Анн и Серж Голон

«Анжелика в любви» (Библиотека криминалистического и приключенческого романа. Выпуск 2)

Издано при содействии кооперативного предприятия «Мелор».

Художественный редактор **А. Саяпин**

Технический редактор **Л. Заичкина**

Корректор **В. С. Шполянская**

ИБ 2239

Сдано в набор 1.09.90. Подписано в печать 20.11.90. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага писчая. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 17,3. Заказ № 2731. Тираж 200 000 экз. Цена 19 руб. Заказное.

«Библиотека «Лосминг», 200001, г. Таллинн, ул. Харью-2.

Отпечатано на Смоленском полиграфкомбинате. 214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

Уважаемый читатель!
Часть средств от продажи
этой книги пойдёт
в Детский фонд
и на другие
благотворительные цели



БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

